

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛОККИЕ ЗОРН

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2018

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПОСЛЕДНИЙ ЕВАНГЕЛИСТ ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ К юбилею Льва Толстого

...Не будем обоготворять кумир самолюбия нашего, подобно красивой, но преданной миру женщине, которая боготворит кумир лица своего. Сердцем будем подобны младенцам, чтобы иметь простоту веры, чистоту и невинность нравов, чтобы чувствовать ужас греха и не стыдиться унижения и святого юродства крестного, которое есть сила и Божья премудрость.

Сергей Нилус. Святыня под спудом

◆ Вне всякого сомнения, *ipso facto** апология человека, на чем мы завершили предыдущую «Колонку главного редактора» (см. «ПЗ» № 1, 2018), во многом, если не в основном, зиждется на генофенотипически вошедшем в его, человека, сознание уникальном феномене беспрецедентной христианской этики и морали, чему, в частности, посвящена наша книга**, получившая положительный отзыв как высоких церковных иерархов, так и видных общественных деятелей. Но — это к слову, ибо наша тема конкретизирована — к очередной юбилейной дате гения русской литературы: религиозно-философское творчество Льва Николаевича Толстого и особенно — его соединение книг Четвероангелия. Однако предварим очерк опять же «личным моментом», без которых человеку пишущему сложно обойтись... если, конечно, это идет на пользу раскрываемой темы.

...После окончания Литературного института меня стали «замечать» в Приокском книжном издательстве, благо оно базировалось в Туле. В этом межобластном культуртрегерском учреждении издавался и известный в литературоведческом мире ежегодник «Яснополянский сборник». Вернее не издавался в полном смысле этого слова, но только технически-редакторски готовился и печатался, поскольку вся его редколлегия состояла из ведущих столичных исследователей творчества Толстого, а сам ежегодник формировался учеными и иными советами московских же учреждений литературоведческого профиля, так или иначе связанных с «зеркалом русской революции» — не будем забывать, что речь идет о советских восьмидесятих годах. И уже самоочевидно, что почти все авторы таких ежегодных выпусков являлись представителями «столичных и университетских центров». Но редколлегия являла малую милость и редким тульским письменникам от толстововедения: все же и сборник и место издания его касались нашего славного города...

---

* В силу одного этого, само по себе (лат.)

** Яшин А. А. Фемениология ноосферы: Апология христианства: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 15 / Предисл. А. И. Субетто: РАЕН, ПАНИ, НОАН.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 506 с., ил. (См. на разных сайтах Интернета по поисковику).

Вот и мне, автору художественной книги, только что вышедшей в Приокском издательстве, знакомый редактор, курировавший «Яснополянский сборник» на стадии его технической подготовки, предложил поучаствовать, дав кому следует хорошие аттестационные референции «молодому прозаику и публицисту, знатоку творчества Толстого, прорецензировавшему по просьбе издательства две книги публицистики о нашем великом земляке...» И так далее. Словом, дали добро, выражаясь по-флотски. И ваш покорный слуга постарался не посрамить оказанную честь участия в всесоюзном толстовском сборнике. ...Молодости литературной не свойственно сколь-либо заикливаться на внезапных «отлупах». Уже откладывал из заначки скромной инженерной зарплаты — гонорар, вполне приличный, за ранее изданную книгу уже потратил — для приобретения десятка свежееотпечатанных томов «Сборника» для презентов, поскольку верстку-набор своей статьи уже вычитал, а по плану издательства книга должна была вот-вот выйти... как позвонил приятельский редактор и попросил зайти в издательство, где в доверительной беседе огорчил. Получалось по его словам, что при «высокой столичной» вычитке уже готового набора моя статья столь опечалила литературоведа <имя рек> не менее высокого авторитета, что тот созвонился с еще более высоким начальством, в результате чего мой опус выкинули из *уже готового набора*... по личному распоряжению тогдашнего руководителя Госкомпечати (а это министр!) с формулировкой-приговором: «Как порочащий имя нашего великого...» И так далее.

Кстати, не ведаю, как сейчас поживает-здравствует этот <имя рек>, но еще лет десять тому назад с удовольствием читал в центральной литературной периодике его многомудрые рассуждения о свирепствах советской цензуры в части глушения свободы и пр., в литературоведении в частности... Словом, как опять же во флоте говорят: компас развернулся на 180°!

...Уже попозже приятель-редактор, заинтересовавшийся вмешательством госкомпечатного министра и кое-что выяснивший, поздравив меня с цензором столь высокого ранга, за дружеским обедом с «очищенной» рассказал: «Гордись, Афанасьич <так меня со школьных лет звали за вкусное на слух старорусское отчество>, немного до Пушкина не дотянул: у того сам Николай Палкин цензором был, но и у тебя целиковый министр! А по делу так вырисовывается: во-первых, ты цитируешь в статье редкостные издания (грешен, эстет книжный и собиратель...), которые не ведомы членам редколлегии сборника; во-вторых, ты приравнял в равнозначности художественную прозу Толстого с его же морально- нравственным и религиозно-философским творчеством, а главное — употребил чуждый советской гуманитарной психологии термин «эвропатология». И я, Афанасьич, только от тебя суть его узнал...»

Много еще чего рассказал приятель-редактор под ресторанный салат-оливье «Столичный», далее сборную солянку, антрекот с картошечкой-фри, а еще далее... до закрытия заведения — с гусарским гулянием, с заказом «трояк на парнас» любимой музыки и песен ресторанному оркестру, где солировал Миша Шафутинский, ушедший за год перед отъездом в США, чтобы не подставлять директора филармонии Михайловского, в ресторанные лабухи, а за соседним столиком гулял будущий долларовый миллиардер Володя Гусинский — тогда главностроитель массовых мероприятий тульского обкома ВЛКСМ... Истинно, мир тесен, есть что вспомнить о советских «тусовках»!

♦ В чем же я провинился перед тогдашней редколлегией главного в стране ежегодника о Толстом, исключая бахвальство редкими книгами и акцентом на религиозной философии Льва Николаевича? Наверное, упоминанием об европатологии. Кстати говоря, та злосчастная статья под названием «Сопоставительные оценки европатологии и гуманистической психологии в творческой периодизации: пример Льва Тол-

стого» в 90-е и 2000-е годы была опубликована во многих литературных и научных журналах, вошла в публицистические книги автора. Хотя и дорого яичко лишь в пасхальный день...

Итак, европатология как *condition sine quo non** творческого озарения. Термин этот ввел в обиход оригинальный ученый и врач Григорий Владимирович Сегалин (1878—1960), издававший в 1920-х годах в Свердловске журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (европатологии)», последний выпуск которого как раз и был посвящен Толстому под названием «Европатология личности и творчества Льва Толстого» (1930, Т. V, вып. 3—4). Сегалин, таким образом, оказался последним частным издателем на Урале, а скорее всего и в СССР. Как указывалось в решении о закрытии журнала Сегалина, публикуемые в нем материалы — в основном работы самого издателя — уязвимы с методологической позиции в свете современных научных данных. Неизвестно, каким собственным научным реноме обладали закрыватели «Клинического архива», но Г. В. Сегалин в целом продолжал развивать дисциплину на стыке психологии и психиатрии, иногда называемой психофизикой, у истоков которой стояли такие выдающиеся исследователи, как наш соотечественник П. Б. Ганнушкин (из литературных реминисценций сразу вспомните главврача Титанушкина из романа одесских классиков) и, конечно, итальянец Чезаре Ломброзо, автор книги «Гениальность и помешательство». Кстати, имя его напрямую связано со Львом Толстым.

...Когда экскурсовод в Ясной Поляне ведет своих подопечных от дома Толстого к его могиле на склоне оврага, то где-то посередине этого пути, когда открывается вид с холма, на котором расположена усадьба, на низину с поблескивающей на <летнем> солнце речкой Воронкой, он на минуту притормаживает и рассказывает, что именно в этой части реки Лев Толстой спас тонущего Чезаре Ломброзо, которого в такой же летний день повел после обеда искупаться... При этом самые дотошные из экскурсантов поправляют: у *них* принято было купаться не после обеда, а до него. Если в экскурсантах окажется московский литературовед-толстовед, приехавший в Ясную Поляну освежить впечатления и помянуть своего «кормильца» по роду своих занятий, то он и вовсе перехватит инициативу у скусившейся экскурсоводши, молодой выпускнице местного пединститута, и приятным столичным баритоном пояснит, что где знаменитый иностранец специально приезжал в Россию к Толстому узнать в неспешных беседах его мнения и доводы о природе талантливости избранных природы и их отличии от людей средних ума и чувствований.

Вот именно это *отличие* и есть наиболее общая семантика слова «патология», означающая любое отклонение от *принятой нормы*. Здесь ничего обидного для тех, у кого имеется такое отклонение от «среднего человека» в сторону способности, таланта, гениальности. Но все дело в том, что этот греческий термин изначально и по сей час «узурпировала» медицина с ее пугающим человека дословным переводом: *pathos + logia* ≡ страдание, болезнь + наука. Таким образом, выражаясь в терминах все тех же психологии и психиатрии, в восприятии людей, далеких от этих дисциплин, произошел сдвиг мотива на цель. Или понятийная фрустрация, если так можно сформулировать. В итоге такой семантической чрезполосицы введенное Сегалиным — с учетом пионерских исследований тех же Ломброзо, Ганнушкина и других светил европейской науки — понятие *европатологии*, то есть раздела психологии, изучающего отклонения от <усредненной> нормы в сторону более высоких способностей вплоть до значительной талантливости и гениальности, стало «восприниматься на слух» как нечто уничижительное в отношении этих эврокачеств. То есть пугающий термин «патология» в его сугубо медицинской дифференциации оказался под логическим ударением, затмив основное здесь понятие: эвро — см. эврика! — открытие...

---

* Непременное условие (лат.).

...Извиняемся перед читателями: мы вовсе не отвлекаемся от магистральной темы очерка, но это суть необходимое для непрофессионала в части психофизики пояснение к пониманию многогранности творчества Льва Толстого.

Еще досаднее, что и сам Сегалин сделал невольно «уязвимыми свои методологические позиции», восприняв, как необходимую, исходную доктрину Ломброзо, концептуально связавшую эвропатологию с определенными психическими нарушениями, стимулирующими творческую деятельность. В упрощенном примере это как то же курение или умеренное употребление алкоголя (особенно последнее для поэтов — да простят они автора...) отчасти стимулирует и/или мобилизует творческие моменты.

Но Ломброзо делает эту связь нормой. Конечно, вся история творчества в лице создателей и созидателей его вроде как подтверждает эту концепцию Ломброзо. У таких высокоодаренных творцов, как у наших Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Есенина, да вспомните знаменитую «арзамасскую тоску» Льва Николаевича, у не «отстающих» от них музыкантов и художников — Бетховена, Ван Гога, Рембрандта, опять же нашего Врубеля,— у всех у них наблюдались определенные перепады относительно психологической нормы, которые Ломброзо сводит к колебаниям от маниакального до депрессивного состояния. Но здесь мы совершенно не согласимся с Ломброзо в отношении Александра Сергеевича. Как раз у него вовсе не было отклонений психофизического характера. Не зря уже почти двести лет его называют «чистым гением», вкладывая в это определение и абсолютное психическое здоровье. А его пресловутая вспыльчивость — это норма, во-первых, для эмоциональной сущности почти любого поэта; во-вторых, для нравов высшего света того времени. Кстати говоря, ошибочно распространенное мнение об «африканском темпераменте», то есть той же вспыльчивости Пушкина. Под таковым обычно понимают нормы поведения еще практически тогда нецивилизованных коренных обитателей собственно центральной (экваториальной) и южной Африки. Но предок Пушкина «арап Ганнибал» был эфиопом*, которые относятся, наряду с арабами и потомками древнееврейских племен, к семитской группе народов, а это уже совсем иной контекст цивилизации. Поэтому правильнее говорить о южном темпераменте поэта, генофенотипически доставшийся ему.

Однако — к теме. Но ведь и у так называемого творчески не выраженного, то есть рядового человека, обычного, что сейчас СМИ презрительно обзывают обывателем, отклонения от психической нормы далеко не редкость: от эмоционального невроза — особенно, пардон, у женщин — до выраженных фаз маниакального и депрессивных состояний в доклинической, так называемой жизненно-бытовой форме. И если клинические формы по принятой статистике характерны для 2..4 % людей, то кто же возьмется сосчитать доклинические?

Здесь есть основания полагать, что этот доклинический процент будет *одним и тем же* для двух неравнозначных групп людей, в смысле населения: творческих, особенно с приставным словом «эвро», и всех остальных (!?) Здесь опять же наблюдаем выраженный сдвиг мотива на цель: патология, на этот раз медицинская, психофизическая, обычного человека воспринимается всего лишь как особенность характера поведения и в глаза вовсе не бросается. Другое дело таланты и — особенно — гении. Они почти всегда на виду, так что любой спешит рассмотреть соринку в их глазу. ...А если не заметят, то неугомонные литературоведы и прочие исследователи

---

* Не ручаюсь за достоверность, но много знающие люди говорят, что на одной из площадей Аддис-Абебы стоит памятник Пушкину, на постаменте которого начертано: «Великому эфиопскому поэту...» И так далее.

различных творчеств в своих трактатах обязательно обнаружат и доведут до всеобщего сведения.

Вот и упомянутый нами Сегалин пошел по пути Ломброзо и творческую европатологию обязательно сочетал с психофизической патологией. Потому-то активный автор «Клинического архива» доктор И. Б. Галант публиковал, например, статьи по психопатологии... А. М. Горького с характерными названиями: «Делирий Максима Горького», «О суицидомании Максима Горького», «Пориомания М. Горького», «Психозы в творчестве М. Горького», «Паранойя в художественном изображении М. Горького» и так далее. Каково звучит в наше политкорректно-толерантное время для современного литературоведения в приложении к известному писателю-современнику? Хорошо Алексей Максимович был истинным «инженером человеческих душ», читал эти статьи, одобрял, а в 1934 году по его рекомендации Сегалина приняли в Союз писателей СССР. Горький писал Сегалину: «...Мне сначала хотелось ознакомиться с Вашими интереснейшими изданиями. Условия, в коих оно зародилось и живет, напоминает мне о другом провинциальном и тоже оригинальнейшем издании — о единственном у нас астрономическом календаре, издаваемом в Нижнем Новгороде вот уже четверть века. На Западе календарь этот знают и ценят, на родине — не очень».*

И несмотря на такое доброе отношение Горького, а также очень чтимого в СССР Романа Роллана, ведущих в мире и в стране ученых в области психологии и психиатрии, как Август Форель, Эрнст Кречмер, Вильгельм Ланге, Г. И. Россолимо, Л. О. Даркшевич, В. М. Бехтерев, В. Л. Гиляровский, уже упомянутый выше П. Б. Ганнушкин, чьи портреты сейчас украшают стены актовых залов медицинских учебных и научных заведений, приветствовавших издание «Клинического архива», на выпуске о Л. Н. Толстом журнал был закрыт.

♦ Мы не для красного словца или щегольства ради вывели «на сцену» Ломброзо и Сегалина, показав истоки методологических ошибок в оценке европатологии творческих личностей, хотя бы их имена навсегда останутся на слуху в истории медицинской науки и психологии. Ибо, как сказал выдающийся индийский философ Д. Чаттопадхья: «Нельзя считать, что в своих длительных поисках истины предки оставили нам одни лишь ошибки и заблуждения».

Нам было важно однозначно определить европатологию в сугубо гуманистическом толковании этого термина, как отклонение от среднестатистической нормы для творческих личностей именно в позитивном качестве. Без такого пояснения звучащий страшновато термин напугал как советских цензоров журнала Г. В. Сегалина, так и редколлегию толстовского сборника 1980-х годов, посодействовавшую изъятию моей статьи уже из готового набора...

И тем более все это по развиваемой нами теме. Сегалин, исследуя творчество Толстого в целом, развертывает во всей полноте принцип «протокола художника», особое внимание уделяя органической и противоречивой роли патологии во всех фазах творчества писателя, а точнее — его творческой жизни. В соответствии со своей методологией исследования Сегалин вводит — ныне хорошо известное и принятое в психологии — понятия европозитивных и эвронегативных периодов, соответствующих творческой активности и упадку, причем первый этап — до «арзамасской тоски» — характеризуется преобладанием первых, а второй — нарастанием преобладания вторых периодов. Любой человек с творческими наклонностями сам на себе может провести такую хронологию. Так вот, если математически обработать (что мы и сделали) данные таблиц Сегалина — анализа названных выше периодов в их хроно-

---

* Из письма от 4 марта 1929 года; цит. по книге: Петряев Е. Записки книголюбца.— Киров: Волго-Вятское кн. изд-во. Кировское отделение, 1978 (С. 14—17 о Г. В. Сегалине).

логической последовательности, то получается экспоненциальная зависимость спадения длительностей периодов по шкале возраста, что имеет достоверное объяснение: экспоненциальный закон описывает регуляцию и динамику всех биологических процессов, включая и процессы продуктивной, в данном случае художественной, работы мышления, то есть мозга.

Для Толстого-художника и его же мыслителя, философа, моралиста его жизненные кризисы приводили, в отличие от всевозможных клинических и других патологий человека, к иным мотивационным путям, к иной смысловой ориентации в творческой деятельности человека. Последний осознает в такой период кризиса расхождение между *Я*-реальным и *Я*-идеальным. Как можно увидеть, зная жизнь и творчество Толстого, в нем это расхождение чувствуется и выражается им с годами все сильнее, а накануне ухода из Ясной Поляны приобретает самодовляющее значение. Обычное течение кризиса: изменение прежних отношений — осознание происшедшего (сравни, у Толстого: невозможность жить прежней жизнью) — укоренение нового в мировоззрении. Таким новым у Толстого является все усиливающееся убеждение, что не художественное отображение жизни, но проповедь и моральное вероучение позволят ему преодолеть пропасть между реальным бытием и желанием духовной гармонии. То же самое он предлагает и своей аудитории, коей являлся к началу 90-х годов весь мир: моральное самоочищение и самоусовершенствование. Библейское «врачу, исцелися сам» он и начал с себя...

В общем случае возможен выход из кризиса в невроз: законсервирование, а не преодоление сложившегося противоречия; преимущественно для натур слабых духом, либо поставленных волею судьбы в непереносимые обстоятельства. У Толстого этого не наблюдается. Иначе он бы не был Толстым...

Остается добавить немного, но и многое: обычно разработка «толстовских» тем идет с привязкой к художественному, беллетристическому творчеству Толстого; а чем же были заполнены годы кризисных перерождений или пресловутых эвронегативных периодов? Заполнены они были рождением, становлением и высшим развитием второго Толстого, обличителя социального зла, извращенного понятия Бога, государственной церкви, войны... Поднимался Толстой-проповедник, искавший выхода из обступившей человека со всех сторон злой немочи, аморализма, сытого европейского мещанства и индивидуализма, отечественной смеси самодержавной нагайки, подцензурной гласности, думского парламентаризма и либеральной горячки. Именно в кризисные периоды Толстой возвышается над всем человечеством, ибо ему одному только дан дар — горький дар! — понимания, что эволюция, пожалуй, впервые подвела человечество в конце XIX века к тому этапу развития, когда ход истории вырвался из-под контроля творцов ее. Не правда ли? Знакомая до боли сегодняшняя ситуация, когда, сто с лишком лет спустя, вновь повеяла на ныне глобализующийся мир, но только в ужасающе большей безысходности, холодом и отчаянием опустошенности, неприкаянности, ощущением замкнутого порочного круга. Люди живут как в кошмарном сне, ведомые непонятным над-*Я*, куда-то влекущим, скорее всего в братскую могилу, и нет сил проснуться, всюду тебя хватают за руки, втискивают в голову чужие и безотрадные мысли-суррогаты, играют тобой и экспериментируют над тобой, а не говорят ни полслова: зачем, по какому праву и чем это закончится? Какую же преследуют цель? — Только Великий Глобализатор ее знает...

В такие моменты истории приходит на помощь только отчаяние, а оно дает выход в иррациональное. Есть и есть тождество истории: как сейчас заполняются храмы и мечети людьми, не выдержавшими тисков рационалистического безумия мира, так и гений Льва Толстого привел его к единственному выходу, который кажется еще большим безумием, но есть единственный реальный выход из еще большего безум-

ства: *самосовершенствование*. Назовите его как хотите: самоочищение, исправление порока в себе — наследственного и благоприобретенного,— перерождением, начинаемым с себя, если хотите, но это есть те кирпичики, с которых мыслил Толстой построение нового мира, новое овладение миром, человеческой историей, все более и более стремящейся уйти от контроля создателя своего. Кто кого? И возможно ли так ставить вопрос? Самсону ли уподобится человек или это есть испытание природой величайшего своего создания?

Это второй план творческих периодов Толстого, которому уже не стало хватать в чисто художественном самовыражении простора для мысли, больной за все человечество. Точно также сейчас в нашу литературу велением времени вошло философское осмысление, думающая и ставящая вопросы публицистика, открытый монолог-проповедь. Правда, ненадолго вошло. Инициативу перехватили «вечные на подхвате»: основоположники набежали... От оглуляющих СМИ.

Не угасание творческого сознания, не дробящаяся, зацикливающаяся мысль стареющего творца, но непрерывное развитие от художественной к философской мысли, к морально-этической проповеди, от условного к конкретному, к высшему напряжению ума и ясному пониманию: что есть *Я* и моя совесть, мой талант в сложном процессе жизни моей, народа своего, мира, наконец. Вот движущая сила кризисных состояний Толстого, а после преодоления очередного — новое пространство, новое пробуждение, новое и вечное начало.

♦ Итогом таким моральных исканий Толстого и стали его труды, которые в литературоведении принято именовать *религиозно-философскими*: «Соединение и перевод четырех евангелий»*, «Путь жизни», «Круг чтения», «На каждый день» и ряд других, что в его ЮБПСС в 90 тт. (1928—1961 гг.) составляют так называемые «сороковые тома» (тт. 39—45). А в т. 23 собраны религиозно-философские трактаты 1879—1884 гг., а именно: «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «В чем моя вера», «Моя жизнь», «Церковь и государство». Следует также указать на эпистолярное наследие (тт. 59—90), где очень большое число писем и дневниковых записей, особенно 1880—1900-х годов, относятся к той же тематике.

Мы не случайно выделили выше принятое в литературоведении название рассматриваемого корпуса трудов Толстого. Они вовсе не являются философскими и религиозными. Это подчеркивает в введении к «Соединению» и сам Толстой: «...Цель моя не есть ни историческая, ни философская, ни богословская критика, а отыскание смысла учения. Смысл учения выражен во всех четырех Евангелиях; и потому если они все четыре суть изложения одного и того же откровения истины, то одно должно подтверждать и уяснять другое. И потому я рассматривал их, соединяя в одно все Евангелия...» (С. 18).

То есть Толстой в означенных выше произведениях суть *системный* моралист. Выделенное определение имеет самодовлеющий смысл: талантливые и гениальные творцы, прежде всего слова, как правило, укрупнено подразделяются <условно, конечно> на «специализированных» и «системных». Название группы первых интуитивно понятно. Когда говорим о таких писателях как Диккенс, Чехов, Лесков, Томас Манн — что называется навскидку называем имена,— то все они сугубые беллетристы. Но вот Лев Толстой и Достоевский в русской классике — гении иного рода. Их мы и относим к системным творцам. Их художественные произведения великолепны в рамках избранного ими литературного жанра, но разве язык повернется назвать их

---

* Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех евангелий (Юбилейное полное собрание сочинений в 90 тт., Т. 91 — указатель). Т. 24.— М.: ГИХЛ, 1957.— 1011 с. Далее по тексту мы ссылаемся на этот труд, обозначая только номера страниц.

беллетристами? Как объединить у Достоевского его «Преступление и наказание», «Идиота», «Братьев Карамазовых», «Подростка» с его политическим «Дневником писателя»? Пожалуй, только «Бесы» как-то пересекаются с публицистикой Достоевского. Зато у Толстого, как сугубо системного моралиста, будь то «Война и мир», а в особенности «Воскресение», или религиозно-философские <условно и мы их так называли; см. выше> трактаты, или «Соединение», наконец, «Фальшивый купон», «Суратская кофейня» и так далее до притч о лисице и журавле, бесхитростного «Филипка» и сказки о девочке Маше и медведях — все подчинено в полижанровом отображении одной довлеющей теме: христианская мораль как единственное в истории цивилизации человечества высшее воплощение человеколюбия и самосовершенствования человека. И как мораль заповедей блаженств Христа, он же «Моральный кодекс строителя коммунизма» в СССР, единственна и неповторима в эволюции человечества, так и художественное, публицистическое, философское <вдругорядь извиняется перед памятью о великом Толстом> наследие — учение нашего русского гения нетленно. Даже в неизбывном, увы, ядерном или космическом катаклизме сохранятся на уцелевших сайтах, будь они не к ночи помянуты, заповеди Христа и их интерпретация Толстым...

...Об <условно> религиозно-философских трудах Льва Николаевича в школьном и неспециализированном вузовском образовании и вообще «для широких масс» ничто или почти ничто не говорилось в советские времена, тем более сейчас. Первое — архипонятно, ибо вся терминология, связанная с религией, по традиции, со времен воинствующего главука безбожников Емельяна Ярославского-Губельмана и ярого русофоба Лейбы Давидовича Троцкого-Бронштейна, подпадала под известное табу. А сейчас? — Да упаси, Боже, при всем поддерживаемом государством ренеме православной церкви-учреждении, популяризовать учение Толстого о самоусовершенствовании и капитале, как естественном враге христианской морали!

И те и другие в один голос восклицают: Толстой и религия — да как можно в одну упряжку их поставить? Толстого, которого <царская> русская православная церковь отлучила, вроде как и анафема предала за его богопротивные сочинения! Не торопитесь, товарищи и нынешние «господа». Пишем в кавычках, ибо эти господа из нуворишей от спекуляций, бандитизма и рейдерски захвативших все, что было за 1000-летнюю историю России, особенно в советский период, накоплено и создано трудом народа, нам не господа. Их классовых предшественников в 1917-м году наши деды-прадеды в гимнастерках и братишковых бушлатах мигом приструнили. Русский человек органически не преемлет господства денежных мешков. ...А все остальные «господа», обзываемые СМИ обывателями, по всей стране скоро перейдут на хлеб и <химический> квас. Зато с гордостью за «компьютерную грамотность» будут расплачиваться в лавчонках гэджиковыми карточками.

Так ответим им, голословным. Сочинения Льва Толстого с религиозными терминами есть только и исключительно составляющие его морального учения, в основе которого лежит Нагорная проповедь Христа, она же — заповеди блаженств Нового Завета. Толстой прямо и нелюбезно отделяет церковь-мораль и церковь-учреждение (см. трактат «Церковь и государство»). Кстати об отлучении. Здесь нафантазировано много. Особенно преуспел наш выдающийся писатель Куприн. «Яму» он писал со знанием дела, но во многих своих рассказах, особенно ранних, как вступивший на литературную стезю журналистом-хроникером газетных изданий, не обладал еще литературной грамотностью, искал «жареного петуха». Так с его известного рассказа, где дьякон, почитатель Толстого, в известный день, раз в году, произносит с амвона анафему. Кроме общехристианских, со времен Великих Соборов, в русском православии анафематствованию <извините, не знаю как в советское время и сейчас> под-

лежат «Стенька Разин, Ивашка Мазепа, Емелька Пугачев*». В пиар-рассказе Куприна далее следует граф Толстой, но дьякон, чуть подумав, провозглашает ему здравицу!

Так с рассказа читаемого всей грамотной Российской империей Куприна Толстой и был «предан анафеме». В церковных наказаниях существует своя табель о рангах. Как в привычной нам служебной, рабочей жизни есть таковая, с высшей до нисходящей по силе наказания: увольнение, последний строгий выговор, предупреждение о несоответствии... устное замечание, так и в части церковного. Увольнение <без выходящего пособия и с «волчьей справкой»> — это приравнивается к анафеме, а вот самая мягкая мера, соответствующая устному замечанию — это есть формулировка «считать временно отпавшим от православной церкви». То есть предполагается и исправление: возвращение в лоно церкви при покаянии и исправлении. Таковой вот вердикт, весьма отдаленный от анафемы, был провозглашен и в отношении Льва Толстого. ...Нынешние пиарщики многое бы <в валюте> дали за этот вердикт: после опубликования решения Свщ. Синода читательский спрос и, соответственно, тиражи его книг выросли многократно! Во всем мире, заметим.

А вот сейчас, как в занимательном детективе, начинается самое интересное. Свщ. Синод, учрежденный Петром Первым вместо упраздненного патриаршества, кстати, восстановленного в полной мере в России только Сталиным, являл собою сугубо религиозно-чиновническое учреждение. Не мог он наказать великого <при жизни> русского и всемирно известного писателя за его негативное отношение к роли православной церкви как прислужницы госвласти, не мог наказать за прямые слова Толстого о содержании священных книг Нового Завета: «Бред Апокалипсиса, не имеющего поучительного, но прямо соблазнительного... Деяний Апостолов», не говоря уже о «советах Павла о вине и стомахе».

Но как любое современное учреждение, государство в том числе, Свщ. Синод поступил по-адвокатски, нашел статью прегрешения перед догматами церкви. И таким прегрешением для вынесения решения об отпадении графа Льва Толстого от православной церкви явилось предложение из двадцать одного слова из романа «Воскресение», часть первая, гл. XXXIX**:

«Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки <хлеба.— А.Я.> и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращались в тело и кровь Бога».

В этих словах Синод усмотрел, впрочем, с его позиций совершенно справедливо, издевательство над главным церковным обрядом и таинством — евхаристией, то есть причащением.

♦ Сам-то Лев Николаевич к «замечанию» Свщ. Синода интереса не проявил. Можно догадываться, что втайне обрадовались росту гонораров от изданий главы семьи хозяйственная Софья Андреевна, дети и внуки, состоявшие на яснополянской коште. Может получили прибавку даже и чеченские охранники усадьбы, нанятые хлопотливой матерью и бабушкой большого семейства графа... Кто знает и скажет?

Только неугомонные литературоведы на службе «всех режимов» возроют опять по части «Соединение...»: как же уважаемый Лев Николаевич с позиции строгой филологической науки смог «соединить и перевести» <с логическим ударением на втором слове> Четроевангелие, если он не знал древнееврейского языка, а древнегреческим владел якобы в пределах гимназического курса?

Это опять же бездоказательное утверждение. Зачем Толстому нужно было для

---

*Анафема с Пугачева была снята перед его казнью за покаяние в совершенных грехах...

** Цит. по т. 32 (С. 135) ЮБПСС Л. Н. Толстого. Это первое (1936 г.), редактор Н. Гудзий, аутентичное рукописи Толстого издания романа. До этого года текст давался по изданию «Нивы» — цензурные и иные правки без участия Толстого.

аутентичности перевода знать древнееврейский язык, правильнее — язык арамейский, на котором написан Ветхий Завет? Это язык семитских (правильнее — семитических) племен, распространившихся по всей Передней Азии, то есть Восточного Средиземноморья, во второй половине второго же тысячелетия до н.э. и ставший своего рода международным языком от Малой Азии, включая Иудею и Палестину, до Египта и Западной Персии, тож Ассирии. На западно-арамейском, его библейско-арамейском диалекте написаны и книги Ветхого Завета. Современный иврит тех же корней, но скорее всего в части грамматических правил и алфавита.

Исходным же языком написания четырех канонических евангелий подавляющее большинство исследователей, как светских, так и церковных, полагает древнегреческий, точнее койне* этого языка, широко распространившегося в начале н.э. в Восточном, малоазийском Средиземноморье и пришедшего в качестве международного языка на смену арамейскому. Авторы евангелий, понятно, из тех же мест. Латынь же полагалась языком римских оккупантов и по понятной причине статус греческого перенять не могла... И только отдельные исследователи истории написания евангелий, причем в отношении лишь старейшего Евангелия от Матфея, полагают, что оно первоначально было написано на одном из диалектов арамейского языка, но получило распространение исключительно в греческом переводе.

...Кстати насчет древнееврейского — вдогонку выше сказанному. Бывая в Ясной Поляне, в доме Толстого и в Литературном музее, всегда обращал внимание на корешки книг в шкафах: далеко не одна и не две имеют тиснение в буквах иврита, что давало повод поразмыслить о хотя бы начальном знании Толстым древнееврейского языка. Но меня разуверил в этом в одну из поездок коллега по работе, знавший по семейному воспитанию идиш (немецкий и частично польский словарь + грамматика древнееврейского) и тайно <время советское> изучавший иврит для переезда на землю обетованную. Он-то и разъяснил: большинство этих книг суть современные Толстому издания на идише, который использует, как и иврит, древнееврейский алфавит: алеф, бет, гиммел и так далее.

И последнее замечание о древнегреческом исходном языке Четвероевангелия. Оно несколько косвенное, но именно поэтому и наиболее убедительное. В 1945 году вблизи Наг-Хаммади в Египте были обнаружены в древнем тайнике рукописи на коптском языке. Это событие в мировой прессе было освещено под заголовком: «Пятое евангелие нашлось!» Кто такие копты и нынешняя Коптская церковь в Египте, а также связанное с ними религиозно-философское течение гностицизма, в начале н.э. составлявшего серьезную «конкуренцию» только что возникшему христианству, любой читатель без труда узнает при желании из широко доступных источников... Самое существенное, что часть этих папирусов, сейчас называемых «рукописи Наг-Хаммади, II, соч. 2, 3, 6, 7», суть апокрифические, то есть не канонические, евангелия от Фомы, от Филиппа, близкие к нам «Толкования о душе», «Книга Фомы», «Сущность архонтов» и «Апокриф Иоанна». Главное, их лингвистический анализ сразу выявил, что на коптский они были переведены в начале н.э. ... с древнегреческого (?!).

Впрочем, если Льву Толстому и требовался точный перевод отдельных арамейских слов, как он сам пишет, то их всегда можно найти в многочисленных исследованиях Ветхого Завета на немецком и французском языках. Их-то он знал хорошо... А эта необходимость возникала при переводе так называемых параллельных мест Ветхого и Нового заветов. Особенно — при исследовании Евангелия от Матфея.

И вряд ли можно сомневаться в слабом знании Толстым древнегреческого языка: в классической образовательной культуре XIX века в России он являлся обязательным. Если Крылов в шестидесятилетнем возрасте основательно его изучил, чтобы в

---

* От лат. *koine dialectos* — общее наречие, то есть смешение нескольких родственных диалектов.

подлиннике читать басни Эзопа и «перелагать их российским штилем», то что дает право сомневаться, что Лев Николаевич на момент написания «Соединения...» не смог бы дополнить «гимназический курс»? Достаточно открыть этот труд Толстого и узреть единую структуру построения всех глав и параграфов книги: сначала идет канонический текст стиха одного из евангелий на древнегреческом, под которым слева расположен <опять же канонический> перевод стиха на русский язык, а в параллель справа Толстой приводит свое толкование-перевод. Понятно, что здесь он с «греческим не блефовал»... Хотя и был в молодости отчаянным игроком в карты.

...Но бойкие и настырные литературоведы не сдаются, тотчас перескакивая к «вторичности» замысла Толстого о новом прочтении Четвероевангелия и соединении оных. Ничего нового под луной нет, в том числе в исторической традиции. Да и в любых других. Проживая достаточное время в Туле, где до недавнего времени все дышало традициями оружейного мастерства, сам проработав четверть века в «оборонке», хорошо знаю, что новые виды огнестрельного личного оружия не изобретают каждый раз заново и с «нуля», но лишь продолжают не то что отечественную, но чаще — мировую традицию. Когда в молодые инженерные годы работал на одном предприятии с уже почтенным создателем знаменитого пистолета Макарова «ПМ», а сейчас заседаю в докторском диссертационном совете с его сыном и хорошим знакомцем Николаем Николаевичем, то всегда «держу в голове»: мало кто на первый взгляд отличит «ПМ» от личного оружия младших офицеров (у старших — «парабеллум») и унтер-офицеров Третьего рейха «вальтера». Кстати, в массе своей производившего на заводах «ЧКД» оккупированной Чехословакии... Все дело в дальнейшей модификации конструктором Макаровым: если «вальтер» в боевом сборе весь крепился на перпендикулярном оси пистолета штыре, то «ПМ» имел крепежным основанием весь остов оружия. Конечно, изменился и калибр.

А немецкий автомат «МП-42», который военное ведомство Рейха так и не успело запустить в серию? — Найдите в справочниках или в Интернете его фотографию и сравните с детищем знаменитого Калашникова, чей «АК-47» присутствует (или *уже* присутствовал?) на гербах и флагах аж пяти африканских государств? — Правильно, тогда еще сержант, не генерал, Калашников, взяв за основу трофейный опытный образец немецкого автомата, введя <принципиально> новые газоотводную трубку и весь механизм перезарядки, создал оружие второй половины XX века и начавшегося XXI века. «Непромокаемый автомат», как его называют солдаты уже почти семьдесят лет...

И когда встречаюсь с давним моим знакомцем Ярославом Стечкиным (Тула — город «маленький»), то как же держу в памяти, что почти легендарный пистолет Стечкина, не одно десятилетие в Советской Армии бывший личным оружием летчиков и танкистов, тоже не с нуля начался. Как, впрочем, и «ППШ», и еще далее вглубь времени винтовка Мосина, да и револьверы, что мастера-надомники в Чулковской слободе (застал еще по приезду в Тулу их древние домишки!) дотачивали и собирали (см. «Нравы Растеряевой улицы»).

...Извиняюсь вдругорядь, что отвлекся на «темы оружейные», явно не гармонирующие с убеждениями Толстого... впрочем, не забудем его участие в Крымской войне, его Четвертый бастион, его «Севастопольские рассказы». Но именно человек, прошедший через горнило войны — в Крыму и на Кавказе,— смог обосновать свое, новое моральное учение, воследующее Христовой морали.

Сам же Толстой ни в коей мере не претендует на «первоавторство» соединения евангелий. В завершении предисловия к «Соединению...» он пишет: *«Попыток соединения Евангелий в одно было много, но те все, которые я знаю,— Arnolde, de Vence, Фаррара, Рейса, Грегуевича,— все они берут исторические основы соедине-*

ния, и все они безуспешны. Ни одно не лучше другого в смысле историческом, и все одинаково удовлетворительны в смысле учения. Я оставляю совершенно в стороне историческое значение и соединяю по смыслу учения. Соединение Евангелий на этом основании имеет ту выгоду, что учение истинное представляет как бы круг, которого все части одинаково определяют значение друг друга и для изучения которого безразлично начинание изучения с одного или другого места. Изучая таким образом Евангелие, в которых с учением так тесно связаны исторические события жизни Христа, для меня историческая последовательность оказалась совершенно безразличной, и для последовательности исторических событий мне было все равно избрать за основу тот или иной другой свод Евангелий» (С. 19).

Более того, Толстой не претендует даже на общее структурное построение соединения, прямо указывая: «Я избрал два самые новые свода составителей, воспользовавшихся трудами всех предшественников (выд. нами.— А.Я.): Грегулевича и Рейса. Но так как Рейс отделил от синоптиков Иоанна (ввиду того, что Евангелие от Иоанна является исключительно богословским и часто в религиозоведении, точнее — в экзегетике, рассматривается отдельно.— А.Я. в переложении выше цитаты сказанного Толстым), то для меня был удобнее свод Грегулевича, и я его взял за основу своей работы, сличал его с Рейсом и отступал от обоих, когда смысл того требовал» (С. 19).

♦ Еще следует учитывать, что исследуя и соединяя Четвероевангелие, Толстой изначально не полагал свою работу как публично читаемую. В комментариях к «Соединению...» Н. Н. Гусев пишет: «В 1879 г. Толстой пишет для себя самого, без мысли о печатании, работу, в которой излагает историю своих религиозных исканий. В этом сочинении, автором не озаглавленном и начинающемся словами: «Я вырос, состарелся и оглянулся на свою жизнь», он рассказывает о своем душевном состоянии, о своем отчаянии, о поисках спасения в церковной вере. Далее он подвергает критическому разбору основы церковной догматики (см. в т. 23 ЮБПСС «Исследование догматического богословия».— А.Я.) и отвергает их как противоречащие требованиям разума. Затем он излагает все четыре Евангелия — те места их, которые представлялись для него имеющими понятное поучительное значение» (С. 973).

Но в итоге Толстой заново переделывает ранее им написанное, пересказывая евангельские тексты самым простым, общепонятным народным языком. Но при этом дополняет этот текст подробнейшими толкованиями смысла и значения каждого использованного места из Четвероевангелия. То есть если собственно его изложение Евангелия в т. 24 ЮБПСС содержит 124 страницы, то полный текст «Соединения...» с его комментариями занимает 780 страниц (!)

Н. Н. Гусев подчеркивает моральную доминанту в евангельских исследованиях Толстого: «Отвергнув те толкования Евангелия, которые давала церковь, Толстой потерял доверие и к точности переводов Евангелий, сделанных церковью. Он стал заново переводить все те места Евангелий (с древнегреческого, как отмечает Н. Н. Гусев — вот вам и ответ на вопрос: знал ли этот язык Толстой? — А.Я.), которые, по его мнению, касались вопросов морали (выд. нами.— А.Я.), стараясь понять их, руководствуясь общим смыслом всего учения. При этом особенное внимание он обращал на варианты евангельских текстов, ища в этих вариантах подтверждения того смысла отдельных мест, который представлялся ему наиболее соответствующим общему духу христианского учения» (С. 974).

Итак, «Соединение...» как в полном <исследовательском>, так и в собственно изложении Евангелия Толстым, содержит двенадцать глав, введение и заключение. Перечислим их, как они значатся в изложении Толстого: «Разумение жизни», «Сын бога», «Бог — дух», «Начало разумения», «Царство бога», «Истинная жизнь», «Ложная

жизнь», «Я и отец — одно», «Жизнь не во времени», «Соблазны», «Борьба с соблазнами», «Прощальная беседа», «Победа духа над плотью», «Первое послание Иоанна Богослова» (заключение). В полном тексте «Соединения...» главы, носящие более пространные названия, подразделяются на несколько — до десяти и более в отдельных главах — именованных параграфов, созвучных текстам Четвероевангелия.

Вот как, к примеру, Толстой интерпретирует в своем переводе ключевое место из беседы Иисуса с фарисеями — из главы седьмой «Доказательства истинности учения» полного текста «Соединения...» За первооснову он берет греческий текст из Евангелия от Иоанна (Ин. VII, ст. 16—18) и его церковный перевод: *«Иисус, отвечая им, сказал: Мое учение — не мое, но пославшего меня. Кто хочет творить волю его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или я сам от себя говорю. Говорящий сам от себя ищет славы себе, а кто ищет славы пославшему его, тот истинен, и нет неправды в нем»* (С. 440).

Перевод (интерпретация) Толстого: *«Отвечал на это Иисус и сказал: мое учение не мое, но того, кто послал меня. Тот, кто захочет делать его волю, тот узнает об учении, что оно от Бога, или я сам от себя говорю. Тот, кто сам от себя говорит, тот рассуждает о том, что ему одному кажется; тот же, кто рассуждает о том, что кажется пославшему его, тот прав и неверности нет в нем»* (С. 440).

Из простого <семантического> сопоставления канонического и Толстовского переводов трехстишия седьмой главы Евангелия от Иоанна видно, что Толстой упрощает до большей понятности язык изложения, но не упрощает евангельскую мысль. Более того, он в доступной любому человеку речи в определенном смысле *выкристаллизывает* сущность беседы Христа с фарисеями, касающуюся первоосновы христианского морального учения: это не мнение Христа, но божественное откровение, то есть при сведении теологической терминологии к светской этической — первооснова морали учения Христа суть довление естественного морального закона, что Иммануил Кант — с позиции метафизики — назвал практическим разумом. В отличие от его же <абстрактного> чистого разума...

Также необходимо помнить об уже сказанном выше: в отличие от других трех евангелий, Евангелие от Иоанна по преимуществу и исключительно богословское, а значит перевод его — полностью и отдельных частей, мест — на понятный язык требует особой, в том числе филологической, четкости. Потому Толстой в примечании к приведенному выше переводу трехстишия Ин. VII, ст. 16—18 особо оговаривает в части этой четкости: *«Ζητεῖν до сих пор употреблялось писателем и имеет значение и с к а т ь , с т а р а т ь с я (здесь и далее выд. Толстым.— А.Я.), но теперь оно в первый раз употребляется Иисусом и не может быть переведено словом и с к а т ь : искать славы, искать суждения — нельзя. Ζητεῖν здесь значит р а с с у ж д а т ь»* (С. 440).

...Само собой разумеется, что вопрос о языке, на котором Христос говорил с теми же фарисеями — арамейском или древнегреческом койне,— здесь сугубо вторичен. Ибо Иоанн-то писал свое Евангелие на греческом — см. выше. И к этому языку *ipso facto* Толстой и привязывает перевод и тонкости его толкования...

И еще существенный момент: все евангелия и другие тексты Нового Завета написаны языком *иносказательным*. Это, конечно, не нарочитое «запутывание» якобы для непосвященных. Нет, просто в те далекие от нас времена семантика языка только переходила от мифологической образности «детства» мышления человека к тем строгим смысловым конструкциям, к которым мы сейчас привычны. То есть в семантику еще не вошла логическая выверенность. Прекрасно понимая это, Толстой старается добиваться доминирования в своем переводе этой выверенности, что давно стала уже нормой понятного языка. Иначе для чего нужен новый перевод?

В тех же примечаниях к переводу мест Евангелия от Иоанна, относящихся к беседе Иисуса с фарисеями, Толстой прямо указывает на неточности церковного, канонического перевода, искажающего исходные мысли Христа: *«Для понимания бесед Иоанна необходимо помнить, что Иисус этими беседами подтверждает, доказывает, объясняет то, что сказано в беседе с Никодимом (см. Четвероевангелие.— А.Я.), а не излагает никакого положительного учения. Роковое и печальное заблуждение церкви (выд. нами.— А.Я.) состоит в том, что она в этих словах хочет видеть положительное учение. Учения нового никакого здесь нет, а есть подтверждение прежнего, выраженного особенно в беседе с Никодимом. Только помня это, станет ясно, почему, по Иоанну, речи Иисуса, не имеющие ничего такого противоположного для иудеев, возбуждают их гнев. Надо помнить, что повод каждой беседы Иисуса с евреями есть отрицание богопочитания евреев и всего закона Моисея. Каждая беседа затевается с того, что они спрашивают его доказательств законности его отрицания»* (С. 441—442).

...Кстати говоря, всякий — хотя бы в общих чертах — знакомый с «методологией» Талмуда в толковании закона Моисея, тотчас уловит в последнем предложении цитирования Толстого соответствующие мотивы. ...И не потому что Лев Николаевич, вне всякого сомнения с концептуальными моментами Талмуда был знаком, а по той причине, что он при исследовании Четвероевангелия четко уловил особенности времени <земной> жизни Христа и создания евангелий: начало перехода иудаизма от так называемой фарисейской фазы к талмудической. Что Толстой и подчеркивает не раз в примечаниях к переводу и других мест Четвероевангелия.

Это Толстой исследовал евангелия. Наша задача несоизмеримо проще: показать хотя бы основное направление в этих исследованиях. Но и это наш гений сконцентрировано сказал в своем введении «Разумение жизни» в начале собственно его изложения Евангелия. Прочтите, дорогой читатель, со вниманием. *«Евангелие есть возвешение о том, что начало всего не есть внешний Бог, как думают люди, но разумение жизни. И потому на место того, что люди называют Богом, по Евангелию становится разумение жизни.*

Без разумения нет жизни. Всякий человек жив только потому, что он имеет разумение. Те люди, которые не понимают этого и полагают началом жизни плоть, лишают себя истинной жизни. Те же, которые понимают, что они живы не плотью, а разумением, те имеют истинную жизнь. И эту-то истинную жизнь показал Иисус Христос. Признав истину о том, что жизнь человека происходит от разумения, он дал людям учение и образец жизни разумения во плоти.

Прежние вероучения выражались как закон о том, что нужно и не нужно делать для служения Богу. Учение же Иисуса Христа состоит в разумении жизни. Бога внешнего никто никогда не видел и не может знать, и потому служение Богу внешнему не может руководить жизнью. Только признание основой всего,— разумения в себе, происшедшего от начала разумения, указывает путь жизни» (С. 816—817).

...Несколькими словами Толстой обозначил содержание своего морального Евангелия: *«Иисус замешался тайно в народе»* (С. 999). И ходит он незримый среди него и творит добро, «указывая путь жизни». А для тайности этой святой очень даже хорошо, что Евангелие Толстого не полощут надоедливые интерпретаторы, как, например, нынешние наши культуртрегеры от музы Мельномены с двумя ее подружками из пантеона пластических искусств уже сводят творческий метод Станиславского, ни много ни мало, к фрейдистскому учению (!?) Как говорится, кто платит, тот и девушку танцуют...

♦ Как сейчас Станиславского пристегивают к фрейдизму, так и моральное учение Толстого, центром которого является его Евангелие, в разные времена — при царях,

генсеках и президентах — полагали источником и основанием сектантства, антигосударственности, главное — антицерковности, поскольку Толстой прямо противопоставляет моральную религию духа, души официальной церкви-учреждению. Понятно, что это сильно раздражало Свщ. Синод. Вряд ли такое противопоставление одобряют последующие (восстановленные) патриархи Русской православной церкви, ныне объединившейся с зарубежной православной церковью, также не бывшей доселе в восторге от учения Толстого.

Здесь есть одна существенная тонкость вопроса. Лев Николаевич, не одобрявший церковь официальную, догматическую, словом церковь-учреждение, при этом не видел успешность приложения «на практике» своего учения и в иных формальных религиозных объединениях. Его девиз — самосовершенствование, познание и исполнение христианской, точнее — Христовой, морали в самом себе единичном человеке. Отсюда и его неприятие всякого рода сектантства. Если он принял самое активное участие в переселении духоборов в Канаду, то не в контексте правоты их (сектантской) религии, но исключительно как помощь в избавлении адептов этой секты от жестокого преследования царского режима, наущаемого в этом несправедном деле иерархами государственной православной церкви. Точно также он порицал власть и госцерковь за ущемление прав, в том числе сугубо гражданских, русского старообрядчества.

Более того, в отличии от Христа-проповедника, Толстой являлся, как бы это политкорректно сказать... являлся «кабинетным» вероучителем Христианской морали в избранной и обоснованной им трактовке самоусовершенствования. Вот здесь он и попал в своего рода ловушку, связанную с возникновением в России всевозможных «толстовских обществ», то есть по сути своей морально-религиозных сект. И сам Толстой понимал, что в 1880—1900-е годы, когда смыслом и содержанием его творчества стали религиозно-философские, моральные в своей основе искания, Россия переживала резкий разлом: молох капитализма, скоренько перешедший (догнать и перегнать Европу — это задолго до сталинских пятилеток...) в самый оголтелый империализм, своими стальными челюстями перемалывал сугубо крестьянскую до того страну: общинную, патриархальную, генофенотипически православную, где церковь-учреждение как бы отдельно, параллельно сосуществовала с массовой народной первохристианской моралью. Это как мы сейчас и уже четверть века воочию наблюдаем не менее болезненный разлом: переход от советского коллективизма с его «Моральным кодексом строителя коммунизма», то есть той же Нагорной проповедью Христа — заповедями блаженств Нового Завета, к искусственно насаждаемому мировым глобализмом (извините за скрытую тавтологию) пещерному капитализму с приоритетами общества потребления и атавизма гипертрофированного частнособственничества.

...Это мы все к тому, что как в нынешнем разломе, так и в годы, совпавшие с моральными исканиями Толстого, наблюдается как раз негативный коллапс этой самой морали. Прошлые и нынешние комбинаторы от сиюминутной денежной, властной и иной прибыли не брезгают ничем, спекулируя на казалось бы самых святых душевных чувствах. Вот Толстой и относился вполне настороженно к обществам под знаменами его моральных учений. Это и есть упомянутая выше ловушка: слишком много ушлых, зачастую нечистоплотных людей пробовали «окормляться» вокруг толстовских объединений.

Здесь все проясняет характерный пример, который не сочтем излишним вставить в канву настоящего очерка.

...В доброй памяти советские времена, еще учась в Литературном институте, а потому много и целенаправленно читая, с интересом ознакомился со свежеезданной книгой — сборником воспоминаний современников Толстого о встречах с великим

писателем, преимущественно приезжавших в Ясную Поляну. Запал в память один из эпизодов такого посещения усадьбы, но вот чьему перу он принадлежал? — Почему-то вспоминаются имена прославленных публицистов того времени Гиляровского и Власа Дорошевича... Но вполне возможно автором был и другой, даже из «первого ряда» литераторов. Главное, что книга была издана в советское время, а значит развесистой (ныне интернетовской!) клюквы не содержала. Доверительная, значит, книга. Чтобы не искать первоисточник и не докапываться в памяти, будем ниже автора воспоминаний называть рассказчиком — без обиды для <возможно> славной в русской литературе фамилии автора.

Рассказчик, приехав в Ясную Поляну, застал там группу «толстовцев» сплошь с окладистыми бородами, в посконно-домотканных рубашках, в пыльных сапогах — все атрибуты опрошенной одежды хозяина усадьбы в поздние годы его жизни и труда. Как раз к полуденному времени попал, потому и был зван Софьей Андреевной вместе с другими гостями в столовый зал на втором этаже толстовского дома. Похваливая скромность вегетарианского обеда, бородачи явно из вежливости прикасались к блюдам принятой в Ясной Поляне сервировки обширного стола. Старшина толстовцев все более словоохотливо рассказывал хозяину дома о трудах своей братии по изучению моральных трактатов Толстого и воплощение их в повседневную жизнь общины, спрашивал все новых и новых советов. Толстой, как человек непубличный, семейственный, любящий доверительное общение с интересными ему людьми, явно тяготился «допросами» бородачей, но вида не подавал.

Когда же он вознамерился облупить крутое яйцо, старшина, изобразив на незаросшей бородой части лица неудовольствие, упрекнул хозяина: «Что ж вы, Лев Николаевич? Ведь курочка за свое яичко обидится...» Смущенный Толстой отложил ежедневное в его рационе досадливое яйцо... которое в данном случае курицу решило учить...

Вскоре после постного обеда толстовцы с сияющими почти что овеществленной святостью лицами, истово поблагодарив хозяина за гостеприимство, а главное — за возможность подышать одним воздухом с великим их учителем, отбыли из Ясной Поляны. Побеседовав с Толстым, рассказчик также покинул усадьбу, уехал в Тулу к вечернему московскому поезду. На вокзале, взяв билет на проходящий до столицы курьерский, рассказчик, чтобы скоротать оставшееся в ожидании время, зашел побаловаться чайком с тульским медовым пряником в вокзальный ресторан... Ах, этот столь памятной по советским годам (извините, есть повод отвлечься от темы) Московский вокзал, построенный во времена бума железнодорожного строительства в России последней трети XIX века! Истинный громадный дворец по ведомству Министерства путей сообщения: как императорского, так и советского; про нынешнее не интересовался: существует ли вообще теперь такое министерство? Вряд ли — какое-нибудь *ОАО* его заместило. А лучше — *ООО*...

Как мы, молодые инженеры, а чуток попозже и начинающие «инженеры душ человеческих», любили посещать в табельные, то есть предпраздничные, дни великолепный вокзальный ресторан с огромной высоты потолком с лепниной и люстрой, с двусветными окнами, колоннами дорического ордера, с двустворчатыми входными — из зала ожидания и прямо с перрона — настоящими дубовыми... не дверями, но дверями! Главное, что не изменились со времен двух последних Александров-императоров, не говоря уже о втором Николае, ни внешний вид мундира с галунами у швейцара, ни качество кухонных яств. Прости нас, Лев Николаевич, что в очерке о твоём моральном вероучении и самосовершенствовании мы уже второй раз упоминаем про вкушение явно скоромной пищи. Но опять же яснополянского гения вспомнили к слову. Мы почти осязаемо ощущали, что, может быть, сидим в ожидании за-

каза в том самом месте ресторанный зала, где за сто без малого лет тому назад сметливый и ловкий в движениях половой-татарин с почтением обслуживал самого Толстого, Тургенева... всех великих имен и не перечислишь. А подзабыл — выйди через перронную дверь и на внешней стороне вокзальной стены в метровой ширины добротной кладки на памятных табличках прочтешь: кого и когда здесь встречал Лев Николаевич, кто сходил с поезда, посещая Тулу. Люди тогда путешествовали неторопко, совмещали полезное с приятным, а тут тебе и гостеприимно приоткрытая швейцаром ресторанный дверь! А Бунин, не раз коротавший часы на этом вокзале, пересаживаясь с московского поезда на другой, увозивший будущего первого «нобеллиста» от русской литературы (не считая Генрика Сенкевича, тоже подданного русского императора...) в его воронежское имение, и вовсе заставил принять судьбоносное и печальное по последствиям решение героя рассказа «Натали» из цикла «Темных аллея» именно на тульском вокзале в ожидании такой же пересадки. Оба они — автор и его персонаж — явно в часы ожидания не манкировали двусветным ресторанным залом...

Однако же закончим эпизод с давешними посетителями Ясной Поляны. Рассказчик, заказав половому пару чая с пряничной прикусой, в рассеянии оглядывал собравшуюся в зале публику. Знакомый рассудительно-вальяжный голос за спиной привлек его внимание: через стол от него плотно сидели давешние «толстовцы», резко оттеняя своими посконно-домотканными рубахами крахмальную белоснежную скатерть, густо уставленную по столешнице дымящейся скоромной едой. Бородачи с увлечением работали столовыми приборами, заедавая малоаппетитный обед у своего учителя и наставника. Старшина же артели, с чувством введя в организм стопку водки «со слезой» и приступив с нескрываемой жадностью хорошо потрудившегося работника к солидному, в две трети тарелки бифштексу с восторженной корочкой хорошей прожарки, щедро окропленной сарептской горчицей, дал отмашку самому молодому из ватаги: дескать, разливай по следующей! Утолив первый священный голод, старшина утерся накрахмаленной же салфеткой и все также рассудительно, явно продолжая прерванную вкушением блюд беседу, изрек: «Да-а, великого ума и благочестия человек — наш Лев Николаевич. Но уж слишком суров и жесток в мирских делах, прости нас, господи!

...Истинно, говоря библейским языком, делая хорошие, богоугодные дела, не знаешь куда повернут следующие за тобой малоразумные овцы.

♦ Не знаю как прошел праздник ведьм «великий шабаш» на родине этого сомнительного увеселения на Брокене в горах немецкого Гарца, но у нас в Центральной России Вальпургиева ночь — на первое мая — удалась в этом году на славу: весь вечер накануне грохотали громы и молнии сверкали — первые за весну; дождь сменялся откровенным ливнем, далеко за полночь сполохи непрерывно озаряли горизонт набрякшего свинцовыми тучами неба. Повеселились же ведьмы отечественного разлива! И ведьмаки при них разумеется. Но вот встало на дневную трудовую вахту солнце, которое, наверное вспомнив радостный советский Первомай, преподнесло чистейшее небо, безветрие и комфортное тепло: гуляй, дескать, народ не хочу!

А на главном канале <государственного> радио затеяла ежеутреннюю двухчасовую передачу веселая парочка, баран да ярочка — по Далю. Вдоволь поехидничав над прежним названием праздника, это где про солидарность и трудящихся, парочка уже не смогла остановиться в выбранном наклонении — актуальном и грамматическом сослагательном одновременно. Иначе почему бы в «День весны и труда» темой они избрали... грядущую всемирную жизнь без оно́го, то есть без труда? Рассказали про тенденции в этой части в странах Евросоюза, в частности, про финский эксперимент, когда выборке в пару тысяч человек положили оклад в 560 €/месяц, так назы-

ваемый «базовый безусловный доход», и предложили: хочешь работой, хочешь на евродиване, отслеживающем удобную для постояльца форму, круглосуточно лежи — все одно тебе ежемесячно на карточку эти евроки будут перечислять.

Разохотившись, сладкая радиопарочка и данные уже в России состоявшегося выборочного опроса по Интернету привела: две трети опрошенных хотели бы ничего не делать, но чтобы этот «базовый и безусловный» регулярно поступал на их <патриотические> карточки «Мир». И радиоведущим посыпались интерактивные предложения в эфир — в основном всех интересовала сумма этого <сослагательного> «базового и безусловного»: народ желал его видеть и осязать в суммах от скромных десяти тысяч, рублей конечно, до заманчивых «ста тонн». Словом, козыряй и бери выше!

И даже своего мудрого кота я заподозрил в союзничестве с «сослагательными» ордами бездельников: показалось, что внимательно смотрит своими немигающими глазами на кухонную радиоточку, делает всякие мыслительные упражнения на морде лица, словно подсчитывая свой «базовый и безусловный»: в день сто граммов сырой куриной печени, обваренной кипятком, два пакетика психотропного «вискаса», что-то еще мясного по мелочи и пшенной каши, сваренной все с той же печенкой, — от пуза.

...Язвить в наше славное время всепоглощающей глобализации и умозамещения* можно без конца, ибо мы уже живем в предельно искривленном Зазеркалье. И что совсем недавно воспринималось как юмор, сатира, гротеск, то сейчас есть *норма* бытия, не вызывающая никаких эмоций. Кстати, по той же самой причине полностью вышел из обихода анекдот. На этой антитезе вспомните 60—80-е годы с обилием этого живого фольклора! Если у того же Пушкина отвращение к труду вызывало полнейшее осуждение — например, он говорит об Александре Первом «плешивый щеголь, враг труда» (наброски к продолжению «Евгения Онегина»), — а у Толстого прямое обличительное негодование, то сейчас это есть все та же *норма*. То есть труд, как основное содержание жизни по морали Толстого, сейчас стал ветхозаветным <Адамовым> проклятьем.

Отсюда и закономерный вопрос: зачем и для кого Толстой создавал свое Евангелие? Особенно имея в виду историческую параллель: Матфей, Марк, Лука, Иоанн, а также авторы апокрифических евангелий, чьи папирусы были обнаружены в пещере у Наг-Хаммади, — у них была конкретная и четкая цель: собрание под знаменем Христова учения людей, их массы, целые народы, желательно — весь известный тогда мир, что им почти и удалось. Более сложно однозначно определить движущие мотивы предшественников Льва Толстого в части Соединения и исследования Четвероевангелия (их имена названы выше), в основном, ученых немцев и французов. У некоторых из них общий объем работы достигает 10...20 томов (!?) Но на то они и «сумрачный германский гений» и «острый галльский ум», чтобы в своих исследованиях дотошно выявить истину, представляющуюся им как *point sur les «i»* (поставить точку над «i», фр.), полагая, что их часть работы («мануфактурный принцип» у Маркса, чье 200-летие мы в этом году отмечаем) выполнена на «отлично», а плодами их трудов пусть пользуется каждый кто пожелает по своему усмотрению.

...Опять же, вполне возможно и совсем не к месту (пришел поручик Ржевский и все испортил...), вспомнился один рассказ ныне совсем забытого, но замечательного довоенного советского писателя Овадия (даже в советских грамотных изданиях его

---

* Пространное разъяснение этого нашего нового слова, чем мы гордимся не менее, чем Достоевский своим «стусеваться», см. в книге: Алексей Яшин. Задуманные беседы об умозамещении / Предисл. Л. В. Ханбекова. — М.: «Московский Парнас», 2017. — 343 с. (В электронном виде — на сайте www.pz.tula.ru; раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

имя иногда ставили ошибочно — Овидий) Савича. Герой этого повествования ученый немец полжизни потратил на создание словаря русских нецензурных слов и выражений (известно, что лучшие словари русского языка в XIX — первой половине XX вв. создавали немцы...*), имея целью после издания которого занять кафедру русистики-славистики в приличном германском университете. Все одно пример к сказанному выше.

Нам представляется, что в части создания религиозно-философских трактатов, вершиной чего является Евангелие Толстого, можно воспользоваться — хотя речь идет о совершенно ином — объяснением героя знаменитого романа Германа Гессе «Игра в бисер» Магистра Игры Йозефа Кнехта предстоятелю Верховной Коллегии Касталийского Ордена магистру Александру: *«Моя жизнь ... должна стать преступанием пределов, непрерывным восхождением с низшей ступени на высшую, я должен преодолевать и оставлять за собой одно пространство за другим, как музыка раскрывает, проигрывает и завершает одну тему за другой, один темп за другим, не утомляясь, не смыкая глаз, всегда бодрствуя, всегда начеку. Благодаря моим «пробуждениям» я наблюдал, что такие ступени и пространства действительно существуют и что в конце определенного отрезка жизни каждый раз появляется оттенок увядания, желания смерти, но потом все меняется, приходишь к новому пробуждению, новому началу».*

Так Кнехт объясняет предстоятелю причину своего ухода из Ордена. А о чем думал, уходя из Ясной Поляны, последний евангелист христианской эры? — Не эта ли Кнехтова *transcendere* — постоянное преступание пределов в творчестве, проповеди добра и самосовершенствования двигали им в этот последний перелом, завершая последний кризисный момент в его жизни... Перед Богом Толстой предстал со своим Евангелием.

---

* Имеются в виду специализированные словари. Так, например, четырехтомный этимологический словарь Фасмера по сию пору считается лучшим из когда-либо созданных по этой филологической отрасли... хотя бы (это наше сугубо личное мнение) он и содержит немалое число не вполне достоверных толкований этимологии (происхождения в семантической восприимчивости) как чисто русских, так и заимствованных слов.

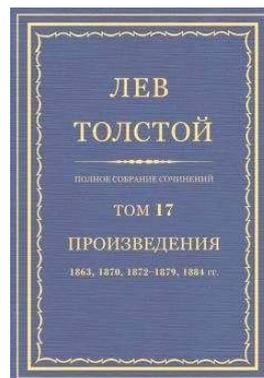

**К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО
(1828 — 1910)**

Лев Толстой

ДЕКАБРИСТЫ*

Написанное Львом Толстым начало романа

ГЛАВА I.

Это было недавно, в царствование Александра II, в наше время — время цивилизации, прогресса, вопросов, возрождения России и т. д. и т. д.; в то время, когда победоносное русское войско возвращалось из сданного неприятелю Севастополя, когда вся Россия торжествовала уничтожение черноморского флота и белокаменная Москва встречала и поздравляла с этим счастливым событием остатки экипажей этого флота, подносила им добрую русскую чарку водки и, по доброму русскому обычаю, хлеб-соль и кланялась в ноги. Это было в то время, когда Россия в лице дальновидных девственниц-политиков оплакивала разрушение мечтаний о молебне в Софийском соборе и чувствительнейшую для отечества потерю двух великих людей, погибших во время войны (одного, увлекшегося желанием как можно скорее отслужить молебен в упомянутом соборе и павшего в полях Валахии, но зато и оставившего в тех же полях два эскадрона гусар, и другого, неоцененного человека, раздававшего чай, чужие деньги и простыни раненым и не кравшего ни того, ни другого); [в] то время, когда со всех сторон, во всех отраслях человеческой деятельности, в России, как грибы выросли великие люди — полководцы, администраторы, экономисты, писатели, ораторы и просто великие люди без особого призвания и цели. В то время, когда на юбилее московского актера упроченное тостом явилось общественное мнение, начавшее карать всех преступников; когда грозные комиссии из Петербурга поскакали на юг ловить, обличать и казнить комиссариатских злодеев; когда во всех городах задавали с речами обеда севастопольским героям и им же, с оторван-

---

* Лев Николаевич Толстой. Полное собрание сочинений. Том 17. Произведения 1863, 1870, 1872—1879, 1884. Государственное издательство «Художественная литература». — Москва, 1936. (Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru). ...Все мы со школьных уроков литературы помним, что Лев Толстой собирался продолжить «Войну и мир» романом под <рабочим> названием «Декабристы» и даже написал вчерне первые три главы, но мало кто знаком с ними. Восполняем этот пробел настоящей публикацией. Варианты этих глав, написанные в процессе работы Толстым, см. в Т. 17 Юбилейного ПСС в 90 тт. (Т. 91 — Указатель). — Прим. гл. ред.

ными руками и ногами, подавали трюнки, встречая их на мостах и дорогах; в то время, когда ораторские таланты так быстро развились в народе, что один целовальник везде и при всяком случае писал и печатал и наизусть сказывал на обедах речи, столь сильные, что блюстители порядка должны были вообще принять укротительные меры против красноречия целовальника; когда в самом аглицком клубе отвели особую комнату для обсуждения общественных дел; когда появились журналы под самыми разнообразными знаменами,— журналы, развивающие европейские начала на европейской почве, но с русским мирозерцанием, и журналы, исключительно на русской почве, развивающие русские начала, однако с европейским мирозерцанием; когда появилось вдруг столько журналов, что, казалось, все названия были исчерпаны: и «Вестник», и «Слово», и «Беседа», и «Наблюдатель», и «Звезда», и «Орел», и много других, и, несмотря на то, все являлись еще новые и новые названия; в то время, когда появились плеяды писателей, мыслителей, доказывавших, что наука бывает народна и не бывает народна и бывает ненародная и т. д., и плеяды писателей, художников, описывающих рошу и восход солнца, и грозу, и любовь русской девицы, и лень одного чиновника, и дурное поведение многих чиновников; в то время, когда со всех сторон появились вопросы (как называли в 56 году все те стечения обстоятельств, в которых никто не мог добиться толку), явились вопросы кадетских корпусов, университетов, цензуры, изуственного судопроизводства, финансовый, банковый, полицейский, эманципационный и много других; все старались отыскивать еще новые вопросы, все пытались разрешать их; писали, читали, говорили проекты, все хотели исправить, уничтожить, переменить, и все россияне, как один человек, находились в неопisanном восторге. Состояние, два раза повторившееся для России в XIX столетии: в первый раз, когда в 12-м году мы отшлепали Наполеона I, и во второй раз, когда в 56-м году нас отшлепал Наполеон III. Великое, незабвенное время возрождения русского народа!!!. Как тот Француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что кто не жил в 56-м году в России, тот не знает, что такое жизнь. Пишущий эти строки не только жил в это время, но был одним из деятелей того времени. Мало того, что он сам несколько недель сидел в одном из блиндажей Севастополя, он написал о Крымской войне сочинение, приобретшее ему великую славу, в котором он ясно и подробно изобразил, как стреляли солдаты с бастионов из ружей, как перевязывали на перевязочном пункте перевязками и хоронили на кладбище в землю. Совершив эти подвиги, пишущий эти строки прибыл в центр государства, в ракетное заведение, где и пожал лавры своих подвигов. Он видел восторг обеих столиц и всего народа и на себе испытал, как Россия умеет вознаграждать истинные заслуги. Сильные мира сего искали его знакомства, жали ему руки, предлагали ему обеды, настоятельно приглашали его к себе и для того, чтоб узнать от него подробности войны, рассказывали ему свои чувствования. Поэтому пишущий эти строки может оценить то великое, незабвенное время. Но не в том дело.

В это самое время два возка и сани стояли у подъезда лучшей московской гостиницы. Молодой человек вбежал в двери узнать о квартире. Старик сидел в возке с двумя дамами и говорил о том, каков был Кузнецкий мост при французех. Это было продолжение разговора, начавшегося при въезде в Москву, и теперь старик с белой бородой, в распахнутой шубе, спокойно продолжал свою беседу в возке так, как будто он намеревался ночевать в нем. Жена и дочь слушали, но поглядывали на дверь без нетерпения. Молодой человек вышел из двери с швейцаром и нумерным.

— Ну что, Сергей? — спросила мать, выставляя на свет фонаря свое изнуренное лицо.

Потому ли, что это была его привычка, или для того, чтоб швейцар не принял его по полушубку за лакея, Сергей ответил по-французски, что есть комнаты, и отворил

дверцы. Старик взглянул на мгновение на сына и снова обратился в темную глубь возка, как будто остальное до него не касалось:

— Театра еще не было.

— Пьер! — сказала жена, подбирая салоп, но он продолжал.

— Madame Шальме была на Тверской...

В глубине возка раздался молодой, звонкий смех.

— Папа, выходи — ты так заговорился.

Старик как будто теперь только хватился, что они приехали, и оглянулся.

— Выходи же.

Он надвинул шапку и покорно полез из двери. Швейцар принял его под руку, но убедившись, что старик еще очень хорошо ходит, он тотчас же предложил свои услуги даме. Наталья Николаевна, жена, и по собольему салопу, и по тому, как долго вылезала, и по тому, как тяжело легла ему на руку, и по тому, как прямо, не оглядываясь, опершись на руку сына, пошла на крыльцо, показалась ему очень значительною. Барышню от девушек, которые повывезли из другого возка, он даже не отличил: так же, как и они, она несла узелок и трубку и шла сзади. Только по смеху и тому, что она назвала старика отцом, он узнал ее.

— Не туда, папа, направо, — сказала она, останавливая его за рукав тулупа. — Направо.

И на лестнице из-за стука шагов, дверей и тяжелого дыхания пожилой дамы раздался тот же смех, который слышался в возке, который, когда кто слышал, непременно думал: вот славно смеется, завидно даже.

Сын Сергей занимался устройством всех материальных условий в дороге и занимался этим хотя и без знания, но с свойственной 25-ти годам энергией и самоудовлетворяющей деятельностью. Раз двадцать по крайней мере и, кажется, без особенно важных причин он в одном пальто сбегал вниз к саням и вбежал опять наверх, подрагивая от холода и через две и три ступеньки шагая своими молодыми, длинными ногами. Наталья Николаевна просила его не простудиться, но он уверял, что ничего, и все отдавал приказания, хлопал дверьми, ходил, и когда, казалось, уж дело стояло за одними слугами и мужиками, он несколько раз обошел все комнаты, выходя из гостиной в одну дверь и входя в другую, и все отыскивал, что бы еще сделать.

— Что ж, папа, поедешь в баню? Узнать? — спросил он.

Папа находился в задумчивости и, казалось, вовсе не отдавал себе отчета в том, где он находился. Он не скоро ответил. Он слышал слова и не понимал. Вдруг он понял.

— Да, да, да; узнай, пожалуйста, у Каменного моста.

Глава семейства торопливым, взволнованным шагом обошел комнаты и сел на кресла.

— Ну, теперь надо решить, что делать, устраиваться, — сказал он. — Помогайте, дети, живо! молодцами! таскайте, устанавливайте, а завтра пошлем записочку и Сережу к сестре Марье Ивановне, к Никитиным, или сами поедем. Так, Наташа? А теперь устраиваться.

— Завтра воскресенье; надеюсь, прежде всего, ты поедешь к обедне, Pierre? — сказала жена, на коленях стоя перед сундуком и отпирая его.

— И то воскресенье! Непременно все поедем в Успенский собор. Этим начнется наше возвращение. Боже мой! когда я вспомню тот день, когда я в последний раз был в Успенском соборе... помнишь, Наташа? Но не в том дело.

И глава семейства быстро встал с кресла, на которое только что сел.

— А теперь надо устраиваться.

И он, ничего не делая, ходил из одной комнаты в другую.

— Что ж, будем чай пить? или устала, хочешь отдохнуть?

— Да, да,— отвечала жена, доставая что-то из сундука: — ведь ты хотел в баню.

— Да... в мое время были у Каменного моста. Сережа, поди же узнай, есть ли еще бани у Каменного моста. Вот эту комнату займу я с Сережей; Сережа! хорошо тебе тут будет? — Но Сережа пошел узнать о банях.

— Нет, все нехорошо,— продолжал он,— у тебя не будет хода прямо в гостиную. Как ты думаешь, Наташа?

— Ты успокойся, Риегге, все это устроится,— отвечала Наташа из другой комнаты, в которую мужики вносили вещи. Но Риегге находился под влиянием восторженного состояния, произведенного приездом на место.

— Ты смотри, Сережины вещи не смешай; вот его лыжи бросили в гостиную...

И он сам поднял их и особенно осторожно, как будто от этого зависел весь будущий порядок помещенья, поставил их к притолке и прижал к ней. Но лыжи не приклеились и, только что Риегге отошел от них, с грохотом упали поперек двери. Наталья Николаевна поморщилась и вздрогнула, но, увидав причину паденья, сказала.

— Соня, подними, мой друг.

— Подними, мой друг,— повторил муж, а я пойду к хозяину, иначе не устроите; надо с ним обо всем переговорить.

— Лучше за ним послать, Риегге. Зачем ты беспокоишься?

Риегге согласился.

— Соня, позови этого... как бишь? М-г Cavalier, пожалуйста; скажи, что мы хотим обо всем переговорить.

— Шевалье, папа,— сказала Соня и приготовилась итти.

Наталья Николаевна, которая тихим голосом приказывала и тихими шагами ходила из комнаты в комнату, то с ящиком, то с трубкой, то с подушкой, незаметно расставляла из горы поклажи все на свое место, успела, проходя мимо Сони, шепнуть.

— Не ходи сама, пошли человека.

Покуда человек ходил за хозяином, Риегге употребил свой досуг на то, чтобы под предлогом содействия своей супруге смять ей какую-то одежду, и на то, чтобы спотыкнуться на опорожненный ящик. Удержавшись рукой за стену, Декабрист с улыбкой оглянулся. Жена, казалось, была так занята, что не заметила; но Соня глядела на него такими смеющимися глазами, что, казалось, ожидала позволения посмеяться. Он охотно дал ей это позволение, рассмеявшись сам таким добродушным смехом, что все бывшие в комнате, от жены до девушки и мужика, рассмеялись. Этот смех еще более воодушевил старца; он нашел, что диван в комнате жены и дочери стоит для них неудобно, несмотря на то, что они утверждали противное, прося его успокоиться. В то самое время, как он собственноручно пытался с мужиком перетащить эту мебель, вошел в комнату хозяин-француз.

— Вы меня спрашивали,— сказал хозяин строго и в доказательство своего, ежели не презрения, то равнодушия, достал медленно свой платок, медленно развернул и медленно высморкался.

— Да, мой любезный друг,— сказал Петр Иванович, наступая на него: — вот видите ли, мы сами не знаем, сколько здесь пробудем, я и жена моя...— и Петр Иваныч, имевший слабость в каждом человеке видеть ближнего, начал рассказывать свои обстоятельства и планы.

Г-н Chevalier не разделял такого взгляда на людей и не интересовался сведениями, сообщенными Петром Иванычем, но хороший французский язык, которым говорил Петр Иваныч (французский язык, как известно, есть нечто в роде чина в России), и барские приемы заставили его повисить несколько мнение о новоприезжих.

— Чем могу я служить вам? — спросил он.

Вопрос этот не затруднил Петра Иваныча. Он выразил желанье иметь комнаты, чай, самовар, ужин, обед, пищу для прислуги,— одним словом, те вещи, для которых

и существуют гостиницы, и когда Г-н Chevalier, удивленный невинностью старичка, полагавшего, должно быть, что он находится в Трухменской степи, или полагавшего, что все эти вещи ему будут отпускаться даром, объявил, что все это можно иметь, Петр Иваныч пришел в восторженное состояние.

— Вот это прекрасно! очень хорошо! Так мы и устроим. Ну так, пожалуйста...— Но ему стало совестно все говорить о себе, и он стал расспрашивать Г-на Chevalier о его семействе и делах. Сергей Петрович, вернувшись в комнату, казалось, не одобрял обращения своего батюшки; он замечал неудовольствие хозяина и напомнил о бане. Но Петр Иваныч был заинтересован вопросом о том, как могла французская гостиница итти в Москве в 56 году и как проводила свое время M-me Chevalier. Наконец сам хозяин поклонился и спросил, не прикажут ли чего?

— Будем пить чай, Наташа. Да? Так чаю, пожалуйста, а мы еще поговорим с вами, мой любезный Monsieur. Какой славный человек!

— А в баню, папа?

— Ах, да, так ненадобно чаю.— Так что единственный результат беседы с ново-приезжим был отнят у хозяина. Зато Петр Иваныч был теперь горд и счастлив своим устройством. Ямщики, пришедшие просить на водку, расстроили его было тем, что у Сережи не было мелочи, и Петр Иваныч хотел было опять посылать за хозяином, но счастливая мысль, что не ему одному надо быть веселым этот вечер, вывела его из затруднения. Он взял две трехрублевых бумажки и, вжав в руку одному ямщику одну бумажку, сказал; «Вот вам» (Петр Иваныч имел привычку говорить вывсем без исключения, кроме членам своего семейства); «а вот вам», сказал он, передавая другому ямщику бумажку из ладони в ладонь, вроде того, как это делают, платя докторам за визиты. Обделав все эти дела, его повезли в баню.

Соня, как сидела на диване, подставила руку под голову и засмеялась.

«Ах, как хорошо, мама! Ах, как хорошо!» — Потом она положила ноги на диван, повзгянувшись, поправилась и так и заснула крепким неслышным сном здоровой 18-ти-летней девушки после 11/2 месяцев дороги. Наталья Николаевна, все еще разбившаяся в своей спальне, услышала верно своим материнским ухом, что Соня не шевелится, и вышла взглянуть. Она взяла подушку и, подняв своей большой белой рукой раскрасневшуюся спутанную голову девушки, положила ее на подушку. Соня глубоко, глубоко вздохнула, повела плечами и положила свою голову на подушку, не сказав мерсі, как будто это само собой так сделалось.

— Не на ту, не на ту, Гавриловна, Катя,— тотчас же заговорила Наталья Николаевна, обращаясь к девушкам, стелившим постель, и одной рукой, как будто мимоходом, оправляя взбившиеся волосы дочери. Не останавливаясь и не торопясь, Наталья Николаевна убиралась, и к приезду мужа и сына все было готово: сундуков уж не было в комнатах; в спальне Пьера все было так же, как было десятки лет в Иркутске: халат, трубка, табакерка, вода с сахаром, Евангелие, которое он читал на ночь, и даже образок прилип как-то над кроватью на пышных обоях комнат Шевалье, который не употреблял этого украшения, но которое явилось в этот вечер во всех комнатах 3-го отделения.

Наталья Николаевна, убравшись, оправила свои, несмотря на дорогу, чистые воротнички и рукавчики, причесалась и села против стола. Ее прекрасные черные глаза устремились куда-то далеко; она смотрела и отдыхала. Она, казалось, отдыхала не от одного раскладыванья, не от одной дороги, не от одних тяжелых годов — она отдыхала, казалось, от целой жизни, и та даль, в которую она смотрела, на которой представлялись ей живые любимые лица, и была тот отдых, которого она желала. Был ли это подвиг любви, который она совершила для своего мужа, та ли любовь, которую она пережила к детям, когда они были малы, была ли это тяжелая потеря или это была особенность ее характера,— только всякий, взглянув на эту женщину, должен был

понять, что от нее ждать нечего, что она уже давно когда-то положила всю себя в жизнь и что ничего от нее не осталось. Осталось достойное уважения что-то прекрасное и грустное, как воспоминание, как лунный свет.

Нельзя было себе представить ее иначе, как окруженную почтением и всеми удобствами жизни. Чтоб она когда-нибудь была голодна и ела бы жадно или чтобы на ней было грязное белье, или чтобы она спотыкнулась, или забыла бы высморкаться — этого не могло с ней случиться. Это было физически невозможно. Отчего это так было, не знаю, но всякое ее движение было величавость, грация, милость для всех тех, которые могли пользоваться ее видом...

Sie pflegen und weben

Himmlische Rosen ins irdische Leben. 1

Она знала этот стих и любила его, но не руководилась им. Вся натура ее была выражением этой мысли, вся жизнь ее была одним этим бессознательным вплетанием невидимых роз в жизнь всех людей, с которыми она встречалась. Она поехала за мужем в Сибирь только потому, что она его любила; она не думала о том, что она может сделать для него, и невольно делала все: стелила ему постель, укладывала его вещи, готовила обед и чай, а главное, была всегда там, где он был, и больше счастья ни одна женщина не могла бы дать своему мужу.

В гостиной кипел самовар на круглом столе. Перед ним сидела Наталья Николаевна. Соня морщилась и улыбалась под рукой матери, щекотавшей ее, когда отец и сын с сморщенными оконечностями пальцев и лоснящимися щеками и лбами (у отца особенно блестела лысина), с распушившимися белыми и черными волосами и сияющими лицами вошли в комнату.

— Светлее стало, как вы вошли, — сказала Наталья Николаевна. — Батюшки, как бел!

Она говорила это десятки лет каждую субботу, и каждую субботу Пьер испытывал при этом застенчивость и удовольствие. Они сели за стол, запахло чаем, трубкой, заговорили голоса родителей, детей и слуг, которые в той же комнате получили свои чашки. Вспоминали смешное, случившееся дорогой, восхищались прической Сони, смеялись. Географически все они были перенесены за 5000 верст в совсем другую, чуждую среду, но нравственно они этот вечер еще были дома, теми же самыми, какими сделала их особенная, долгая, уединенная, семейная жизнь. Того уж не будет завтра. Петр Иваныч подсел к самовару и закурил свою трубку. Он не весел был.

— Ну, вот мы и приехали, — сказал он, — и я рад, что мы нынче никого не увидим: этот вечер еще последний проведем в семействе... и он запил эти слова большим глотком чаю.

— Отчего же последний, Пьер?

— Отчего? Оттого, что орлята выучились летать, им самим нужно вить свои гнезда, и отсюда они полетят каждый в свою сторону...

— Вот пустяки, — сказала Соня, принимая у него стакан и улыбаясь, как она всею улыбалась: — старое гнездо отлично.

— Старое гнездо — печальное гнездо, старик не умел свить его, — он попал в клетку, в клетке вывел детей, и выпустили его тогда, как уж крылья его плохо носить стали. Нет, орлятам надо свить себе гнездо выше, счастливее, ближе к солнцу; затем они его дети, чтоб пример послужил им; а старый, пока не ослепнет, будет глядеть, а ослепнет, будет слушать... Налей рому, еще, еще... довольно.

— Посмотрим, кто кого оставит, — отвечала Соня, бегло взглянув на мать, как будто ей совестно было говорить при ней, — посмотрим, кто кого оставит, — продолжала она. — За себя я не боюсь и за Сережу тоже! (Сережа ходил по комнате и размышлял о том, как ему завтра заказать платье — самому пойти или послать за портным; его не интересовал разговор Сони с отцом)... Соня засмеялась.

— Что ты? Что? — спросил отец.

— Ты моложе нас, папа. Гораздо, право,— сказала она и опять засмеялась.

— Каково! — сказал старик, и строгие морщины его сложились в нежную и вместе презрительную улыбку.

Наталья Николаевна наклонилась из-за самовара, который мешал ей видеть мужа.

— Правда Сонины. Тебе все еще 16 лет, Пьер. Сережа моложе чувствами, но душой ты моложе его. Что он сделает, я могу предвидеть, но ты еще можешь удивить меня.

Сознавался ли он в справедливости этого замечания или, польщенный им, он не знал, что отвечать, старик молча курил, запивал чаем и только блеснул глазами. Сережа же, с свойственным эгоизмом молодости, теперь только заинтересованный тем, что сказали об нем, вступил в разговор и подтвердил то, что он действительно стар, что приезд в Москву и новая жизнь, которая открывается перед ним, нисколько не радует его, что он спокойно обдумывает и предусматривает будущее.

— Все-таки последний вечер,— повторил Петр Иванович.— Завтра уж того не будет...

И он еще подлил себе рому. И долго он еще сидел за чайным столом с таким видом, как будто многое ему хотелось сказать, да некому было слушать. Он подвинул было к себе ром, но дочь потихоньку унесла бутылку.

ГЛАВА II.

Когда г. Шевалье, ходивший наверх устраивать гостей, вернувшись к себе, сообщил замечания насчет новоприезжих своей подруге жизни, в кружевах и шелковом платье сидевшей по парижскому манеру за конторкой, в той же комнате сидело несколько привычных посетителей заведения. Сережа, бывши внизу, заметил эту комнату и ее посетителей. Вы верно тоже заметили ее, ежели бывали в Москве.

Ежели вы скромный мужчина, не знающий Москвы, опоздали на званый обед, ошиблись расчетом, что гостеприимные москвичи вас позовут обедать — и вас не позвали, или просто хотите пообедать в лучшей гостинице, вы входите в лакейскую. Три или четыре лакея вскакивают, один из них снимает с вас шубу и поздравляет с новым годом, с масленицей, с приездом или просто замечает, что давно вы не бывали, хоть вы и никогда не бывали в этом заведении. Вы входите, и первый бросается вам в глаза накрытый стол, уставленный, как вам в первую минуту кажется, бесчисленным количеством аппетитных яств. Но это только оптический обман, ибо на этом столе большую часть места занимают в перьях фазаны, морские раки невареные, корбочки с духами, помадой и стклянки с косметиками и конфетами. Только с краюшка, поискав хорошенько, вы найдете водку и кусок хлеба с маслом и рыбкой под проволочным колпаком от мух, совершенно бесполезным в Москве в декабре месяце, но зато точно таким же, какие употребляются в Париже. Далее, за столом вы видите впереди себя комнату, в которой за конторкой сидит француженка весьма противной наружности, но в чистейших рукавчиках и в прелестнейшем модном платье. Подле француженки вам представится расстегнутый офицер, закусывающий водку, статский, читающий газету, и чьи-нибудь военные или статские ноги, лежащие на бархатном стуле, и послышатся французский говор и более или менее искренний громкий хохот. Ежели вам захочется знать, что делается в этой комнате, то я бы советовал не входить в нее, а только заглянуть, как будто проходя мимо, чтобы взять тартинку. Иначе вам не поздоровится от вопросительного молчания и взглядов, которые устрелят на вас привычные обитатели комнаты, и, вероятно, вы, поджавши хвост, поспешите к одному из столов в большую залу или зимний сад. В этом вам никто не помешает. Эти столы для всех, и там в одиночестве можете называть Дея гарсоном и

заказывать трюфелей, сколько вам угодно. Комната же с французенкой существует для избранной, золотой, московской молодежи, и попасть в число избранных не так легко, как вам кажется.

Г. Шевалье, возвратившись в эту комнату, сказал супруге, что господин из Сибири скучен, но зато сын и дочь такие молодцы, каких только в Сибири можно выкормить.

— Вы бы посмотрели на дочь, что это за розанчик!

— О!, он любит свеженьких женщин, этот старик,— сказал один из гостей, куривший сигару. (Разговор, разумеется, происходил на французском языке, но я передаю его по-русски, что и постоянно буду делать в продолжение этой истории.)

— О! очень люблю! — отвечал г. Шевалье.— Женщины — моя страсть. Вы не верите?

— Слышите, M-me Chevalier? — закричал толстый казацкий офицер, который был много должен в заведеньи и любил беседовать с хозяином.

— Да, вот он разделяет мой вкус,— сказал Chevalier, потрепав толстяка по эполете.

— И точно хороша эта Сибирячка?

Chevalier сложил свои пальцы и поцеловал их.

Вслед за тем между посетителями разговор сделался конфиденциальный и очень веселый. Дело шло о толстяке; он, улыбаясь, слушал то, что про него рассказывали.

— Можно ли иметь такие превратные вкусы? — закричал один сквозь смех.— M-lle Clarisse! вы знаете, Стругов из женщин лучше всего любит куриные ляжки.

Хотя и не понимая соли этого замечания, m-lle Clarisse залилась из-за конторки смехом, настолько серебристым, насколько позволяли ей дурные зубы и преклонные лета.

— Сибирская барышня навела его на такие мысли? — и все еще больше расхохотались. Сам M-г Chevalier помирал со смеху, приговаривая:

«Ce vieux coquin»,² и трепя по голове и плечам казацкого офицера.

— Да кто они, эти Сибиряки? заводчики или купцы? — спросил один из господ во время затихания смеха.

— Никит! спрашивайт у господ, которые приехал, подорожный,— сказал M-г Chevalier.— «Мы, Александр, Самодержес...» — начал было читать Г-н Chevalier принесенную подорожную, но казацкий офицер вырвал у него бумагу, и лицо его вдруг выразило удивление.

— Ну, угадайте, кто это? — сказал он,— и все вы хоть по слухам знаете.

— Ну, как же угадать, покажи. Ну, Абдель Кадер, ха-ха-ха. Ну, Калиостро... Ну, Петр Ш... ха-ха-ха-ха.

— Ну, прочти же!

Казацкий офицер, развернув бумагу, прочел: «бывший князь Петр Иванович» и одну из тех русских фамилий, которую всякий знает и всякий произносит с некоторым уважением и удовольствием, ежели говорит о лице, носящем эту фамилию, как о лице близком или знакомом. Мы будем называть его Лабазовым. Казацкий офицер смутно помнил, что этот Петр Лабазов был чем-то знаменитым в 25-м году и что он был сослан в каторжную работу,— но чем он был знаменит, он не знал хорошенько. Другие же никто и этого не знали и ответили: «А! да, известный» точно так же, как бы они сказали: «как же, известный!» про Шекспира, который написал «Энеиду». Больше же они узнали его потому, что толстяк объяснил им, что он брат князя Ивана, дядя Чикиных, графини Прук, ну, известный...

— Ну, как же угадать, покажи. Ну, Абдель Кадер, ха-ха-ха. Ну, Калиостро... Ну, Петр Ш... ха-ха-ха-ха.

— Ну, прочти же!

Казацкий офицер, развернув бумагу, прочел: «бывший князь Петр Иванович» и одну из тех русских фамилий, которую всякий знает и всякий произносит с некоторым уважением и удовольствием, ежели говорит о лице, носящем эту фамилию, как о лице близком или знакомом. Мы будем называть его Лабазовым. Казацкий офицер смутно помнил, что этот Петр Лабазов был чем-то знаменитым в 25-м году и что он был сослан в каторжную работу, — но чем он был знаменит, он не знал хорошенько. Другие же никто и этого не знали и ответили: «А! да, известный» точно так же, как бы они сказали: «как же, известный!» про Шекспира, который написал «Энеиду». Больше же они узнали его потому, что толстяк объяснил им, что он брат князя Ивана, дядя Чикиных, графини Прук, ну, известный...

— Ведь он должен быть очень богат, коли он брат князя Ивана? — заметил один из молодых. — Ежели ему возвратили состояние. Некоторым возвратили.

— Сколько их наехало теперь этих сосланных! — заметил другой, — право, их меньше, кажется, было сослано, чем вернулось. Да, Жикийский, расскажи-ка эту историю за 18-е число, — обратился он к офицеру стрелкового полка, слышшему за мастера рассказывать.

— Ну, расскажи же.

— Во-первых, это истинная правда и случилось здесь, у Шевалье, в большой зале. Приходят человека три Декабристов обедать. Сидят у одного стола, едят, пьют, разговаривают. Только напротив их уселся господин почтенной наружности, таких же лет и все прислушивается, как они про Сибирь что-нибудь скажут. Только он что-то спросил; слово за слово, разговорились, оказывается, что он тоже из Сибири.

— И Нерчинск знаете?

— Как же, я жил там.

— И Татьяну Ивановну знаете?

— Как же не знать!

— Позвольте спросить, вы тоже сосланы были?

— Да, имел несчастье пострадать, а вы?

— Мы все сосланные 14-го декабря. Странно, что мы вас не знаем, ежели вы тоже за 14-е. Позвольте узнать вашу фамилию?

— Федоров.

— Тоже за 14-е?

— Нет, я за 18-е.

— Как за 18-е?

— За 18-е сентября, за золотые часы. Был оклеветан, будто украл, и пострадал невинно.

Все покатались со смеха, исключая рассказчика, который, с пресерьезным лицом, оглядывая влоск положенных слушателей, божился, что это была истинная история.

Скоро после рассказа один из золотых молодых людей встал и поехал в клуб. Пройдясь по залам, уставленным столами с старичками, играющими в ералаш, повернувшись в инфернальной, где уж знаменитый «Пучин» начал свою партию против «компании», постояв несколько времени у одного из бильярдов, около которого, хватаясь за борт, семенил важный старичок и еле-еле попадал в своего шара, и заглянув в библиотеку, где какой-то генерал степенно читал через очки, далеко держа от себя газету, и записанный юноша, стараясь не шуметь, пересматривал подряд все журналы, золотой молодой человек подсел на диван в бильярдной к играющим в табельку, таким же, как он, позолоченным молодым людям. Был обеденный день, и было много господ, всегда посещающих клуб. В числе их был Иван Павлович Пахтин. Это был мужчина лет 40, среднего роста, белый, полный, с широкими плечами и тазом, с голлой головой и глянцовитым, счастливым выбритым лицом. Он не играл в табельку, но так подсел к князю Д., с которым он был на ты, и не отказался от стакана шампан-

ского, которое ему предложили. Он так хорошо поместился после обеда, незаметно распустив сзади гульфик, что, казалось бы, век просидел так, покуривая сигару, запивая шампанское и чувствуя близкое присутствие князей и графов, министерских детей. Известие о приезде Лабазовых нарушило его спокойствие.

— Куда ты, Пахтин? — сказал министерский сын, заметив между игрой, что Пахтин привстал, одернул жилет и большим глотком допил шампанское.

— Северников просил, — сказал Пахтин, чувствуя какое-то беспокойство в ногах, — что же, поедешь?..

«Анастасья, Анастасья, отворяй-ка, ворота». Это была известная в ходу цыганская песня.

— Может быть. А ты?

— Куда мне, женатому старику.

— Ну!..

Пахтин, улыбаясь, пошел в стеклянную залу к Северникову. Он любил, чтоб последнее слово, им сказанное, было шуточка. И теперь так вышло.

— Что, как здоровье графини? — спросил он, подходя к Северникову, который вовсе не звал его, но которому, по некоторым соображениям Пахтина, нужнее всех было знать о приезде Лабазовых. Северников был немножко замешан в 14-м числе и приятель со всеми Декабристами. Здоровье графини было гораздо лучше, и Пахтин был очень рад этому.

— А вы не знаете, Лабазов приехал нынче, у Шевалье остановился.

— Что вы говорите! Ведь мы старые приятели. Как я рад! Как я рад! Постарел, я думаю, бедняга? Его жена писала моей жене...

Но Северников не досказал, что она писала, потому что его партнеры, разыгравшие бескозырную, сделали что-то не так. Говоря с Иваном Павловичем, он все косился на них, но теперь вдруг бросился всем туловищем на стол и, стуча по нем руками, доказал, что надо было играть с семерки. Иван Павлович встал и, подойдя к другому столу, сообщил между разговором другому почтенному человеку свою новость, опять встал и у третьего стола сделал то же. Почтенные люди все были очень, очень рады возвращению Лабазова, так что, опять вернувшись в бильярдную, Иван Павлович, сначала сомневавшийся, нужно или нет радоваться возвращению Лабазова, уже более не употреблял введения о бале, статье «Вестника», здоровье и погоде, а прямо приступал ко всем с восторженным объявлением о благополучном возвращении знаменитого Декабриста.

Старичок, все еще тщетно пытавшийся ткнуть кием в своего белого шара, должен был, по мнению Пахтина, быть очень обрадован известием. Он подошел к нему. «Хорошо поигрываете, Ваше Высокопревосходительство?» сказал он в то время, как старичок сунул свой кий в красный жилет маркера, означая этим желанье помелить.

«Ваше Высокопревосходительство» было сказано совсем не так, как вы думаете, из подобострастия (нет, это не мода в 56-м году) — Иван Павлыч называл просто по имени и отчеству этого старичка, — а это было сказано частью [как] шутка над теми, кто так говорят, частью, чтоб дать знать, что мы знаем с кем говорим, и все-таки резвимся, немножко и взаправду; вообще это было очень тонко.

— Сейчас узнал: Петр Лабазов приехал. Прямо из Сибири приехал со всем семейством. — Эти слова произнес Пахтин, в то самое время, как старичок опять промахнулся в своего шара, — такое ему несчастье было.

— Ежели он приехал таким же взбалмошным, каким поехал, так нечему радоваться, — угрюмо сказал старичок, раздраженный своей непонятной неудачей.

Этот отзыв смутил Иван Павлыча, он опять не знал, следовало ли или нет радоваться приезду Лабазова, и, чтобы окончательно разрешить свои сомнения, он направил шаги свои в комнату, где собирались умные люди разговаривать и знали значе-

ные и цену всякой вещи, и все знали одним словом. Иван Павлыч был в тех же приятных отношениях с посетителями умной комнаты, как и с золоченой молодежью и сановитыми особами. Правда, у него не было своего особого места в умной комнате, но никто не удивился, когда он вошел и сел на диван. Речь шла о том, в каком году и по какому случаю произошла ссора между двумя русскими журналистами. Выждав минуту молчания, Иван Павлыч сообщил свою новость не так, как радость, не так, как незначущее событие, а так, как будто к разговору. Но тотчас по тому, как «умные» (я употребляю «умные» как [прозвание] посетителей умной комнаты) приняли его новость и стали обсуживать ее, тотчас Иван Павлыч понял, что сюда-то именно и следовала эта новость и здесь только она получит такую обработку, что можно будет везти ее дальше и *savoir à quoi s'en tenir*.³

— Только Лабазова недоставало,— сказал один из «умных»,— теперь из живых Декабристов все вернулись в Россию.

— Он был «один из стаи славных»...— сказал Пахтин еще выпытывающим тоном, готовый на то, чтобы эту цитату сделать шуточной и серьезной.

— Как же, Лабазов — один из замечательнейших людей того времени,— начал «умный».— В 1819 году он был прапорщиком Семеновского полка и был послан за границу с депешами к герцогу З. Потом он вернулся и в 24-м году был принят в первую масонскую ложу. Все тогдашние масоны собирались у Д. и у него. Ведь он очень богат был. Князь Ж., Федор Д., Иван П.— это были его ближайшие друзья. И тут дядя его, князь Висарий, чтоб удалить молодого человека от этого общества, перевез его в Москву.

— Извините,. Николай Степанович,— перебил другой «умный»,— мне кажется, что это было в 23-м году, потому что Висарий Лабазов назначен был командиром 3-го корпуса в 24-м году и был в Варшаве. Он приглашал его к себе в адъютанты и после отказа уж перевел его. Впрочем, извините, я вас перебил.

— Ах, нет, сделайте одолжение.

— Нет, пожалуйста.

— Нет, сделайте одолжение, вы должны это знать лучше меня, и притом память ваша и знания достаточно доказаны здесь.

— В Москве он против желанья дяди вышел в отставку,— продолжал тот, чья память и знания были доказаны,— и там вокруг него образовалось второе общество, которого он был родоначальником и сердцем, ежели можно так выразиться. Он был богат, хорош собой, умен, образован; любезен, говорят, был удивительно. Мне еще тетка говаривала, что она не знавала человека обворожительнее его. И тут-то он за несколько месяцев до бунта женился на Кринской.

— Дочь Николая Кринского, тот, что при Бородино...— ну, известный,— перебил кто-то.

— Ну, да. Ее-то огромное состояние у него осталось теперь, а его собственное, родовое, перешло меньшому брату князю Ивану, который теперь обер-гоф-кафермейстер (он называл что-то в этом роде) и был министром.

— Лучше всего его поступок с братом,— продолжал рассказчик.— Когда его взяли, то одно, что он успел уничтожить, это — письма и бумаги брата.

— Разве брат был замешан?

Рассказчик не отвечал: «да», но сжал губы и мигнул значительно.

— Потом на всех допросах Петр Лабазов постоянно отпирался во всем, что касалось брата, и за это пострадал больше других. Но что лучше всего, что князь Иван получил все именье и ни одного гроша не послал брату.

— Говорили, что Петр Лабазов сам отказался? — заметил один из слушателей.

— Да, но отказался только потому, что князь Иван перед коронацией писал ему и извинялся, что ежели бы не он взял, то именье конфисковали бы, а что у него дети и

долги, и что теперь он не в состоянии возратить ничего. Петр Лабазов отвечал двумя строчками: «Ни я, ни наследники мои не имеем и не хотим иметь никаких прав на законом вам присвоенное именье». И больше ничего. Каково? И князь Иван проглотил и с восторгом запер этот документ с векселями в шкатулку и никому не показывал.

Одна из особенностей умной комнаты состояла в том, что посетители ее знали, когда хотели знать, все, что делалось на свете, как бы тайно оно ни происходило.

— Впрочем, это вопрос, — сказал новый собеседник, — справедливо ли было отнять от детей князя Ивана состояние, при котором они выросли и были воспитаны и на которое полагали, что имели право.

Разговор таким образом был перенесен в отвлеченную сферу, не интересовавшую Пахтина. Он почувствовал необходимость свежим людям сообщить новость, встал и медленно, заговаривая направо и налево, пошел по залам. Один из его сослуживцев остановил его, чтобы сообщить новость о приезде Лабазовых.

— Кто же этого не знает! — отвечал Иван Павлыч, спокойно улыбаясь, и направился к выходу. Новость уже совершила свой круг и опять возвращалась к нему.

В клубе было больше нечего делать, он отправился на вечер. Это был не званый вечер, а салон, в котором принимали каждый день. Было человек 8 дам и один старый полковник, и всем было ужасно скучно. Уже одна твердая походка и улыбающееся лицо Пахтина развеселило дам и девиц. Новость же была тем более кстати, что в салоне была старая графиня Фукс с дочерью. Когда Пахтин рассказал почти слово в слово все, что он слышал в умной комнате, М-ме Фукс, покачивая головой и удивляясь своей старости, стала вспоминать, как она выезжала вместе с Наташей Кринской, теперешней Лабазовой.

— Ее замужество — очень романическая история, и все это было на моих глазах. Наташа была почти обручена с Мятлиным, который после был убит на дуэли с Дебра. Только в это время приезжает в Москву князь Петр, влюбляется в нее и делает предложение. Только отец, которому очень хотелось Мятлина — и вообще Лабазова боялись как масона — отец отказал. Только молодой человек продолжает ее видеть на балах, везде, сдружается с Мятлиным, просит его отказаться. Мятлин соглашается, он ее уговаривает бежать. Она тоже соглашается, но последнее раскаянье (разговор происходил по-французски) — она идет к отцу и говорит, что все готово к бегству, и что она могла его оставить, но надеется на его великодушие. И в самом деле, отец простил ее — все за нее просили — и дал согласие. Вот так и сделалась эта свадьба, и веселая была свадьба! Кто из нас думал, что через год она поедет за ним в Сибирь. Она, единственная дочь, самая богатая, самая красивая тогдашнего времени. Император Александр всегда замечал ее на балах, сколько раз танцевал с ней. У графа Г. был *bal costumé*,⁴ как теперь помню, и она была Неаполитанкой, удивительно хороша! Он всегда, приезжая в Москву, спрашивал: «*que fait la belle Napolitaine?*»⁵ И вдруг эта женщина в таком положении (она дорогой родила) ни минуты не задумалась, ничего не приготовила, не собрала вещи и как была, когда его взяли, так и поехала за ним за 5000 верст.

— О! Удивительная женщина! — сказала хозяйка.

— И он и она — это редкие люди были, — сказала еще другая дама. — Мне говорили — не знаю, правда ли, — что в Сибири везде, где они работали в рудниках или как это называется, так эти колодники, которые с ними были, исправлялись от них.

— Да она никогда не работала в рудниках, — поправил Пахтин.

Что значил 56 год! Три года тому назад никто не думал о Лабазовых и ежели вспоминали о них, то с тем безотчетным чувством страха, с которым говорят о новоумерших; теперь же как живо вспоминались все прежние отношения, все прекрасные качества, и каждая из дам уже придумывала план, как бы получить монополию Лабазовых и ими угаживать других гостей.

— Сын и дочь приехали с ними,— сказал Пахтин.

— Ежели только они так же хороши, как была мать — сказала графиня Фукс.— Впрочем, и отец был очень, очень хорош.

— Как они могли воспитать там своих детей? — сказала хозяйка дома.

— Говорят, прекрасно. Говорят, молодой человек так хорош, любезен, образован, как будто вырос в Париже.

— Я предсказываю большой успех молодой особе,— сказала одна некрасивая девица.— Все эти сибирские дамы имеют что-то очень приятно-тривьяльное, но которое очень нравится.

— Да, да,— сказала другая девица.

— Вот еще богатая невеста прибавилась,— сказала третья девица.

Старый полковник немецкого происхождения, три года тому назад приехавший в Москву, чтобы жениться на богатой, решил, что как можно скорее, пока молодежь еще не знает, представиться и сделать предложенье. Девицы и дамы почти то же самое думали насчет сибирского молодого человека. «Должно быть, это-то и есть мой суженый,— подумала девица, тщетно выезжающая уже восьмой год.— Должно быть, к лучшему было, что этот глупый кавалергард так и не сделал мне предложенья. Я бы, верно, была несчастлива». — «Ну, опять пожелтеют все от злости, когда еще этот в меня влюбится», подумала молодая и красивая дама.

Говорят о провинциализме маленьких городов,— нет хуже провинциализма высшего общества. Там нет новых лиц, но общество готово принять всякие новые лица, ежели бы они явились; здесь же редко, редко, как теперь Лабазовы, признаны принадлежащими к кругу и приняты, и сенсация, производимая этими новыми лицами, сильнее, чем в уездном городе.

ГЛАВА III.

— Москва-то, Москва-то, матушка белокаменная,— сказал Петр Иванович, протирая утром глаза и прислушиваясь к звону колоколов, стоявшему над Газетным переулком.

Ничто так живо не воскрешает прошедшего, как звуки; и эти колокольные московские звуки, соединенные с видом белой стены из окна и стуком колес, так живо напомнили ему не только ту Москву, которую он знал 35 лет тому назад, но и ту Москву с Кремлем, теремами, Иванами и т. д., которую он носил в своем сердце, что он почувствовал детскую радость того, что он Русский, и что он в Москве.

Явился бухарский халат, распахнутый на широкой груди в ситцевой рубашке, трубка с янтарем, лакей с тихими приемами, чай, запах табаку, громкий, порывистый мужской голос послышался в комнатах Шевалье, утренние поцелуи раздались, и голоса дочери и сына, и Декабрист был так же дома, как в Иркутске и как бы он был в Нью-Йорке и Париже. Как бы мне ни хотелось представить моим читателям декабрьского героя выше всех слабостей, ради истины должен признаться, что Петр Иванович особенно тщательно брился, чесался и смотрелся в зеркало. Платьем, которое было сшито не слишком хорошо в Сибири, он был недоволен и раза два то расстегнул, то застегнул сюртучок. Наталья же Николаевна вошла в гостиную, шумя черным муаровым платьем с такими рукавчиками и лентами на чепце, что хотя все это было не по самой последней моде, но так придумано, что не только не было ridicule,⁶ но, напротив, distingué.⁷ На это у дам есть особенное, шестое чувство и проницательность, ни с чем не сравнимая. Соня тоже была так пристроена, что хотя все было на два года сзади моды, но ни в чем упрекнуть нельзя было. На матери темно и просто, на дочери светло и весело. Сережа только проснулся, и они одни поехали к обедне. Отец с матерью сели сзади, дочь села напротив, Василий сел на козлы, и извозчицья карета

повезла их в Кремль. Когда они вышли, дамы оправили платья, и Петр Иванович взял под руку свою Наталью Николаевну и, закинув голову назад, пошел к дверям церкви. Многие и купцы, и офицеры, и всякий народ не могли узнать, что это за люди. Кто это — давно, давно загорелый и не отошедший старичок с крупными, прямыми рабочими морщинами, особенного склада, такого склада, какого не бывают морщины, приобретенные в аглицком клубе, с белыми, как снег, волосами и бородой, с добрым и гордым взглядом и энергическими движениями? Кто эта высокая дама с значительной поступью и усталыми, померкшими, большими и прекрасными глазами? Кто эта девушка, свежая, стройная, сильная, а не модная, и не робкая? Купцы — не купцы, немцы — не немцы, господа? — тоже таких не бывает, а важные люди. Так думали те, которые видели их в церкви, и почему-то скорее и охотнее давали им дорогу и место, чем мужчинам в густых эполетах. Петр Иванович держал себя так же величаво, как и при входе, и молился спокойно, сдержанно, не забываясь. Наталья Николаевна плавно становилась на колена, вынимала платок и много плакала во время «иже херувимской». Соня как будто делала над собой усилие, чтобы молиться. Не шло к ней моление, но она не оглядывалась и крестилась прилежно.

Сережа остался дома — частью оттого, что проспал, частью оттого, что он не любил стоять обедни: у него ноги отекали, и он никак не мог понять, отчего пройти на лыжах верст 40 ему ничего не стоило, а простоять 12 Евангелий было для него величайшее физическое мученье, главное же оттого, что он чувствовал, ему нужнее всего было новое платье. Он оделся и пошел на Кузнецкий мост. Денег у него было довольно. Отец сделал себе правилом с тех пор, как сыну минуло 21 год, давать ему денег, сколько захочет. От него зависело оставить отца и мать совершенно без денег.

Как мне жалко этих 250 руб. с. денег, даром истраченных в магазине готового платья Купца! Каждый из этих господ, встречавших Сережу, охотно бы научил его и за счастье бы почел с ним вместе пойти заказать ему; но, как всегда бывает, он был одинок посреди толпы и, пробираясь в фуражке по Кузнецкому мосту, не поглядывая на магазины, он дошел до конца, отворил двери и вышел оттуда в коричневом полуфраке, в узком (а носили широкий), в черных панталонах, широких (а носили узкие), и в атласном с цветочками жилете, который ни один из господ, бывших у Шевалье в особую, не позволили бы надеть своему лакею. И еще много чего купил Сережа; зато Кунц в недоумение пришел от тонкой талии молодого человека и, как он это говорил всем, объяснил, что подобной он никогда не видел. Сережа знал, что у него талия хороша, но похвала постороннего человека, как Кунца, очень польстила ему. Он вышел без 250 р., но одет очень дурно, так дурно, что платье его через два дня перешло во владение Василья и навсегда осталось неприятным воспоминанием для Сережи. Дома он сошел вниз и сел в большой комнате, тоже посматривая в заветную, и спросил себе завтракать таких странных кушаний, что слуга даже посмеялся на кухне. Но все-таки он спросил журнал и сделал, как будто читает его. Когда же слуга, обнадеженный неопытностью юноши, начал было спрашивать и его, то Сережа сказал: ступай на свое место! и покраснел. Но сказал так гордо, что тот послушался. Мать, отец и дочь, возвратившись домой, нашли тоже его платье отличным.

Помните ли вы это радостное чувство детства, когда в ваши именины вас принарядили, повезли к обедне, и вы, возвратившись с праздником на платье, на лице и в душе, нашли дома гостей и игрушки? Вы знаете, что нынче нет классов, что большие даже празднуют, что нынче для целого дома день исключения и удовольствий; вы знаете, что вы одни причиной этого торжества и что, что бы вы ни сделали, вам простят, и вам странно, что люди на улицах не празднуют так же, как ваши домашние, и звуки слышнее, и цвета ярче, — одним словом, именинное чувство. Такого рода чувство испытал Петр Иванович, возвратившись из церкви.

Вчерашние хлопоты Пахтина не пропали даром: вместо игрушек Петр Иваныч нашел дома уже несколько визитных карточек значительных Москвичей, считавших в 56-м году своей неперменной обязанностью оказать всевозможное внимание знаменитому изгнаннику, которого они не хотели бы видеть ни за что на свете 3 года тому назад. В глазах Шевалье, швейцара и людей гостиницы появление карет, спрашивающих Петра Иваныча, в одно утро удесятарило их уважение и услужливость. Все это были именные подарки для Петра Иваныча. Как ни испытан жизнью, как ни умен человек, выражение уважения от людей, уважаемых большим числом людей — всегда приятны. Петру Иванычу было весело на душе, когда Шевалье, изгибаясь, предлагал переменить отделение и просил приказывать все, что будет угодно, и уверял, что он за счастье почитает посещение Петра Иваныча, и когда он, пересматривая карточки и опять бросая их в вазу, называл имена графа С., князя Д. и т. д., Наталья Николаевна сказала, что она никого не принимает и сейчас поедет к Марье Ивановне, на что Петр Иваныч согласился, хотя ему хотелось бы поговорить со многими из приезжающих. Только один из визитов успел проскочить до запрета. Это был Пахтин. Ежели бы спросить этого человека, для чего он с Пречистенки приехал в Газетный переулок, то он никакого бы не мог дать предлога, исключая того, что он любит все новое и занимательное и потому приехал посмотреть на Петра Иваныча как на редкость. Казалось бы, надо заробеть, с таким единственным резонном приезжая к незнакомому человеку. Оказалось напротив. Петр Иваныч и его сын и Софья Петровна смутились. Наталья Николаевна была слишком *grande dame*,⁸ чтоб от чего бы то ни было смущаться. Утомленный взгляд ее прекрасных черных глаз спокойно спустился на Пахтина. Пахтин же был свеж, самодоволен и весело любезен, как всегда. Он был друг Марьи Ивановны.

— А! — сказала Наталья Николаевна.

— Не друг,— лета наши... но она всегда была добра ко мне.— Пахтин был давнишний поклонник Петра Иваныча, он знал его товарищей. Он надеялся, что может быть полезен приезжим. Он вчера бы еще явился, но не успел, и просит извинить его. И он сел и говорил долго.

— Да, скажу вам, много я нашел перемен в России с тех пор,— сказал Петр Иваныч, отвечая на вопрос.

Как только Петр Иваныч стал говорить, надо было видеть, с каким почтительным вниманием Пахтин получал каждое слово, вылетавшее из уст значительного старца, и как за каждой фразой, иногда словом, Пахтин кивком, улыбкой или движением глаз давал чувствовать, что он получил и принял достопамятную для него фразу или слово. Усталый взгляд одобрил этот маневр. Сергей Петрович, казалось, боялся, что речь батюшки не будет значительна, соответственно вниманию слушателя. Софья Петровна, напротив, улыбнулась той незаметной самодовольной улыбкой, которой улыбаются люди, подметившие смешную сторону человека. Ей показалось, что от этого нечего ждать, что это «шюшка»,— так они с братом называли известный сорт людей. Петр Иваныч объяснил, что он в своем путешествии заметил огромные перемены, которые радовали его. Нет сравнения, как народ — крестьянин — стал выше, стало больше сознания достоинства в них,— говорил он, как бы протверживая старые фразы.— «А я должен сказать, что народ более всего меня занимает и занимал. Я того мнения, что сила России не в нас, а в народе», и т. д. Петр Иваныч развил с свойственным ему жаром свои более или менее оригинальные мысли насчет многих важных предметов. Нам придется еще слышать их в более полном виде. Пахтин таял от наслаждения и был совершенно согласен со всем.

— Вам непременно надо познакомиться с Аксатовыми, вы позволите мне их представить вам, князь? Вы знаете, ему разрешили теперь его издание? Говорят, завтра выйдет первый номер. Я читал также его удивительную статью о последователь-

ности теории науки в абстрактности. Чрезвычайно интересно. Еще там статья — история Сербии в XI веке и этого знаменитого воеводы Карбавонца, тоже очень интересно. Вообще огромный шаг.

— А! так,— сказал Петр Иванович. Но его, видимо, не занимали все эти известия, он даже не знал имен и заслуг тех людей, которых, как всем известных, называл Пахтин. Наталья Николаевна же, не отрицая необходимости знания всех этих людей и условий, в оправданье мужа заметила, что Рiette поздно очень получал журналы. Но он слишком много читает.

— Папа, мы поедem к тете? — сказала Соня, входя.

— Поедем, но надо позавтракать. Не хотите ли чего-нибудь?

Пахтин, разумеется, отказался, но Петр Иванович с свойственным вообще русскому и особенно ему гостеприимством настоял на том, чтобы Пахтин поел и выпил. Сам же он выпил рюмку водки и стакан бордо. Пахтин заметил, что, когда он наливал вино, Наталья Николаевна отвернулась нечаянно от стакана, а сын посмотрел особенно на руки отца. После вина Петр Иванович на вопросы Пахтина о том, какое его мнение о новой литературе, о новом направлении, о войне, о мире (Пахтин умел самые разнородные предметы соединить в один бестолковый, но гладкий разговор) — на эти вопросы Петр Иванович сразу ответил одною, общею profession de foi,⁹ и вино ли, или предмет разговора, но он так разгорячился, что слезы выступили у него на глазах, и что Пахтин пришел в восторг и тоже прослезился и, не стесняясь, выразил свое убеждение, что Петр Иванович теперь впереди всех передовых людей и должен стать главой всех партий. Глаза Петра Ивановича разгорелись, он верил тому, что ему говорил Пахтин, и он долго бы еще говорил, ежели бы Софья Петровна не поинтриговала у Натальи Николаевны, чтобы она надела мантилью и не пришла бы сама поднять Петра Ивановича. Он налил было себе остальное вино, но Софья Петровна выпила его.

— Что ж ты это?

— Я не пила еще, рара, pardon.¹⁰

Он улыбнулся.

— Ну, поедem к Марье Ивановне. Вы нас извините, m-г Пахтин...— и Петр Иванович вышел, неся высоко голову. В сенях встретился еще генерал, приехавший с визитом к старому знакомому. Они 35 лет не видались. Генерал был уже без зуб и плешивый.

— А ты как еще свеж,— сказал он.— Видно, Сибирь лучше Петербурга. Это твои? Представь меня. Какой молодец сын-то! Так завтра обедать?

— Да, да, непременно.

На крыльце встретился знаменитый Чихаев, тоже старый знакомый.

— Что ж ты это?

— Я не пила еще, рара, pardon.¹⁰

Он улыбнулся.

— Ну, поедem к Марье Ивановне. Вы нас извините, m-г Пахтин...— и Петр Иванович вышел, неся высоко голову. В сенях встретился еще генерал, приехавший с визитом к старому знакомому. Они 35 лет не видались. Генерал был уже без зуб и плешивый.

— А ты как еще свеж,— сказал он.— Видно, Сибирь лучше Петербурга. Это твои? Представь меня. Какой молодец сын-то! Так завтра обедать?

— Да, да, непременно.

На крыльце встретился знаменитый Чихаев, тоже старый знакомый.

— Как же вы узнали, что я приехал?

— Стыдно бы было Москве, ежели бы она не знала; стыдно, что у заставы вас не

встретили. Где вы обедаете? должно быть, у сестры Марьи Ивановны... Ну и прекрасно, я тоже приеду.—

Петр Иванович всегда имел вид человека гордого для тех, кто не мог разобрать сквозь эту внешность выражение несказанной доброты и впечатлительности. Теперь же даже Наталья Николаевна любовалась его непривычной величавостью, и Софья Петровна улыбалась глазами, поглядывая на него. Они приехали к Марье Ивановне. Марья Ивановна была крестная мать Петра Ивановича и старше его 10-ю годами. Она была старая дева.

Историю ее, почему она не вышла замуж, и как она жила свою молодость, я расскажу когда-нибудь после.

Она жила в Москве 40 лет безвыездно. Не было в ней ни большого ума, ни большого богатства, и связями она не дорожила, напротив; и не было человека, который бы не уважал ее. Она была так уверена, что все должны уважать ее, что все ее уважали. Бывали из университета молодые либералы, которые не признавали за ней власти, но эти господа фрондировали только в ее отсутствие. Стоило ей войти в гостиную своей царской поступью, заговорить своей спокойной речью, улыбнуться своей ласковой улыбкой, и они были покорены. Общество ее было — все. Она смотрела на Москву и обращалась с ней, как с своими домашними. Бывали у ней друзья больше из молодежи и мужчин умных; женщин она не любила. Были у ней тоже и приживалки и приживальщики, которых вместе с венгеркой и генералами в одно общее презрение почему-то вместе включила наша литература; но Марья Ивановна считала, что проигравшемуся Скопину и прогнанной мужем Бешевой лучше жить у нее, чем в нищете, и держала их. Но два сильные чувства в теперешней жизни Марьи Ивановны — были ее два брата. Петр Иванович был ее идолом. Князь Иван был ее ненависть. Она не знала, что Петр Иванович приехал, была у обедни и теперь только отпила кофе. Московский викарий, Бешева и Скопин сидели около стола. Марья Ивановна рассказывала им про молодого графа В., сына П. З., который вернулся из Севастополя и в которого она была влюблена. (У ней беспрерывно бывали пассии.) Нынче он должен был обедать у нее. Викарий встал и раскланялся. Марья Ивановна не удерживала его, она была вольнодумка в этом отношении; она была набожна, но не любила монахов, смеялась над барынями, бегающими за монахами, и говорила смело, что, по ее мнению, монахи такие же люди, как мы грешные, и что можно спастись в миру лучше, чем в монастыре.

— Не велите никого принимать, мой друг,— сказала она,— я Пьеру напишу; не понимаю, что он не едет. Верно, Наталья Николаевна больна.

Марья Ивановна была того убеждения, что Наталья Николаевна не любила и была врагом ее. Она не могла простить ей того, что не она, сестра, отдала ему свое имение и поехала с ним в Сибирь, а Наталья Николаевна, и что брат решительно отказал ей в этом, когда она собиралась ехать. После 35 лет она начинала верить иногда брату, что Наталья Николаевна лучшая жена в мире и его ангел-хранитель была; но она завидовала, и ей все казалось, что она дурная женщина.

Она встала, прошлась по зале и хотела идти в кабинет, как дверь отворилась, и сморщенное, седенькое лицо Бешевой, выражавшее радостный ужас, выставилось в двери.

— Марья Ивановна, приготовьтесь,— сказала она.

— Письмо?

— Нет больше...

Но не успела она сказать, как в передней послышался громкий мужской голос:

— Да где она? Поди ты, Наташа.

— Он! — проговорила Марья Ивановна и большими, твердыми шагами пошла к брату. Она встретила их, как будто со вчерашнего дня с ними виделась.

— Когда ты приехал? Где остановились? В чем же вы, в карете? — вот какие вопросы делала Марья Ивановна, проходя с ними в гостиную и не слушая ответов и глядя большими глазами то на одного, то на другого. Бешева удивилась этому спокойствию, равнодушию даже, и не одобрила его. Они все улыбались; разговор замолк; Марья Ивановна молча, серьезно смотрела на брата.

— Как вы? — сказал Петр Иванович, взяв ее за руку и улыбаясь. Петр Иванович говорил «вы», а она говорила ему «ты». Марья Ивановна еще раз взглянула на седую бороду, на плешивую голову, на зубы, на морщины, на глаза, на загорелое лицо и все это узнала.

— Вот моя Соня.

Но она не оглянулась.

— Какой ты дур... — голос ее оборвался, она схватила своими белыми, большими руками плешивую голову, — какой ты дурак... она хотела сказать, — «что не приготовил меня», но плечи и грудь задрожали, старческое лицо покривилось, и она зарыдала, все прижимая к груди плешивую голову и повторяя: «какой ты ду... рак, что меня не приготовил». Петр Иванович не казался себе уже таким великим человеком, не казался так важен, как у крыльца Шевалье. Задом он сидел на кресле, но голова его была в руках сестры, нос прижимался к ее корсету, и в носу этом щекотало, волосы были спутаны, и слезы были в глазах. Но ему было хорошо. Когда прошел этот порыв радостных слез, Марья Ивановна поняла, поверила тому, что случилось, и стала оглядывать всех. Но еще несколько раз во время дня, как только она вспомнит, какой он был, какая она была тогда, и какие теперь, и все живо так встанет перед воображением, — тогдашние несчастья и тогдашние радости, и тогдашние любви — на нее находило, и она опять вставала и повторяла: «какой ты дурак, Петруша, дурак какой, что меня не приготовил! Зачем вы не ко мне прямо приехали? я бы вас поместила, — говорила Марья Ивановна. — По крайней мере, вы обедаете? Тебе не скучно будет у меня, Сергей: у меня обедает молодой Севастополец, молодец. А Николай Михайловича сына ты не знаешь? Он писатель, что-то хорошее там написал. Я не читала, но хвалят, и он милый малый, я и его позову. Чихаев хотел тоже приехать. Ну, этот болтун, я его не люблю. Он уже был у тебя? А Никиту видел? Ну, да это все вздор. Что ты намерен делать? Что вы, ваше здоровье, Натали? Куда этого молодца, эту красавицу?

Но разговор все не клеился.

Перед обедом Наталья Николаевна с детьми поехали к старой тетке, брат с сестрой остались вдвоем, и он стал рассказывать свои планы.

— Соня большая, ее надо вывозить, стало, мы будем жить в Москве, — сказала Марья Ивановна.

— Ни за что!

— Сереже надо служить.

— Ни за что.

— Все такой же сумасшедший. — Но она все так же любила сумасшедшего.

— Надо сидеть здесь, потом ехать в деревню и детям показать все.

— Мое правило не вмешиваться в семейные дела, — говорила Марья Ивановна, успокоившись от волнения, — и не давать советов. Молодому человеку надо служить, это я всегда думала и думаю. А теперь больше чем когда-нибудь. Ты не знаешь, что такое теперь, Петруша, эта молодежь. Я их всех знаю. Вон князя Дмитрия сын совсем пропал. Да и сами виноваты! Я ведь никого не боюсь: я старуха. А нехорошо... — И она начала говорить про правительство. Она была недовольна им за излишнюю свободу, которая давалась всему.

— Одно хорошее сделали, что вас выпустили. Это хорошо. — Петруша стал было защищать, но с Марьей Ивановной было не то, что с Пахтиным; ему было не сговорить. Она разгорячилась.

— Ну что защищать! Тебе ли защищать? Ты все такой же, я вижу, безумный.

Петр Иваныч замолчал с улыбочкой, показывавшей, что он не сдастся, но что спорить с Марьей Ивановной он не хочет.

— Ты улыбаешься. Это мы знаем. Ты со мной спорить, с бабой не хочешь,— сказала она весело и ласково и так тонко, умно глядя на брата, как нельзя было ожидать от ее старческого, с крупными чертами лица.— Да не соспоришь, дружок. Ведь 7-й десяток доживаю. Тоже не душой прожила, кое-что видела и поняла. Книжечек ваших не читала, да и читать не буду. В книжках вздор!

— Ну, как вам мои ребята нравятся? Сережа? — сказал Петр Иваныч с той же улыбкой.

— Ну, ну! — грозясь на него, ответила сестра.— На детей-то не переводи, об этом поговорим. А я тебе вот что хотела сказать. Ты ведь безумный, так и остался, я по глазам вижу. Теперь тебя на руках носить станут. Такая мода. Вы теперь все в моде. Да, да, я по глазам вижу, что ты такой же безумный, как был,— прибавила она, отвечая на его улыбку.— Удаляйся ты, Христом Богом тебя прошу, от всех этих либералов нынешних. Бог их знает, что они там ворочаются. Только все это хорошо не кончится. А правительство наше теперь молчит, а потом придется показать коготки, попомни мое слово. Я боюсь, чтоб ты опять не замешался. Брось это; все пустяки. У тебя дети.

— Видно, вы меня не знаете теперь, Марья Ивановна,— сказал брат.

— Видно, вы меня не знаете теперь, Марья Ивановна,— сказал брат.

— Ну, хорошо, хорошо, уж там видно будет. Я ли тебя не знаю, или ты сам себя не знаешь. Только я сказала, что у меня на душе было; послушаешь меня — хорошо. Вот теперь и о Сереже поговорим. Какой он у тебя? — «Он мне не очень понравился», хотела было сказать она, но сказала только: — Он на мать похож, две капли воды. Вот Соня твоя так мне очень понравилась, очень... милое такое что-то, открытое. Милая. Где она, Сонюшка? Да, я и забыла.

— Да как вам сказать? Соня-то будет хорошая жена и хорошая мать, но Сережа мой умен, очень умен, этого никто не отнимет. Учился прекрасно, немножко ленив. К естественным наукам он большую охоту имел. Мы были счастливы, у нас был славный, славный учитель. Ему здесь хочется в университет,— послушать лекции естественных наук, химии...

Марья Ивановна почти не слушала, как только брат начал об естественных науках. Ей как будто вдруг грустно стало. В особенности, когда дело дошло до химии. Она глубоко вздохнула и отвечала прямо на тот ряд мыслей, которые вызвали в ней естественные науки...

— Кабы ты знал, как мне их жалко, Петруша,— сказала она с искренней и тихой, покорной печалью.— Так жалко, так жалко. Целая жизнь впереди. Чего еще они не натерпятся!

— Что же, надо надеяться, что они проживут счастливее нашего.

— Дай Бог, дай Бог! Да жить-то тяжело, Петруша! Ты меня послушай в одном, мой голубчик. Не мудри ты! Какой ты дурак, Петруша, ах, какой ты дурак! Однако мне надо распорядиться. Народу-то я назвала, а чем я их кормить буду?

Она всхлипнула, отвернулась и позвонила.

— Позвать Тараса.

— Все у вас старик? — спросил брат.

— Все он; да что же, ведь он мальчишка в сравнении со мной.

Тарас был гневен и чист, но взялся все делать.

Скоро, пышущие холодом и счастьем вошли, шумя платьями, Наталья Николаевна и Соня; Сережа остался за покупками.

— Дайте мне на нее посмотреть.

Марья Ивановна руками взяла ее за лицо. Наталья Николаевна рассказывала.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Заместитель главного редактора, заведующий отделом прозы всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, член Союза писателей России. Глава из новой книги Геннадия Маркина об уряднике Николае Ивановиче Сидорове (см. далее в очерке Евгения Трещева).

В начале ноября 1910 года ночами стали случаться первые заморозки, но днем земля оттаивала и дороги расквашивало так, что иная изможденная крестьянская лошадка не в силах была тащить телегу с налипшими на ее колесах комьями грязи. По такой раскисшей дороге и прискакал в Ясенковское волостное правление из Костомаровской становой квартиры конный полицейский стражник Аким Дороднов со срочным донесением от станового. Время было полуденное, и полицейский урядник Ясенковской волости Николай Иванович Сидров в это время находился в правлении. Ловко спрыгнув с лошади, Аким, придерживая полы форменного пальто, неуклюже поднялся по ступенькам на крыльцо и толкнул дверь. В правлении было немногочисленно, несколько крестьян сидели на длинной скамье у двери в Ясенковский волостной суд, ожидая приглашения.

— Господин урядник, объявлен сигнал сбора. Вам необходимо срочно явиться в Крапивну, в полицейское управление, — проговорил он с порога, войдя в помещение участка, даже не поздоровавшись с урядником. — Становой в Крапивну уже выехал.

— Что случилось? — спросил у Акима Николай Иванович.

— Не могу знать! — ответил тот.

— Уж не война ли, Аким? — в голосе Сидорова послышались тревожные нотки.

— Не могу знать, господин урядник! — вновь повторил Аким и вытянулся как по стойке смирно. — Мне много разговаривать некогда, нужно еще всех оповестить, — сказал он и, неумело козырнув, вышел.

На улице он оскользнулся и, чертыхаясь, взобрался на лошадь. Пришпорив, погнал ее вдоль неказистых изгородей по раскисшей черной кашнице.

В Крапивненском полицейском управлении Сидоров был через полтора часа. В коридоре здания толпились полицейские, было шумно. Он прошел в большую и просторную комнату, называемую залой, в которой всегда проходили служебные совещания. В зале на стульях сидели полицейские и разговаривали друг с другом, было шумно. Увидев свободное место рядом с полицейским урядником Головеньковской волости Аристовым, Николай Иванович начал между рядов протискиваться к нему, на ходу здороваясь со многими знакомыми. Кроме полицейских в зале находились стражники крапивенской уездной тюрьмы и пожарной команды. Кивнув сидевшим поодаль становым, Сидоров присел на стул рядом с Аристовым.

— Что случилось, Андрей, уж не война ли? — спросил он, протягивая Аристову руку для рукопожатия.

— Граф Толстой умер, — ответил тот, пожимая протянутую ему руку.

— Да ты что?! — неподдельно удивился Сидоров, хотя ранее уже знал, что граф Лев Толстой находился в болезненном состоянии на какой-то далекой железнодорожной станции, где-то не то в Рязанской, не то в Тамбовской губернии.

— Да, да, Николай Иванович, умер граф, — подтвердил сказанное Аристов.

— Не выкарабкался, стало быть, из болезни! Печально! — вздохнул Сидоров.

— А вам-то, Николай Иванович, что за печаль? — с горькой иронией в голосе спросил Аристов, и как показалось Сидорову, он при этом ухмыльнулся.

— Ну как же не печалиться?! — удивился Сидоров иронии Аристова. — Человек же умер. Да еще какой человек! — ответил он, многозначительно подняв вверх указательный палец.

— Вот именно, что какой... — невесело проговорил Аристов. — Вам-то теперь поспокойнее будет без него.

— Да мне и при нем было спокойно.

— Не скажите, Николай Иванович, не скажите, — отрицательно мотнул головой Аристов, и на его лице вновь появилась ухмылка. — Думаете, мы слепые? Думаете, мы ничего не видели и ничего не понимали?

— О чем это ты, Андрей? — Николай Иванович внимательно взглянул Аристову в глаза. Тот взгляда не отвел.

— О чем это я, спрашиваете? О делах наших скорбных, полицейских, вот о чем!

— Я тебя не понимаю, Андрей.

— Все вы, Николай Иванович, понимаете, все! Хитрите только! Не хотите правду нашим начальникам говорить, не хотите! А они, начальники наши, с графом ничего поделатъ не могли. Всех его секретарей в ссылку сослали! У кого из мужиков графское лжеучение находили, всех на каторгу отправляли, всех в тюрьмы сажали! А его самого-то не трогали! А почему?

— И почему же?

— Боялись его, вот почему! Боялись, что за графа народ восстанет! А на вас, Николай Иванович, и на станом они всю свою злобу вымещали! Руки у них коротки до графа! И у исправника коротки, и у полицмейстера, и у жандармов, и у губернатора, да и самого самодержца тоже руки до графа коротки! У нас у всех до графа были руки коротки! Ну, вот теперь его не стало, теперь все будет по-другому! — Аристов распалился, лицо его покраснело, зрачки глаз расширились, от чего его взгляд стал казаться на взгляд сумасшедшего человека, губы скривились то ли в злой ухмылке, то ли в злобном оскале.

— Не пойму я тебя, Андрей, ты пьян что ли? — спросил Николай Иванович, почувствовав исходящий от Аристова запах спиртного.

— Да, немножко выпил, графа помянул, — ответил тот.

— Ну, тогда помолчи, Андрей, помолчи. А то ты слишком расшумелся, разговариваешь очень громко, даже на крик перешел. Не ровен час исправник тебя заметит, — вполголоса проговорил Николай Иванович, слегка сжав Андрею руку. Тот кивнул головой и замолчал.

Николай Иванович тоже замолчал. Узнав о смерти Льва Толстого, он испытал двойное чувство. С одной стороны, Аристов, конечно, прав. Он и сам прекрасно осознавал, что граф Толстой в народе был любим, а потому власть, боясь этого самого народа, графа не трогала, и ему многое сходило с рук. И теперь, после его смерти, для полиции многие проблемы отпадут сами собой. Но с другой стороны, у него с Львом Николаевичем были налажены определенные взаимоотношения, и их нельзя

было отнести к категории плохих. Графа он уважал как писателя, как человека, пусть со своим особым взглядом на жизнь, уважал как защитника простого русского мужика-крестьянина, которого и он, Сидоров, тоже всегда уважал и старался защитить его не только от преступных посягательств, но и от произвола начальников. Толстой знал об этом, а потому и к нему тоже имел уважение. По крайней мере, зная нелюбовь графа к полиции, не было случая, чтобы его, урядника Сидорова, граф Лев Толстой где-то, в чем-то унизил или высказался о нем плохо.

Его размышления прервал крапивенский уездный исправник сорокадвухлетний Николай Александрович Галунский. Он вошел в залу и направился к стоявшему на небольшом возвышении покрытому зеленым покрывалом столу. На стоявший рядом стул не присел, оставаясь стоять под висевшим на стене портретом царя-самодержца. В зале было душно, а потому он достал из кармана форменных брюк белый в темную горошину платок, вытер им начавшую уже лысеть голову, усы и небольшую бородку и, дождавшись тишины в зале, заговорил:

— Господа, я срочно собрал вас по случаю кончины графа Льва Толстого.

После его слов полицейские и стражники вновь зашумели, заговорили друг с другом, задвигали стульями, исправник молчал.

— Когда же он почил? — спросил кто-то из зала громким и немного писклявым голосом.

— Нынче утром в шесть часов пять минут. Я продолжу, господа, с вашего позволения, — вновь заговорил исправник. — В связи с кончиной графа мы предполагаем, что из различных мест может произойти массовый наплыв его сторонников для участия в его похоронах. Возможно, прибудет большое количество студентов из Москвы и Санкт-Петербурга, а потому, господа, существует опасность противоправительственных выступлений с их стороны. Нам предписано принять надлежащие меры по недопущению никаких демонстраций, стачек или каких-либо других осложнений, — Галунский замолчал, внимательно наблюдая за реакцией сидящих в зале полицейских. Те молчали, внимательно взирая на исправника. — Его высокоблагородие господин тульский губернатор по недопущению беспорядков собирается дополнительно направить на станцию Щекино пятьдесят стражников из Ефремова, Венева и Богородицка. Нынче же на станцию приедет и его благородие господин тульский полицмейстер, он будет координировать все наши действия по прибытии на станцию Щекино гроба с телом графа, — продолжил он.

— Николай Александрович, допускать ли нам на станцию людей из ближайших деревень по прибытии поезда? — поднявшись с места, спросил становой Разумовский.

— Александр Дмитриевич, любезный, все будет решать его превосходительство господин полицмейстер. Будем выполнять его решения. Решит не пускать, то не будем пускать, примет он другое решение, мы будем выполнять это его другое решение. Поверьте, мне сейчас трудно представить, как будут развиваться события, — ответил Галунский. — А с вами, любезный Александр Дмитриевич, я сейчас же хотел поговорить не по этому вопросу, а совершенно по-другому. В связи с прибытием пятидесяти стражников вам нужно распорядиться об их размещении в ближайших к станции деревнях, обеспечить им питание и организовать сбор корма для их лошадей. Кто из ваших урядников способен решить эти вопросы? — исправник выжидательно взглянул на станового.

— Я думаю, что с этим справится урядник Сидоров, — не задумываясь ни минуты, ответил становой. — Станция расположена на территории его волости, он там всех знает, ему и решать эти вопросы.

— Очень хорошо. Где Сидоров? — исправник начал взглядом искать Николая Ивановича.

— Здесь, — ответил тот и поднялся со стула.

— Вы, Николай Иванович, слышали, что от вас требуется? — спросил исправник.

— Да, Николай Александрович, я все слышал и все понял. Разрешите приступить к исполнению?

— Давайте, Николай Иванович, приступайте. После того как разрешите дела с размещением стражников, выясните на станции Щекино время прибытия поезда с гробом графа, по моим сведениям этот поезд уже в пути. Затем немедленно выезжайте в Ясную Поляну и узнайте, собираются ли родственники графа отпевать его в церкви, а также выясните точное место предания тела земле. По моим сведениям, его собираются похоронить где-то на отшибе, на краю какого-то оврага, — после этих слов исправника в зале вновь поднялся шум и гвалт. Сведения о месте захоронения графа Толстого его родственниками на краю оврага полицейских шокировали. С мест стали раздаваться выкрики: «Кто решил хоронить графа в овраге?», «Да что они себе позволяют?», «Кто им такое позволил?», «Неужели графиня не остановит этих безумцев?»

— Тише, господа, тише! Место погребения графа Толстого выбрано его родственниками по его прижизненному завещанию. Так что успокойтесь, — произнес Галунский, призывая полицейских к порядку. Затем, когда шум вновь стих, повернулся к Сидорову. — Николай Иванович, любезный, вам план действий понятен? — спросил он.

— Так точно, понятен, — ответил Сидоров.

— Тогда все, приступайте к действию и немедленно. Мы будем вас ждать на станции Щекино. Когда все закончите, выезжайте туда, будем от вас ждать подробный доклад.

— Мне бы в помощь кого, боюсь, что один ко времени не управлюсь, — с нотками сожаления в голосе произнес Сидоров, обращаясь к исправнику.

— Хорошо, если один не управитесь, возьмите с собой кого-нибудь, — согласился исправник.

— Если можно, то я бы взял с собой Аристов. Наши с ним волости соседствуют, и он тоже многих знает как в Ясной, так и в Колпне, — попросил Николай Иванович, теперь уже обращаясь к становому.

— Я не против, — махнул тот рукой.

На улице Сидоров, отвязывая от коновязи свою лошадь, повернул голову к Аристову.

— Езжай, Андрей, домой и постарайся привести себя в порядок, лучше будет, если ты немного поспишь. На станции будет полицмейстер и ты должен быть свежим, езжай, — проговорил он.

— Николай Иванович, вы думаете, я тут кого-нибудь боюсь из этих? — спросил Аристов, кивая головой в сторону здания управления, кривя губы и пытаясь отвязать свою лошадь, но это ему никак не удавалось.

— Андрей, я знаю, что ты никого не боишься, но ты разговорами теряешь время. Езжай домой и отдохни, — ответил ему Сидоров. Затем помог Аристову отвязать его лошадь, чуть ли не силой усадил его в пролетку, сунул ему в руки вожжи и хлестанул лошадь. Та резко взяла с места. — Езжай, езжай! — крикнул он Аристову вдогонку. Затем улыбнулся, покачал беззлобно по-отцовски головой и, усевшись в пролетку, тоже погнал свою лошадку.

* * *

Подъезжая к башенкам въездных ворот имения Толстых, Николай Иванович заметил скопление людей, в основном, это были молодые парни, одетые в студенче-

скую одежду. Увидев подъезжающую пролетку с сидевшим в ней полицейским, они расступились, и Николай Иванович проехал мимо них, останавливаться не стал. На территории имения тоже было многолюдно, но здесь среди приезжих он увидел и местных крестьян. Обстановка в имении, да и в самой деревне, была гнетущая, многие ходили с хмурыми лицами, с потупившими в землю взглядами. Были взгляды и исподлобья, так в основном смотрели на Сидорова приезжие люди, но противоположных действий с их стороны не было. Проехав к дому Толстых, Николай Иванович среди многих людей заметил лакея Тихона, тот как раз выходил из дома. Он отметил про себя, что Тихон осунулся, похудел, еще больше ссутулился.

— Здравствуй, Тихон,— поздоровался с ним Сидоров.

— Здравствуйте, Николай Иванович,— склонил Тихон голову.

— Какие дела у вас тут происходят, Тихон? — спросил Сидоров.

— Какие же теперь дела? — вопросом на вопрос ответил тот.— Льва Николаевича нынче должны привезти для похорон,— тихо и с горечью в голосе проговорил Тихон и поднял на Николая Ивановича то ли от бессонницы, то ли от слез красные глаза.

— А где же его хоронить будут?

— Около оврага. Туда уже пошли могилу копать,— ответил Тихон, указав рукой в нужную сторону.

— На кладбище надо бы, а то не по-людски как-то,— проговорил Николай Иванович.

— Такая была его, графская, воля,— сказал Тихон и перекрестился.

— А в доме-то есть кто из графских? — Николай Иванович кивнул головой в сторону дома.

— Нет никого, одна прислуга, а графы все на Засеку уехали, поезд с гробом встречать,— ответил Тихон.

— На Засеку? — переспросил Сидоров.

— Да, на Козлову.

— Так ведь его должны были на станции Щекино встречать, а не на Козловой Засеке.

— Нет, нет, на Засеке.

— А ты, Тихон, часом ничего не путаешь?

— Нет, я точно знаю: на Козловой Засеке будут гроб принимать.— Пойду я, Николай Иванович, подсоблю там, на кухне,— произнес он и, ссутулившись, направился в сторону двери.

Николай Иванович подстегнул лошадь и поехал в сторону оврага. Стоявших с лопатами в руках крестьян он увидел издали, неспешно подъехал к ним, остановил лошадь, но сам остался в пролетке. Крестьяне сняли шапки и картузы, трижды перекрестились и, поплевав на свои ладони, принялись рыть могилу. Работали молча. Одни всаживали в примороженную землю штык лопаты и выворачивали ее, другие эту землю откидывали, и на месте отвала стала заметно расти земляная горка, третьи, побряхывая при каждом ударе, подрубали топорами попадавшие корни деревьев. Николай Иванович слез с повозки и подошел к крестьянам.

— Могилу роете? — спросил он.

— Да. Для нашего барина Льва Николаева,— произнес один из копавших землю, яснополянский крестьянин по фамилии Фоканов. Сидоров хорошо помнил его. Помнил, как у Фоканова однажды конокрад увел лошадь, но он ее быстро нашел и вернул хозяину, за что тот был ему благодарен.

— А отпевать графа будут или нет? — спросил Николай Иванович.

— Я слышал, что не будут,— ответил Фоканов.— А ты, Кузьма, не слышал, будут

барина отпевать или не будут? — спросил он, обращаясь к другому крестьянину, тому, что рубил топором корни деревьев.

— Нет, в церковь его не повезут, и дома попа не будет,— ответил тот и, побрякывая, вновь принялся рубить корни.

Николай Иванович вернулся к лошади, сел в пролетку и, поигрывая вожжами, отправился в обратную дорогу. Заехав в Кочаковскую церковь и убедившись у священника, что Толстого отпевать не будут, помчался на станцию Щекино. Нужно было срочно докладывать, что гроб с телом будут принимать не на этой станции, а на станции Козлова Засека. Подъезжая к станции Щекино, Николай Иванович увидел огромное количество народа. Весть о том, что на станцию приезжает поезд, в котором везут мертвого Льва Толстого, быстро облетела округу, и из ближайших к станции деревень, не сговариваясь друг с другом, двинулись люди, чтобы проводить в последний путь своего знаменитого земляка и защитника.

Привязав свою лошадку к дереву поодаль от станции, Сидоров с трудом начал протискиваться сквозь массу людей к перрону. Многие, в основном женщины, не дождавшись поезда, уже пели «Вечную память». Мужики напирали на оцепление, но тонкую цепь полицейских и нижних чинов железнодорожной жандармерии им прорвать никак не удавалось. Пройдя сквозь оцепление, Сидоров вышел на заполненный полицией перрон. Исправника Галунского он увидел издали. Он стоял рядом с полицмейстером Вернером и что-то ему говорил. Полицейстер шел неспешно по перрону, заложив руки за спину и, видимо соглашаясь с Галунским, кивал головой. Увидев Сидорова, Галунский движением руки подозвал его к себе.

— Это местный урядник Сидоров, о котором я вам говорил,— объяснил Галунский полицмейстеру, а затем повернулся к Сидорову.— Докладывайте, Николай Иванович, все по порядку,— распорядился он.

Сидоров начал докладывать обстановку в Ясной Поляне и все то, что ему удалось узнать. Полицейстер и исправник слушали молча, не перебивая Николая Ивановича. А когда услышали о том, что гроб с телом будут принимать на станции Козлова Засека, а не на станции Щекино, оба мгновенно на него взглянули. Сидоров замолчал.

— А вы ничего не напутали? — спросил исправник.

— Никак нет. Какую получил информацию, такую вам и докладываю,— ответил Николай Иванович.

— Вы понимаете, какая на вас ляжет ответственность, если вы ошибаетесь. Если мы сейчас снимем оцепление и направим полицию в Козлову Засеку, а гроб с поезда снимут здесь, на этой станции? — тихим и каким-то металлическим голосом у Сидорова спросил полицмейстер, внимательно глядя на Николая Ивановича своими выпуклыми бесцветными водянистыми глазами.

— Так точно, понимаю,— после некоторого замешательства ответил Николай Иванович.— Какую я получил информацию в имении графа, такую вам и доложил,— вновь повторил он сказанное раньше. Во рту у него мгновенно пересохло, голос осел. Он осознал, в какую нехорошую ситуацию попал. Ситуацию, которая от него была независима, и которую он был не в силах направить в нужное для себя русло. Теперь все будет зависеть от того обстоятельства, где Толстые решат снимать с поезда гроб с телом графа. Либо на той станции, либо на этой. Либо он пан, либо пропал! Наконец полицмейстер отвел взгляд от Николая Ивановича и, повернувшись к исправнику, произнес:

— Если гроб с поезда здесь не снимут, тогда поступим следующим образом,— начал объяснять полицмейстер исправнику, но Николай Иванович не расслышал его дальнейших слов из-за неожиданно прозвучавшего паровозного гудка и шума, подхлотившего к станции поезда. Через некоторое время из-за поворота показался и сам

состав. Паровоз, фыркая и лязгая вагонными буферами, медленно подходил к станции. Успокоившийся было народ вновь зашумел и стал напирать на полицейский кордон. Еще немного и цепочка бы не выдержала, но в этот момент к ним на помощь подошли конные стражники. Они с двух сторон начали оттеснять людей от станции, и от этого получилась давка. Люди, продолжая петь «Вечную память», оказались стиснуты с боков, и были вынуждены отступить от станции. Лязгнув буферами, поезд остановился. В одном из вагонов открылась дверь и на платформу, придерживаясь за поручни, сошли несколько человек, среди которых был сын Льва Толстого Сергей, секретарь писателя Валентин Булгаков и пианист Гольднвейзер. Увидев на перроне большое количество полиции и жандармов, они заметно растерялись но заметив среди них Сидорова, которого знали, немного успокоились.

— Здравствуйте, Николай Иванович,— поздоровался с Сидоровым Гольденвейзер. Николай Иванович хотел было ответить на приветствие, но неожиданно перехватил на себе недовольный взгляд полицмейстера, тут же осекся на полуслове и не ответил на приветствие.

Полицейстер и исправник направились к сыну Льва Николаевича Сергею Львовичу, а подойдя, начали с ним о чем-то разговаривать. Николай Иванович не слышал их разговор, а потому развернулся и пошел в сторону. «Как же нехорошо получилось, что я не ответил на приветствие Гольденвейзера. Что же он теперь подумает обо мне?! Надо потом ему объяснить всю сложившуюся ситуацию»,— решил он.

Узнав от сына Сергея Львовича Толстого, что гроб с телом графа будут снимать с поезда на станции Козлова Засека, полицмейстер принял решение направить туда всех находящихся в его распоряжении полицейских. Пеших посадили в последний вагон поезда, а конные стражники получили указание следовать в Ясную Поляну своим ходом. Как только поезд отошел от станции Щекино, Николай Иванович направился к своей лошади, которую он оставил на привязи недалеко от станции, и спустя четверть часа уже был в Ясной. Проехав по деревне, он остановился недалеко от въездных башен имения Толстых, остался сидеть в пролетке. Сверху, с пригорка, ему было хорошо видно, как по дороге со стороны станции Козлова Засека к имению медленно приближалась многолюдная, растянувшаяся на несколько километров, шедшая колонной, похоронная процессия. Дюжие молодые парни, многие из которых были одеты в студенческую форму, на поднятых вверх руках несли гроб с телом Толстого. За гробом возвышались транспаранты, на одном из которых Сидоров прочел надпись: *Лев Николаевич! Память о твоём добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны.* Вдоль колонны, наблюдая за ее движением, следовали на лошадях конные полицейские стражники, а в самой колонне для поддержания в ней порядка шли пешие полицейские, но порядок никто не нарушал. У башенок процессию ожидал различный люд. Крестьяне и рабочие, мещане и купцы, студенты и интеллигенция, корреспонденты, фотографы и кинооператоры. Многие в надежде увидеть мертвого графа Толстого влезли на деревья, но плывший поверх людского потока, словно по волнам огромной и бурной реки, гроб был закрыт крышкой. С приближением к башенкам похоронной процессии все громче и отчетливее слышались слова «Вечной памяти», которую пели шедшие в колонне. Пение подхватили и находившиеся вокруг Сидорова люди, и под пение процессия медленно прошла между башенок и вошла в имение. Пройдя башенки, людской поток направился по Прешпекту вверх и вскоре подошел к дому Толстого, куда и занесли гроб с его телом.

Хоронили Льва Толстого на следующий день, 9 ноября 1910 года. Ночью землю немного прихватило морозцем, и утро выдалось прохладным. Сидорову вместе со становым Разумовским, несколькими урядниками и крапивенскими городскими по распоряжению исправника надлежало находиться возле могилы и поддерживать по-

рядок во время похорон графа. Приехав в Ясную Поляну ранним утром и оставив лошадь на подворье яснополянского крестьянина Фоканова, Николай Иванович направился к свежевырытой могиле. Там уже находились становой и городовые, немного позже подошли и урядники. Вскоре около могилы начали собираться люди, а ближе к полудню от дома Толстого к могиле двинулась и похоронная процессия. На этот раз гроб закрыт крышкой не был, и многие вновь влезли на деревья, чтобы лучше разглядеть лежавшего в нем графа. Под пение «Вечная память» похоронная процессия подошла к могиле, несколько крестьян быстро устелили землю венками и на венки опустили гроб. Фотографы и кинооператоры все происходящее, не переставая, снимали на свои аппараты. «На колени!» — раздался из толпы чей-то громкий голос, и вся масса людей встала на колени. Полицейские продолжали стоять. «Полиция, на колени!» — вновь выкрикнул тот же голос, и становой с урядниками и городовыми присели на одно колено и склонили свои головы. На какое-то мгновение наступила полная тишина, а затем, словно по чьей-то команде, все поднялись на ноги. Вновь запели «Вечную память», крестьяне заколотили гвоздями крышку, и гроб с телом графа Льва Толстого опустили в могилу. После похорон люди еще долго не расходились, не уходили и полицейские. Лишь спустя несколько часов имение Толстых частично опустело. После того как полицмейстер выехал в Тулу, исправник собрал полицейских, поблагодарил их за образцовый порядок во время похорон графа Толстого и распустил всех по домам.

Уставший, голодный и печальный вернулся домой в этот вечер Николай Иванович Сидоров.

Владимир Чисников

(г. Бровары, Киевская область, Украина)

«ШПИОН КАЕТСЯ» НЕНАПИСАННЫЙ РАССКАЗ ЛЬВА ТОЛСТОГО ДЛЯ «КРУГА ЧТЕНИЯ»

Родился в 1948 году в г. Шахтерске Донецкой области, кандидат юридических наук (1984), доцент, полковник милиции в отставке, ныне главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины, член Международной ассоциации историков права, Международной полицейской ассоциации (Украинская секция), член зарубежной секции редакционного совета журнала «Оперативник (сыщик)» (Москва), участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС (1986). Автор, соавтор и редактор более 700 публикаций и печатных изданий по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более тридцати лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Участник Международных Толстовских чтений, Международных Толстовских конгрессов и Толстовских правовых чтений. Печатался в журналах «В мире спецслужб» (Киев), «Новом журнале», «Неве» (С-Петербург), «Законность», «Шпион», «Оперативник (сыщик)» (Москва), а также в «Толстовском сборнике» (Тула), энциклопедии «Лев Толстой и его современники» (Вып.3.) и др.

Книга жизни великого мыслителя

В один из сентябрьских дней 1904 года Лев Николаевич Толстой, выйдя к завтраку, сказал своим домочадцам и гостям:

— А я сегодня провел время в прекрасной компании: Сократ, Руссо, Кант, Амшель,— и, удивляясь, как могут люди пренебрегать этими великими мудрецами и вместо них читать бездарные и глупые книги модных писателей, добавил: — Это все равно, если бы человек, имея здоровую и питательную пищу, стал бы брать с помойной ямы очистки, мусор, тухлую еду и есть их (1).

В это время писатель работал над «Кругом чтения» — сборником афоризмов, легенд, высказываний и коротких рассказов, составленных из произведений мыслителей разных стран, народов и времен, а также собственных писаний. Располагались они по темам ко всем дням целого года. Этот сборник, по мнению Льва Николаевича, должен был стать настольной книгой для всякого, кто искал смысл жизни. Читать ее надо было не как обычную книгу, а постепенно, день за днем, постигая заключенную в ней мудрость.

«Кругу чтения» Толстой придавал большое значение и считал ее важнейшей книгой своей жизни.

— Я не понимаю, — говорил он после выхода книги, — как это люди не пользуются «Кругом чтения»? Что может быть драгоценнее, как ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира? (2) ...Какая хорошая книга! Я сам ее составлял, и каждый раз, когда ее читаю, я духовно возвышаюсь (3).

Если заглянуть в творческую лабораторию писателя, то на одной из страниц его записной книжки за 1904—1905 годы имеется список задуманных им рассказов для «Круга чтения» (4). Эти рассказы Лев Николаевич намеревался помещать в рубрике «Недельное чтение» через каждые семь дней, начиная с 7 января. По его мнению, они должны были соответствовать содержанию каждого дня и как бы подводить итог чтению за неделю, являясь, по меткому выражению П. И. Бирюкова, «...колокольчиками, привлекающими внимание» (5).

Первоначально Л. Н. Толстой задумал темы для 28 рассказов, о чем сообщил И. И. Горбунову-Посадову. Спустя некоторое время количество тем увеличилось до 34. Вот их названия: 1) Ушедший странствовать от жены; 2) Кормилицы; 3) Жена пьяницы; 4) Оскорбитель-врач во власти; 5) Убийца, ужаснувшийся непротивлению; 6) Радость юродства; 7) Сновидения царя; 8) Александр Кузьмич; 9) Переманинов; 10) Паскаль; 11) Бродяга-князь; 12) Ребенок и старик; 13) Устюша. Три сестры; 14) Бестужева-Рюмина казнь; 15) Блудный сын; 16) Блудная жена; 17) Труп; 18) Отказ от военной службы; 19) Екатерина на суде; 20) Николай и казнь; 21) Шпион кается; 22) Землевладелица и мужики; 23) Любитель умирает во время спектакля; 24) Ангел велит убить ребенка; 25) Старик идет по воде к обедне; 26) Убийство Натальи (Минкиной, любовницы Аракчеева); 27) Менгдена сыновья; 28) Мужики едут судиться; 29) Дуняшка-горничная, преследуемая как крыса; 30) Елизавета и Лашетарди, пелеринаж в Троице; 31) Нехлюдов—деревенский; 32) Переселенцы; 33) Жировой; 34) Казак беглый (55, 301—302). Из намеченных сюжетов Львом Николаевичем были обработаны только восемь (1, 5, 7, 8, 10, 17, 24, 25), а остальные так и остались замыслами (6).

Секретарь и биограф писателя Н. Н. Гусев, комментируя список задуманных Толстым рассказов, сообщает сведения о 20 сюжетах (1, 2, 5, 8—10, 14, 17—20, 24—28, 30—33), а в отношении остальных замечает, что «...прочие нам неизвестны» (55; 584). Среди них значится и рассказ «Шпион кается», числящийся в записной книжке Л. Н. Толстого под номером 21 (55; 302).

Раскаявшийся шпион, кто он?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним биографию писателя. Из имеющихся в нашем распоряжении литературных и архивных источников, известны два случая, когда внедренные в окружение Толстого агенты тайной полиции признавались ему в своих грехах. Первым был студент Петербургского Лесного института Федор Симон (1887 г.), а вторым — унтер-офицер Тульского губернского жандармского управления Прокофий Кириллов (1896 г.). Признание Ф. Симона о сотрудничестве с тайной полицией оставалось для многих друзей писателя тайной, а вот признание тульского жандарма П. Кириллова получило широкий резонанс (7).

Следует предположить, что появление Кириллова в Ясной Поляне было связано с арестом в марте 1896 года тульского врача Марии Холевинской, обвиняемой в распространении запрещенных произведений Л. Н. Толстого. Одновременно с ее арестом начальник Тульского губернского жандармского управления (далее ГЖУ — В.Ч) полковник Миллер возбудил ходатайство перед Департаментом полиции о привлечении к дознанию в качестве обвиняемых графа Льва Толстого, как автора найденных преступных рукописей, а также его дочь Татьяну, как распространительницу. Однако Департамент полиции своим циркуляром от 1 апреля 1896 года предписывал, что «...ввиду особого занимаемого графом Толстым положения в качестве знаменитого отечественного писателя, возбуждение против него преследования... может повлечь за собою крайне нежелательные последствия», а поэтому по согласованию с мини-

стерством юстиции привлечение Толстого и его дочери к дознанию по делу Холевинской «...признается в настоящее время нежелательным» (8).

Несмотря на такое указание из Петербурга, полковник Миллер не терял надежды отыскать новый компромат против Толстого. В начале мая в Ясную Поляну был командирован секретный агент Иван Егоров (из запасных фельдфебелей), который шесть раз в течение трех недель приезжал в имение Толстых, а также в деревню Ясенки, где расспрашивал крестьян об их беседах с графом, фиксировал всех посетителей Ясной Поляны (9). К большому сожалению жандармов, отыскать какую-либо «крамолу» в действиях Толстого сыщику не удалось. Тогда полковник Миллер решил осуществить более сложную агентурную комбинацию.

В конце мая 1896 года в Ясной Поляне появился молодой человек, назвавшийся Прокофием Кирилловым, рабочим из Тулы. Сначала он попросил Льва Николаевича дать ему почитать книги, а спустя несколько дней — и запрещенные цензурой его статьи.

Просьба Кириллова была удовлетворена, о чем свидетельствуют записи в записной книжке Толстого. На одной из страниц рукой Кириллова написано «Тула. Петровская улица, д. Диковой. Прокофий Трофимов Кириллов». Далее следует запись, сделанная рукой дочери писателя М. Л. Толстой — «Письмо к..., Письмо Попова. Учение 12 Апостолов. Гонение на христиан. Царство Божие» (53; 282). Из разговоров с новым знакомым Лев Николаевич понял, что тот по своим убеждениям «нигилист и атеист». Их беседы нередко заканчивались горячими спорами. «Я от всей души говорил ему, что думаю», — писал впоследствии Толстой (69; 105).

Шпион кается

В начале июня Кириллов снова появился в Ясной Поляне. «Сидим мы раз все на террасе, — вспоминает Софья Андреевна Толстая, — подходит какой-то человек и прямо подходит к Л(ьву) Н(иколаевичу). Его спросили, что ему нужно. Он говорит, что нужно с Л. Н. побеседовать. Л. Н., как всегда, согласился и пошел с ним в дом» (10). Зайдя в кабинет, Кириллов передал Толстому записку, в которой сообщалось, что он является жандармским унтер-офицером и по заданию начальника Тульского ГЖУ должен следить за тем, что делается в Ясной Поляне. Далее Кириллов писал, что ему стало нравственно невыносимо исполнять свои служебные шпионские обязанности и он во всем признается Толстому (69; 105). По словам жены писателя, раскаявшийся жандарм якобы говорил: «О чем я буду доносить?.. Здесь все живут как святые...» (10).

Композитор С. И. Танеев, гостивший в это время в Ясной Поляне, отметил 6 июня 1896 года в своем дневнике: «Л. Н. за ужином рассказал, что к нему ходил человек, бравший у него книги, «Царство божие» и другие. Сегодня он ему подал бумагу и просил прочесть; в бумаге он признается, что он шпион, посланный жандармск(им) полковником, и говорит, что его мучила совесть и он решил признаться Льву Николаевичу» (11).

О чем именно говорил писатель с Кирилловым, прочтя его записку, нам неизвестно, но на следующий день в письме к сыну Льву Толстой писал:

«Вчера у меня было удивительное событие. Раза три ко мне приходил штатский молодой человек из Тулы, прося дать ему книг. Я давал ему мои статьи некоторые и говорил с ним. Он по убеждению нигилист и атеист. Я от всей души говорил ему, что думаю. Вчера он пришел и подал мне записку. Прочтите, говорит, потом вы скажете, что вы думаете обо мне. В записке было сказано, что он жандармский унтер-офицер, шпион, подосланный ко мне, чтобы узнать, что у меня делается, и что ему стало невыносимо, и он вот открывается мне. Очень мне было и жалко, и гадко, и приятно» (69; 105).

Софья Андреевна, комментируя впоследствии слова мужа, писала: «То, что правительство приставило его (Кириллова — В. Ч.) к должности шпиона, было противно Льву Николаевичу, но, с другой стороны, раскаяние и признание жандарма в том, что он делает дурное дело, доставило Льву Николаевичу радость» (10).

Большое значение факту раскаяния жандарма придавали последователи Толстого, видя в нем торжество толстовских идей и их очищающее влияние на «заблудшихся».

И. М. Трегубов в письме от 2 июля 1896 года писал Льву Николаевичу: «На днях я узнал, как к Вам ходил переодетый жандарм и как он потом покался в своем грехе. Это — чудо, и я убедительно прошу Вас записать или рассказать кому другому и попросить его записать все, что произошло с первого появления этого жандарма до последнего его слова и движения... Еще и еще подтверждение того, что Царство Божие близко» (83: 370). Однако просьба Трегубова осталась неисполненной. 8 июня Толстой в своем дневнике об этом событии оставил лишь краткую запись: «Третьего дня был жандарм-шпион, который признался, что он подослан ко мне. Было и приятно, и гадко» (53; 88).

Таким образом, есть все основания предполагать, что именно этот случай из жизни Толстого должен был лечь в основу рассказа «Шпион кается», который Лев Николаевич намеревался написать для «Круга чтения». К сожалению, замысел писателя так и остался нереализованным.

Три письма от «бывшего Тульской жандармерии шпиона»

Как же сложилась дальнейшая судьба раскаявшегося жандарма? Об этом мы узнаем из его писем Л. Н. Толстому, хранящихся в Рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Эти письма ранее полностью не публиковались и широкой литературной общественности неизвестны (12). Их текст дается на языке оригинала с соблюдением авторской орфографии.

Первое письмо от Кириллова пришло в Ясную Поляну через полтора месяца после его последней встречи с Л. Н. Толстым. На почтовом конверте довольно таки каллиграфическим почерком значился адрес: «Козловска-засека Московско-Курск(ой) жел(езной) дор(оги). Его Сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому. «Ясная Поляна» .

«Ваше Сиятельство! Лев Николаевич,— писал Прокофий Трофимович.— Я уволен со службы шпионов в дисциплинарном порядке (сего августа буду отправлен из г. Тулы в г. Муром Владимирской губ(ернии)(на родину) средств к жизни никаких не имею и незнаю теперь что мне делать?»

Нет ли у Вас кого-либо на моей родине из знакомых, по рекомендации которых я мог бы поступить на какое либо место. Родственников у меня на родине нет (они живут в Сибири). На первое время незнаю даже к кому и приехать. Помогите Лев Николаевич в этом моем первом шаге на трудовую жизнь. Напишите (конечно если можете) кому-либо, чтобы меня приняли на место хотя и не завидное, я и тому буду рад теперь. Не боюсь я за себя так, как боюсь за то чтобы не заставить голодать мое семейство, а в особенности моего ребенка.

На днях я приеду к Вашему Сиятельству... и попрошу еще у Вас рекомендательного (хоть на какое-нибудь место) письма. Я согласен в отъезд куда угодно (но лучше бы куда ни будь на Юг). Неоставьте моей просьбы за что буду весьма благодарен.

Июля 25 дня 96 г.

Ваш п(окорный) слуга

бывший жандарм

Прокофий Трофимов Кириллов

Тула».

После получения этого письма Лев Николаевич откликнулся на просьбу бывшего жандарма по приисканию работы для него. Были проведены переговоры с директором-распорядителем Судаковского чугуноплавильного завода П. П. Ризом, которого писатель хорошо знал. Петр Петрович дал согласие предоставить работу протеже Толстого, о чем свидетельствует второе письмо Кириллова. В нем он сообщал ясно-полянскому адресату:

«Ваше Сиятельство Лев Николаевич. Честь имею покорнейше просить Вас (если это не затруднит Ваше Сиятельство, и найдет время) сообщить господину Рису, что я в данное время свободен и следовательно могу занять место (обещанное мне г. Рисом) сейчас же по получении мной ответа.

Так как я в г. Муром по некоторым соображениям не поехал, и не поеду. А также не найдется ли возможным попросить г. Рису поместить меня с семейством (в одном из вновь строящихся зданий на квартиру, что даст мне возможность серьезнее (не отрываясь) относиться к порученному мне делу, и быть постоянно на своем месте.

Если свободного для помещения меня места на заводе не окажется, то хоть не будет ли контора завода так любезна по отношению ко мне сообщить род моих обязанностей и занятий, что мне даст средство соображаясь с данными мне обязанностями, снять квартиру и где будет удобно, а также было-бы мне жалование узнать и оклад жалованья (хотя я это считаю не обязательным для себя).

Считаю долгом предупредить контору завода чрез посредство Вашего Сиятельства, что я как техническими, а так равно и кондитерскими способностями не обладаю, и нигде при подобного рода постройках участия не принимал, пусть все это при назначении меня на новую должность принимали-бы во внимание.

Увольнительные документы я еще из Управления не получал, но это кажется не имеет большого значения, потому что меня все знают из полицейских чинов, а, во-вторых, я их получу очень скоро через день-два или три дня.

Остаюсь в совершенном почтении

Вашего Сиятельства покорн(ый) слуга Кириллов.

1896 г. Августа дня г. Тула».

Прошел почти год. Следующее письмо от Кириллова Лев Николаевич получил 24 июня 1897 года из Одессы. Судя по его содержанию, предложенная П. П. Ризом бывшему жандарму работа его не удовлетворила и он вместе с семьей в поисках лучшей жизни отправился на юг России.

«Ваше Сиятельство Лев Николаевич! — писал Кириллов.— Шлю Вам сердечный привет из далекого Юга, куда меня загнала жажда всеведения. Хлеба доставать трудом я научился, и благодаря Вашим добрым советам превратился из лежебоки и трутня в рабочего, но духовно моя жажда не удовлетворена. Читаю всякую дрянь из бесплатных городских читален, интересуюсь всякой заметкой газет о Вашем здоровье, но к сожалению это очень редко выпадает на мою долю, узнал что Вы были в СПб (Санкт-Петербурге — В.Ч.), думал приехать в Тирасполь посмотреть пещеры Тырновских затворников да и только.

Жил около 3-х месяцев в Киеве, видел все шарлатанство (прикрытое религиозными верованиями) Киевских монахов. Дух мой возмущался при одном воспоминании всех видов обирания в Лавре верующих христиан этими русскими иезуитами. Я ездил в Константинополь и сравнивая магометанство с христианством пришел к тому убеждению что в смысле купли, продаж и обирания Христианство стоит на очень низкой ступени религиозных верований человека.

Посылаю Вам вырезку из одной Одесской газеты о Вашем двойнике на острове Цейлоне. Извините Ваше Сиятельство, что осмеливаюсь Вас беспокоить всякими

пустыками. Выезжаю сегодня в Севастополь, где пробуду около 2 или 3 недель. Не откажите прислать мне что-нибудь почитать, если можно то вышлите, пожалуйста, брошюрку (точно название которой не упомяну) в которой говорится о преследовании людей отказывающихся от солдатчины, за что буду благодарен.

Адрес: г. Севастополь до Востребования Прокофию Кириллову.

Или что нибудь в этом духе, от жажды духовной и без умственной пищи, положительно приходишь в оцепенелое состояние.

Желаю здоровья.

Бывший Тульской Жандармерии Шпион

П. Кириллов».

В конверте вместе с письмом находилась вырезка из газеты «Одесский листок» от 1 (13) июня 1897 г. (№ 141) со статьей В. Дорошевича «На Сахалине». XXV. Граф Толстой о. Цейлона».

Это было последнее письмо П. Т. Кириллова в Ясную Поляну.

Примечания

1. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л. Н. Толстого. 1909 — 1909. Сост., вст. статья и прим. А. И. Шифмана. М., 1973. — С. 47.

2. Там же. — С. 158.

3. У Толстого. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. 3. — С. 405.

4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбил. изд.). М., 1937. Т. 55. С. 301—302. Все последующие ссылки на сочинения Л. Н. Толстого даются в тексте по данному изданию: первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

5. У Толстого. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. 1. — С. 166.

6. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891—1910. М., 1960. С. 503—504.

7. Об агентах тайной полиции, следивших за Л. Н. Толстым, см.: Чисников В. Н. Справа яснополянского агента // Наука і суспільство (Київ).— 1985.— № 9 — С. 59—61; Его же. Агенты охраны в Ясной Поляне // Социалистическая законность (Москва).— 1988.— № 11.— С. 61—64; Его же. Лев Толстой: «Я под присмотром тайной полиции...» // Именем закона (Киев).— 1991.— июль — август (№ 27—30); 1992.— 29 мая (№ 22); Его же. «Имею честь донести...» (Неопубликованные полицейские донесения об уходе и смерти Л. Н. Толстого) // Именем закона.— 1992.— 20 ноября (№ 47); Его же. Не Симонов, а Симон ! // Новый журнал.— 1995.— № 1.— 189—190; Его же. Шпионы в Ясной Поляне // Шпион (Москва).— 1995.— Вып. 7.— С. 60—67; Л. Н. Толстой и С. В. Зубатов // Русская классика: проблемы интерпретации. Материалы XI Барышниковских чтений.— Липецк: ЛГПУ, 2002.— С. 78—87; Его же. Секретная миссия студента Симона // В мире спецслужб (Киев).— 2004.— № 5.— С. 45—48; Его же. Жандармский обыск в Ясной Поляне // В мире спецслужб.— 2006.— № 3(15) (апрель).— С. 36—41; Его же. Владимир Кривош: «оставить в подозрении» // Нева.— 2008.— № 7.— С. 216—224; Его же. Тайное отпевание на могиле Л. Н. Толстого 12 декабря 1912 года // Нева.— 2008.— № 9.— С. 219—228; Его же. Федя Протасов — агент Охранки?! Загадка пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп» // Нева.— 2013.— № 1.— С. 211—223.

8. Рукописный отдел ГМТ. Дело Департамента полиции № 349. ч. 2 «Записки об учении графа Л. Н. Толстого», л. д. 33.

9. Петухов А. А. Беседы с тульскими рабочими // Советские архивы.— 1978.— № 5.— С. 98.

10. Толстая С. А. Моя жизнь // Новый мир.— 1978.— № 8.— С. 118.

11. Танеев С. И. Дневники. Кн. 1: 1894—1898.— М., 1981.— С. 158.

12. Некоторые выдержки из писем П. Т. Кириллова были опубликованы автором статьи в газетах «Коммунар (Тула)», 1988, 18 авг. и «Юридичний вісник України» (2001, 7—13 верес., № 36).

Александр Сахаров

(пос. Белоозерский Московской области)

Инженер, писатель. Окончил Московский физико-технический институт. Автор ряда статей о А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, по истории России, опубликованных в журналах «Москва», «Московский журнал», «Сура», научных сборниках. Участник российских и международных пушкинских и лермонтовских конференций, Багратионовских чтений. Член Союза писателей России (МГО), Московского Лермонтовского общества.

Надежда Сухова

(г. Жуковский Московской области)

Окончила Московский физико-технический институт. Работала инженером, преподавателем математики в вузе, занималась историей. В настоящее время — преподаватель курса истории искусств в МФТИ. Автор ряда статей по истории России XIX в. Сфера научных интересов — Отечественная война 1812 г., личность и боевая деятельность кн. П. И. Багратиона, Крымская война. Постоянный участник научных конференций по истории Отечественной войны 1812 г., пушкинских чтений в ГИЛМЗ А. С. Пушкина «Б. Вяземы-Захарово» и др. Награждена крестом Общественного совета по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года, почетными знаками Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника и ГИЛМЗ А. С. Пушкина «Б. Вяземы-Захарово». Член историко-патриотического объединения «Багратион».

«КНЯЗЬ ГАЛЬЦИН, ПРИЕХАВ ИЗ ПЕТЕРБУРГА...»

Поиск прототипа

Светлой памяти Игоря Сергеевича Тихонова

В истории любого народа, любого государства существуют события, оказавшие определяющее влияние как на дальнейшее развитие всей страны, так и на формирование самосознания каждого гражданина. Для России таким событием стала Восточная или, как ее часто называют по наиболее яркой, драматической и значительной по своим результатам части, Крымская война.

И если ровесники А. С. Пушкина называли себя «детьми 1812 года», то следующие за ними несколько поколений, родившихся после разгрома Наполеона, в 20—30 гг. XIX в., не могли не связывать себя и свои жизни со скорбными событиями Крымской кампании:

*Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.*

(Солдатская песня о Севастополе)

Даже для Ф. И. Тютчева, родившегося в самом начале XIX в., «...Крымская война была <...> своего рода центральным историческим событием, определившим самые существенные основы его мировосприятия. Поэт предвидел, предчувствовал это событие еще с 1830-х годов, исключительно драматически и остро пережил его, а в последующие десятилетия как бы направлял свои главные усилия к преодолению его последствий».

Среди тех, чью судьбу во многом определила эта война, был и молодой офицер-артиллерист Лев Николаевич Толстой. Именно его «Севастопольские рассказы», а также письма и дневники, стали одним из важнейших документальных источников о трагических событиях в Крыму.

Пробыв после оставления университета некоторое время в Ясной Поляне, Толстой приехал на Кавказ к брату Николаю. Прожив около пяти месяцев в Пятигорске, осенью 1851 года Лев Николаевич поступил юнкером в 4-ую батарею 20-й артиллерийской бригады, стоявшей в казацкой станице Старогладовской, на берегу Терека, под Кизляром. Около двух лет Толстой оставался на Кавказе, участвуя во многих стычках с горцами и подвергаясь опасностям боевой кавказской жизни. Когда же в конце 1853 г. началась Крымская война, Толстой перевелся в Дунайскую армию, участвовал в сражении при Ольтенице и в осаде Силистрии.

Поручик Л. Н. Толстой

Находившийся к моменту высадки под Евпаторией войск союзников (Англии, Франции и Турции) в Дунайской армии в качестве офицера по особым поручениям в штабе М. Д. Горчакова, подпоручик Л. Н. Толстой попросил о переводе в Севастополь. В осажденный город он прибыл 7 ноября 1854 г. и был назначен в 3-ю легкую батарею 14-й артиллерийской полевой бригады. В январе 1855 г. его перевели в такую же батарею 11-й бригады, стоявшую в Бельбеке. Весной 1855 г. Л. Н. Толстой был переведен на одно из самых ключевых мест в Севастопольской обороне — Язоновский редут. «За нахождение во время бомбардировки на Язоновском редуте 4-го бастиона, хладнокровие и распорядительность для действий против неприятеля» Л. Н. Толстой был досрочно произведен в поручики и награжден орденом Св. Анны 4-й степени. Позже он описал 4-й бастион и Язоновский редут в рассказе «Севастополь в декабре месяце».

4 августа 1855 г. он участвовал в самом кровопролитном сражении Крымской войны — Чернореченском.

В дневниках и письмах Л. Н. Толстого в это время, а также в более поздних воспоминаниях о Севастополе можно встретить фамилию Голицын. Так, в своем дневнике 7 декабря 1854 г. Толстой пишет: «...на Графской играла музыка и долетали

звуки труб какого-то знакомого мотива, **Голицын** (здесь и далее выделено нами — *А.С., Н.С.*) и еще какие-то господа, облокотясь на перила, стояли около набережной».

Прототип одного из персонажей рассказа «Севастополь в мае» **князь Гальцин** может быть с большой вероятностью соотнесен с представителем рода Голицыных, ведь созвучия имен и фамилий характерны для произведений Л. Н. Толстого (достаточно вспомнить: Волконский — Болконский, Дорохов — Долохов, Денис Давыдов — Денисов и т.д.), к тому же в первом варианте и в издании «Современника» фамилия этого персонажа писалась иначе — Гальцын).

Л. Н. Толстой, находившийся в дружеских и родственных связях с представителями рода Голицыных, встречался с ними и в Севастополе. С кем из Голицыных мог встречаться Толстой, кого упомянул он в своих дневниках, письмах, рассказах? К сожалению, все найденные нами упоминания о Голицыных у Толстого носят «безымянный» характер: он ни разу не упоминает ни имени, ни инициалов, ни «порядкового» армейского номера представителей рода Голицыных. С этим связана трудность их идентификации. Мы поставили себе целью решить эту задачу.

* * *

Уже обладая некоторыми познаниями в родословии князей Голицыных, мы сразу же предположили, что вероятным прототипом князя Гальцина может быть капитан 2 ранга Михаил Павлович Голицын (1825, по др. сведениям 1822—1868). Обратившись к комментариям в собрании сочинений Л. Н. Толстого, мы с радостью нашли подтверждение нашей догадки и решили, что задача была решена до нас. Однако, прочитав комментарии, мы так и не обнаружили в их тексте сведений о знакомстве Л. Н. Толстого с М. П. Голицыным и о пребывании последнего в Севастополе в период его осады. Мы обратились к универсальному источнику сведений о морских офицерах, каковым является Общий морской список. К нашему изумлению, оказалось, что в Севастополе по делам службы М. П. Голицын бывал лишь до войны — в 1852 г. и после войны — в 1857 г. Но, возможно, он познакомился с Толстым еще до Севастополя — на Дунае, т.к. в 1853—1854 гг. участвовал в боевых действиях флотилии на Дунае, был при переправе русских войск через Дунай у Браилова и при осаде Силистрии, а писатель «заимствовал» его черты при создании образа Гальцина, переместив его в Севастополь? Конечно, и такое возможно. Авторы комментариев к собранию сочинений не смогли нам ответить на вопрос о происхождении версии «князь Гальцин — М. П. Голицын» и мы решили продолжить поиск по двум направлениям: 1) выяснить, кто еще из представителей рода Голицыных был в период осады в Севастополе и мог встречаться с Толстым (а на это указывают, как говорилось выше, и дневники, и воспоминания писателя) и 2) попытаться уточнить сведения из Общего морского списка.

* * *

Среди выявленных нами по родословным росписям Голицыных — участников Крымской войны, которые находились или могли находиться в Севастополе в одно время с Л. Н. Толстым, можно назвать Николая Борисовича Голицына, его сына Юрия Николаевича (Юрку) и внука Евгения Юрьевича (будущего Голицына-Головкина), Александра Николаевича Голицына. Об их участии в Крымской войне и обороне Севастополя речь пойдет ниже.

В музее-панораме обороны Севастополя нам любезно предоставили сведения о князьях Голицыных, содержащиеся в картотеке музея. К сожалению, как и в ряде других случаев, в них не содержатся даже инициалы, а только чины и названия полков, в которых они служили.

Пока нам удалось установить имя лишь одного из них — князя Владимира Федоровича Голицына (1834—1876), сына князя Федора Андреевича Голицына и его жены Аделаиды Петровны (урожденной Загряжской). В годы Крымской войны он служил прапорщиком в лейб-егерском Бородинском ЕИВ полку, был ранен. За участие в сражении на р. Черной награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бантом.

* * *

Крымская война стала тяжелым испытанием для нашей Родины. И как в 1812 году, как и позже, в Отечественную войну 1941—1945 гг., на защиту Отечества поднимался «и стар, и млад», воевать уходили семьями. Возможно, именно эта модель поведения и обеспечивает в течение столетий устойчивость как государственных образований, так и семейно-родовых связей, как их основы.

Наиболее ярко эта тенденция проявилась в клане Голицыных в рассматриваемый нами период на примере семьи князя Николая Борисовича Голицына. Сам Николай Борисович широко известен как музыкант, аранжировщик, писатель. Принадлежащие его перу мемуары до сих пор являются одними из ценнейших документов эпохи. Его перу принадлежит непревзойденный по мастерству перевод на французский язык стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1836 г.), а позднее «Бахчисарайского фонтана» (1838 г.).

Николай Борисович Голицын
в гусарском мундире 1812 г.

Ветеран 1812 года, Голицын не смог остаться в стороне, когда началась Крымская война. Движимый патриотическим чувством, Николай Борисович организовал из числа крестьян отряд добровольцев, получивший наименование 45-й Ново-Оскольской дружины, входивший в состав Курского ополчения. Отряд отправился под Севастополь, где на равных с армейскими частями принимал участие в боевых действиях. Несмотря на свой возраст и состояние здоровья, сражался и командир отряда. Старый опытный боевой офицер не только принимал участие в опасных боевых операциях (за Чернореченское сражение 4 августа 1855 г. он был награжден орденом Св. Станислава 2 степени с мечами), но находил время, физические и душевные силы, чтобы своими репортажами о подвигах русского воинства поддерживать боевой дух в войсках.

Возраст, слабое здоровье, беспокойство за судьбу близких вынудили Н. Б. Голицына оставить армию. Но он не ушел на покой. Голицын организует сотни концертов, многие из которых — благотворительные, в пользу русской армии, раненых солдат и офицеров. Весь сбор (немалые по тем временам деньги) Н. Б. Голицын отправил на имя командующего русскими войсками на Дунае князя М. Д. Горчакова. Деньги собирались для помощи раненым, а также на сооружение мемориального памятника и часовни на кладбище, где похоронены защитники Севастополя.

Принял участие в Крымской войне и сын Николая Борисовича, князь Юрий Николаевич Голицын (1823—1872), известный под именем «Юрка».

По семейной традиции Юрий Голицын окончил пажецкий корпус, но поступил в гражданскую службу чиновником 14 класса. Возникшие накануне Крымской войны неприятности по службе совпали по времени с семейными раздорами. Так что реше-

ние ехать в осажденный Севастополь, возможно, было попыткой разом разрубить весь узел накопившихся проблем.

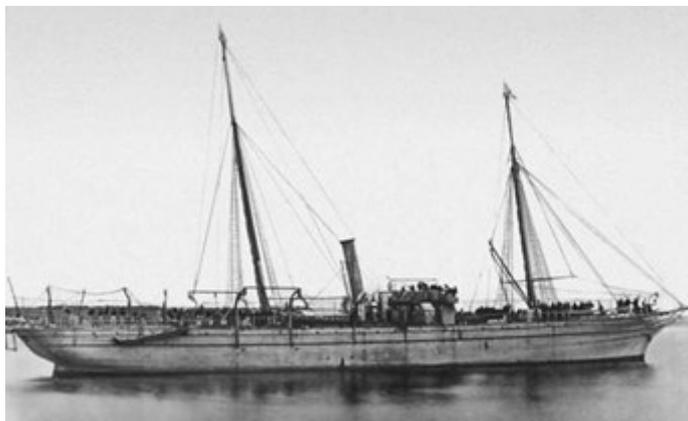

Юрий Николаевич Голицын
в мундире Курского ополчения

Юрий Николаевич не щадит себя, в нем сильно желание служить Отечеству. Он с гордостью сообщает, что у него содержатся в Севастополе 2 караула, и «500 человек охотников поступило в артиллерийскую прислугу и действуют молодецки». Но ни патриотической настрой, ни героическое сопротивление войск и населения уже не могли переломить ситуацию. В августе 1855 г. после затопления кораблей в Севастопольских бухтах, гибели руководителей обороны (адмиралов Корнилова, Истомина, Нахимова), падения Малахова кургана и общего штурма, город оставлен русскими войсками. Ю. Н. Голицын был контужен и отправлен домой еще до подписания Парижского договора.

Вместе с отцом покинул Севастополь и десятилетний Евгений. Князь Евгений Юрьевич (1845—1887) вместе с отцом находился под Севастополем в самые напряженные моменты боевых действий.

Поездка в Севастополь стала для него не приятной прогулкой к морю, но, как и для сыновей генерала Раевского в 1812 г., уроком долга и мужества. Впечатления Евгения были настолько сильными, что повлияли на всю его дальнейшую жизнь. По семейной традиции Евгений стал военным, но выбрал карьеру морского офицера, встречавшуюся в роду не так уж и часто.

Пароход «Веста»

Звездным часом молодого офицера стало участие в знаменитом бою небольшого парохода «Веста» со значительно превосходящим его по вооружению и скорости турецким броненосцем «Фетхи-Буленд». В своем донесении командир «Весты» капитан-лейтенант Н. М. Баранов особо отмечает геройское поведение в бою волонтера — лейтенанта Е. Ю. Голицына-Головкина: «Долг заставляет меня упомянуть о самоотвержении князя Голицына-Головкина. Заметь, что мостик в особенности осыпается снарядами и что некоторые из них сделали то, что весь мостик, деblindиро-

ванный мною от коек ввиду прикрышки ими машины, был залит кровью, Голицын под всякими предложениями старался заслонить меня, желая мне служить щитом».

Еще одну семью из рода Голицыных, принявших участие в Крымской войне, представляют два брата, Петр Николаевич (1831—1854) и Александр Николаевич (1834—1855) Голицыны, дети статского советника и камергера Николая Сергеевича Голицына (1780—1848) и его жены, Анны Петровны, урожденной Воейковой.

Судьба Петра Николаевича напоминает судьбу Пети Ростова, одного из героев романа «Война и мир», тоже погибшего в одном из своих первых боев. Об обстоятельствах его гибели мы можем узнать, воспользовавшись записью в дневнике А. О. Смирновой-Россет. Записывая известие о гибели на Дунайском фронте Восточной войны Андрея Николаевича Карамзина, сына знаменитого историка, она указывает, что он «погиб на пушке, которую он защищал под конец один с племянником моим Петрушей Голицыным».

Данных об А.Н. Голицыне, служившем в Волынском полку, а затем ординарцем генерала С.А. Хрулева, явно недостаточно, да они к тому же нуждаются в уточнении. Однако, дополнительную характеристику А.Н. Голицына как личную, так и «корпоративную» мы можем найти в воспоминаниях однополчанина Л.Н. Толстого подпоручика 11-й артиллерийской бригады Михаила Антоновича Вроченского: «Генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулев не любил окружать себя блестящими адъютантами, ему не нужен был блеск, лоск и красноречие, а работа, труд тяжелый и неустанный. Большинство его ординарцев состояло из юнкеров и армейских офицеров, людей **молодых, способных и решительных** (выделено нами — А.С., Н.С.).

<...>Прапорщик князь Голицын, весьма симпатичный юноша, служил ординарцем очень недолго; при передаче ночью какого-то приказа был убит в ложементх впереди Камчатского люнета».

Камчатский люнет был передовой позицией русских войск в непосредственной близости от переднего края союзников и выдерживал жесточайшие атаки и бомбардировки противника, защищая подступы к Малахову кургану.

Памятник А. Н. Голицыну на Братском кладбище Севастополя (фото А.А. Сахарова)

В описании некрополя Севастопольского Братского кладбища (захоронения на левой стороне от центрального входа) читаем: «Голицын Александр Николаевич, князь: прапорщик Волынского пехотного полка, ординарец генерал-лейтенанта С. А. Хрулева, затем траншей-майор в районе Камчатского люнета, где и погиб в апреле 1855 года». Крымские историки, составители описания некрополя считают, что именно он упоминается Л. Н. Толстым в его дневниковых записях 7 декабря 1854 года.

В то же время следует заметить, что по особенностям своего характера (о которых мы можем судить по требованиям С. А. Хрулева к своим ординарцам) он вряд ли может служить прототипом князя Гальцина.

Как известно, подразделения Волынского пехотного полка сражались на 4-м бастионе и Язоновском редуте, о чем свидетельствуют и монументы, установленные на Историческом бульваре Севастополя. Даже являясь ординарцем С. А. Хрулева, прапорщик А. Н. Голицын мог в свободное время навещать своих однополчан и встречаться со служившим на Язоновском редуте Л. Н. Толстым.

Вполне вероятно, что именно о встрече с А. Н. Голицыным неподалеку от Графской пристани упоминается в дневниковой записи Л. Н. Толстого в декабре 1854 г.

Возможно, что судьба братьев Голицыных была известна Л. Н. Толстому и послужила, наряду, безусловно, с еще многими аналогичными судьбами, основой для истории братьев Михаила и Владимира Козельцовых в рассказе «Севастополь в августе 1855 года».

* * *

В книге академика Петербургской Императорской академии наук Н. Ф. Дубровина (1837—1904), посвященной Севастопольской обороне, мы встречаем упоминание о важной миссии флигель-адъютанта Голицына (также, увы, «безымянного») осенью 1854 г. Он, как и персонаж Толстого князь Гальцин, приехал в Севастополь из Петербурга, имея поручение Императора доставить князю Меншикову благодарственный рескрипт: «...Меня счастливит геройская стойкость наших несравненных моряков, неустрашимых защитников Севастополя. Господь воздаст им за все их доблестные подвиги, которым и примеру еще не было» (из рескрипта Императора Николая I главнокомандующему князю А. С. Меншикову, октябрь 1854 г.).

«Отправив этот рескрипт с флигель-адъютантом князем Голицыным, Государь поручил ему обойти все бастионы и батареи и лично передать морякам благодарность Императора. С восторгом и слезами на глазах приняли герои восторженные и задушевные слова Императора, и, как бы еще большее подкрепление себя, спешили поклониться образу Спасителя, привезенному тем же князем Голицыным от имени Императора как дар и благословение севастопольскому гарнизону.

В шесть часов утра 28 октября на площади перед Николаевской батареей было совершено молебствие при собрании войск и огромном стечении народа...

С наступлением сумерек икона была обнесена по всей оборонительной линии и затем поставлена на подготовленном для нее месте у входных ворот Николаевской батареи».

Вполне возможно, что именно этот князь Голицын был встречен Толстым неподалеку от Графской пристани в декабре 1854 г., возможно именно он — участник событий последних дней обороны, о которых Толстой рассказал Гольденвейзеру, и, возможно, его черты нашли отражение в образе князя Гальцина (не следует забывать, что «Севастопольские рассказы» художественное произведение, следовательно, любой из их персонажей, вообще говоря, является лицом вымышленным и может иметь как нескольких прототипов, так и не иметь их вообще).

Поиск этого Голицына заставил нас обратиться к списку флигель-адъютантов императора Николая I, среди которых были и представители рода Голицыных. И среди них — вновь мы встретили Михаила Павловича Голицына. Но как узнать, он ли был направлен императором в осажденный Севастополь или кто-то из его родных? Мы просмотрели множество документов, однако долго не могли найти ответ на поставленный вопрос.

Как вдруг, знавший о наших поисках сотрудник Государственного архива Российской Федерации, основатель и руководитель историко-патриотического объединения «Багратион» Игорь Сергеевич Тихонов* (1956—2016), показал нам ксерокопии

---

* Игорь Сергеевич, без сомнения, являлся одним из самых выдающихся ученых, изучавших и изучающих эпоху наполеоновских войн. Ему принадлежит ряд важных и замечательных трудов, посвященных событиям Отечественной войны 1812 г. Его основной темой являлось изучение жизненного пути одного из самых ярких российских полководцев — Петра Ивановича Багратиона. Занимаясь биографией и родственными связями Багратиона, Игорь Сергеевич являлся одним из крупнейших знатоков эпохи наполеоновских войн. Не было ни одного маститого ученого старшего и среднего поколений, который не обращался бы к нему за помощью или советом. И Игорь Сергеевич всегда охотно помогал каждому. Помогал, не считаясь ни со своим здоровьем, ни со своим отдыхом, забывая о самых неотложных делах, об отпуске, о сне...

страниц дневников великого князя Михаила Николаевича, бывшего тогда с братом в Севастополе, в которых говорится о приезде флигель-адъютанта князя Миши Голицына с письмами от родителей и копии писем императора Николая I к светлейшему князю А. С. Меншикову. Из этих документов стало совершенно ясно, что именно М. П. Голицын и был тем личным курьером, доставившим в Севастополь благодарственный рескрипт и икону.

Почему об этой поездке ничего не сказано в Общем морском списке, неясно. Можно лишь предположить, что поездка была связана с придворной, а не морской службой Михаила Павловича.

Так кто же он такой — Михаил Павлович Голицын, вероятный прототип князя Гальцина, приехавшего из Петербурга?

* * *

Михаил Павлович был предпоследним из пятерых сыновей (всего в семье было 9 детей) полковника в отставке (с правом ношения мундира), действительного статского советника и камергера Павла Алексеевича Голицына и его жены Варвары Сергеевны, урожденной Кагульской. В семье его называли Михаилом младшим, т.к. старший его брат, носивший то же имя, умер в детстве.

В семилетнем возрасте он был произведен в гардемарины и унтер-офицеры. В 1838 г. князь был выпущен из корпуса мичманом, а в 1842 г. произведен в чин лейтенанта. Не заставили себя ждать и первые награды: от Прусского короля он получает орден Красного Орла 3 степени, а в 1848 г. ему присвоен чин капитан-лейтенанта, он награждается шведским орденом Св. Олафа. В 1850 г. он награжден орденом Св. Анны 2 степени. 8 апреля 1851 г. Михаил Павлович становится флигель-адъютантом. В 1853—1854 гг. участвует в боевых действиях на Дунае, за участие в переправе через Дунай награждается орденом Св. Владимира 4 степени, в марте произведен в капитаны 2 ранга. В 1855 году он командирован в Афины, в августе ему присваивается чин капитана 1 ранга.

Женитьба на графине Гудович укрепила его положение в среде военной элиты империи: князь дослужился до генерал-адъютанта, вице-адмирала, занимал должность директора департамента Морского министерства.

Личность князя Михаила Павловича, в отличие от более знаменитых представителей этого рода, весьма редко привлекала внимание историков. Несмотря на хорошие задатки, он не выигрывал сражений, не занимал очень высоких государственных постов, не отличился особо ни на научном, ни на литературном поприще. Главный его талант — талант усердного исполнителя. Его можно было бы назвать типичным добросовестным служакой николаевской закалки, каких было большинство в российской армии и флоте, если бы не судьба, приведшая его в Крым после окончания войны (1857), где он проявил себя, приняв участие в разрешении русско-британского дипломатического конфликта.

Крымская война вошла в мировую историю как один из самых кровавых конфликтов до начала XX века. В этот период погибло 153 тыс. русских солдат и офицеров, 96 тыс. французских и 23 тыс. английских. Значительные потери понесли турки (30 тыс.). Более 2300 человек потеряли итальянцы. По данным А. А. Орлова Сардинский корпус, насчитывающий в своем составе 15 тыс. солдат, полег целиком.

Взаимное истощение сторон было столь велико, что после падения Севастополя военные действия в Крыму прекратились, и 18(30) марта 1856 г. в Париже был подписан официальный мирный договор. Союзники покинули Крымский полуостров, оставив после себя 168 кладбищ на территории более чем 75 кв. верст (более 80 кв. км). Новый император Александр II при заключении Парижского мира торжественно

обещал, что оставленным могилам будет оказываться должное уважение. Однако скоро между Россией с одной стороны и Великобританией и Францией с другой возник серьезный дипломатический конфликт на этой почве.

Для проверки сведений о разрушениях могил иностранцев в Крыму туда и был послан флигель-адъютант императора, капитан 1-го ранга князь Михаил Павлович Голицын. Ему была поручена труднейшая миссия, с которой он справился столь достойно, что до сих пор его работа может служить образцом и руководством к действию, особенно в наше время, когда современное руководство страны, забывая о своем достоинстве, не имеет ни умения, ни желания защищать своих подданных: ветеранов и семьи погибших за свою страну.

Результаты своего расследования князь Голицын изложил в двух секретных рапортах военному министру, генералу от артиллерии Н. О. Сухозанету, а также в подробной записке, отправленной ему же. Послы Великобритании и Франции были проинформированы о результатах расследования и принятых российским правительством мерах. Кроме того, в специальной Ноте им сообщалось о том, что Россия впредь не допустит ограблений могил и разрушения кладбищ иностранных солдат.

М. П. Голицын не только собрал и проанализировал обширную информацию о фактах надругательства над могилами и их причинах, но и выдвинул ряд соображений, актуальных по сей день, по налаживанию надежной охраны мемориалов и способов финансирования этих мероприятий.

В то же время предлагалось министерству иностранных дел обратить внимание послов на то, что факты мародерства и разграбления союзниками могилы П. С. Нахимова пока не привели к предъявлению претензий русским правительством. Однако эта проблема не была тогда окончательно решена, более того, ряд выводов Голицына был проигнорирован. Это объясняется стремлением затушить конфликт и не обострять отношений с Европой, а также нежеланием выделить дополнительные средства из казны.

Роль князя М. П. Голицына, таким образом, быть может, неожиданно для него самого, оказалась очень значительной. Он первым из высокопоставленных российских чиновников поднял один из величайших вопросов в истории — вопрос об ответственности перед самим собой и перед будущими поколениями.

Ведь ни одна война не может считаться оконченной, если не похоронен хотя бы один погибший солдат. М. П. Голицын не только поднял этот вопрос, но исследовал корни данной проблемы и наметил реальные пути ее решения. Он имел смелость резко критиковать неумелые действия высших властей в Севастополе, а не сваливать всю вину на французских мародеров (хотя таковая и имела место), отстаивал свою позицию перед военным министром и для избежания в будущем неприятных эксцессов, предложил реальный план защиты мемориальных кладбищ,

Свиты Его Величества контръ-адмиралъ
князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ
ГОЛИЦЫНЪ.

Съ фотографіи
Денъера.

Изъ собранія портретовъ
Имп. Гл. Кв.

Михаил Павлович Голицын

небезынтересный до сих пор. И не его вина, что этот план не был реализован на практике.

Подводя итоги, мы должны отметить, что благодаря находкам И. С. Тихонова мы теперь можем с полным правом утверждать, что М. П. Голицын был в Севастополе в период с 26 октября 1854 г. по 1 января 1855 г. (9 января он был уже в Петербурге). А значит, он мог быть отмечен в дневнике Л. Н. Толстого, стоящим на набережной в окружении других лиц, а с учетом особенностей характера князя и его появления в Севастополе как посланца императора, приехавшего из Петербурга, он вполне мог послужить прототипом (одним из прототипов) для образа князя Гальцина.

Авторы выражают благодарность ведущему научному сотруднику отдела рукописей московского музея Л. Н. Толстого О. А. Голиненко (1931—2013), ведущему специалисту ГА РФ И. С. Тихонову, кандидату филологических наук, ведущему научному сотруднику ИМЛИ РАН М. А. Можаровой, ведущему научному сотруднику музея-панорамы обороны Севастополя Л. В. Голиковой за предоставленные сведения и помощь в работе.

Государственное учреждение культуры
«Тульская областная универсальная научная библиотека»
(ГУК «ТОУНБ»)

О Л. Н. ТОЛСТОМ И НЕ ТОЛЬКО... Книги как документ эпохи (Толстовская избранная библиотека)

Имя Льва Николаевича Толстого неразрывно связано с Тульским краем. Здесь он родился, жил, творил, здесь же был похоронен. Тульская областная универсальная научная библиотека располагает богатым собранием произведений писателя, а также литературы о его жизни и творчестве.

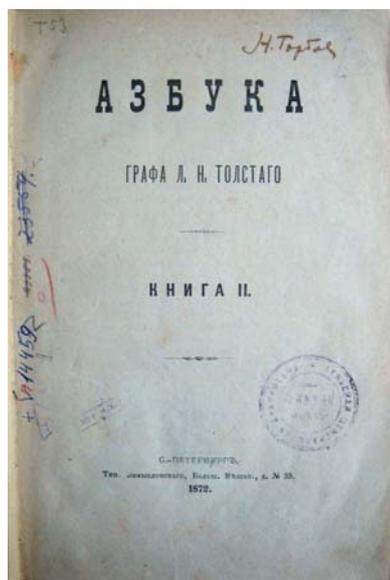
В середине XIX века Тульская губернская публичная библиотека испытывала значительные трудности в комплектовании фонда. На призыв тульского губернатора П. М. Дарагана с просьбой пожертвовать книги и денежные средства в пользу библиотеки откликнулись многие писатели и поэты. В создаваемую библиотечную коллекцию свои сочинения прислали Иван Сергеевич Тургенев, Алексей Степанович Хомяков, Дмитрий Васильевич Григорович, и, конечно же, Лев Николаевич Толстой. 26 июня 1857 г. состоялось торжественное открытие Тульской губернской публичной библиотеки, и книги стали доступны широкому кругу читателей.

В настоящее время в библиотеке хранятся более 70 прижизненных изданий Льва Николаевича. Коллекция включает художественные произведения, религиозно-философские сочинения, педагогические труды, вышедшие в свет в Москве, Санкт-Петербурге, Вышнем Волочке, Одессе, Женеве, Берлине, Лондоне.

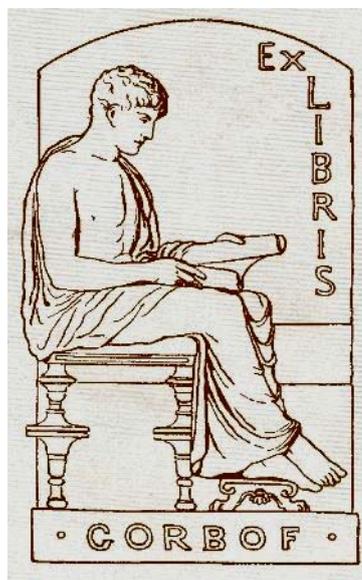

Прижизненные издания Л. Н. Толстого из фонда ТОУНБ

Некоторые из изданий, опубликованные при жизни Льва Николаевича, отмечены автографами людей, которые Толстого читали и изучали. Так, в первом издании «Азбуки» Л. Н. Толстого (СПб, 1872) имеются книжные знаки (экслибрис и автограф) Николая Михайловича Горбова, помещика Тульской губернии, библиофила, чья фамильная библиотека в 1918 г. вошла в фонд Тульской публичной библиотеки и фактически стала его ядром. Экслибрисом Н. М. Горбова отмечены и изданная в Лондоне на английском языке книга «Ходите в свете, пока есть свет» (Лондон, 1890) и в том же году опубликованная на французском языке «Крейцерова соната» (Париж, 1890).

Титульный лист «Азбуки» Л. Н. Толстого

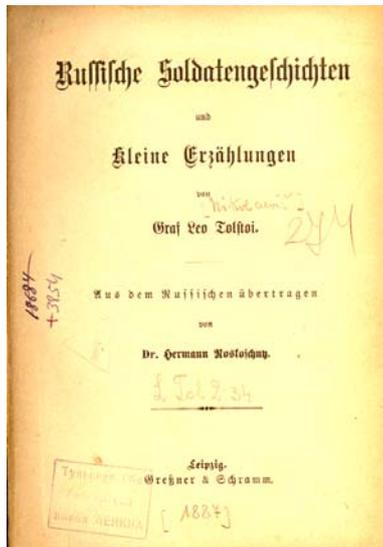
Экслибрис Н. М. Горбова

Следует отметить, что именно с XIX века начался настоящий интерес к русской литературе и ее вхождение в немецкое культурное сознание. В этот период практически все русские классики становятся достоянием немецкой культуры. И Лев Николаевич Толстой — не исключение. В фонде библиотеки имеется прижизненный сборник рассказов Льва Толстого на немецком языке, изданный в Лейпциге, предположительно в 1887 г. Включает рассказы «Набег. Рассказ волонтера», «Рубка леса», «Севастопольские рассказы», «Три смерти», «Метель» и другие. На титульном листе издания указано имя переводчика. Герман Роскошный (1845—1898) — немецкий писатель и издатель, учился в Праге и Мюнхене, с 1872 по 1873 гг. преподаватель высшего учебного заведения в Санкт-Петербурге. Известен как переводчик произведений Л. Н. Толстого на немецкий язык, в частности, как первый переводчик повести «Крейцеров соната».

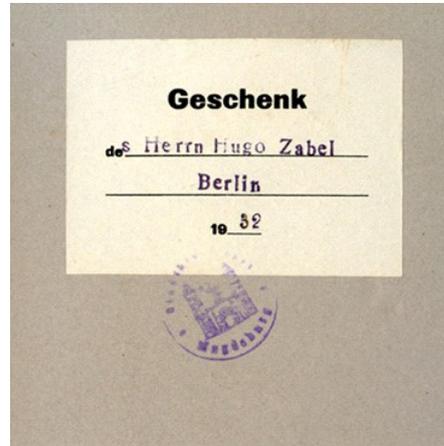
Интересна история бытования экземпляра. Книга отмечена штемпелем городской библиотеки г. Магдебург («Stadtbibliothek Magdeburg») и в Тульскую областную поступила в 1949 году. Ведь после Великой Отечественной войны утраченные книжные собрания советских библиотек было решено восполнять за счет перемещенных из Германии книг. Так произошло и с Тульской областной библиотекой, хотя, к счастью, ни ее фонд, ни здание во время войны не пострадали. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» были определены объемы и направления перебазирования населения, предприятий, ценностей культуры. В одном из проектов эвакуации для Тульской областной библиотеки предполагалась Казань.* Часть фонда была упакована в ящики, но отправка так и не состоялась. 3 ноября всем сотрудникам библиотеки были выданы на руки трудовые книжки — библиотека прекратила работу. 25 декабря, после того как враг был отброшен от тульских рубежей, работа библиотеки была возобновлена.**

* Мазурицкий А. М. Очерки истории библиотечного дела периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1995. С. 106.

** Библиотека. Не только книги: к 170-летию Тульской областной универсальной научной библиотеки. Тула, 2003. С. 46, 48.

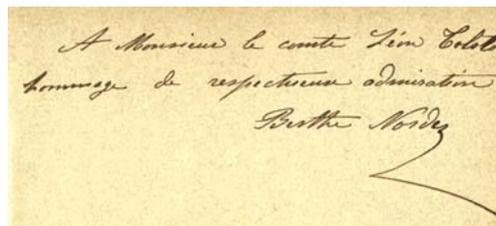
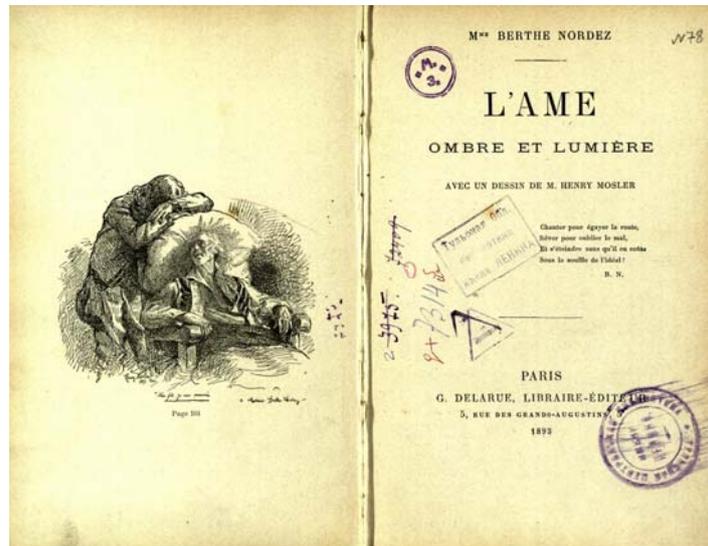

Титульный лист книги Л. Н. Толстого

Штемпель городской библиотеки г. Магдебург

Примечателен сборник стихов французской поэтессы Берты Норде, отмеченный дарственной надписью Л. Н. Толстому от автора: «Г-ну графу Льву Толстому в знак почтительного восхищения». Книга издана в Париже в 1893 г.

Книга Б. Норде с дарственной надписью Л. Н. Толстому

В библиотеке хранятся два экземпляра статьи «Зеленая палочка» Л. Н. Толстого. Впервые она была издана в 1911 г. после смерти писателя. Обе книги были выпущены в Москве в 1911 году в издательстве И. Д. Сытина и в просветительском издательстве «Посредник». Последнее возникло в Санкт-Петербурге в 1884 г. по инициативе Льва Толстого. В книге «Зеленая палочка» издательства «Посредник» текст произведения предваряет вступительная статья от издателя. В ней коротко представлены детские воспоминания писателя, под впечатлением которых «Зеленая палочка» написана. Издатель указывает, что «статью эту Лев Николаевич не считал окончательно обработанной, а потому она и не была напечатана при его жизни. В настоящее же время она получает особенное значение, как обращение Льва Николаевича из-за гроба к людям-братьям».*

«Зеленая палочка» Л. Н. Толстого, изданная впервые в 1911 г.

Интересен и «Календарь графа Л. Н. Толстого на каждый день», в котором писатель собирал мысли мудрых людей, «чтоб читатели испытали при ежедневном чтении этой книги то же благотворное, возвышающееся чувство, которое я испытываю при составлении и теперь продолжаю испытывать при ее перечитывании»**. Размышления о «предпочтении немногого хорошего большому количеству не только дурного, но и посредственного» в календаре 1905 года от 1 января писатель иллюстрирует цитатами Локка и Эмерсона о коллекциях книг. Ведь Эмерсон призывал размышлять «о том, что у вас есть в вашей маленькой избранной библиотеке... Мы обязаны книгам теми главными благодеяниями, которые исходят от высоких, разумных действий»***. Локк же отмечал: «Мы из породы жвачных, и недостаточно только набивать себя разными коллекциями книг: если только мы не пережеем всего хорошенько, книги нам не дадут силы и питания»****.

Образование народа Л. Н. Толстой твердо считал одной из самых важных задач. Его педагогические сочинения были напечатаны при жизни: «О воспитании», «Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь 1862 г.», «О народном образовании», «О методах обучения грамоте» и др., которые хранятся в фонде Тульской областной библио-

* Толстой Л. Н. Зеленая палочка. М. Тип. Вильде, 1911. С. 4.

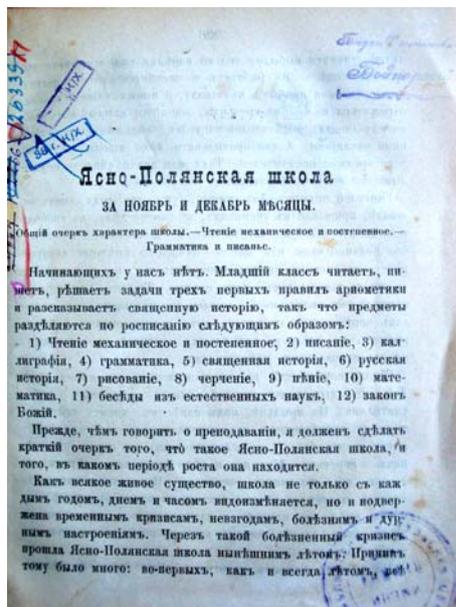
** Календарь графа Л. Н. Толстого на каждый день. [Б.м.], 1905. С. 2.

*** Там же. С. 3.

**** Там же. С. 3.

«Календарь графа Л. Н. Толстого на каждый день»

«Ясно-Полянская школа», отмеченная штемпелем Б. С. Боднарского

теки. Обучению «чтению механическому и постепенному, грамматике и писанию» посвящена первая из трех частей книги «Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь 1862 г.». Подчеркивается важность писанья, как главного способа изучения языка в Ясно-Полянской школе, где Толстой применял на практике свои педагогические воззрения. Любопытны приведенные в книге образцы сочинений учеников. На выбранную по собственному желанию тему «о поездке в Тулу» писал один из них — «Федька учится 3-ю зиму. Ему 10 лет». «О Туле. ...Вот я спросил батю. Бать! в какую это Тулу вы ездите, ай она хороша? Батя говорит: хороша. Вот я говорю, Бать! возьми меня с собой, я посмотрю Тулу, Батя говорит ну что-ж, пусть придет воскресенье я тебя возьму... Я сел на сани и поехал. Ехали, ехали, проехали четырнадцать верст. Я увидел высокую церковь и закричал: батюшка! Вон какая церковь высокая. Батюшка говорит: есть церковь ниже да красивей, я стал его просить, батюшка пойдем туда, я помолюсь Богу. Батюшка пошел. Когда мы пришли, то вдруг ударили в колокол. Я испугался и спросил батюшку, что это такое, или играют в бубны. Батюшка говорит: нет это начинается обедня. Потом мы пошли в церковь молиться Богу. Когда мы помолились, то мы пошли на торг. Вот я иду, иду а сам спотыкаюсь, все смотрю по сторонам. Вот мы пришли на базар, я увидел продают калачи и хотел взять без денег. А мне батюшка говорит, не бери, а то шапку снимут. Я говорю, за что снимут, а батюшка говорит, не бери без денег, я говорю ну дай мне гривну, я куплю себе калачика. Батя мне дал, я купил три калача и съел и говорю: батюшка, какие калачи хорошие. Когда мы закупили все мы пошли к лошадям и напоили их, дали им сена, когда они поели, мы запрягли лошадей и поехали домой, я взшел в избу и разделся и начал рассказывать всем, как я был в Туле, и как мы с батюшкой были в церкви, молились Богу...».*

Вторая часть книги «Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь 1862 г.» — «Священная история. Русская история. География», в третьей речи идет о рисовании

* Толстой Л. Н. Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь месяцы. [Б. м., 1862]. С. 299—300.

и пении. Интересна история бытования данного экземпляра из фонда ТОУНБ. Первая страница отмечена шрифтовым штемпелем Богдана Степановича Боднарского (1874—1968), книговеда, библиографоведа, журналиста, профессора, доктора педагогических наук, организатора и первого директора Российской книжной палаты, редактора и основного автора журнала «Библиографические известия».

История книг — история удивительная. Они несут след времени и истории, след человеческой руки, след отношений между людьми. Рассказывая свою судьбу, прижизненные издания Льва Толстого повествуют о людях так или иначе связанных с его именем, именем великого русского писателя XIX века. За страницами этих любопытных изданий встают забытые или вовсе неизвестные, но достойные памяти имена.

Библиография

1. Толстой, Л. Н. Азбука / графа Л. Н. Толстого. — Т. 2—4. — СПб., 1872.
2. Nordez, V. L'âme: ombre et lumière / Berthe Nordez; avec un dessin de M. Henry Mosler. — Paris : G. Delarue, libr.-éd., 1893. — (2), [2], 108 с.
3. Tolstoi, L. La Sonate a Kreutzer / Leo Tolstoj; traduit et publié par le Bureau Bibliographique de Berlin. — Ed. française. — Berlin : B. Behr's Buchhandlung; Paris: Librairie Nilsson; Amsterdam: Nilsson & Lamm; Londres (London): Franz Thimm & Co., 1890. — VI, (2), 118, [2] с.
4. Tolstoi, L. Russische Soldatengeschichten und kleine Erzaelungen / von Graf Leo Tolstoj; aus dem Russischen uebertragen von Dr. Hermann Roskoschny. — Leipzig: Gressner & Schramm, [1887]. — [4], 383 с.
5. Tolstoi, L. Work while ye have the light / L. Tolstoj; пер. E.J. Dillon. — London: William Heinemann, 1890 (Printed by Ballantyne, Hanson and co.). — [28], 218 с.

***Инна Куканова,
заместитель директора по научной работе
ГУК «Тульская областная универсальная
научная библиотека»***

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ

Книжный знак обладает важной исторической функцией, ведь он свидетельствует о том, что издание когда-то принадлежало определенному лицу, учреждению или организации. Эскилибрысы и штемпели, автографы и дарственные надписи, встречаемые на страницах изданий, позволяют подробнее познакомиться с судьбами людей и историей бытования изданий. Особое внимание в научно-исследовательской работе Тульской областной универсальной научной библиотеки уделяется выделенным отдельно книжным знакам на изданиях, принадлежавших людям, чья жизнь или профессиональная деятельность была связана с Тулой и Тульским краем.

Одним из самых известных деятелей Тульского края, несомненно, является Лев Николаевич Толстой (1828—1910). Человек начитанный, владелец большой домашней библиотеки, он всегда был готов помочь советом своим друзьям и знакомым. Так, в письме Ф. А. Страхову (1861—1923) он пишет:

Федор Алексеевич,

Записочку эту передаст вам Софья Ивановна Белобородова. Она содержит в Туле библиотеку и хочет пополнить свой каталог. Помогите ей вашим советом.

Л. Толстой.*

Софья Ивановна Белобородова (18??—1930), о которой идет речь в письме, была женой Якова Федоровича Белобородова (1826—1912), тульского нотариуса в 1867—

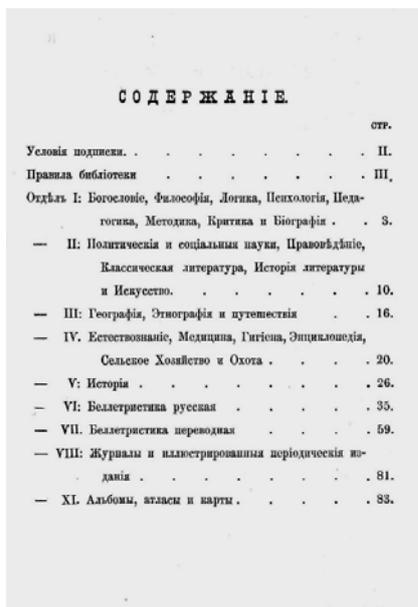
* Tolstoy.ru [Электронный ресурс] : [сайт]. Б. м., 2013—2017. URL: <http://tolstoy.ru/online/90/90/#10> (дата обращения: 13.07.18).

1895 годы, титулярного советника. Он в 1892 году вел дела по разделу имущества Льва Николаевича Толстого между Софьей Андреевной Толстой и всеми детьми. В 1880-е годы Софья Белобородова была книгопродавцем и владелицей частной библиотеки в Туле, расположенной на Киевской улице (ныне проспект Ленина).

Штемпель С. И. Белобородовой

В фонде Тульской областной библиотеки имеется десять изданий на русском и французском языках, отмеченных шрифтовым штампом «Библиотека С. И. Белобородовой въ Туле». Каждый год публиковался каталог книг библиотеки, один из таких выпусков за 1882 год также хранится в фонде ТОУНБ. Несмотря на то, что библиотека С.И. Белобородовой находилась на главной улице города, узнать более подробную информацию о ее владелице нам пока не удалось.

Титульный лист и содержание «Каталога»

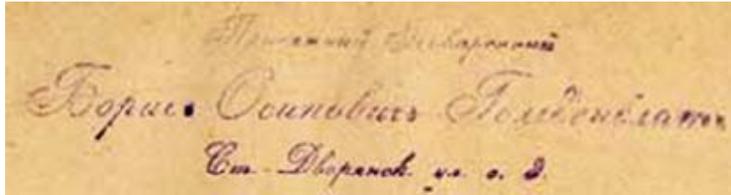
Сам Л. Н. Толстой неоднократно обращался за советом и содействием к Борису Осиповичу Гольденблату (1864 — ок. 1930) преимущественно по делам окрестных крестьян:

1900—1910 гг. Марта 28. Я. П.

Простите, простите, Борис Осипович, опять утруждаю вас.

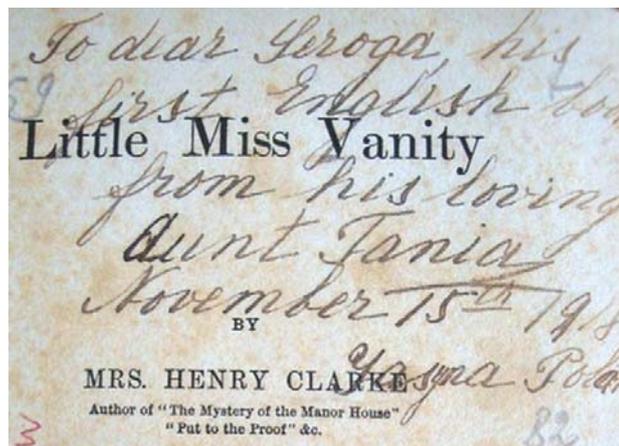
Что делать этому человеку: подать ли в суд, исправнику или губернатору?
Благодарный Л. Толстой.
28 марта.*

Род занятий Б. О. Гольденבלата указан на штемпеле «Присяжный Поверенный Борисъ Осиповичъ Гольденבלатъ Ст. Дворянск. ул. с. д.», которым отмечена одна из книг в фонде Тульской областной библиотеки.

Штемпель Бориса Осиповича Гольденבלата

В фонде Тульской областной универсальной научной библиотеки хранятся интересные издания, отмеченные автографами членов семьи Л. Н. Толстого. Так, на книге «Little Miss Vanity» детской английской писательницы миссис Генри Кларк (1853—1908) имеется автограф «To dear Seroga, his first English book from his aunt Tania. November 15-th 1918, Yasyna Polana» («Дорогому Сереже, его первая книга от тети Тани. Ноябрь 15-ого 1918, Ясная Поляна»). Оставлен он предположительно Татьяной Михайловной Сухотиной (в замужестве Альбертини; 1905—1996). Она являлась внучкой Льва Николаевича Толстого, единственной дочерью старшей дочери писателя Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой. Родилась и долгие годы жила в Ясной Поляне, которая и фигурирует в тексте автографа. Дарственная надпись адресована Сергею Николаевичу Оболенскому (1909—1992), которому на момент подарка исполнилось девять лет (автограф датируется 1918 г.). С. Н. Оболенский являлся внучатым племянником Л. Н. Толстого и до шестнадцати лет воспитывался в Ясной Поляне.

Автограф внучки Л. Н. Толстого Татьяны Михайловны Сухотиной

Фамилия Оболенских встречается и в других изданиях из фонда Тульской областной библиотеки. Пятнадцать экземпляров детских и юношеских книг английских и

* Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 90. С. 342.

американских авторов отмечены карандашными автографами «Н О» и «Н. Оболенская». К сожалению, идентификация книжного знака — автографа, экслибриса или штемпеля,— зачастую представляет собой непростую задачу. В случае с данными автографами можно предположить, что они принадлежали княжне Наталье Леонидовне Оболенской (в замужестве Абрикосовой; 1881—1955), которая являлась внучатой племянницей Льва Николаевича Толстого.

Автограф Натальи Леонидовны Оболенской

Безусловно, книжные знаки являются неиссякаемым источником познания. Экскурсия по штемпелям и автографам, оставленным на книгах из личных коллекций родных и друзей Л. Н. Толстого, позволила познакомиться с удивительными людьми, чья жизнь и деятельность была неразрывно связана с великим писателем Тульского края.

Библиография

1. Государственная дума: Стенографические отчеты. 1906 год.— С.-Петербург: Государственная типография.— Т. I.— 1906.— XXII, 866 с.
2. Aimard, G. La Grande flibuste / G. Aimard.— Sixième éd. / Reproduction interdite, traduction réservée.— Paris : Amyot, éd., 1864 (Imp. De l'illustration, A. Marc).— [4], 414 с.
3. Alcott, L.M. Good Wives: a story for Girls being a Sequel to "Little Women" / L. M. Alcott.— London: Blackie & Son Ltd., s.a.— 223, [2] с. + 1 л. фронт. + 4 л.ил.: ил.
4. Clarke, H. Little Miss Vanity by Mrs. Henry Clarke author of "The Mystery of the Manor House", "Put to the Proof" etc.— With thirteen ill. by W.S. Stacey.— London: Blackie & son Ltd. Glasgow; Bombay, s.a.— 112 с. + 1 л. фронт.: ил.

Софья Кобякова,
заведующая сектором литературы на иностранных языках
ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека»

КАЛЕНДАРЬ-СПРАВОЧНИК «ТУЛЬСКИЙ КРАЙ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ»

Есть еще одна чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения как науки. В ней нет «двух уровней». Одного уровня — для ученых-специалистов и другого — для «широкой публики». Краеведение само по себе популярно.

Д. С. Лихачев

Календарь «Тульский край. Памятные даты» является традиционным изданием, отражающим наиболее знаковые

события в истории края, его экономической, научной, культурной жизни, а также факты из жизни и деятельности выдающихся людей, чьи имена связаны с Тульской областью и губернией.

Календарь «Тульский край. Памятные даты» является полновесным справочно-библиографическим изданием, состоящим по традиции из двух отчетливых частей. Первая представляет собой перечень распределенных по месяцам знаменательных дат, которые сопровождаются краткой исторической информацией. Вторая включает развернутые статьи, исследовательские материалы, архивные документы, позволяющие наряду с получением общего представления о людях и событиях, осветить ранее не публиковавшиеся данные, результаты многолетних архивных изысканий, библиографические редкости, списки литературных и архивных документов, помогающие при необходимости разыскать дополнительную информацию. Каждая статья подкреплена библиографическим списком, который, являясь необходимым дополнением, дает возможность любому человеку — ученому, литератору, историку, философу, промышленнику, артисту, рабочему, студенту — самостоятельно продолжить работу в различных ее формах: от школьных сочинений до серьезных научных исследований.

Календарь знаменательных (памятных) дат позволяет приобщить молодое поколение к культурному и историческому богатству Тульской области и губернии, служит удовлетворением жажды знаний по краеведению и сохранению исторической памяти.

В издании «Тульский край. Памятные даты» за 2018 год достойное место заняли важные даты, связанные с военной тематикой, музейным делом, театральным искусством, литературой и просвещением. В общем ряду знаменательных и памятных дат — литературный юбилей, связанный с 200-летием со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева, 190-летием со дня рождения всемирно известного писателя Льва Николаевича Толстого. 2018 год является юбилейным для нескольких музеев Тулы и области, и составители посчитали нужным включить о них статьи в календарь. Ведь, как отмечал академик Д. С. Лихачев: «На музеях лежит ответственнейшая задача нравственного воспитания людей, развития у них эстетического вкуса и поднятия культурного уровня». 185-летие начала деятельности Тульской губернской публичной библиотеки отпразднует ее преемница, Тульская областная универсальная научная библиотека, которая является самым крупным книгохранилищем региона.

Представленные материалы тематически весьма разнообразны. Об исторических персонах, наших современниках и учреждениях, которые вписали самые яркие страницы в жизнь родного Тульского края, рассказывают различные статьи, включая публикации.

Надеемся, что настоящее издание, как и предыдущие, вызовет интерес у широкого круга читателей и будет полезно исследователям: профессиональным историкам, краеведам, работникам библиотек и архивов, преподавателям и студентам.

В связи с тем, что работа по пополнению календаря будет продолжена в последующие годы, редколлегия будет признательна за предоставленные сведения и материалы, способствующие дальнейшему развитию издания. Мы надеемся с Вашей помощью сделать издание максимально насыщенным, точным и интересным.

Приятного чтения!

*Татьяна Тихоненкова,
директор ГУК «Тульская областная
универсальная научная библиотека»*

ПРОЗА МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Алексей Яшин
(г. Тула)

СОКРОВИЩА СМИРЕННЫХ
Повесть о былом и нравоучительном *

Советский плакат 1950-х годов

♦ «...тью артиллерийскими залпами!» После этих слов слушавшие перестали внимательно смотреть на колокол-динамик, задвигав кружками, зашумели, заговорили. Николай Финогенович поднял кружку, глотнул вкуснееющего с каждым новым повтором пива. Кружка, холодная, скользкая, тяжелая, то и дело дергала руку вниз, когда он заговаривался с соседями, забывал о ней на миг. Тогда она звонко касалась увешанного медалями лацкана. Николай Финогенович спохватывался, снова подносил ее к губам. В пивном павильоне центрального парка стоял гомон. Музыка и голоса, слитые в одно шумное, неслись со всех сторон, пробираясь к крытой тентом пивной по асфальтовым просекам столетних деревьев. Шумели на веранде, где стоял Николай Финогенович, из очереди: смехом, голосами подвыпивших фронтовиков, легким матом — на буфетчицу за недолив, на бога за вчерашний град, на горсовет за неумение организовать даже такой Праздник.

— Праздник, Серый, есть праздник, уже полвторого, а я не пьян. Леха, хмырь, трояк-то у него наверняка есть... Вишь пиво сосут эти, с медалями. У меня батя тоже может с медалями был. От этого пива одна изжога только, а выжрать страшно тянет. Чью-то медаль в школе на отвороте пиджака носил: потерял или в драке оборвалась, сперли может. Сосед с медалями вышел сегодня, слышь, Серый! А ловко срезали вчера ребята с Огородного сумочку у той фифы, да что толку? — Мазня бабская, всего два рваных с полтиной в кошельке.

* Окончание; начало см. в № 2, 2018 «ПЗ».

— Братан, чего эти тащатся, куда?

— С сумкой... на пруд с чувихами. Студенты, мать их! Дармоеды, в сумке две, нет, три флакона красного. Нажрут с девками, потом на хату поведут.

— Братан! Трояк-то есть, а? Чего его держать, давай. До вечера далеко. Сообразим?

— Ну и глотка у тебя, Леха? Уже кило водяры влупил, двух часов не прошло, а тебе еще нужно, оглоед!

— Поговори... Пошли на Короленко, там «Прутскую» утром разгружали.

— Пошли.

В тот же день; десять часов вечера. Набитый людьми трамвай выкатился из центра, проскочил пару улиц, миновал мост, пропал во тьме Носкова. Домишки с наглухо задраенными ставнями, сквозь щелки пробивается свет, вся жизнь проходит внутри: в домах, в яблоневых, вишневых садах, сокрытых от улиц фасадами, заборами. Стариннейший район гармонных, самоварных мастеровых.

Николай Финогенович удачно сел в трамвай, в первый вагон с передней площадки, но чего-то застеснялся, пробрался с немалым трудом в конец вагона: все людям не мешать выходить из-за своей неповоротливости. В вагоне ехало человек шестьдесят, может больше, но независимо от этого яблоку на пол упасть было невозможно, вздумай какой-нибудь носковский юный хулиган зашвырнуть его в раскрытое окно трамвая, предварительно надкусив и убедившись, что оно червивое. Но был май, яблоки только пытались предчувствовать свою завязь в носковских садах.

Почти все ехали трамвайным транзитом через Носково домой в окраинные микрорайоны. Ехали в первом вагоне пар пять юнцов с девицами, весь день они гуляли в парке, по городу, ходили в кино, теперь возвращались домой, где их ждали — поодиночке — родители, либо скооперировавшиеся — попарно — приятельские компании на этот праздничный вечер. Несколько девушек, двое парней ехали поодиночке. По самым разным причинам. Четверо пожилых женщин, они сдружились еще на остановке перед посадкой, ездили на кладбище, да припозднились, на обратном пути заходили в городе в магазины, посмотреть: не дают ли чего в честь праздника. Два курсанта военного училища, оба с невестами, ехали к ним в гости. Кто-то в рабочей одежде направлялся в ночную смену на металлокомбинат; вместо застолья с отцом и дедом ждала его домна. Еще люди куда-то, зачем-то ехали в первом вагоне трамвая. Итого, человек шестьдесят. Почти все под хмельком, не исключая хмурого по обстоятельствам доменщика, уже все, исключая несчастного, в предвкушении еще большего: праздник в недавнюю еще эпоху.

На одной из темных носковских остановок в вагон втерлись, отвалились спинами на закрывшуюся дверь полупьяные, скорее — одурелые, третий раз на дню напившиеся и протрезвевшие Серый и Братан, которых судьба к десяти вечера занесла в родной край. Они толком сами не знали: где они, куда влезли, зачем и куда едут? А влезли в трамвай, в первый вагон.

Трамвай дернулся, набирая скорость, пополз, потом полетел дальше по темноте Носкова. Присмотревшись, Серый толкнул задремавшего стоя, как лошадь, собутельника:

— Смотри, чувак, дед-то, карман оттопыривается. Кошель!

— Пощупаем?

— Что ж... Дед не пикнет, трухнет, корявый.— И в дверь!

А стоявший к ним спиной был Николай Финогенович. После того, как он пробрался в конец вагона, увидел освободившееся на миг местечко, то сел, но просидел недолго: посадил от того запричитавшую, заупрямившуюся было древнюю старушонку в черном платке; затем его оттеснили к самой двери. Находился он в устойчивой

вом легком хмеле, в котором везде одинаково хорошо. Главное — люди все вокруг были веселые.

Стоя у дверей задней площадки, упираясь поднятой рукой в притолку-ящик, Николай Финогенович даже перекинулся парой слов с курсантами-четверокурсниками, тянула на разговор военная форма. Курсанты хотя отвечали вежливо, но, понял он, досадовали. Дед отвлекал от более насущного, от невест. Николай Финогенович догадался, смолк, курсанты занялись своим.— Пусть их, дело молодое!

Здесь он почувствовал, что тупо кольнуло в обоих боках, испугался до пота: неужели опять почки? Да вроде нигде не простужался и «краснухи» давно не пил. Он опустил руки, хотел пощупать бока, что за чертовщина? — И только успел отнять ладони от ящика над головой, как услышал сзади ему одному направленный шепот:

— Тише, старичок, если жизни дорога.

Чужая рука, мелкотно прыгая, как мышь пробиралась в правый карман, где лежал старинный бумажник, рассчитанный еще на дореформенные сотенные, с двадцатью тремя копейками мелочи, ключом от почтового ящика и взятыми на сегодняшний показ старыми фронтовыми фотографиями. Рука с бумажником выдернулась, но ножи кололи через плотный пиджак, рубашку, сторожили, выдерживали до ближайшей остановки.

— Молчи, молчи, папаша, дешево отделаешься тогда,— напряженно, хрипло дышали сзади. В какую-то минуту Николай Финогенович боковым зрением окинул сбившихся на площадке, прижатых к нему, плотнее килек в банке, людей: никто не смотрел на него, но по притихшему у одних, неестественно усилившемуся у других говору... вбок, только не на него смотрящих глаз, догадался, многие видят, понимают в чем дело, возможно даже курсанты. Как только он обнаружил — а может показало? — признаки искусственной глухоты, слепоты у курсантов, душа не выдержала. К черту собачьему отпихнув мелькнувший было страх, Николай Финогенович, как некогда в разведке, в ночной траншейной тишине, сосредоточился, все выжидающее внимание остановил на внешнем, отбрасывая иное, домисливаемое.

— Сейчас остановка... медленно, медленно, только опередить, а там кто-нибудь да поможет, очухается от страха, не эти, так те, с остановки...

Он точно выждал момент, когда до остановки, до открытия дверей осталось три-четыре секунды, рывком выхватил из левого кармана пиджака единственно подходящий предмет — сложенные плоской дощечкой сегодняшние газеты, купленные с утра в парке «Звездочку», «Правду», «Россию» и «Известия», с силой развернулся, оттеснив народ, на левой ноге, тут увидел их лица: настороженные, отекишие, звериные,— быстро, крест-накрест хлестнул по глазам тому-другому. Ножи в панике неожиданно отскочили, Николай Финогенович, отбросив газеты, схватил обоих за патлы и с силой, скорее не стукнул, а сдавил лбами, затрещавшими, как оловянные горшки, отжав руки от себя, выбил Серого и Братана в отворившуюся дверь. В темноте неосвещенной улицы было слышно, как два тела мешками хлопнулись об асфальт.

— Держи их, ребята! — только успел крикнуть Николай Финогенович, кровь вскипела, бросилась в лицо. Негодование: на него, в орденах, в День Победы... сопляки! — Кровь прилила к лицу, как прилипла. В этот миг стоявший рядом здоровенный мужик, доселе отворачивавшийся, мигом обернулся, коленом выпихнул садившегося испуганного парня, по виду школьника, волосатыми ручищами легко, как занавес, задвинул гармошку дверей, держа их под ударами снаружи от кулаков, пинков очухавшейся шпаны, заревел:

— Эй, водитель! Какого же ты... трогай скорее, чего ждешь, всех порежут!

Весь трамвай мигом обрел слух, стогласно закричал, запричитал, как давешняя старушонка в испуге:

— Давай! Трогай! Скорее, порежут всех!!

Напуганный трамвай вроде как сам по себе, даже без помощи водителя мигом сорвался с места, на ходу хлопнув всеми остальными, до того раскрытыми дверьми.

— Эх, жалко,— посочувствовал, сопя от напряжения и негодования, мужик,— на остановке порежут народ, озверели совсем бандюги, стрелять надо их без суда и следствия; как поймал с ножом — так всем народом давить на месте! Здорово ты их, отец, видно, что фронтовик, я сперва орденов-то не заметил. Сразу видно, за дело даны ордена, а то сейчас много появилось героев, а там,— он помахал в сторону, долженствующую изображать южное направление,— так совсем... Вот сосед мой начальника на юг прошлым летом возил, встречает на базаре одного, глянь, у него четыре «Славы» на груди! Спрашивает: «Где ж четвертый взял?» А тот осклабился: «У тваво Ъвана купил».

Николай Финогенович слышал словоохотливого спасителя трамвая, дверьми заслонившего полроты людей от Серого и Братана, но слов не понимал. Кровь стучала, стук отдавался в ушах, все за собой заслоняя. Все его внимание было на курсантах:

— Что же вы, ребята, не помогли? — выговорил наконец.

— Не видели, если бы видели, то конечно, а вы что же знак не подали, ну, крикнули бы нам?

— Да видели вы, меня-то зачем обманывать, теперь тем более?

— Ну тебя, отец, сказано — не видели, значит не видели. Все!

— А вы что, тоже не видели? — разгоряченно кричал Николай Финогеевич уже на все население задней площадки трамвая. Ему не отвечали, как будто слова пролетали людей насквозь. Старушонка, занявшая прежнее место Николая Финогеновича, крестилась, приговаривала:

— Вот дал господь-то дожить до каких времен: прямо в транваих народ резать стали, ох-ох, пронесло, береги, господи, не чаяла уж живой-то выбраться. Спасибо, добрый человек дверь оборонил!

Спаситель уже разговаривал с другим соседом по площадке, словоохотливо поясняя, отчего все беспорядки происходят; выходило, что от баб, во-первых, во-вторых, от общей распущенности:

— Сталина на них нет с Лаврентием Палычем!

Николай Финогенович еще остановки две кричал, но народ постепенно начал сменяться — трамвай выскочил на взгорок, пошли микрорайоны — кто вышел, кое-кто отошел от крикуна, досадливо морщась. Наконец, к нему привязался потертый пьяный человечек, нудно затеребил его словами о людской совести. С досадой Николай Финогенович вышел на своей остановке, застыдившись под конец своей горячности, пошел домой. Кровь однако не успокаивалась, щипала щеки. Он сердился, громко стучал по асфальту деревяшкой протеза ноги, обутого в ботинок.

На другой день, проходя с сеткой картошки по улицам своего микрорайона, видел он много интересного: в луже от ночного дождя лежал совсем пьяный человек, до половины залитый грязной водой, но курил, с наслаждением затягиваясь, полагая, что находится в теплой ванне. Вечером того же дня, выгуливая своего лохматого Кузьку, встретил сморщенного годами, а больше водкой, мужика. Был он в костюме, сплошь залитом свежей, лоснящейся грязью, но на брезгливо отстраненной руке зачем-то бережно нес зимнее пальто с барашковым воротником; на отвороте воротника в ряд пришили четыре одинаковых министерских знака «Победитель соцсоревнования в ... пятилетке».

Николай Финогенович сплюнул.

◆ Я очень хорошо понимал возмущение Николая Финогеновича, ибо в памяти было свежо собственное воспоминание о «девятке», точнее об истории, свидетелем

которой стал в позапрошлую зиму, когда Носково начали уже сносить и застраивать пятиэтажными коробками.

В тот злосчастный день, без содрогания о котором до сей поры не могу вспоминать, я чуток задержался на работе, еще на прежней. Вышел из проходной уже затемно, да понятно, когда темнеет зимой. Торопясь домой к уюту горячего супчика, к воркотне жены, к расспросам дочери — она тогда в школе изучала историю Древнего мира, мой конек, — решил проигнорировать «девятку», что тащится до нашего микрорайона целый час. На автобусе, хотя с пересадками, поспевал на четверть быстрее. Но автобус как провалился, расплылся в металлической морозной пыли. Нет ничего ужаснее, холоднее такого вот темного, вечернего мороза в январе. В который раз смахнув с ресниц выжатую ледяным холодом слезинку, притоптывая, чуть ли не стелая, с горловым проклятьем встречал я глазами стоймя притороченную к фонарному столбу желтую жестяную табличку, извещавшую граждан, что автобусы третьего маршрута с 19:00 до 21:00 ходят с интервалами в десять минут. А между тем я и вся эта черная, замороженная, слабо шевелящаяся толпа ожидала «тройку» битый час. Вот сэкономил!? В мерзлом воздухе, под издевательски сияющей полной луной скапливались, густели женские сетования, скрипло-простуженный мужской мат, стоногое шарканье, пристукивание каблучков. Казалось, что не тридцать, все сто тридцать градусов ниже нуля схватили людей за носы, уши, руки, ноги.

Все ожидавшие были в зимних ушанках, платках, всевозможных меховых клобуках. Я же имел на голове дурацкую шапку-пирожок, именуемую в народе «хрущевкой», и через каждые две-три минуты, стаскивая с рук оледеневшие перчатки на рыбьем меху, растирал хрустящие, холодеющие до потери чувствительности уши. А когда снимал с рук перчатки — то как в замерзающую воду опускал. После процедуры приходилось долго, до появления чувствительности сжимать-разжимать пальцы, засунув их в карманы пальто. Бр-р-р-рр!

Третий год, как изнашив до дыр шерстяные, двойной вязки, не могу купить приличных перчаток, жена пол-Москвы объездила, все нет! Чертов «пирожок» угораздило сегодня надеть: похолодания к вечеру не обещали, все та же жена уши прожужжала: твоя ушанка к пальто не подходит цветом... Трупы замерзшему этот «пирожок» подойдет!

От мороза вскипала в душе лютость, ненависть ко всему на свете, казалось, что весь этот город и уходящий с морозом в ночь стылый-постылый день возненавидели, в свою очередь, меня. Было с чего вскипеть: утром полтора часа добирался до работы, в основном, приплясывая на продуваемых трамвайных и автобусных остановках, вцепившись в поручень простуженного автобуса с незакрывающейся дверью, а на десерт повиснув в створке тож незакрытой двери «девятки», летел в небольшом с утра, но в хлестком, сыром, стыллом морозе, от которого некуда увернуться, спрятаться. И на работе неприятность: опять посылают в командировку, это в такую-то собачью погоду?! Сейчас, вечером, по дороге от работы до остановки... откуда в такой мороз столько пьяных на улицах? Глаза бы не смотрели, каждый норовит проорать, промычать по его адресу: то очки не те, то шапка моя им не нравится. Как будто самому? Впрочем, очков я не ношу, но кричал забулдыга прямо мне в лицо?!

Летом езды от дома до работы от силы сорок пять минут, а сейчас... Бог один знает: ходит ли вообще «тройка», либо же черти ее украли? О, мерзкий город; мерзкая, мерзкая жизнь!

На этом свирепом выводе мои мысли перебила толпа: ожидавшие доселе «тройку» кинулись наискосок по перекрестку туда, где тормозил, останавливаясь, внезапно появившийся, оживший, разморозившийся трамвай.

— Трамвай пошли... пошли... шли! — Понеслись крики со стороны бегущей, то-

же ожившей надеждами толпы. И правда, трамваи пошли весело, гурьбой, отогрелись. Я хоть далеко не спортсмен, но сумел добежать до «девятки» не последним, засосался с толпой вовнутрь дребезжащего даже на стоянке, мерзлого, покрытого изнутри инеем холода, неоттапливаемого по обычаю зимы вагона; отопление береглось до лета.

◆ Остановки три — до носковского моста — я проехал, стиснутый ватиновыми, меховыми спинами, в уголке задней площадки. Трамвай с цоканьем прогремел по мосту, ухнул, раскатившись, под горку, пошло Носково. Вскоре вагон разрядился, много народа вышло на развилке трамвайного пути на углу Пугачева и Розы Люксембург, теперь можно было рассмотреть в сизой дымке вдыхаемого пара все население вагона, впрочем обычное: неизбежная полусумасшедшая баба, воронами нахохлившиеся старухи, толстые, средних лет женщины, по всей видимости продавщицы. На жестких, ребристых лавках усть-катавского, доисторического вагона — девятый маршрут единственный и последний в городе еще не был осчастливлен чешскими трамваями — сидели люди помоложе: мужики, парни, румяные от мороза и пригородного оптимизма девки. Точно такие же толпились в проходе, на площадках, чуть разбавленные пятком парней, еще несколькими девушками с портфелями и чертежными тубусами — студентами.

Большинство ехало на окраину города, в микрорайоны, кто задержавшись после работы в пивной, мало кто, как я — на самой работе. Парни с девицами, судя по разговору, возвращались из кино, студенты — понятно откуда. Впрочем во всем вагоне теперь мерз только я, вокруг же гоготали, перекрикивали друг друга: в «девятке» ездит народ свойский, большей частью, хоть шапочно, но знакомый. Кто-то позади закурил; мерзко запахло нечищенной общественной уборной: человеческий пар, смешанный с душным, едким табачным дымом — все это в нежилом холоде.

Поскольку происходило все это в веселые времена, то многие из парней были под хмельком. Девицы все сплошь крутобокие, в теле, рыжекрашенные, румяные, громкие хохотушки — типичные обитательницы Носкова, с изрядной примесью татарской крови еще от крымских набегов на Москву, в которых Т. неизменно отводилась роль операционной базы. Эта-то дошедшая через века примесь делала их грубоватые лица неожиданно привлекательными свежестью, естественным, здоровым цветом полукровок.

Однако носковскую девицу лучше созерцать молчащей, здесь же они лаялись матерщиной, хохотали с привизгиванием, отвечая на заигрывания парней, также специфические. В вагоне стоял тот шум-разговор, который всякий нездешний человек принял бы за площадную ругань. Парни, выкатив мутно-серые, с изрядной наглостью глаза, дыша пивной отрыжкой, смешанной с табаком и сельдяным рассолом, рассказывали девкам о разном удалом: как Верка Хорищева сумела заполучить алименты с базарного «грузина», квартировавшего у ее матери, как вчера на Разрядной грабанули попореченские ребята-гастролеры продуктовую палатку, взяли два ящика... и тому подобное. Сегодня же с утра, прямо у проходных гармонной фабрики, мильты взяли Женьку, судя по жалеющей интонации, по подробностям — ближайшего дружба рассказывающего, — за изнасилование. «Какая-то стерва с Кирпичного поселка сама заманила, потом с Женьком не поладили, стукнула. Разыщем, еще поговорим с ней, рассчитаемся за все!..» Лупоглазая девка, в свою очередь, рассказала, как вчера пили там-то с теми-то, в эту пятницу свадьба у Людочки (— Помнишь, что в прошлом году аборт от Студента делала? -) по справке из исполкома: Вот Колька-то постарался, не дал девке школу закончить! Приходи с Хохлом, повеселимся, у них в доме пять комнат, пристройка в саду с печкой, вот погуляем!

...Хохот, ржанье, здоровые лица, запах конюшни. Огромные, отвратительные, лоснящиеся телом чудища толпились в каменной конюшне. Их конские крупы пахли едким потом, копыта беспрерывно били в камень, высекая искры. Чудища взбрыкивали задними ногами, толкали друг друга круглыми лошадиными задами, не чувствуя от этих ударов боли или неудобства. У передних же ног из крупов вырастали человеческие, геркулесова сложения тела. Яркие, пламенеющие в хохоте губы открывали желтые, крепкие, как камень, конские зубы. Гогот!

На лицах самок — похотливость, у самцов — вожделие. Запах человеческой пищи и питья, вонь стойловой соломенной пропревшей подстилки. Речь — человеческая, гогот, ржанье — лошадиные. В морозной пещере толкались, резвясь, чудища, от крупов которых поднимался плотный пар: запах конюшни и здорового тела животного. Воздух от пара мутнел; крупный, мочевиный, кристаллический иней осаждался на потолке, стенах конюшни. Крепкие, огромные тела чудовищ сталкивались в толчее. Руки, головы, ноги переплетались. Бестолковые речи, шум прерывались могучими криками, ржанием призывающих к себе табун жеребцов-производителей. Самки никли головами с рыжими гривами, тянулись к ним, лукаво кося влажными, теплыми, карими, вожделеющими глазами, ожидающие в сладострастье покрытия теплых, приятной тяжести крупов самцов. Здоровый запах животных испарений...

◆ Я очнулся от дремотного видения, навеянного обстановкой трамвая и недавним чтением — в унисон школьной программы дочери — куновских мифов. Трамвай подпрыгнул на повороте, выскочил на пустырь, где вольный ветер этих мест набросился на скребущих тормозами на спуске вагоны охапками колючего снега. Всегда, сколько я помню, зимними вечерами здесь мела метель, рельсы утопали узкими черными провалами в наметенных вдоль линии сугробах. Близилась остановка «Утопия». В этом месте сплошной деревянный массив огромного Носкова был недавно вырублен клином, который спешно застраивался новым микрорайоном, названным сразу же Утопией не в честь Томаса Мора, но по той причине, что за исключением зимы, да и то не всякой — морозной лишь, все пространство между новостройками разбухало непроходимыми топяными глинистого месива. Когда в центре города в сухую погоду появлялся вроде бы прилично одетый человек, даже при галстукке, но в резиновых сапогах, можно было с точностью до номера микрорайона назвать его местожительство: Утопия, от слова «утонуть».

Сейчас же Утопия являла собой студеный, метельный пустырь с занесенной снегом колеей; посредине мигал маяк: фонарь остановки, к которой тянулись, нагибаясь, пробуя спрятаться от морозного ветра и колючего снега, новоселы Утопии.

Отчаянно трезвоня, сбрасывая скорость, трамвай подползал к дикой остановке; когда случалось проезжать в «девятке» днем, засветло, я всегда с замиранием сердца наблюдал из окошка, как впрыгивают в вагон утопийцы: замедляют шаг за два метра до колеи, осторожно взбираются на наметенный за ползимы, отполированный, утопанный до льда снежный вал, а уж оттуда — сверху-вниз — сигают на вагонные ступеньки. Поэтому опытный водитель прежде всего сбрасывал скорость перед Утопией до минимума; проще простого было скатиться иному нерушному прямо под колеса надвигающемуся трамваю.

... Еще раз отчетливо звякнув сигналом, остановился трамвай. Меня шатнуло, локтем я неловко задел спину стоявшего впереди, в обнимку с девицей, что была в модных, но не по сезону тонких колготках, парня, и в привычном, тоскливом опасении ждал. Парень, здоровый носковец, с красным от мороза и водки круглым лицом, с прилипшей к губе семечковой шелухой, полуотвалом обернулся в мою сторону, нагло, спокойно рассмотрел мою дурацкую шапку, сплюнул шелуху, вновь отвернул-

ся. Пронесло! Занудило под языком: липкая, неловкая стыдливость самого себя, своего привычного страха перед грубым, безудержным, непредсказуемым.

— Парень как парень, таких в городе девяносто из ста. Наверное, у меня уже комплекс сложился, последняя стадия невроза: начинаю людей бояться. А может как Гребенников, того?.. Тьфу-тьфу!

Стыдясь за самого себя, я почувствовал вроде как необъяснимую симпатию (?) к парню: он-то другое... стоит, не думает; толкнет ли кого, не толкнет, а если толкнет, так отшутится, оба рассмеются вполне дружелюбно. Свой в городе! Какое-то болезненное расслабление толкало меня заговорить с парнем, просто так, ни о чем, а может о сокровенном, наболевшем? Сойти вслед за ним и его подружкой на совсем чужой остановке, пригласить их в ближайшую «стекляшку», выпить вина и допоздна, до крика буфетчицы («Закрываю! Освобождайте помещению-ю!») говорить, говорить без конца, встречая понимающий, приобретший осмысленность, уважительный взгляд парня и приятную, загрустневшую от умной мужской беседы синеву ее глаз. А выйдя на нестрашный в умеренном хмелю мороз с освобожденной, очищенной от всякой рефлектирующей скверны головой, по-дружески обняться с бывшим незнакомцем, а теперь чуть не кровным братом, и, галантно поцеловав у взволновавшейся, удивленной, впервые такое видящей наяву, не в кино, подруги парня руку, пройтись пешком со свободной от дури, приятно хмельной головой до самого дома. И...

Здесь меня потеснили. На Утопии вагон всегда заполнялся: в ночную смену ехали рабочие. Открытые двери вагона наглядно показывали, что в погоде тем временем свершилась перемена: вместе со входящими в трамвай влетел уже не морозный колючий ветер, а легкая, осыпная пурга. Я приткнулся носом к стеклу, через паутину изморози кое-что рассмотрел: на пустыре, действительно, выюжилась пурга; стало уютно, как всякому человеку уютно в пургу, сидя в тепле, за окном, хотя бы трамвайным. Русобородый бог-охабень метели сменил на дежурстве зимы колючего, злого, тощего мороза-щипаку.

◆ Замечтавшись, вновь проворонил момент троганья трамвая, хотя внутренне был настороже, опять коснулся локтем спины парня, совсем собрался было изобразить на лице приятельскую улыбку навстречу полуобернувшемуся, полузавалившемуся от толчка вагона, веселому, добродушному соседу, но тот, не прерывая беседы с приятельницей, только взглянул поверх меня, отвернулся.

В следующий миг и не сообразил, как со стороны, а не сам услышал голос, проникший в вагон через затворяющуюся дверь:

— Стой-стой! Руку! Держи...

А вслед полоснул, всю душу передернул, сильнее всякого мороза заледенил дикий, страшный женский крик:

— А-а-а-а!! — Он длился на единой, ужасно высокой, но в то время хрипло-грудной ноте не более полсекунды. Смолк. Трамвай резко затормозил, ткнулся во что-то носом, замер. В вагоне загалдели, зашумели, заговорили враз:

— Женщина поскользнулась. Обе ноги! Ой!

Эти жуткие слова длинными, острыми иглами пронзили меня от макушки до пяток, нечто холодное, щипающее быстро-быстро каталось по коже от головы до ног и обратно. У противоположной стороны люди прильнули к окнам, сияясь рассмотреть это страшное.

— Ой, господи! — Заплакала старушонка с передней площадки,— крови-то, кровь! Обе ноги!

Быстро, внезапно, не постояв полминуты, трамвай тронулся. Почему? Послышалось, как из тумана:

— Чего это трамвай-то пошел?

— А чего ему стоять,— ответил парень с шелухой (Я скорее почувствовал, чем услышал, как он сплюнул семечную шелуху). Вдалеке, отделенная потным пространством вагона, плакала чужая всем старушонка. Несся гул — взволнованный говор. Поначалу не понял из-за сумятицы в голове, не поверил себе: двое, нет, трое смеялись?

— ...Ее оттащили, кто на остановке был, трамвай-то зачем держать? Народ домой спешит, на работу опять же... Да и слышала? — Водитель ругалась: полезла, мол, дурища, под колеса, а с меня премию.

— Правильно тоже,— продолжал свое парень,— аккуратнее надо, сам за баранкой насмотрелся...

— Молодая? Что-то не рассмотрела,— сплюнула шелуху теперь уже девица.

— Говорят, лет тридцать.

— Ну, дай бог, новые отрастут, коли так! — Оба рассмеялись. Парень хмыкнув непонятно на что, обнял ее, что-то прошептал на ухо.

— ... О чем разговор, как и вчера во второй, к часу придет только,— разобрал я за спиной парня ответ ее. Парень снова обнял, снова шепнул, ослабившись. Девица прыснула, чувственно вздрогнула крыльями носа, очень женственно прижилась на миг к парню. Меня как молотком шарахнуло в затылок — в самое больное место, в темечко.

...Ужасные чудища толпились в пещере: кони с человеческими телами ржали, обнюхивали друг друга. Запах пота ясно осязаемыми струями исходил от мощных конских круп. Вдруг стадо шарахнулось, сбилось в дальнем, темном углу пещеры: снаружи загремел камнепад; большим, заскочившим вовнутрь валуном раздавило самого неловкого. Несчастное животное всхрапнуло, свет померк в карих человеческих глазах, а перетерпевшие первый, стадный страх чудища вновь загомонили, заржали, растоптали копытами теплую еще плоть, даже не поняв: что это такое теплое под ногами?

◆ Вспомнил вот, как тогда мороз по коже продрал. Но, возвращаясь к короткому ответу Егорова, подумал:

Не то, не обыденная легкость шутки почудилась мне в этих словах; не то было в моем одиноком, вежливом смешке. Это не уходило от меня, накрепко засев в голове. Как мелкий камешек, удвоенная по объему песчинка, попавшая в ботинок, а ты — в собрании людей, в официальном месте. Снять ботинок, вытряхнуть песчинку неудобно, даже неудобосказуемо, а ходить мука мученическая; не то что больно — что-то мелкое, горошина под периной принцессы, мешает занудливо, пакостно. А ведь горошина под периной причиняет большие мучения человеку, нежели сон на голых досках, ибо песчинка в обуви — не физическое, как угодно, но некоторое нравственное, психическое неудобство, сходное с ощущениями угрызения совести после мелкого прегрешения, малой пакости.

Вот что меня тогда измучило. Как избавиться от песчинки, от горошины под периной? Смутно, подспудно тянуло выбросить из ботинка, то есть (Тьфу! Тьфу!) освободить голову от короткого, сокрушительного «д а» Егорова, этих слегка отчужденных, мимолетных взглядов курильщиков. Но как?

Расспрашивать Егорова? — Девяносто девять процентов, что поставлю себя в архисмешное положение.

— Наверняка же,— думал я,— это просто моя нервность, повышенная сверх всякой меры переменной обстановки, предшествующими неурядицами подозрительность. И только. Спрашивать других? Но как? Чувствовалось, что я пропустил уже то время,

когда можно было поинтересоваться странным поведением Егорова. Продолжать шутку неловко и неумно. Мешали холодноватые огоньки в глазах сослуживцев. Приходилось выпутываться: вроде как сам попал в неловкое положение, неловкое не столько в глазах других, но главное-то: неловкое в своих собственных, тот же камешек в ботинке или горошина под периной чувствительной принцессы большого замка... Представляете мое положение?

Я поступил как начинающий сумасшедший с тихим, безвредным для окружающих сдвигом: исподтишка, ненавязчиво стал наблюдать за Егоровым. Вы понимаете, что побудило меня к этому крайнему шагу?

◆ К сокрушительному, ломающему всякую логику привычного бытия, выводу я пришел не сразу, конечно, не в курилке после неудавшейся шутки; много позже. Правда, сейчас не могу вспомнить: через неделю, через две? Не в этом суть, во всяком случае, в пределах этого отрезка времени после той сцены в курилке. В этом-то на память твердо полагаюсь.

В день, когда я решился (Думал: либо подтверждаю факт начинающегося расстройства собственного рассудка, либо найду подтверждение невероятнейшей догадке, узнаю до конца эту дикую историю), да... в этот день я пришел на работу за сорок минут, а чтобы жена не спросила, дескать, куда в такую рань, сэкономил на дороге: весь путь проделал, втиснувшись в переполненный в этот утренний пиковый час вагон «девятки», а не как обычно: две трети пути относительно свободным автобусом, оставшееся — неторопливым прогулочным шагом.

Первое подтверждение, еще более усилившее мое отчаянное непонимание происходящего с Егоровым, а теперь, скорее всего со мной, я получил на самом входе в СКБ (У дверей здания СКБ стоял отдельный вахтер, помимо тех, что караулили у общих, заводских проходных) от нашего вахтера. Так вот, заводские проходные я миновал в самый наплыв народа: завод начинал работу на час раньше СКБ. Но отделившись от спешащего заводского потока, переступив на дорожку, что вела к нашему зданию-аквариуму, я оказался в одиночестве путешествующего по голой равнинной местности: шел один, никто не маячил впереди, не топтались сзади, не обгоняли. Отворил дверь в вестибюль, показал пропуск сонной от безлюдья вахтерше. Та, профессионально запомнив меня с первой же недели работы, ответила на мое «здравствуйте», благорасположенно, как бывают благорасположены пожилые вахтерши в тихие часы — в часы массового хода народа их подстегивает нервная бдительность, они рвут и мечут, состояние понятное: кого не разволнует, не озлит непрерывное мелькание людских голов, а ведь надо еще успеть на пропуск взглянуть? — и она, опять-таки позевывая, вставая с дремотного стульчика размяться перед трудовым днем, сказала, рано ты сегодня, милоч, явился. Только уборщицы Настя и Лиза вперед прошли и завхозиха, отпечатывающая главный внутренний вход в СКБ.

— Неужели так первый?

— Да-да, из ваших инженерóв седни вы первый.

С чувством облегчения, отрешения от каменного груза самосомнения, вбежал на свой этаж, открыл шкафчик с ключами от комнат, поискал глазами свой номер: я не нашел его. Думая, что слишком спешно проглядел, остановился, перевел дух, тщательно просмотрел все номера по-порядку; под нашим номером сиротел пустой гвоздик. Вполне еще не веря, осмотрел нижнюю полку шкафчика, пол под ним: может вчера в спешке уронили? А может кто забыл запереть комнату, либо по рассеянности положил ключ в карман? Уже с нехорошо бьющимся сердцем направился я с своей комнате и... рассмеялся, лихо прихлопнув себя ладонью по лбу: вот что значит на новом месте до конца не освоился, ни разу первым не приходил, потому в памяти не

задержалось, что наша-то комната, коль скоро в ней находятся матценности — приборы Егорова — печатывается, значит за ключом надо тащиться в заводские проходные, в охрану, брать под расписку... пусть кто другой берет по пути, я же в курилке перекантуюсь. Проходя мимо своей комнаты, увидел, что дверь полуоткрыта, внутри тихо веселится динамик трансляции, на своем месте сидит Егоров, скрючившись, он всматривается в экран осциллографа, петляющего синие синусоиды. Кадил запахом хвои и смолы паяльник. Меня кольнуло ознобом.

◆ Как сейчас вспоминаю: кольнуло ознобом, даже потянуло холодным ветром из комнаты, кстати, более теплой, чем коридор. Комната нагрелась утренним солнцем, окна выходили на восток.

Егоров обернулся на скрип двери, сдержанно поздоровался, положил паяльник на подставку, обернулся уже окончательно вместе со стулом. Завязался разговор, во время которого я прошел к своему столу, снял пиджак, повесил его на спинку стула, надел халат, переложил в его карманы расческу, платок, сигареты, другую потребную мелочь, но все что делал — разговор, переодевание, раскладывание по карманам — делал по инерции, механически. Егоров отметил, что я пришел рано. Хотел было выпалить: ты, Жень, еще раньше, но почему-то промолчал, опять все вспомнилось: короткое «да», мой неловкий смешок, отчуждение в глазах коллег-курильщиц. Разговор перешел на погоду и вчерашний четвертьфинал на кубок обладателей кубков.

Однако с задуманной каверзой спросил, как понравилось сегодняшнее утро, свежее, солнечное, без единой тучки на небе. Но в который раз все перевернулось на противоположное: Егоров ответил, что с удовольствием почти с час провел сегодня на воздухе. Действительно, очень приятно, свежее утро. Бодрит.

В голове заломило: как связать воедино, в непрерывную по логике цепь, все слова Егорова, уверения вахтерши, все тот же мой дурацкий смешок, это простое, безыскусное «да», косвенные взгляды в мою сторону? Я положительно терялся, доискиваясь в самом себе сути происходящего. Да неужели правда схожу с ума? Почему же иначе такое состояние разошедшегося без края-берегов воображения подозрительного оттенка? И обязательно одно отвергает другое! Это о фактах. Не выдумал ли я все? Но почему мне это в голову пришло, почему это именно мне в голову пришло? Почему именно это в голову втемяшилось?

Я пришел в курилку до начала работы, чего со мной ранее не случалось: привык беречь личное время. Вежливый, склонный к чужим, гипнотическим для него влияниям, Егоров ползлся за мной, разминая — наконец-то — сдавленную «Ватру».

Выкурив полсигареты, собрался, привел в порядок разбежавшиеся, словно часовые колесики, спрыгнувшие с неловко подвинутого стола ремонтера, мысли. Но как похитрее, незаметнее подкинуть ему вопрос, непременно требующий разрешающего мои сомнения ответа? Увы, в голове вновь запела разноголосица, вопрос-то никак не собирался, как сгребенные наспех в кучу колесики из разных марок часов. Егоров также молча курил, стоя ко мне вполоборота, смотрел в окно — вид на плоские, нарезанные полосами крыши заводских цехов, построенных ударно в 1915 году, — попыхивал высушенной на теплом осциллографе, хорошо горящей сигаретой, выпускал бесформенные клубки дыма, пахнувшего горечью березового банного веника. О чем он размышлял? — Вот только этой мне заботы не хватало: о чем он думает, стоя у открытого окна курилки.

Весь день я ерзал на стуле, ждать не мог дожидаться, когда в конце очередного часа комната снимется курить. Но курение не приносило ни успеха, ни утешения, ни ответа. Раза три пытался завязать нить разговора о Егорове, но боясь обычной своей

неловкости, а главное, в памяти засел тот мой смешок и общее молчание — я каждый раз ступевывался, слишком издали, слишком косвенно, робко начинал вязать эту нить, потому она обрывалась уже на скручивании начальных, размахренных волокон.

За целый день ничего не придумал, голова разболелась. Я даже не стал задерживаться после звонка на обычные двадцать минут. Впрочем, пора кончать с этим, переигрывать не стоило; один из молодых, горячих парней несколько раз уже бросал в мою сторону косою, с подозрительной взгляд, сам уходя тотчас, ровно в минуту, даже не по звонку, иногда запаздывающему на четверть минуты, а по своим часам. Им он, естественно, больше доверял.

Я вышел на улицу, дошел до поворота, за которым уже не видно здания СКБ, тут встретил своего старого коллегу по работе, тож по старой, в НИИ. Работая на прежнем месте, был я в его приятелях, понятно, сейчас мы не на ножах были, просто жили в разных районах, дороги не пересекались, словом, пройдя пару переулков, но в противоположную обычному моему движению сторону, спустились в подвальную шашлычную с пивом (Теперь там очень подозрительная частная вегетарианская столовая с наглухо закрытыми дверьми и табличкой «Вход по предварительным заказам»), где посидели, поговорили полтора часа. По выходу простились, приятелю путь лежал в одну сторону, мне — возвращаться переулками, где не было транспорта, мимо завода, далее вверх по Некрасовской. Я шагал, приятно нагруженный мясом, пивом, а также безотносительным, чисто приятельским, потому бодрящим оптимизмом разговором по душам. Чутко грустновато было: вспомнились годы в НИИ, в молодости, после института, была там у меня одна прекрасная знакомая... Да что там говорить! Проходя мимо завода, над низкими цехами которого светлела башня СКБ, еще не поднимая глаз, глядя под ноги, загадал: если взгляну, то увижу н е-ч т о неприятное. Вскинул голову: в наступающих сумерках, на плоской крыше нашего аквариума стояло Нечто. Я пригляделся: похоже, очень похоже на фигурку человека. Расплывающаяся в очертаниях фигура стояла на плоской крыше, даже показалось, что стоит, задумчиво глядит в даль, вьется легкий сигаретный дымок. Я вскрикнул, поскорее убежал за угол. Или мне почудилось?

Только миновав спешным шагом последний переулок, пройдя пару кварталов по Некрасовской, начал собираться с мыслями. Страшное видение стоящего на плоской крыше, посреди опустевшего завода человека с задумчиво сложенными на груди руками, с дымящейся сигаретой,— все на фоне темно-фиолетового вечернего неба, томило душу, выворачивало наизнанку всякую здравую, рассудительную мысль. А был ли он? Нет, точно, сознание отказывает мне, какой же это может быть человек, зачем, почему, как это я смог разглядеть дымок сигареты, тем более — скрещенные на груди руки? А я, как стреляный заяц, всякую трубу, обычную вытяжную лабораторную трубу на крыше принимаю в сгущенных сумерках, почти в ночной темноте, за человека. Что он высматривает, печальный сторож пустого бетонного здания, что томило его протяженный над плоскими, скучными заводскими крышами взгляд? Но ведь это был человек, хотя я смотрел только миг, секунду, но не настолько ж было темно, чтобы нельзя было различить шевеление руки, стряхивающей нагорающий пепел хорошо высушенной сигареты. Ужас, страх. За себя, за себя! — Он пригнал меня поскорее домой, бледного, молчащего, пугающего видом своим жену, дочь. Успокоился только, как малое дитя, уснув в теплых объятиях любящей своей супруги.

◆ Под утро я спал вполювь, то просыпаясь, то вновь падая в провал лихорадящего сна, где неизменно являлся один и тот же образ пугающе, молчаливо, неподвижно стоящего на плоской крыше человека. Дым от сигареты чадом потухающего жертвенного костра всесождения слабо двигался, улетал в сизое, темно-фиолетовое вече-

реющее небо теплого заката. Холодящий ужас его одиночества, обреченности стоящего посреди умолкнувшей на ночь металлической, бетонной заводской пустыни. Виделось: дым застыл жиденьким клубом в вечернем воздухе. Только налетавший порывами предночной холодный ветерок ужаса чуть-чуть сдвигал дымное облако и тем выдавал присутствие не столба, не лабораторной трубы, но живого человека. Во сне мое зрение чудеснейшим образом обострилось, я мог различать лицо на расстоянии полукилометра, а человек на крыше медленно-медленно начал поворачиваться в мою сторону, словно чувствуя наблюдающее присутствие. Уже, казалось, узнаю отдельные черты его, лицо все более, более разворачивалось ко мне, но невыразимо страшно было увидеть, узнать его. Я закрывал глаза ладонями, но знакомый облик проходил сквозь стиснутые пальцы, сомкнутые веки. Я вскрикивал от страха, просыпался в поту. Жена сонно, разморенно, не просыпаясь, произносила нечленораздельное, может обидное, поворачивалась на другой бок. Я же не обижался, помятуя, что пора нашего супружеского медосбора давно перешла в неяркую, хотя ровную идиллию взаимотерпения. Под утро проснулся очередной раз, более заснуть не смог. Был ранний, еще серый, неразличимый рассвет. Я поднялся с постели, накинул халат, ушел на кухню покурить. Там в задумчивости досидел до утра, до звонка будильника, тупо глядя на проступающий из утренней мглы бардак дворового прямоугольника: песочницы, детские грибки, пустые щербатые столы, скамейки доминошников, гараж льготного автомобилиста Гольдина, пять пустых бутылок после ночной пьянки дворовых хулиганов, натянутые бельевые веревки, прочий житейский хлам изнанки дома.

Утро имеет свойство успокаивать человека. Должно быть истина такого свойства в появлении людей после одиночества ночи: за стеной сосед засвербил электробритвой, жена загремела холодильником и сковородой, послышалось шипение закипающего растопленного масла, хрусткие шлепки разбиваемых яиц, засипел, застонал чайник, заворчала сонно просыпающаяся дочь. Опять же за стенкой у соседа проснулись два сына-близнеца, застучали должно быть головами друг друга об пол, другой сосед — слева — вышел в подтяжках поверх майки на балкон, закурил, запел дурашливым голосом строевой марш, соседка снизу также вышла на балкон, вытрясла байковое одеяло. Из второго подъезда выбежал встрепанный пижон, очередной деловой знакомый продавщицы Юльки, закурил на ходу, побежал в сторону рынка, наверное, опохмеляться пивом. Второй льготный автомобилист дома Агафонов — гараж его, в отличие от гольдиного, был за пределами двора, не виден из моих окон — заскрипел сначала протезом, затем железными запорами ворот. Скрип их был адовым... впрочем, утро меня освободило, рассеяло черную душевную тоску, скорбь ночных кошмаров. Но в половине девятого, как только вошел в комнату своего сектора, самоистязание вновь зажало душу в тиски.

◆ Я залпом записал все, относящееся к этому страшному, невыразимому ощущению, что испытал две недели тому назад. Вот снова, по прошествии почти трех месяцев, руки потянулись к бумаге: если и бумаге не поведаю о том, что теснит разум, сжимает сердце, то безумие овладеет мною полностью, ибо никому из людей, даже жене, не могу рассказать... Тот первоначальный испуг от моего глупого смешка, насторожившихся глаз курильщиков, смущение, страх оказаться в смешном положении — все вылилось в патологию полного страха кому-либо, что-либо рассказать, спросить. Я всего уже боюсь. Я боюсь, как тот болтун из сказки, выйти в чистое поле и прокричать свою тайну. Тайну? А может загадку, смущение души? Или разума?! Только бумаге еще доверяю, может потому, что держу при себе желание, твердую уверенность порвать свои записки, как только выльюсь в них. Обязательно. Как пить

дать. От таких тайн люди порой спиваются, но это не для меня. А кто не спивается, тот наверняка сумасшедший, в потенции, как... Гребенников. Рука тянется написать определяющее мою личность местоимение в именительном падеже, но нет! Не даю ей свободы помимо твердого, разумного смысла: пиши то-то и только.

Так вот, прошло три месяца после того... Вы знаете из предыдущих записок. Кстати, только теперь я почувствовал, что жена уже много лет равнодушна, холодна ко мне, ну-у, вы понимаете, в своей, в женской части... Никакая работа, никакие люди, дела, ничто меня уже не занимало. Каждую минуту из девятисот шестидесяти конституционно выделенных, помимо сна, в сутки я думал только о нем. Но чем больше думал, тем более и более избегал следить за ним. Под конец просто боялся на него смотреть, даже переставил свой стол под глупым, надуманным предлогом так, чтобы сидеть к Егорову спиной. В курилку начал ходить не в очередь с комнатой, а значит и с ним. На меня начали косо поглядывать. Ну и пусть! Не знаю, как это называть, но у меня появились все повадки трусливого вора, есть такая категория. Каждый день после работы я шел вверх по Некрасовской, доходил до трамвайной или автобусной остановки, выжидал пока уедут все знакомые люди, после чего бежал через квартал на троллейбусную остановку, садился, делал на четвертом номере почти полный сорокаминутный круг, сходил около давешнего подвальчика с шашлыками, крадучись, тенью скользил мимо завода по противоположной стороне улицы, но — отворачивая от него взгляд. Только на углу поворота в переулочек я на считанные доли секунды — натренировался — вскидывал взор и, дико вскрикнув, потел ото лба до пальцев ног, задыхаясь, почти теряя сознание, бежал до самой остановки «девятки». В этом сумасшедшем беге все пытался вспомнить: увидел на этот раз на плоской крыше СКБ одинокую, задумчивую всей своей позой человеческую фигурку со сложенными по-пушкински на груди руками и дымок от сигареты, белесый на фоне смутного вечеряющего неба? Никому ни разу не мог... да что там «кому»? — Себе не мог сказать: да, я его видел! Или: нет, я его не видел. Ум мой отказывался работать исправно. Жена, видя мои постоянные задержки с работы, да еще в полной трезвости, растерянности, приревновала, но с женской хитростью приняла контрмеры: во-первых, начала исподволь беседы о втором ребенке, как залого семейной гармонии, во-вторых, имея в виду возможное исполнение первого, стала настойчиво доказывать, что у нее наступила пора второй молодости, требующая моего активного, непосредственного соучастия. Это меня на время заинтересовало, чуть отвлекло, несколько успокоило.

◆ (Полуторомесячный пропуск в записях). Ура! Слава богу! Слава ясности, счастлив я, свободен, легок как пушинка, невесом, счастлив!! Я нашел разгадку, да-да, сам дошел, чисто аналитически, перебрав все мыслимые варианты. Но не немые, ибо сколь ни близок был мой ум к расстройству, все же я его сдерживал по эту сторону: в чистой, ясной половинке, призывая на помощь все силы рассудка. Я понял, я его, Егорова, вычислил: просто он потерял пропуск. Кстати, супруга начала выражать недовольство моей холодностью, как-то раз, потеряв чувство меры, в пылу разочарования сравнила меня с настоящим мужчиной Игорем Корославлевым, нашим прежним общим знакомым, сравнила она, сославшись тут же на доверительные рассказы жены Корославлева, ее подруги, но я-то знал — он сам по дружеской пьянке раз проболтался мне — что этот настоящий мужчина освободил на заре юности мою нынешнюю супругу от мук девичества... Словом, отныне она могла не рассчитывать на семейную гармонию, потому потеряла ко мне всякий интерес. Формальное примирение ничего не изменило. Впрочем, мне было не до нее. Да-да, гениальная догадка всегда проста: он потерял пропуск. В один не слишком для него прекрасный

день — это случилось может полгода тому назад, а может пять лет прошло — встав с места после отбойного звонка, Егоров надел пиджак, пошел в толпе к проходным. По многолетней привычке, за пять шагов до металлических барьерных перилец проходных он сунул правую руку в левый внутренний карман пиджака и похолодел: пропуска не было. По той же многолетней инерции он продолжал продвигаться к барьеру, да не мог иначе, толпа выносила его, как взятую в отдельности рыбку несет вытряхиваемый из невода плененный косяк сельди или — в духе времени — минтая, а может путассу. Сопrotивляясь, как только можно, Егоров замедлил шаг, руками суетливо лотошась по всем карманам; попадалась разная несортица: расческа с поредевшими зубьями — пора новую купить, подумалось совершенно некстати, когда пальцы неприятно ощутили проломы в пластмассовом частоколе, — мягый носовой платок, шариковая ручка, ключ от квартиры, мусоленная записная книжка — самый похожий на пропуск предмет, троллейбусный проездной билет, невесть как залетевшие в карман две-три гайки с дефицитной резьбой М2,5. Пропуска не было. Егорова вынесло на вахтершу, он впервые оказался в таком глупейшем положении, даже обрадовался, хотя в его положении слово «обрадовался» звучит более чем смело, когда вахтерша закричала противным голосом, перебивая гомон освобожденной толпы:

— Пропуск, пропуск показывай!

Егоров изо всех сил надал спиной, пытаясь вернуться за барьер, теснимые сзади закричали, злобно затолкали его сумками, плечами, мясистыми, мускулистыми женскими бедрами. Он еще надал и вывалился за барьер с внутренней стороны проходных СКБ, вытер ладонью пот со лба, отошел в сторонку перевести дух. Все подваливавший народ удивленно смотрел на него. Вахтерша взвизгнула:

— Несун проклятый! Ишь испугался, назад пошел, — и забыла о его существовании. В углу вестибуля он еще раз перетряхнул все карманы, ощупал подкладку. Все было напрасно, нет пропуска! Он быстро пошagal по длинному коридору, нажал кнопку лифта — она отпружинила, уже выключили. Проклиная всех на свете, более всего себя за растяпистость, Егоров побежал по лестнице, вызывая очередные недоумения отставших от основного потока, спускавшихся к выходу людей.

Егоров вбежал в свою комнату, слава богу, ее-то не успели закрыть. За начальническим столом шумели экспресс-шахматисты, они не заметили Егорова, вернее заметили только через четверть часа, когда, свалив шахматы в коробку, с еще большим шумом направились к выходу.

— Ты что, Жень, роешься? Потерял что? — Осведомился Филимонов.

— Вот пропуск никак не найду.

— Да ну! — Посерьезнел тот, подошел к Егоровому столу.

Через пару секунд все шахматисты ворошили папки, бумаги на столах, двигали ящиками тех же столов, но еще через пять минут стало ясно: пропуск исчез бесследно, как в воду канул. Оставалось одно: идти к начальнику СКБ, объяснить, оформить служебную на выход Егорова. Они с Филимоновым с полчаса дожидались в приемной, пока Игорь Степанович освободится, но тот, выслушав, только сокрушенно развел руками, слегка поругал Филимонова с Егоровым за развал дисциплины, объяснил, что еще с месяца назад получена новая инструкция: он более не имеет полномочий подписывать такие служебные. Дело же было, как позднее стало широко известно, в следующем: руководитель СКБ через влиятельных протезе в министерстве добился себе, кроме обычного титула «начальник», еще дополнительного звания «и главный конструктор», а директор завода, взбешенный усилением самостоятельности руководителя дочернего предприятия, которого давно подозревали в сепаратистских настроениях, провел ряд мероприятий по ограничению реальной власти последнего.

— Единственно, что могу посоветовать, так это сходить к начальнику ВОХР завода, я позволю, попрошу, чтобы вас выпустили из здания СКБ. Безобразно, товарищ Филимонов, у вас с дисциплиной, отвратительно; в этом месяце на подведении итогов мы это учтем в распределении классных мест, премии, само собой... Идите!

Егоров с озабоченно вздыхающим Филимоновым,— вот и неприятности, опять же хоккей сегодня какой, со шведами! — через весь большой завод пошагали в охрану. Мысли даже чуть поседевшего от нервного трепки последнего часа Егорова были того грустнее.

В караулке сидел старшина Деревнянин. Он выслушал обоих, усатого и лысого, сказал, что знать ничего не знает, пусть до утра ждут старшого. Только когда Филимонов еще раз разъяснил в чем дело, напомнил о звонке Игоря Степановича, а главное — Деревнянину надоело выслушивать глупые объяснения, он снял трубку, позвонил домой начальнику охраны. Тот, на счастье Егорова, оказался на месте. Он выслушал сначала Деревнянина, потом Филимонова, после всех — Егорова, сказал, что через сорок минут будет на объекте,— дело серьезное,— заметил он.

Потерпевший и Филимонов высидели в дежурке три четверти часа, дождались начальника охраны, но тот окончательно их ошарашил. После часа расспросов, каверзных вопросов, нотаций, составления протокола выяснилось, что беспропускному Егорову все одно не выбраться сегодня с территории, когда разошлись все ответственные заводские люди, когда не от кого получить указаний, разъяснений, разрешения на выпуск. Словом, Филимонов ушел домой — вряд ли даже последний период застанет,— сиротливо думал он, а Егоров устроился на ночь в дежурке, позвонив домой, чтобы не беспокоились. Старшина Деревнянин подтвердил во избежание ревности. Жена всплакнула, рассердилась на начальство, наругала Деревнянина. Тот ее утешил: мало ли чё бывает, гражданка!

♦ Егоров плохо поспал на дежурной кушетке, накрывшись запасной вахтерской шинелью. Жесткие суконовые волосинки кололи тело сквозь рубашку, пахло потом, револьверной смазкой. Проснулся он продрогший, с ознобом, рано, только еще рассветало. Устало зевал Деревнянин. Предложил до развода караула сыграть в шашки. Постучали, впрочем оба без интереса; Деревнянину хотелось спать после дежурной ночи, а состояние Егорова можно понять.

В семь часов пришел начальник охраны, посоветовал Егорову позавтракать в заводской столовой и отправиться в свое СКБ работать; он сегодня переговорит с кем следует.

Целый день Егоров простоял в курилке, в бесчетный раз рассказывая про нашу шумевшую историю. Острословы просто на стены лезли от смеха, сочиняя всевозможные варианты вызволения Егорова из заводского пленения, были пересказаны все анекдоты, связанные с охраной, с пропусками. Бедолага сам повеселел от шуток, от веселости коллег, от мощного хохота вслед за очередной выдачей местного остро слова, бойкого на язык, Валерки Овцовского. Раза три Егорова вызывали в разные начальственные инстанции, где он писал заявления, объяснения, подписывал акты, протоколы, различные бумаги с угрожающими косыми красными, синими, желтыми полосами, сочинял автобиографию, родословную свою, своей семьи, заполнял анкеты, давал подписки. Под конец его снимали в заводской фотолаборатории. Личные документы для сверки принесла жена.

Незадолго до конца работы Егорова попросили задержаться на часок после звонка — для оформления материалов на выход с территории. Когда ушли последние шахматисты, а Егоров с Филимоновым остались бобылями на всем этаже, позвонил телефон, их попросили в кабинет главного заводского Зама. Там былолюдно: все

начальство, представители многих заводских служб, так или иначе затрагиваемых этой историей.

Слишком много было говорено, но результат для Егорова оказался неутешительным: в силу каких-то нелепостей, напутанностей, возникших в период междуусобицы начальника СКБ и директора завода (Сидевшие, все заводские, дружно валили на руководство СКБ, слишком о себе возомнившее, но не имеющее опыта работы с людьми), ошибочных несогласованностей, новый или хотя бы временный, даже — разовый пропуск-разрешение на выход с объекта, если прежний был потерян на его территории, выдан быть не может. Вот тебе раз!

Было предложено следующее: форсированно организовать поиски пропуска на территории силами специально созданной группы из представителей охраны и администрации СКБ, а тем временем Егорову придется пожить на объекте: в СКБ ему отведут под вечерне-утреннее и ночное жилье спокойный кабинетик одного из замов Игоря Степановича. Если же пропуск вовсе не найдется, то жить Егорову на заводе предстоит четыре года десять месяцев и 16 дней — оставшийся срок действия нововведенных инструкций.

Дико, скажите, нереально? Имею теперь косвенное подтверждение аналитически воссозданного мною, подтверждаю: косвенно, но...

Потом, работая на мебельной фабрике, довелось мне быть в Москве в командировке — дело обычное, частое — попасть в неприятное положение, неловкое: дело в том, что за один день я дел своих закончить не успел, наутро нужно было еще в пару мест заскочить, письмишки подписать, а перекантоваться ночь негде; приятель, у которого еще со времен работы в НИИ — учились в институте вместе, он потом в столицу сумел перебраться — при крайней нужде останавливался, в Крым укатил в отпуск; в гостиницу? — Ну, вы сами в Москве бывали, особенно если вы из Т., а не из ФРГ какой-нибудь. Что делать? В СКБ проблем не было, Игорь Степанович в году до десяти месяцев чистого времени проводил в столице, сутился около министерства, Госплана и других инстанций, доказывая, что его СКБ принесет неоценимую пользу стране только при условии полной самостоятельности, отделения от завода. А раз так, то на Таганской СКБ на паях с заводом сняло в долгосрочную аренду в старом особняке целый этаж под ведомственную гостиницу. Игорь Степанович и директор завода имели там по отдельной квартирке для отдыха, приема московских гостей — хотя одновременно никогда не селились! — простому командированному в столицу народу три больших комнаты досталось. Хорошо там было; во-первых, в самом центре, зимой побегает по министерии, по конторам разным, в метро из конца города в конец, весь в поту, а на улице сырым морозом прохватит, только и мыслей — скорей на Таганскую! Зайдешь туда — ну, прямо дом родной: люди все свои, тепло, сухо — отопление там старинное, духовое, тапочки наденешь, телевизор цветной, ванна, кухня, холодильник магазинный, до двух десятков сумок с мясом, что для дома набрали, свободно входили в него! А как поужинаешь бывало вскладчину, без чинов и должностей, как пойдут разговоры... Э-эх!

А что, думаю, не прогонят, чай сейчас? Неудобно, конечно, это я про свое скандальное увольнение из СКБ... Заводские-то о нем не знают, наверняка, вот из СКБ? Но сейчас лето, летом в СКБ пусто, как-то умудряются почти всей конторой в отпуск уйти, несмотря на грозные приказы о строгом распределении и т.п. В конце концов, стыд не дым — глаза не выест! Не кусок хлеба иду просить, не торчать же всю ночь на Казанском или Курском! Была не была, а комендантшу-то улещу. Как раз недалеко от Баррикадной я находился, как надумал, так заскочил в гастроном, что на порожах высотного дома, купил для Регины Яковлевны, зная ее вкусы (Ох, шустрая, хитрющая старушонка, рассказывала, что князь Голицын, владелец особняка, где

буфетчиком папашка ее служил, самолично крестик ей на рождение от себя послал!), коробочку вполне приличных конфет, бутылочку вишневки, а для себя, то есть для вхождения в возможную компанию командированных — совсем уж редкость, чем порой столица удивляет: лимонную водку. Покатил на Таганскую. Через десять минут уже в дверь стучался, открывается: а там смех, шумок легкий, накурено, в дверях Кавардашин — главный металлург завода, в рубахе распоясь, потный, веселый:

— А-а! Заходи гость дорогой, вовремя пожаловал, тут у нас брат, такое!..

— Да вот, как Регина Яковлевна, примет ли меня, я ведь уже не в СКБ работаю те...

— За-ахходи! Какая такая Яковлевна! Мы ее еще с четырех часов домой отправили, чтоб не мешалась. У нас, брат, такой день сегодня?!

Как оказалось, попал хоть не с корабля, но почти на бал. К великому моему облегчению из СКБ никого не было, в самой большой комнате за сдвинутыми столами и тумбочками сидело около десятка человек: все главные заводские специалисты, люди известные, знакомые мне; большинство, хотя и визуально, знали меня; в свое время потолкался по их кабинетам. Впрочем, народ заводской демократичный, а на стороне — так вовсе компанейский. Не зазнайки ранние из НИИ-КБ...

Тотчас усадили меня за стол, я, конечно, выставил лимонную и вишневку; конфеты для дочери оставил. Лимонная вызвала восторг. Меня похвалили, замещавший бывшего в отпуску главного технолога Овсянников, парень молодой, тут же подмигнул в мою сторону:

— Товарищ не только в напитках знает толк! Не смотрите, что на вид скромненький, знаете, мужики, почему он — ты только не обижайся, люди здесь свои! — из СКБ ушел? Девку молодую, чуть ли не восемнадцатилетнюю, красотку — пальчики оближешь! — так закрутил, что она этого вот скромника у проходных отлавливала и к себе. Дальше понятно: жена с жалобами, начальники — головомойку, вот мужик не выдержал, смотался...

Что ж, я был вполне доволен такой версией, поэтому скромно промолчал, чем вызвал общий, дружный, одобрительный смех. А гуляли заводские по причине большой радости: вчера директора завода с замами и главными специалистами — для возможных технических справок — срочно вызвали на коллегия министерства; сегодня утром свершилось: на базе завода создавалось объединение, главой которого становился заводской директор. Игорь же Степанович хоть получал титул руководителя отдельного КБ, но в структуре объединения, в подчинении его главы. Таким вот образом завершилась многолетняя тяжба двух руководителей. Понятно, что глава нового объединения со своими замами тотчас отбыл домой, чтобы подготовить возникшие в новой ситуации коррективы к планируемому на днях пленуму обкома, а специалисты остались на денек отпраздновать победу. Само собой, они теперь становились главными специалистами объединения. Не думал, не гадал, что когда-либо попаду на такое торжество!

Много интересного было говорено за вечер и начало ночи; информации в таких коллективах получаешь за час больше, чем за годы службы; главное на меня не обращали внимания в том смысле, что теперь был я человек посторонний для завода и СКБ, более того, считали они меня, услышав шаловливую версию Овсянникова, недругом их служебного врага — все того же СКБ, потому с особым удовольствием еще и еще раз вспоминали наиболее характерные эпизоды многолетней борьбы не на живот, а на смерть. Вот тут я сделал кое-какие выводы, косвенно подтверждающие мою давнюю, теперь — давнюю догадку относительно причин неурядицы с Егоровым. Вот, в частности, рассказывает Кавардашин, тамада стола, самый языкастый, как на заводе еще раньше говорили, наиболее приближенный в смысле доверия к Григорию Сидоровичу, человек (Вместе в войну слесарями-подростками начинали на том же заводе):

— ...А был момент, когда почти ваш (Кивок в мою сторону) и Григорий Сидорович на равных шли! Что там говорить, Игорь-то он человек новой формации, сейчас таким дорогу многие уступают! До того дошло, что мнения на коллегии тогда разделились почти поровну: половина — за отделение Игоря, половина — за Григория Сидоровича, только у нашего перевес в один голос, но и у вашего (Снова кивок) зарезервирован отсутствующий член коллегии; он вот-вот из загранкомандировки ожидался. К этому моменту отношения на заводе настолько накалились, что Григорий Сидорович с Игорем все поделили; как на разных предприятиях работают, внутренние планы, рабочие дела через главк письменно согласовывали! Вот как!? Общее — только и осталась территория, но тут Игорь ничего не смог поделывать, его-то конторка со всех сторон заводом окружена, хочешь-не-хочешь, терпи! И терпел, стиснув зубы, не хотел на поклон из-за пустяков идти, дошло до того, что простейший вопрос, что яйца выеденного не стоит, СКБ не могло разрешить, запутавшись в своих же, хе-хе, ну, конечно, и Григория Сидоровича, сетях: несколько лет никак не могли даже инструкцию о внутриобъектовой дисциплине согласовать! Ваш-то не хотел кланяться, а стоило только позвонить Григорию Сидоровичу — все бы в ажуре было, так нет, все со дня на день ждал приезда этого... из загранкомандировки, уповал на последний решительный. Доуповался: тот приехал, но здесь первый зам у министра сменился, назначили нынешнего, Ильичева, а тот с Григорием Сидоровичем еще с досовнархозовских времен знаком, знает его хватку, что за таким никакое дело не пропадет. Ильичев-то с Григорием Сидоровичем переговорил и тому командированному члену коллегии порекомендовал отойти в сторонку, тот и начал: да, нет, ваш и нашим... Так несколько лет тянулось, пока в нашем вопросе Ильичев не прибрал коллегию к рукам. И все это время — холодная война на заводе, ваш Игорь Степанович все же крепкий мужик, сам горел, что только не перетерпел, но, как на фронте: всех до одного бойцов на танки бросит, сам изранится, но не сдастся. Настоящий руководитель! Он еще своего добьется, даром что молод. Ну, мужики, как говаривал Петр: выпьем за врагов наших, врагов храбрых!

...Да, я тогда точно воссоздал картину. Именно так Егоров оказался пленником завода. Он смирился со своей участью. Был Егоров человеком скромным, понимающим трудности молодого коллектива на путях его развития, исполнительным был человеком. Днем он работал, как все, в родном секторе, после звонка редко-редко играл в шахматы с остающимися. Затем, после ухода всех людей, проветривал комнату, запирал ее, поднимался на плоскую крышу СКБ, прогуливался, долго стоял, отдыхая, бездумно глядя на заводские крыши, на сизое, вечеряющее небо, стоял, сложив по-пушкински руки на груди, отогнув в сторону кисть правой руки с сигаретой. Курил, пуская белесые клубочки дыма. Над ним плыли облака. Когда темнело или становилось прохладно, спускался на свой этаж, отпирал кабинет личным ключом, стелил постель на диване, включал цветной телевизор хозяина кабинета — зама, смотрел, читал газеты, принесенные днем из техбиблиотеки СКБ, закусывал на ночь из холодильника, ложился спать. С женой, с прочими домочадцами он виделся в караулке; в отведенной комнате раз в неделю жена оставалась с ним на ночь. Жена скоро привыкла, обещали ей в скором времени подписать в главке временный пропуск к мужу в СКБ.

Егорову для компенсации заточения прибавили зарплату, премию начали платить как начальникам: ежеквартально по сто процентов, выдавали талоны на бесплатные диетобеды, завтраки, молоко. Время шло.

◆ Камень упал с души. Впервые за несколько месяцев кошмара я стал замечать, какие же красивые девушки собрались на нашем этаже, даже в нашем секторе? Как

раз в универмаге выбросили большую партию муаровых югославских колготок, в моду нашего города вошли макси с разрезами в полдлины, так что все мужики соловели. Какие дружные, независтливые ребята работают со мной, как трудолюбив Филимонов, как воспитанна собственная дочь; совсем не толстуха, не неряха жена, кстати, совершенно в меру, по возрасту темпераментная. Жизнь повернулась лицом, ничто более не докучало. Слава богу!

Говорят, что эгоизм перерастает в более ценимое общественное чувство, если испытываешь избыток чего-либо: денег, счастья, здоровья. Насчет денег я сильно сомневаюсь, но вот у меня нечто случилось подобное от полноты свалившегося счастья освобождения. Я перестал копаться в самом себе, созрела великая гуманная мысль: помочь бедному Егорову освободиться от заводского пленения. Короче, я стал методически искать его пропуск, чего не смогли сделать никакие полномочные комиссии.

Конечно же, я не бросился, очертя голову, лихорадочно перерывать ящики столов, ворошить папки и прочий хлам, что сделала бы нелогичная женщина, начальник или иной разухабистый мужик. Нет, достаточно изучив Егорова по наблюдениям предыдущих месяцев, я пришел к выводу: он человек аккуратнейший, усидчивый, методический. Такой за целый день выходит лишь в курилку, не шатается по комнатам, тем более по заводу, по всяким службам. Но в курилке, на двадцатиметровом участке коридора, в лифте до второго этажа, где находится буфет, потерять пропуск невозможно, сразу бы нашли. Значит, остается лишь... наша комната. Но и здесь не в характере Егорова было швырять пропуск на стол, в ящик стола, на подоконник. Нет. Не мог он выронить его из пиджака, из внутреннего кармана. Как человек аккуратный, он не имел в пиджаке дыр, прорех и прочего. Я с полмесяца анализировал, моделировал всевозможные варианты и был вознагражден удачей. Эврика! Я понял, а понять — значит довести до логического совершенства свою мысль. Уже не первый раз в своей жизни убеждался: нет преград человеческому уму — острейшему орудию природы. Итак, Егоров мог потерять пропуск лишь следующим образом: в тот злопакостный день он пришел в очередной раз из курилки, сел на свое место перед приборами. Потом что-то потребовалось вычитать из знаменитой его, всем известной, но весьма дрянной по ветхости записной книжки. В отличие от большинства людей, в записной книжке Егорова были занесены для памяти не адреса дальних родственников, не номера телефонов приятелей, телеателье, главных инженеров предприятий-смежников, любовниц и случайных — по пивной — знакомых, а чисто справочные материалы по работе: может перечень дефицитных транзисторов, а может краткая табличка логарифмов переписана из книжки Брадиса? Кстати, книжка всегда у него лежала в том же внутреннем кармане пиджака, что и пропуск. Так как была вторая половина дня, в комнате стояла духота, Егоров несколько ослабил внимание и вынул книжку вместе с пропуском. Обложки их, обе из вонючего клейкого дермантина, пропотевшие в жаркий день во внутреннем кармане пиджака — стоит ли отдельно говорить, что человек такого аккуратного, выдержанного характера, как Егоров, да к тому же худощавый, принадлежал к тем редким людям, которые не снимают пиджаков даже в сорокоградусную жару?! — слиплись. Я специально, благо стояла страшная жара, провел следственный эксперимент, взяв свой пропуск и стертую записную книжку, почти копию Егоровой.

Затем он раскрыл книжку на нужной странице — пропуск лежал под книжкой невидимый, неосязаемый ладонью — прочитал что нужно, потом решил, что эта запись ему через пару минут вновь может потребоваться, положил книжку, а вместе с ней пропуск — под ней, на крышку прибора, уткнулся в свой осциллограф. Здесь лаборанты от главного метролога принесли с регламентной проверки другой, ранее

взятый у Егорова прибор, который обычно годами стоял на той крышке, где теперь лежала записная книжка с пропуском под ней.

Дальнейшее еще проще: лаборант, гулявший всю ночь с девицей, не выспавшийся, а от того хмурый, малоразговорчивый, зная интерьер Егорова, без лишних слов смахнул книжку на стол свободной рукой, тут же тяжелый принесенный ящик был воодружен на законное место до следующей проверки: через пять лет, если не сгорит сам. Тоненькую книжку пропуска, к этому времени уже отсохшую от обложки книжки записной в вентилируемом потоке теплого сухого воздуха, что шел из решетки нижнего прибора, лаборант не заметил: она была такого же черного цвета, как крышка прибора. Другой лаборант в это время во все глаза разглядывал красотку Любочку. Егоров что-то пробурчал неодобрительное, когда записная книжка свалилась ему чуть не на нос, но глаза поднял не прежде, чем сделал паяльником аккуратную нащелпку припоя на вывод подпаиваемой микросхемы.

Когда эта мысль пришла мне в голову в окончательно оформленном виде, стоял ясный, солнечный, жаркий день, а я полудремал за своим столом, истощив работой мысли всю энергию сегодняшнего дня. Было такое впечатление, что мне приснилось или пригрезилось наяву. Такое было ясное, чистое, незамутненное видение. Единственно, что отвлекало — был виден из-за кульмана женский угол комнаты, где чертежница Любочка в искусительном мини — врезе с общей модой на распоротые по швам макси — с умопомрачительными бедрами культивированной акселератки примеряла принесенные Лией Михайловной для перепродажи сапожки. В жаре, в послеобеденной сытой дреме видение это, несмотря на умственное истощение, упадок всех сил, схватывало меня когтями за живот, хотелось по-бычьему мычать от похотливой страсти, забежать, стуча копытами по лопающемуся от тонной тяжести туши паркету в тот уголок за кульманами, ломая по пути столы, сплющивая стулья, выгнать вон все пропахшее «Незнакомкой» и старческой «Красной Москвой» стадо, отогнать радостно, притворно-испуганно завизжавшую Любочку... но здесь видение разыгравшейся похоти было прервано видением логически собравшейся мысли: в этот момент я понял, где Егоров потерял пропуск. Когда я, начисто забыв о бедрах Любочки, вскочил с места озаренный, то даже в унисон проигранным мыслям показалось: хлопнув дверью, выходили лохмачи-лаборанты, принесшие прибор. Настолько было ясно, ощутимо видение, сходное с озарением свыше. Так фантазия додумывает и привносится в явь.

Я сходил в курилку, еще раз продумал всю цепочку случайностей. исключил только Любочку, она перевелась к нам в сектор из совсем другого отдела уже на моей памяти. Зато, говорят, за месяц до моего прихода из сектора, поступив в институт, уволилась еще более красивая девочка. Так что все сходилось. Да, иначе быть не могло. Когда вернулся в комнату, то из угла слышался счастливый смехок, восхищенные, завистливые шепотки. Из-за неплотно сомкнутых женских спин было видно, что Любочка стоит уже в чем мать родила ее восемнадцати лет тому назад, примеряя, очевидно, перепродаваемые... но все ее роскошные прелести, до атласных бедер включительно, не могли отвлечь меня от только что свершившегося. Я спасал человека! Есть ли чувство более гуманное, доброжелательное, радостное?

◆ Но видно человек не может жить без забот, если они исчезают; он их сам себе придумывает. Так и со мной. Теперь другая мысль завертела голову: как сообщить Егорову? Подойти, сказать? А если сердце не выдержит? — Бывает такое, вот вместо радости только дополнительное горе принесешь человеку, без того его хлебнувшего. Да и самому неудобно: Егоров всю жизнь будет считать себя обязанным. Эти обязательные бутылки в знак благодарности, спички торопливо доставать, чиркать, увидев

его, входящего в курилку, улыбки заискивающие, смеяться при каждой глупой его шутке... Не люблю я всего этого. Нет, помочь человеку, так действительно помочь, не обязывая ни к чему. Это не поза, не альтруизм, нет. Просто радость приносящий должен быть скромным. Урок человечности.

Сколько-то времени прошло, пока я голову ломал? — наверное, с час, ибо — я видел краем глаза — Любочка дважды успела раздеться-одеться, но я все более и более склонялся к одной мысли: свое участие следует скрыть. В момент, когда женщины, перепродав все, что можно, примерив все барахло, принесенное на сегодня, на Любочкиной эталонной фигурке, разбрелись по своим местам, а сама манекенщица поцокала к двери (курить в туалет), я принял единственно верное решение. Это были последние минуты в жизни, когда я еще что-то понимал в людях, верил в человеческую благодарность. Хотя бы безобъектную. О, доктор Джонсон! О, доктор Швейцер! Где ваши гуманоидные теории?

По порядку. Решение было принято мгновенно. Я выскочил вслед за мелькнувшими Любочкиными бедрами из комнаты. На великолепии их, а также на безупречности точенного бюста держалась маленькая, глупенькая головка (Сейчас так не думаю...). Но именно последнее было мне нужно. С Любочкой было принято обращение простое; охватив шаловливо за талию, сообщил комплимент по поводу цветущего вида. Любочке можно было говорить любые комплименты, даже на гагаузском языке, на котором печатались брошюры, присылаемые молдавской книго-почтой в нагрузку к томам Дюма, регулярно выписываемым женщинами сектора постарше. Любочка реагировала на интонацию льстивой речи, смеялась просто от звуков: прерогатива молодости. Вынув из кармана резервную пачку «Честерфильда» — очередной знак благоволения Гольдина — я вручил онемевшей от счастья Любочке презент, проводил ее до конца коридора. Между похвалами цвету лица и прическе «гаврош» попросил помочь разыграть хмурого Егорова, только ни-ни, понимаешь? Как ни странно, в мелких делах она умела держать язык за зубами. А розыгрыш в том, чтобы подойти к Егорову и спросить: знает ли он, что его п р о п у с к (при этом я посмотрел в ее глаза, но они не расширились, не сузились... ну и народ, молодые девки, ничем не прошибешь, ничем они не интересуются кроме тряпок и возможных претендентов!) лежит под верхним прибором справа.

Она ничуть не удивилась, — она же ведь новенькая в секторе, как я, — запоздало пришло в голову... Итак, Любочка кивнула головкой в знак согласия, умчалась. Через пятнадцать минут я наблюдал последнюю в своей жизни картину, последнюю, которую смотрел еще не взором отъявленного скептика.

Вошла Любочка. На всю комнату пахло запахом французских духов, качественного импортного табака и только что съеденной на закуску дыма апельсиновой дольки, но все перебивал запах юной свежести. Дальше все было как во сне. Она подошла к Егорову, легонько дернула того за ус. Егоров тихо, миролюбиво забранился, Любочка же наклонилась и доверительно, разыгрывая заботливость, сообщила нечто. Я не мог подавить вздох; воздух, пропитанный дымом, духами, безостановочно полился в легкие, переполняя грудную клетку. Уже то насторожило, что Егоров выслушал Любочку очень спокойно, по лицу было видно — не поверил, но не рассердился, так как на Любочку сердиться нельзя: дите! Но разве такой должна быть реакция в его-то положении?! Своим спокойствием он опровергал все человеческие каноны психологии поведения. Любочка уже сверкала ажурными бедрами в своем углу, сидя на подоконнике, а Егоров медленно оторвался от осциллографа, поставил паяльник на подставку, вроде как на всякий случай (??) полез внутрь пиджака. Это человек, живущий в заточении может уже несколько лет из-за потери картонки в дерматиновой обложке?

Началось! Началось непостижимое для меня. Или я действительно сошел с ума? А Егоров, явно заинтересовавшись, встал со стула — чтобы сподручнее было, как человеку аккуратному — обшарил карманы диких своих по древности джинсов. Впрочем, в этот момент я его еще понимал, вернее ум мой выудил последнюю оправдательную гипотезу: в таком состоянии, с которой никакая сверхнаркотическая эйфория не сравнится, даже внезапное признание новоизбранной мисс-Москвы в безоглядном к тебе влечении будет выглядеть фарсом; да, в таком состоянии человек должен оттягивать момент свершения радости, счастья, чтобы успокоиться, подготовиться. У Егорова это вылилось в совершенно ненужное, показное лицедейство: поиски по карманам. Но сразу все рухнуло. Егоров аккуратнейшим образом, чтобы не перегибаться через спинку, не задеть при этом полый пиджака свои паяльные принадлежности на столе, сдвинул стул в сторонку, подсунув ладонь в щель, образованную ножками-амортизаторами, поднял с некоторым усилием край верхнего прибора справа, запустил под него другую руку и... вытащил пропуск в мерзко-серой от пыли долгого лежания, обтруханной какими-то мелкими опилками обложке. Чувства мои передать не могу, вернее, они, мои чувствования, развивались, обрывались, лопались, вновь пузырились по двум соседним, но чужим друг другу руслам: одно — торжество логики ума, другое — перевертывающие все представления о человеческой психике поведения действия Егорова.

Я не могу этого описать, не Бальзак, поэтому просто сообщаю об эффекте дикости внешней картины: Егоров покачал головой, хмыкнул, сунул, не глядя, но лишь стряхнув сор, пропуск во внутренний карман пиджака, погрозил ласково пальчиком в сторону сияющих на солнце бедер, вышел в курилку, доставая на ходу пачку... «Дымка». Мне даже послышалось — впрочем, что сейчас в этом мире не галлюцинации для меня? — Егоров вполголоса, бранчливо ругает длинноволосых остолопов, с перепоя ничего не различающих перед собοю, ставящих приборы куда попало, а сегодня-де футбол с испанцами рано начинается. Бить надо за такие шутки! Впрочем, значения его словам я уже не придавал, разум мутился.

♦ Вкратце допишу, не пытаюсь более анализировать. Происшедшее так подействовало на меня, что я лишился последнего, как говорит моя жена, практического ума. Прежде всего, я напрямик спросил Егорова: почему он так странно вел себя, найдя пропуск; неужели не в первый раз освобождается от многолетнего заточения? Тот сначала обалдело посмотрел, но, решив, что это особо изощренная шутка, новое веяние в юморе, привезенное наемными кем-то из столицы — так я прочитал на его лице — вежливо рассмеялся. Когда я, разозленный, стал его почти что допрашивать, он тоже психанул и ушел, не докурив свою сигарету. Я его преследовал, кричал в коридоре, а потом в комнате сектора, брызжа слюной. Кончилось тем, что меня оттащили от запуганного Егорова, тут же отправили на месяц в колхоз на прополку свеклы. Когда вернулся, то с Егоровым ограничивался только кивками по утрам. Со мной говорили только по работе. Молчал и я. Потом, совершенно неожиданно даже для себя, не выдержав в один из дней плавающей жары начала августа вида полуобнаженной, сидящей на излюбленном подоконнике Любочки, сорвался с места, подошел к ней и в присутствии двух других женщин и Лии Михайловны грубо попросил ее стать моей любовницей. Так как на меня после истории с Егоровым смотрели косо, то за шутку это принять было невозможно. Любочка покраснела, бессмысленно надернула юбочку на колени, пискнула «нахал», в заключении сделала вид, что расплакалась, выбежала из комнаты. Женщины дико посмотрели на меня, со значением промолчали. Когда я уже сидел на месте, то видел, как кое-кто из них и из мужиков вертит пальцами у виска. Дурье!

К концу дня мне стало стыдно, я написал заявление об увольнении. Филимонов, коротко, сочувственно взглянув на меня, незамедлительно подписал без обычного двухмесячного отстоя. На другой день без волокиты полностью оформили, рассчитали. На последней стадии оформления бегунка за мной следом ходил начальник охраны, не спуская глаз с моего пропуска, когда я его доставал. Он же лично принял его у меня при прощальном выходе из проходных, даже, прикрывшись фуражкой, как мне показалось, мелко перекрестил свою форменную грудь.

Теперь я работаю на мебельной фабрике конструктором. Здесь спокойно, все прошедшее вспоминаю, как кошмарный сон. Бывает же такое? Но до конца так ничего не понял: то ли со мной сыграли шутку соскучившиеся от безделья коллеги, то ли — особенно последние мои глупости настораживают — от волнения предыдущего периода работы, до перехода в СКБ, и разногласия с супругой нервы мои сдали? А может правда все это было... с Егоровым? Скорее всего так. Я потом тайно ходил к невропатологу, психиатру. Все в норме. Скорее вся наша жизнь не в норме, бывает же такое?

Да, Люба вышла замуж, живет теперь в одном микрорайоне со мной. После работы иногда вместе идем от остановки «девятки», мирно, дружелюбно разговаривая. Даже вспоминаем сослуживцев, она тоже перешла в другое КБ. О том — ни слова. И вот что мне кажется — чертова женская натура! После родов Любочка чуть пополнела где надо, исчезли остатки угловатости, голос стал мягче, слова умнее, но очарование юности поблекло, хотя встречные мужики оглядываются на нее еще пуще прежнего, на меня смотрят с завистью. Теперь то мое глупое предложение вызывает, наверное, в ее голове лишь сладостное воспоминание о былой грозной неотразимости. Ей льстит это воспоминание, потому она так лукаво порой поглядывает на меня. Когда я подаю ей руку трамвайного спутника при выходе или посадке, она розовеет. А что если черт не шутит еще раз... Да-да, я ведь из себя ничего мужик, а в глазах ее читаю поощрение.

— Надо от жены подальше спрятать, неровен час прочтет.

♦ *Ноосфера: Круг замкнулся.* Вот уж не думал, что, спустя два года, снова вернусь к своим запискам? Тогда, опасаясь, что супруга заинтересуется, прочтет, я отнес пухлую общую тетрадь увеличенного формата на работу, засунул ее в дальний угол нижнего ящика своего стола, для верности завалив всяким ненужным бумажным хламом. Через год, когда мне неожиданно предложили стать заместителем начальника конструкторского бюро — что ж, соображаю по инженерной работе я неплохо, а перейдя из серьезного СКБ на мебельную фабрику, вообще стал личностью заметной — перебираясь в отдельный маленький кабинетик, отгороженный от общего конструкторского зала фанерными стенками, я чуть было не вывалил содержимое нижнего ящика в мусорный мешок уборщицы, но вспомнил и, отряхнув пыль, забрал тетрадку на новое место, где, кстати, имелся сейф. Пусть лежит, есть не просит!

Итак, как вы уже догадываетесь, жизнь моя вошла в нормальное русло, теперь не последний вроде человек, знакомые наперебой в гости на праздники зовут, жена наконец-то зауважала. Попробуй, не зауважай, когда триста чистыми домой приносит! Кстати, супруга с приходом в дом достатка заболела модной нынче болезнью вещизма, все покупает, покупает, второго ребенка заводить раздумала — года, дескать, не те уже... В личной нашей с ней жизни все хорошо, ей сейчас тридцать семь — она моложе меня немного, — самый расцвет, за собой следит, когда вдвоем с дочерью, заканчивающей школу, идут, то погодками смотрятся. Чего еще мне надо?

Да, чуть не забыл... А стоит ли записывать, то есть оформлять документально? Вроде как я начальник сейчас, так что следует быть предельно бдительным, осто-

рожным! А-а... Где наша не пропадала! Так вот, Любочка-то развелась с гулякой-мужем. Он погнался за красивой жизнью, пересел с персоналки, что возила директормелькомбината, за баранку такси, задурил. А как только развелась, так тотчас удивительно похорошела, расцвела прямо. Полтора года тому назад это случилось. Както встретились мы с ней на остановке «девятки» (Кстати, «девятка» теперь — чудесный чешский трамвай, Носково снесли, построили микрорайоны, заселили тихими, спокойными людьми из других частей города): Господи! Совсем прежняя красавица, но только женственность в ней так и разлита, глаза ласковые... Вместе сели, а за сорок минут езды от центра, потом еще до дома ее проводил,— все она мне про свою жизнь поведала. Поинтересовался, не без умысла, как собирается дальше стать-быть? Замуж вновь сразу выйдет или передохнет год-другой?

— Куда там,— отвечает,— хватит с меня, попробовала этой радости, да чтобы снова в такую кабалу! Нет, сейчас молодые женщины по-другому поступают: вот я ведь, все у меня впрок, всем обеспечена (Мама — в торге, папа — высшей квалификации отладчик на заводе прядильных автоматов, из-за границы не вылезает, только на чеки в «Березке» и одеваюсь!), квартира отдельная; бывшего своего через суд выпихнула, да еще так подстроила с подругами, что на выбор дурака поставила: либо на отсидку, либо духу твоего чтобы не было: безо всяких претензий, разменов! Чего больше желать? А захочется нужду справить, так только свистни: и доценты, и боксеры, а то из филармонии прилетят; все они на молодое мясо падкие... Так сейчас многие рассуждают, нынче умную женщину к корыту или к щам вонючим так просто не приставишь. Поживу в свое, возьму от жизни что надо, а годам к тридцати-тридцати пяти разведу не очень большого начальника (Большие на это не пойдут! Им карьера дороже, да спрос с них за развод побольше...), а лучше военного посолднее, подполковника или майора, вот тогда семья получится, рожу от него для закрепления второго ребенка. А эти вертопрахи, пьянь молодая всякая?..

Конечно, можно было сейчас замуж пойти, попадись солидный, основательный, без алиментов человек, да где их в нашем городе сыщешь? Вот в Москве там другое дело: заведующего фирменным магазином, дипломата молодого, писателя серьезного... Вот у меня подружка...— с четверть часа Любочка вдохновенно несла какую-то чушь, видно почерпнутую из последнего виденного ею фильма. Трамвай вкатился на стержневую линию наших микрорайонов. Выходя, я галантно подал Любочке руку. Она стрельнула глазками по моему помолодевшему за время спокойной жизни лицу со свежееотпущенными модными усами, по новому импортному костюму, безукоризненно начищенным туфлям, дипломату с замком-шифром:

— А вы прекрасно выглядите, может уже штатом секретарш обзавелись на новом месте?

— Да, что-то в этом роде,— весело соврал я.

Прощаясь со мной у своего дома, Любочка приглашала «заглядывать на огонек», а чтобы не запамятовал (— Вы, мужчины, такие забывчивые, дичаете на своей противной работе без женского догляду,— кокетничала под хлопотливую, заботливую домашнюю хозяйку), проставила в моей записной книжке свои реквизиты.

Дальнейшее вам понятно. Раз, а то два в неделю задерживаюсь на работе дотемна: начальник все же! Жена с уважением слушает за крайне поздним ужином о бюрократических битвах в кабинете Самого, жалеет меня: за целый световой день даже аппетита не нагулял, бедненький! Будь супруга пообщительнее со старухами-соседками, что до полуночи торчат на лавочках у подъездов, заинтересовалась бы: почему в эти поздние возвращения я подхожу к дому не от трамвайной остановки, а совсем с противоположной стороны? Раз в месяц, в числа, высчитываемые Любочкой по таблице из самиздатовского перевода японского пособия «Математика оптималь-

ной любви». я отпрашиваюсь у начальника бюро на пару дней «по домашним делам», а наутро уезжаю из дома в командировку, положив в портфель полотенце, зубную щетку и тайно припасенную бутылочку рябины на коньяке.

Жизнь прекрасна и удивительна!

♦ Вы спросите: так что же заставило меня в моей новой, прекрасной, удивительной жизни вновь взяться за скорбную тетрадь, не для того же, чтобы поведать о победе над сердцем или чем там иным Любочки? Ведь настоящие мужчины все это носят в себе... Все-таки очередные горести заставили меня взяться за тетрадь, к счастью, совсем не мои, но увы! Нечто страшное в своей нелепости, связанное с людьми, много мне знакомыми, ранее фигурировавшими в моих прежних записях. А писательский зуд, если он охватил человека, теревит за душу, требует цельного, законченного описания. Некоторых такой зуд охватывает даже на восьмом десятке, успевают премию получить, но это к слову. Расскажу все по-порядку, благо в тетради остался десяток чистых листов, закончу свой труд, так печально начавшийся с меня, еще более трагично закончившийся для двух второстепенных героев.

Во вторник прошлой недели, предварительно позвонив с утра Любочке, которая, кстати, только что отметила свою двадцать вторую годовщину, получил обычное для вторника приглашение зайти «на огонек». Как всегда в такие дни, я ушел с работы пораньше, в три часа, поймал для экономии времени такси, через четверть часа был в своем микрорайоне. Отпустив машину, не доезжая до своего же квартала, я несколько странным, но хорошо отработанным путем дошел до дома Любочки, убедился, что старух во дворе нет, нырнул в подъезд, быстренько взбежал на третий этаж, своим ключом — жене говорил, что от кабинета — открыл дверь. Любочка должна была появиться вот-вот от родителей, где днем навещала и воспитывала дочурку. Пока суть да дело, я заварил кофе, посмотрел по телеку окончание дневного фильма, но тут вбежала Любочка, странно взъерошенная, испуганная, с расширенными глазами. Сердце у меня екнуло, — измена! — Но прямо с порога она выпалила такую страшную новость, что я выронил чашку с кофе... По дороге от родителей Любочка встретила Лию Михайловну из СКБ, та тоже была не в себе, бледная, охала, такое рассказала... Прошло полчаса, час, но Любочка все не могла овладеть собою, даже всплакнула. К вечеру же ей полегчало, но было страшно оставаться одной, пришлось позвонить супруге, сообщить, что спешно выезжаю с главным технологом в главк, дабы поспеть на утреннее совещание по корректировке предложений на новую пятилетку.

Несколько дней прошло, весь город тревожно перешептывался, носились по трамваям самые противоречивые толкования, догадки о сути, причинах происшедшего, смутно намекали на диверсию из-за рубежа, рассказывали о некоем героическом вахтере, что обезвредил бельгийского шпиона и теперь представлен к ордену... Я сам много не понимал в этой сумятице. В воскресенье Любочка была занята воспитанием дочери, а я от расстройства душевного по поводу непонятого происшествия чисто машинально зашел в известную уже вам шашлычную с пивом. Там мне встретился Валерка Овцовский, острослов-литератор, был он слегка пьян, расстроен. Как выяснилось, Валерка, склонный к литературным упражнениям — подписывал юморески в обе местные газеты, — захваченный богатым, наглядным драматизмом трагического происшествия, скоренько, по горячим следам накатал психологическую новеллу и сунулся было с ней в редакцию. Там прочитали, назвали паникером, распространителем вражеских слухов, вышибли за порог. За парой стопок и полдюжиной пивка он поведал мне всю историю, которую сам доподлинно узнал от приятеля — следователя райотдела милиции.

Оказывается, у истории была еще предыстория, а именно: вскоре после моего ухода из СКБ, интеллигентнейший ведущий конструктор Виктор Петрович Третьяков (Помните историю с переодеванием его супруги?), совсем затюканный женой, свалившимися враз неприятностями по работе — сумел внедрить некое глобальное изобретение, получил 15 000 рублей авторских, но в свое время не предусмотрел, не включил в состав авторов никого из руководителей СКБ,— совсем испсиховался, поругался с шефом и вслед мне уволился. Тут-то с ним начались всякие странности. Ну, а второй участник нашумевшей истории, старшина ВОХР завода Деревнянин, примерно в то же время насмерть поругался со своей старухой, избил ее по-армейски в кровь, впал в запой, пропил новую казенную шинель и банку револьверной смазки — как он умудрился «толкнуть» такой неходовой в быту товар, ума не приложу? В итоге подвигов Деревнянина разжаловали из старшин в рядовые стрелки, для исправления поставили на самый нудный, трудный пост: в главные заводские проходные.

Дальше начались чудеса. На прощанье я поставил малоденежному Овцовскому бутылек семьдесят второго портвейна; Валерка назвал меня «собратом по перу», облобызал по-русски, при расставании подарил то ли второй, то ли третий машинописный экземпляр своей отвергнутой психонovelлы. Мы потом читали ее вместе с Любочкой; она долго морщила свой очаровательный лобик с модной челкой, но, кажется, ничегошеньки не поняла. Я снисходительно улыбался при этом, признаюсь, сам был в недоумении. Поэтому привожу текст новеллы: может вы поймете?

◆ — Асфальт. Сплошной асфальт, вся площадь упирается в бетонный заводской забор трехметровой высоты. После субботника свежая известь капает со стволов: красота в единообразии! Тогда лучше покрасить и ветви, и пожелтевшие, зараженные бензином листья в вечнозеленую краску уставного колера? Мимо шлепают туда-сюда загорелые за лето ножки, просто ноги, ножища. Так в городской пыли не загорают. А где? — На юге, у моря, натерев упругие, но блеклые по приезду лодыжки кремом для загара. Нд-а-а. Свист и тот здесь неестественный, свисток — неестественный звук: слишком высока, выдержана по длительности нота без обер- и унтертонов.

Унтер-офицером был дед, затем пожарным в городской части; теперь там размещается отряд № 36 семнадцатой ВПЧ — военизированной пожарной части: на углу Сталелитейной (бывш. Мясницкая) и Заводской (бывш. Козий переулок; жили сплошь бабенки, содержимые богатенькими монахами пригородного Успеньева монастыря; монах ставил своим радением домик, поселял в нем молодуху). В заводе зло? Зло, но зело: зело повезло деду, просидел остаток жизни на пожарной каланче; это в самые тревожные годы после Великого Поворота. И так, просидел на каланче в стороне от кипучей жизни. Или в будке просидел? Да-да, был дед крепким дедком с унтерской закваской. Фотография осталась, в унтерских погонах, в портупее, в фуражке с орлом. А от смерти деда до моего рождения прошло двадцать лет. Но я же вообразил себя стариком — если я почти-что молод? — нет, не лучше ли считать себя молодым, хотя сам старик?

Я стар, я — млад, я — пожарный, я — поджигатель! Я не стал поджигателем, но поджигаю ненависть, с которой смотрит на меня всякий, кто создает, охраняет плоскостность этого асфальтового поля, кому по душе проценты загрязнений бензином и дизельной отработки солянки воздуха, кто р у к о в о д и т из кабинета подрезкой чахлах городских деревьев по осени и весне.

Естественно — это просвист крыльев летящего голубя, неестественно — свист свистка: горошина катается в пластмассовой трубке, багровые от усердия щеки с еф-

рейторскими подусниками раздуты шарами. Ого! Корни деревьев стиснуты асфальтом: четвероякий корень основания. Так только он мог сказать, но он же жил в городе? Всю жизнь. У него не было фарфоровой фабрики за городом, домика среди зелени, как у историка. Но тот приложил усилие: был беден, нашел, пусть случайно, эту фарфоровую чашу изобилия. На благо всему человечеству. Через одного выплеснулось из чаши на все будущие поколения кипами исписанной бумаги. А тот, первый, жил в городе; тогда не было еще асфальта, лишь непыльная брусчатка немецкого города*.

Четвероякое основание — уютный мирок скептического учения; он был доволен им, собою, собакой. Как же ее звали? — Амрита? — Нет-нет. То было что-то женское, но невещественное. Что вреднее для корней деревьев: брусчатка или асфальт? — Торцы. Подрезанное дерево: сверху глядя, свежая подрезка мнится торцом, неровным опилом.

Стоп! Конец улицы, окурки, остановки. Трамвай всегда визжит на поворотах, протяженно визжит, как судьба. Так твоя судьба визжит непрерывно отворяемой и захлопываемой дверью в мир. Четвероякий постулат — четыре листика лотоса. Он, лотос, не пробьет асфальт; пробивает сорняк. Дикая мысль о пробивающемся лотосе, но чем лучше мысль все упрятать под асфальт?

Итак, я стал странным. А впервые дал мне определение, до того неясно носившееся вокруг меня, вон тот, с охранными петлицами на вороте шинели без погон. Видя все: ростки, пригоршни праха сеянного, животворящего, пробивающего насквозь.

◆ Он стоял величественный и тупой. В петлицах не пожарного, но стрелка ВОХР. Свой идеал он держал при себе, никому не доверяя. Его постулат жизни: доверять только самому себе, тем более — идеал.

— Асфальт? Хорошо, пор-рядок! Одинаково, ровно, гладко — кр-р-ра-сота! Ать-два, взжик-к! Трамвай повернул: напра-а-во! Молодец, как огурец: под водку огурчик, хрустит, хрустит! Молодец-огурец. Огурцы не едят, огурцами за-а-кусывают! Вахта, порядок, начальник. Алю, алю? Все в порядке. Трамвай — молодец, а асфальт должен покрываться пылью: на то он асфальт, не луг заливной. Подрезанные деревья — поррядок! И с песнями, с песнями: левой, левой! Трамвай — напра-а-во! Асфальт — налево и вширь!

Вот, сукин кот, стоит, нарушая порядок. Хотя бы в центре стоял — все порядок, правильность, а то сбоку мельтешит. Это не порядок! Должно быть пьян. Пей, да дело разумеи: как я, ать-два!

— Пригоршни праха; семя есть прах земли. Прорастет ли оно, семя? Такое малое, черно-обугленное, живое, дремлющее...

— Ать-два! Как я! Протягивать руки нель-ззя! Мельтешить тоже нельзя. Посмотрел что надо и пошел себе. А так стоять, ходить взад-вперед — непорядок.

— Идеал... гармония. Господи, вымученные фразы о гармониях-идеалах. Вон тот, с вохровскими петлицами, имеет ли он идеал, знает что я делаю здесь, я — сеятель жизненного праха? Нос затыкаю ватой, но бензиновые пары все одно выворачивают душу.

— Стой! Пропуск? Все в порядке, следуй дальше. Ать-два! Беднота-а-а. Нищий, что ли? Все с протянутыми руками бродит, ладони загребалом вверх выгнуты. Не-пор-ряд-ок!

— Однако же из наблюдений ясно: может проломить. Я видел около дома: толь-

---

* Надо полагать, что здесь Овцовский сел на любимого конька: сравнивает романтический идеализм Шопенгауэра с прагматизмом Фейербаха. Водился за ним этот грешок...

ко-только залили, прокатали асфальт, а уже в цветенье вишни бугорки появились. Когда вишня цветет? Да-да, в начале мая: белый цветок, нежно-белый, непорочный. Вот в это же время асфальт покрылся бугорками, затем такая же нежная, как цветок вишни, нет-нет, совсем не щетинистая, не женская, а бледно-зеленая растительная плоть пробилась асфальт, потекли по нему трещины... Пали туманы на бурую, еще не оттаявшую землю, потекли реки. И потекли реки - и - и... Старый, бородатый чертушка, по тебе бы весь мир потек рекою добра, Амазонкою укрощенных страстей, Волгою нравственности, Гангом nirванного невещественного счастья. Твой прах под бугорком неукрашенной земли; не по твоей воле открыли округ торговлю фимиамными свечами. Мой семенной прах в ладони — от твоего добра. Ты землю рыхлил, я посею. Струится, течет прах сквозь ладони, падает на бронированную землю; потекли реки-и-и...

— Спиртику бы, а? Ха-ра-шо! (Последнее «о» энергично). Убрать вон того, был бы пор-ря-док! Пустая, ровная площадь без единого колеблющегося. Что ему нужно, что за сверток вынул из кармана плаща? Зачем? Звонить в караул... стой, дурак! Кому, зачем звонить, не для того здесь ставлен, смотри в пропуска: с такой отметиной — пускать, со всякой другой — не пускать, хватит, тащить. Это порядок. Забыл? Сличи с образцами в шкафчике на стене, утвержденными. А там — не твой объект. Один трамвай молодец: только и знает правильную команду: нап-ра-а-во! Не нравится, так закрой глаза, тьфу-тьфу, спятил, старый черт? Если закрыть глаза, то ты уже не вохра! Тогда не смотри на того. Что он, спятил? Сверлит... Может так надо, служба его такая? Пушай его, не мой объект ... ходят тут всякие, не-по-ря-док!

— Хорошо хоть не бетоном города заливают. Раз двадцать ручку дрели крутанул — готова луночка. Вот земля; прах ее черный, неживой, но наполненный дремлющей жизненной силой, искусственно отгороженной от солнца затвердевшей сукровицей доисторических ящеров, расплывшихся своими стадами в асфальтовых озерах. Земля, ты упруго, жирно навиваешься на сверло, я извлек тебя на свет божий, в тебе великие силы многократного повторного возрождения, ты родишь жизнь стократ, вечность целую сохраняешь от осени до весны, но даже оледенелой зимой в тебе идет замедленная жизнь. Земляной червь спит, спят корни деревьев, семена трав отдыхают от плодоносящего круговорота в ожидании весеннего солнца: Гелиос, Ра, Ярило, Зонне! Ди зонне шайнт, ди киндер лахэн! — Слабые отростки чужого языка бурлят в тебе, жалкое сцепление животворящих сил... Ди фане хох, ди райен форт гешлоссен!

◆ Большая лунка, больше лунок! Больших. В мире много сверел, почти столько же, сколько квадратных метров асфальта. Буравьте асфальт! В каждую лунку по щепотке животворящего праха. Лунка — одно из бесчисленных лон плодоносящей Земли; она же многолика, многолонна. Я — акушер Земли, помогаю разродиться ее детям в тех местах, где тот, с петлицами, желал бы видеть только идеальную плоскостность.

— На-ко, выкуси! Провокация, я-то от поста не отойду, хошь что ты там вытворяй: не мой объект. Непорядок.

— Трамвай? Как ты противно, за два квартала, визжишь, все время уходишь направо: глупый, как тот с петлицами. Все направо, направо, хотя бы раз повернул налево? Неужели тебя, машина, не утомляет однообразие? Или ты тоже находишь в этом красоту, красоту в единообразии. Беспорядочное движение — символ утрирования понятий. А каково его понятие? — Сверлить приходится под самыми ногами петличного или петлеванного? Нет, петличного. Он, наверное, видит в моем занятии вершину беспорядка, вон, глаза скосил нарочито в сторону, лицо каменное.

— У-убью, суку! Начальник! Спаси, защити мя, уже у самых ног... Уволюсь, вот

ей крест, уволюсь: пусть попробуют найти второго такого дурака, чтобы за сто тридцать без премии терпеть всякие издевательства. Воли бы мне, эх-х, воли! Как шуганул его, наотмашь по мордасам: винтом бы пошел, ветром сдуло. Но нет на то инструкции: только впускать, выпускать. Да это кто ж такое стерпит: целый месяц сверлит, все в мое дежурство! Баба моейная пристаёт: почему, дескать, ничего не ешь? Какое, твою мать, жратво в глотку полезет, когда непонятный непорядок такой на объекте творится? А кому пожаловаться? — Не по инструкции такое говорить, терпи тут за сто тридцать без пре... А-а, что? Рука сама в кобуру: господи-суси, господи-суси, прости душу грешную (Пах! Пах! Пах!..— Семь раз подряд, кровь). Упал, госпо-суси, что такое, набежали, вяжут, ведут?! А-а-а-а!! Не я, не я! Ать-два, непорядок! Прямо в рай, прямо в рай: он, но я за ним. Славные, славные, славные-преславные! Прощайте, ребята! Прощайтесь с грешным Деревняниным, блюдите объект! Чтобы поря-я-док бы-ы-ы...

Доносились крики безумного, увозимого машиной с синей мигалкой, текла кровь пригвозжденного к дырявому асфальту семью выстрелами в упор. Была досверлена последняя лунка на площади у самого порога проходной.

◆ — Ужас-то какой, ужас! Знаете, Софья Меламедовна?

— О, господи! Как не знать, весь город только об этом говорит, бедный Виктор Петрович! После работы ехала в трамвае, так только про все это: шу-да-шу. Страх-то какой? Не приведи, господи, до чего народ осатанел; все потому, что город, да камни, да асфальт, да с малолетства власти родительской не понимают. Раньше хоть водкой опаивались, подерутся, полаются, по домам разбредутся дрыхнуть, а ноне все трезвые, злость копят, при себе носит всяк свою... (Имеются в виду времена горбачевщины).

— Петя? Петя? Опять самогон на кухне жрет, боров треклятый! Ты слышал? Как ничего не знаешь!? Весь народ говорит, что у нас на заводе случилось: какой-то мужик весь месяц сверлил асфальт перед проходными ручной дрелью, интеллигентный такой, в шляпе. Все попривыкли, думали архитектор какой, либо по дорожной части что замеряет. А сегодня слышим: пах-пах, да страшно так! Семь выстрелов подряд, в окна повыглядывали: батюшки-светы! Ужас-то какой? Тот лежит весь в кровищи, изрешеченный, как мелкое сито, а Михалыча, вахтера нашего, связывают. Из психушки уже сообщили в дирекцию: сошел внезапно с ума, потому застрелил того в шляпе. И тот никакой не архитектор, просто злоумышленник либо блажной, все напрасну площадь сверлил. Девки, инженерши из аквариума, говорят у них раньше работал, умный очень был. Вот от большого ума сдвинулся. О, господи, ужас-то какой, а все почему — потому что самогон ты, паразит, без меры глушишь, выгнала ведь к празднику!..

Сразу после случившегося зарядили осенние дожди. Машины наташили на асфальт грязи, площадь превратилось в легкое болотце с твердым основанием. Про лунки было вспомнили, да как их отыщешь? Давно забило грязью. Немало неприятностей, всяких комиссий пережила администрация завода, прежде чем замели метели, асфальт утрамбовался льдом; в февральские оттепели площадь заливалась стылыми лужами, а наутро сверкала ного- и руколомным ледком.

Сменили начальника ВОХР; зам по кадрам спешно ушел на военную свою пенсию, в город пришла весна, а вместе с последними лужами с асфальта стекли надежды бывшего вахтера на идеальный порядок: в одну ночь, первую теплую ночь, из запорошенных высохшей грязью лунок выкинулись стебельки с бледно-зелеными листиками, корни взломали все три гектара асфальтовой площади, искрошив его в нефтепродуктовый гравий. Стебли росли не по дням, а по часам. Начальник АХО

завода и зам по быту в одночасье сошли с ума, были доставлены в нынешнюю обитель Деревнянина, даже поселены в одну с ним палату. По приказу директора четыре сотни инженеров СКБ, усиленных заводскими службами, за два дня повыдергали стебли. Был отдан приказ № 14 о заливке площади новым слоем — поверх порченного — асфальта, но, к несчастью, в это время всю дорожную технику города бросили на прорыв: строить новую окружную дорогу, по которой через три месяца планировался проезд в столицу профсоюзной делегации из Буркина Фассо. Дело затянулось до осени. А к осени бывшая площадь превратилась в лес. Он, конечно, мешал правильному порядку в части перспективы начальственного обзора, но заметно радовал остальных людей. Так он и остался, правда, со временем его стали подстригать: для единообразия роста — общего порядка. Понятно, что красота есть порядок, состоит в единообразии, как движение трамваев одного маршрута. У всех у них идет сначала поворот направо, потом — налево. Ни один не повернет сначала налево, а потом направо.

Твое плодоносящее чрево, Земля... Нескончаемая сила питает поколения твоих детей. Я помог тебе облегчить бремя животворящих потуг там, где была ты захоронена под твердым покровом из гравия, песка, нефтяных отходов. Надо мной хоть сейчас ты, двухметровый животворящий слой...

Вещий мудрец, старец, в мыслях которого потекли реки добра. И ты, носительница всепрощения, что шла под охраной петлеванного по брусчатке, удивлялась, радовалась, что нежная зелень пробивается через камни мостовой, суля надежду, что никогда не иссякнет жизнь Земли, а зеленый цвет будет, как Осирис, воскресать в каждое пробуждение земли, когда падут туманы и потекут реки воскресения.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Скоблов
(г. Москва)

КРАСНЫЙ ЛЕНИНГРАД-68
(глава из повести «Коллекционер Будущего»)

Прозаик, член МГО Союза писателей России, Академии российской литературы. Автор тринадцати книг прозы. Участник российских и зарубежных периодических литературных изданий. Лауреат литературных премий имени А. П. Чехова, имени М. Ю. Лермонтова, дипломант нескольких конкурсов «ЛУЧШАЯ КНИГА» Московской городской организации Союза писателей России

Дело было, когда я учился в первом классе самой лучшей школы (по мнению большинства родителей) лучшего города, в лучшей стране мира под названием СССР. Первоклашка лишь начинает знакомиться с большим и прекрасным миром за пределами дома родного — все для него ново, все привлекает внимание и вызывает интерес. Все хочется узнать, увидеть, подержать в руках. Сейчас я совершенно уверен, что увлечений и интересов у первоклассника никак не меньше, а может быть, даже и побольше, чем у почти взрослого, очень умного и важного выпускника средней школы.

Как и большинство моих друзей-приятелей, я увлекался собирательством. У нас все что-то собирали — кто значки, кто почтовые марки, кто этикетки со спичечных коробков или фантики от жвачек. Я коллекционировал почтовые марки, и к этому занятию меня привлек папа, он сам был серьезным коллекционером и крупным специалистом в филателии. Папа мне объяснил, что если уж собирать марки, то не все подряд, а придерживаться какой-то определенной тематики. Во-первых, это интереснее, а во-вторых, собирать все подряд не имеет смысла (всего не соберешь) и просто глупо. Разумеется, я выбрал тему «животный мир», как и другие мои друзья — юные филателисты.

Папа всегда интересовался, как продвигаются мои дела на ниве филателии, что нового приобрел, что интересного узнал о тех странах, где выпущены те или иные марки, что за животные изображены на марках, каких пород и где они обитают. Иногда он сам участвовал в пополнении моей коллекции — приносил из городского отделения Всесоюзного общества филателистов очень интересные, красивые и редкие марки.

Но однажды папа принес и подарил мне не новые марки, а серию замечательных значков, посвященных городу Ленинграду. К маленькой золотистой колодочке, на

которой была выгравирована надпись «Ленинград», крепился небольшой, тоже золотистый четырехугольник. На его поверхности, покрытой то ли эмалью, то ли пластиком, размещалась металлическая нашивка с изображением Стрелки Васильевского острова. Всего было три значка: с красным, синим и зеленым покрытием. Они, как новенькие медальки, сверкали, когда на них попадал свет, притягивали и завораживали. Это было настолько красиво, что я подолгу не мог оторвать от значков взгляда.

Правда, меня немного расстраивало то, что я не собирал значки, и, по большому счету, не знал, что с ними делать. Они просто лежали у меня в коробочке, и я периодически ими любовался. Конечно, я не мог не принести их в школу, чтобы показать своим приятелям — одна из самых повторяемых ошибок моего детства. И юности. И взрослой жизни тоже... Принести в школу (в институт, на работу) и показать друзьям то, чего у них нет, и что они тут же отчаянно захотели бы иметь!

Тогда со мной «водился» один мальчик, звали его Мишка, по прозвищу Боба. Правда, дружком моим он был лишь иногда. Гораздо важнее было то, что мой папа и его отец (большой начальник) были знакомы и притягивались. А много позже, когда потребовали обстоятельства, отец Бобы помог моему папе с устройством на работу.

Сам Мишка Боба был фигурой очень неоднозначной. Без сомнения одаренный, и, возможно, самый умный мальчик в нашем классе, в начальной школе он был круглым отличником. В пятом классе он решил, что все что ему было нужно, он уже узнал, и забросил учебу. В каждый новый класс он переходил, едва вытягивая на тройки все предметы, и делал это сознательно. Миша не хотел учиться, а хотел заниматься тем, что ему нравилось. Он был замечательным фотографом и освоил это дело профессионально. В девятом классе его назначили официальным школьным фотографом, и даже выделили под фотолабораторию специальное помещение — бывший туалет на четвертом этаже. Фотолаборатория Бобы была обклеена плакатами, разными интересными художественными фотками, вырезками из иностранных и отечественных журналов и прочим. Мы, великовозрастные оболтусы, любили «забуриться» к Бобе в фотолабораторию, чтобы позубоскалить и пообсуждать девчонок на перемене. Кроме того, Боба оказался исключительно талантливым художником, что называется, от Бога. Однажды, в старших классах, когда я заглянул к нему в гости (он жил неподалеку от школы), то увидел на стене большой портрет отца Бобы, работы самого Бобы, мастерски выполненный маслом. Честно говоря, я был поражен, и очень рад за Бобу.

Что же сам Боба... Будучи, в общем, добрым мальчиком, он хулиганил по-мелкому в младших классах, любил в шутку поиздеваться над одноклассниками, особенно нашими отличниками и активистами в средних классах. А в старших вдруг полностью переменился. Боба стал не по возрасту мудрым и печальным. Казалось, что он в один момент из мальчика сразу превратился во взрослого мужчину. Позже, через десять лет, на нашу встречу выпускников-одноклассников приехал дядя с окладистой бородой и взглядом умудренного жизнью старца. Его даже не все сразу узнали...

Но тогда, в 1968 году, когда я имел неосторожность принести свои значки «Ленинград» в школу, Мишка очень захотел, чтобы они были не у меня, а в его коллекции. Очень-очень захотел. Он, кстати, собирал значки, и его к тому времени уже довольно большая и богатая коллекция размещалась в специальных дорогих заграничных, с обтянутыми велюром страницами, альбомах. И я мог дать руку на отсечение, что подобных альбомов в городе больше не было ни у кого. Я во всяком случае не встречал.

Бобе были очень нужны мои значки. Наверное, он считал, что без них его коллекция была неполной. Да что там! Эти значки стали бы украшением, изюминкой всей коллекции Бобы. Мишка стал ходить за мной буквально по пятам и кланчить значки. Сначала он давил на то, что мы с ним друзья, а друзья, как известно, должны

делиться друг с другом значками. Потом убеждал меня в том, что если я собираю марки, то никак не должен собирать еще и значки, потому что «это нечестно». Угрожал, что больше никогда не будет со мной дружить, если я не отдам ему серию значков «Ленинград». Но я был непреклонен, потому что серия «Ленинград» нравилась мне самому, а потом, я ведь знал, что папа может расстроиться, если узнает, что я кому-то отдал его подарок.

Однажды Мишка подошел ко мне на большой перемене и с видом заговорщика отвел в сторонку. Оглянулся по сторонам, не подслушивает ли кто, прошептал, что ему удалось «достать» целое богатство. А именно, самую первую, самую ценную, и, разумеется, самую дорогую почтовую марку в мире!

— Это — «Розовый Маврикий»,— громко шептал он мне в самое ухо,— таких в мире всего несколько, и те бракованные. Есть еще «Голубой Маврикий» и «Оранжевый Маврикий»...

И он показал мне аккуратно уложенную в специальный «марочный» прозрачный пакетик маленькую беззубцовую марку бледно-оранжевого цвета с изображением профиля какой-то тетки. Самое интересное, что раньше я уже слышал (возможно, даже от папы) о таких марках, о том, что их очень мало, что они очень старинные и ужасно дорогие. Но чтобы у Бобы вдруг появилась одна из таких марок, было выше моего понимания. И, тем не менее, я ее держал в руках, и почти не сомневался, что приятель говорит правду. Во-первых, потому что октябрята никогда не врут, а во-вторых, потому что был абсолютно уверен, что в Советском Союзе было возможно все, в том числе и раздобыть Первую Почтовую Марку в мире!

А Боба продолжал мне что-то нашептывать, в чем-то убеждать. Он говорил, что готов отдать мне такое богатство лишь только потому, что сам он марок не собирает. И просит он за эту «ценную редкость» всего лишь каких-то три «вшивых» значка! Честно говоря, я был сбит с толку основательно и окончательно. Все же, где-то в самой глубине души, я сомневался, но мальчиком был безотказным. Ему очень хотелось иметь значки «Ленинград», и он вертел пакетиком с «Розовым Маврикием» перед моим носом, показывая обратную сторону марки с безупречным клеевым слоем. В итоге я сдался. Махнул рукой и согласился. В сущности, этот «Розовый Маврикий» самому мне был ни к чему, ведь я же собирал «животных». И пусть даже первая марка в мире, если на ней изображен непонятно кто, никак не вписывалась в мою коллекцию.

— Значки при тебе? — деловито осведомился мой друг.

Я сказал, что нет, не при мне, но завтра принесу.

— Только ты обязательно принеси,— заволновался Боба,— а то мне за эту марку один знакомый целый альбом значков дает. А другой мой знакомый из клуба филателистов предлагает десять рублей, понял?! Но ведь я же для тебя как для друга, сам понимаешь...

На следующий день обмен состоялся, снова на большой перемене. Боба пересчитал значки, спрятал их в карман, как-то странно усмехнулся и убежал. Весь следующий урок я тупо разглядывал маленький желтенький квадратик, ломал голову, почему же он называется «Розовый Маврикий», раз желтого, почти оранжевого цвета, в общем, не понимая, зачем он мне понадобился... И еще... мне было очень жаль моих значков, почти до слез жаль.

Вечером дома я показал марку папе, и сказал, что отдал за нее те значки «Ленинград», которые он мне принес из Всесоюзного общества филателистов.

— Это «Розовый Маврикий»,— сказал я, и не очень уверенно добавил,— самая ценная марка в мире...

Папа, лишь мельком взглянув на марку, внимательно посмотрел мне в глаза. Потом погладил по голове и мягко сказал:

— Тебя обманули, сын. Это не «Розовый Маврикий». Это вообще не марка. Но не расстраивайся, в мире коллекционеров много нечестных людей, попросту жуликов. В следующий раз будешь повнимательнее. И еще запомни: потерять гораздо легче, чем найти.

Все. Больше папа мне ничего не сказал, а я на следующий день потребовал у Мишки назад свои значки. Но Боба рассмеялся мне в лицо, и сказал, что ни за какие коврижки их не отдаст. Мена состоялась — возврата нет и быть не может, потому что назад вещи никто и никогда не меняет. А еще через день он смеялся еще больше, гадливо похрюкивая. Он признался, что эту бумажку вырезал из какого-то журнала, где и прочитал про «первую марку в мире». А клей, самый обыкновенный, с почты, сначала намазал спичкой, а потом равномерно размазал пальцем. Еще Боба рассказал об этом в классе, чтобы все наши друзья, и, особенно, девчонки, узнали, какой я дурак, и какой ловкий и умный парень Боба. Как я уже говорил, он и был самым способным, талантливым и развитым мальчиком в нашем классе в то время.

Что до меня, то грустил я недолго. Настали другие дни, пришли новые марки, новые книги, новые увлечения. А через несколько лет, когда мне пришлось побывать у Бобы дома, я увидел свои значки на самом почетном месте (только эти три значка на целом листе!) в одном из велюровых альбомов. Я смотрел на них со светлой грустью, но вернуть назад даже не попытался. Почему, не знаю...

С тех пор миновала целая жизнь, изменилось все, кроме, пожалуй, памяти. В июне этого года мы с женой поехали на «Вернисаж» в Измайлово, где любим побродить среди предметов и вещей Прошлого и Прекрасного, Прекрасного Прошлого, в общем. Не могу сказать точно, что меня остановило у этого продавца значками, но я стал просматривать его «товар», переворачивая одну за другой матерчатые планшетки. И... я увидел то, что, наверное, и должен был увидеть через Вечность. Это был один, из той самой серии «Ленинград», значок со Стрелкой Васильевского острова на красном фоне. Я тут же присвоил ему собственное имя — «Красный Ленинград-68». Вспышка в памяти, и все вернулось! Все-все, до мелочей, вспомнилось. Я смотрел на маленький красный прямоугольничек на золотистой колодке, и чувствовал волну какой-то светлой тоски (хорошо, хоть из глаз не закапало), и одновременно, облегчения. Вот он, мой «Ленинград», у меня в руках, оттуда, из 1968 года. Конечно, я его тут же купил. Продавец отдал недорого, но если бы он запросил две, три цены, или даже пять, я бы купил, не торгуясь. Ибо память бесценна, и ее вещественные свидетельства тоже. Я только сказал бывшему коллекционеру, а ныне реализатору, что должны быть еще два, на что он покивал головой, мол, да, знаем такое дело, но у него не имеется.

По приезду домой я зашел в Интернет и после недолгих поисков обнаружил изображение всех трех значков серии. Более того, я узнал, что имеется еще и другие подобные значки: Стрелка Васильевского острова на светло-бежевом и памятник Петру I на черном и зеленом фоне. Очень красивая серия «Ленинград». Но еще красивее то, что я о ней вспомнил и начал поиск.

Первым из «возвращенных» стал «Красный Ленинград-68»

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

«Я СВОИХ РЕШЕНИЙ НЕ МЕНЯЮ!»

Ростовчанин Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Постоянный автор «Приокских зорь».

Майор полиции Михаил Глоткин — мужчина с тонкими гармоничными чертами лица и усами типа карандаш — энергично постучался в облицованную дубовым шпоном дверь и приотворил ее. За нею находился кабинет заместителя начальника областного УВД — он же начальник Управления кадров.

— Разрешите, товарищ генерал? Секретарь передала, что вы вызываете...

— А-а, это ты,— оторвался от чтения очередного документа восседавший за обширным двухтумбовым столом генерал-майор полиции Тертерян — упитанный, с узким лбом под низкой линией густых, слегка выющихся волос и с миндалевидными карими глазами,— заходи, присаживайся.

— Есть...— Михаил подошел к приставному столику, образовывавшему в купе с двухтумбовиком букву «т», и опустился на мягкий стул.— Слушаю вас.

— И внимательно! — уточнил Тертерян.— Я тебя зачем вызвал: прочел, значит, твой отчет о привлечении населения к охране общественного порядка и глазам не поверил. Объясни: тебя сюда, в УВД, для чего брали? Классный специалист, классный специалист... А на деле? Да за что я тебе деньги плачу? Я твою работу делаю! Что у меня, своих проблем мало, еще и за тобой хвосты заносить! Как же! — и негодующе хмыкнул, наморщив удлиненный, с горбинкой нос.

В штат областной полиции майор был зачислен три месяца назад, а до того немало лет прослужил корреспондентом окружной газеты. Начинал же лейтенантом, командиром взвода в учебном полку. Но, окончив потом заочно факультет прозы Литературного института — случай для профессионального военного, прямо скажем, редчайший,— был переведен в армейское издание, резко сменив профиль строевого офицера на стезю штатного военного корреспондента.

Им и отработал почти десять лет, впрочем, из-за ершистости характера так и не поднявшись карьерно хотя бы до начальника отдела газеты.

И тут наступил год 2010-й, когда решением на высшем уровне с военных журналистов, врачей и юристов сняли погоны, сделав эти должности гражданскими. На тот момент майору Глоткину еще не исполнилось сорока лет и права на пенсию (при минимуме двадцати прослуженных «календарей») он заработать не успел. С переводом к новому месту службы тоже не срослось. Так что система безжалостно выкинула человека в безденежную отставку. Ладно хоть, уже с жилплощадью...

Промыкавшись с год, то сторожем, то грузчиком, отставник сумел-таки пробиться в кадры областной полиции. Да, там имелась собственная пресс-служба, однако

вакансии в ней тогда отсутствовали, а вот в отделе воспитательной работы (ОВР) как раз освободилось место старшего инспектора.

Обязанностей здесь офицеру вменили немало: написание приветственных адресов и проектов различных приказов, проведение служебных расследований и взаимодействие с ветеранами УВД, организация всяческих праздников, конкурсов, встреч и — се ля ви — похорон. А еще ему надлежало исполнять функции спичрайтера — составителя текстов речей и выступлений для руководства УВД. Подобрать для подобной работы конкретного исполнителя оказалось проблематично, так что кандидатура опытного журналиста, еще и побывавшего в «горячих точках», пришлась весьма кстати — он новую для себя полицейскую тематику добросовестно осваивал. И сейчас откровенно не понимал причины столь явного недовольства большого начальника.

— Так в чем, собственно, проблема? — осторожно уточнил Михаил.

— Да в том самом! Чти: ты как здесь написал? «По инициативе генерала Тертерьяна...» Эрудит! Уж тебе-то по долгу службы пора бы знать: моя фамилия не склоняется! Вот!

— Извините, товарищ генерал, — негромко, но твердо возразил майор. — По закону русской грамматики она склоняется, как и всякая иная мужская, оканчивающаяся на согласную. Это женские фамилии такого рода не склоняются.

— Что ты мне тут сказки рассказываешь! — не поверил генерал. — При чем здесь русская грамматика, если у меня армянская фамилия? Ну?

— Языковое происхождение в данном случае значения не имеет, — твердо стоял на своем Глоткин. — Правил, что подобные армянские или еще какой-то национальности фамилии не склоняются вовсе, не существует. Нет, конечно, может быть, в вашем родном языке в этом плане все обстоит по-иному. Но совершенно точно знаю, что в русском фамилия, равно как и любое другое слово, должна подчиняться грамматическим законам.

— Грамматик какой, однако! — буркнул Тертерьян. — Читать-писать умеет! — Пожевал губами и поинтересовался: — А ты вообще-то откуда все это знаешь?

— Так меня ведь русскому языку в Литинституте лучшие профессора учили...

— Что, умный чересчур или как? — подковыристо спросил генерал и подытожил: — Ну и иди тогда отсюда! Специалист, понимаешь, нашелся! Ага!

Майор полиции выдал: «Есть!» — и удалился, унося в душе обиду.

Недели через две он вновь предстал перед генеральскими очами.

— Вот ты тут написал «согласно приказу», а надо «согласно приказа», — даже не поздоровавшись, с места в карьер, напористо обвинил подчиненного Тертерьян, и его рот с тонкими губами искривился насмешкой. — Лучшие профессора его учили! Да за что я тебе деньги плачу?

— Товарищ генерал, предлог «согласно» употребляется только с дательным падежом, отвечая на вопрос «кому-чему», а значит, «приказу». И еще есть вариант: предлог «согласно с» — тогда «чем», творительный падеж, «приказом». Но ни в коем случае не с родительным — «чего», «приказа», — пояснил Глоткин.

— Этого не может быть! — рявкнул генерал и раздраженно бухнул кулаком по столу. — Ты вот меня так убеди, чтобы я поверил! Доказательство представь! А?

— Так точно. Сейчас. — И Михаил шагнул к двери.

— Ты куда это собрался?

— За доказательством.

— Не понял...

— Ну... Вы же требуете вас конкретикой убедить, так я сейчас, быстро...

Глоткин принес Тертерьяну «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, открыл на нужной странице, авторучкой указал на ней место:

— Товарищ генерал, прочтите. О предлоге «согласно». Тут совсем немного.

Тертерян с явной неохотой нацепил очки и уткнулся в текст, осмысливая его. Убедившись наконец в правоте подчиненного, в раздумье забарабанил короткими пальцами по столу. Но вот лицо начальника исказилось в гнев, крупные уши с четко очерченными мочками быстротечно порозовели, и он повысил голос:

— То есть ты хочешь сказать, будто я целых двадцать пять лет прослужил и все это время неправильно писал? Милое дело!

— Товарищ генерал, но вот же перед вами словарь...

— Хрена ты мне им тычешь? Умник нашелся, е-пэ-рэ-сэ-тэ! Литераторный он окончил! Да пош-шел ты вместе с этим талмудом знаешь куда? — И генерал негодуя смыхнул большеформатную книгу со стола. — Интеллектуал, твою дивизию! Кулибин! Не голова, а Дом советов! Ага!

— За что же вы меня так нещадно? — поднял Михаил неповинного Ожегова с подломанным уголком обложки. — И при чем тут книга?

— А за то самое, что нечего свою большемозговость перед начальством выпячивать! Иди, и чтоб больше не сметь тут всякими энциклопедиями козырять!

С того дня меж писучим подчиненным, которому до права выхода на «пенсион» оставалось прослужить около двух с половиной лет, и энергичным амбициозным начальником стартовала своего рода игра в одни ворота. Было понятно, что гонористый руководитель загорелся идеей фикса: поймать строптивца хоть на какой-то некомпетентности по части знания русского языка. Посему время от времени генерал требовал майора к себе «на ковер» и задавал очередной каверзный «языковой» вопрос, на который сам уже ответ ранее вызнал.

Так, однажды Тертерян заставил Глоткина под диктовку писать слова «постимпрессионизм» и «предымпрессионизм», а потом натужно выяснял, почему в одном случае после приставки стоит «и», а в другом «ь», и затем — как это все соотносит с неукладывающимися в правило глаголом «взимать» и существительным «пединститут»*.

В другой раз генерал проверил майора, хорошо ли он знает, в каких случаях «не» с глаголами пишется слитно, а в каких — раздельно. Да с примерами чтобы.

А в один прекрасный день потребовал разъяснить, почему к группе прилагательных-исключений, пишущихся с удвоенным «н» в суффиксе «ян» — «оловянный, деревянный, стеклянный», — не добавляется еще слово «окаянный». И был весьма недоволен, что подчиненный оказался в курсе: поскольку оно образовано вовсе не от имени существительного, обозначающего материал (как три упомянутых, составляющих группу исключений), но происходит от глагола «окаять» — то есть отлучить от церкви, являясь однокоренным с «каяться».

Начальник ОВР подполковник полиции Попенко, в непосредственном подчинении которого находился Михаил, неоднократно пенял тому:

— И кто тебя изначально просил вылезать со своим длинным языком? Ну заявил генерал, что его фамилия не склоняется, — есть, виноват, исправлюсь! Ну уперся, что «согласно приказу» правильное — ладно, так точно, зафиксировал! Спасибо за науку! Самого же его чему-то пытаться научить... Хронически противопоказано! Он себя всегда и во всем считает великим экспертом. Да, круто завышенная самооценка, да, порой несет ахиною, но что тут поделаешь — генерал!

— Но он же требует нарушения грамматических норм! — возмущался Михаил.

— А кому с того холодно или жарко? Думаешь, во всех учреждениях великие

---

* После русскоязычных приставок, оканчивающихся на согласную, вместо «и» пишется — как слышится — буква «ь» (история — предыстория), но в случаях иноязычных приставок «и» на письме сохраняется (игра — контригра). Глагол взимать — исключение. На сложносокращенные слова, типа «пединститут», «спортивный», это правило не распространяется.

знатоки русского языка сидят? Другой раз в адресованном нам документе такое читаешь — просто диву даешься! Грамотность ниже уровня первоклашек!

— И еще бранится всякий раз, причем, чем дальше, тем хлеще! — продолжал до-садовать Глоткин.

— Ха! Удивил! Да ты с ним куда реже общаешься, а вот меня или зама он за день трижды на три буквы послать может! Но ведь мы же терпим, что и тебе настоятельно советую. Потому как, в конце-то концов, на деле никто никуда вовсе не идет. Забудь! Без мата жить нельзя на свете, нет... Или, может, когда взводом командовал, всегда чисто на «вы» с солдатами изъяснялся? Убей — не поверю!

— Ну, знаете... Это ж совсем другой коленкор!

— Другой, не другой... Пойми, правдолюбивая твоя душа, нельзя в жизни быть тупо прямолинейным! Иногда для пользы общего дела, а главное, и для себя самого кое-чем поступиться не грех.

— Смотря когда и смотря чем именно.

— Спасибо, что хоть с этим согласился. А то прямо как сталинский министр иностранных дел Молотов, которого в дипломатических кругах за непримиримую позицию, демонстрируемую по многим вопросам, прозвали Господин Нет...

Наконец регулярно экзаменуемый генералом старший инспектор дослужил до двадцати исполнившихся «календарей». И как раз через несколько дней после значимой для Глоткина даты Тертерян вновь выдернул его в свой просторный кабинет, увешанный многочисленными вымпелами и грамотами в рамочках.

— Так, корифей русского языка... Разбери-ка ты мне по составу слово «вынуть», — после традиционного приветствия потребовал руководитель. — Ну-ка?

— Пожалуйста, — вздохнул майор: он интуитивно предугадывал, что сегодня испытание на грамотность грозит закончиться скандалом. Однако не рапортовать же: «Не могу знать!» — Значит, «вы» — приставка, обозначающая действие изнутри наружу, «ну» — суффикс однократности действия, «ть» — окончание инфинитива либо формообразующий суффикс: тут ученые в суждениях расходятся. Корня же в «вынуть», на первый взгляд, вовсе нет, хотя он и имеется. Весьма особое слово...

— То есть? — сделал резкое движение головой в сторону от Глоткина уже потерявший было нить разъяснений экзаменатор, но суть последних предложений уловивший-таки. — Мне доцент из университета именно и объявил: нет вообще! Или поиному, — генерал заглянул в подобие шпаргалки, — вот: корень нулевой.

— Да, такое мнение бытует. Если плясать от родственного слова «вынимать», где буква «н» входит в корень «ним», то при образовании от него «вынуть» получается, что суффикс «ну» отсекает весь корень. Это чтобы избежать непонятого удвоения согласного, ведь произносить «выннуть» нам было бы куда менее комфортно. Но поскольку, по нормам русского языка, корень является основным и обязательным элементом любого слова, то... В общем, самое интересное: в глаголе «вынуть» буква «н» одновременно является и корнем, и частью суффикса, а само явление носит название наложения морфем. Иными словами, хотя формально в структуре слова корень не выделишь, в его внутренней форме он присутствует.

— Ты меня совсем запутал! — с ехидцей перебил скрестивший на груди руки и насупившийся генерал. — Так он есть или нет? Будто?

— Ну... Как вы пожелаете, так и считайте, — пожал плечами Михаил, вспомнив советы начальника отдела. И не удержался, зримо чувствуя за спиной свое пенсионное право: — Собственно, для УВД-то разницы никакой...

— А-а-а, ты, значит, утверждаешь, будто я ничего в русском языке не смыслю? — вмиг вспетушился Тертерян, упершись ладонями в подлокотники кресла, и весь по-сунулся вперед, к оппоненту. — Да за что я тебе деньги плачу?

— Вам виднее,— уклончиво ответил майор. И внезапно закусил удила: — Во всяком случае, уж явно не за то, чтобы морфемный анализ выборочных слов делать. Никак не входит это в мои служебные обязанности. За ради чего же не мытьем, так катаньем вы стремитесь уличить меня в профнепригодности? Чтобы опустить ниже плинтуса и торжествуяще ноги вытереть? И насчет моего денежного довольствия из вашего личного кармана... Однозначно перебор!

— Вон из кабинета! — завопил опешивший поначалу от «бунта гарнира» генерал, и его слегка скошенный в одну сторону рот — признак горячего нрава — хищно приоткрылся, обнажив мелкие зубы.— Завтра же уволю! По негативу! Вот!

Подчиненный поспешно ретировался. И затем весь остаток рабочего дня отрешенно просидел перед включенным компьютером, так и не закончив проекта очередного приказа. В сознании почему-то всплыл факт, что — это Глоткин как сам подметил, так и слышал от сослуживцев — руковод-экзаменатор лишь в течение нескольких секунд может смотреться в зеркало. А непереносимость зеркал зачастую указывает на нелады психики — несдержанность, нетерпимость к критике, сверхдотошность и заикленность на чем-то, подчас на собственной внешности.

Впрочем, старший инспектор знал и другое. Что в конце девяностых — начале двухтысячных Тертерян неоднократно выезжал в «горячие точки» и по итогам таких служебных командировок награжден орденом Мужества, а также медалями «За отвагу» и «За отличие в охране общественного порядка».

И еще. До сих пор в игре в одни ворота майор ни разу не спасовал. Но до бесконечности это продолжаться не могло. Ведь о том же нетривиальном бескорневом случае он лишь мимовольно услышал в общезитии Литературного института. Позднее же, из любопытства, обратился за более подробным разъяснением этого лексического феномена к лектору, читавшему курс современного русского языка. Потому-то через много лет и смог защититься...

Переболев ангиной, на следующий день на службу вышел начальник ОВР. И после утреннего общения с генералом тут же потребовал к себе Глоткина.

— Ну ты и нагероил! — осуждающе начал подполковник.— Это ж надо было так его раздраконить! Рвет и мечет! Что ж, давай послушаю твою версию...

А послушав, заявил:

— Ты сам во всем виноват! Сколько раз пенял: не возражай, не раздражай, не обостряй! Теперь вот генерал кричит, что тебя уволить надо... Ладно, это, конечно, он перебесится, только не в одночасье. В командировку, что ли, дней на несколько тебя угнать? Хотя к нему же за «добром» на посыл и идти. Зарубит!

— Да я, собственно, против увольнения вовсе не возражаю,— вклинился в монолог начальника Михаил.— Пенсию-то, слава Всевышнему, уже заработал.

— То есть? — аж подавился словами подполковник.— Тебе же еще сорока пяти нет! Если уйдешь, то по денежному минимуму! Других и после «полтинника» пинками на отдых не выгнать, до гробовой доски погонную ляжку тянуть готовы!

— Хозяин — барин, а я так не готов... Совсем! Надоели генеральские причуды. Сейчас вот пойду и рапорт на заслуженный отдых накропаю.

— Шутить вздумал? Шантажируешь? Думаешь, все тебе сразу в ножки кинутся? И думать забудь!

— Давайте чистый лист,— усмехнулся Глоткин.— Увидите, шучу или как.

— А работать за тебя кто будет? — почти возопил начальник.

— Скажите, товарищ подполковник, раз уже вы сами завели о том речь, как на ваш взгляд, я хорошо работаю? — поинтересовался Михаил.

— Ущербное какое-то любопытство... Скажем так: нормально. И что с того?

— Поскромничали. Я свой участок с первого дня прихода в УВД грудью закрываю. Вопрос: так вы меня вообще-то выдвигать хотя бы куда-то думаете?

— Об этом не может быть и речи! — едва не подпрыгнул в кресле Попенко. — Генерал давно сказал: ни при каких обстоятельствах тебя с этой должности не перемещать!

— То есть сколько бы и как бы великолепно я ни служил, в карьерном росте мне отказано навсегда? Тогда объясните: чем я отличаюсь от вас и от Тертеряна? Разумею, вам обоим на жизненном пути подобных палок в спицы не вставляли.

— Ну как ты не понимаешь очевидного? — сбавил обороты начальник ОВР. — Специалист ты редкий. А что, собственно, тебя не устраивает? Сиди и работай дальше на прежней должности. Генерал — он отходчивый. Сегодня поорал — завтра забыл. Вон меня и зама он минимум раз в неделю стабильно «увольняет». И ничего, как-то и дальше живем — хлеб жуем.

— Не хочу я «как-то». Да притом эти постоянные экзамены на грамотность меня уже достали. В общем, так: если генерала я на своей должности пока устраиваю, то пусть он хотя бы подполковника присвоит и перестанет по-пустому добавываться. Да — да, нет — нет. И если нет, скатертью мне тогда дорога на «дембель», народное хозяйство поднимать.

— С ума сошел... — с сожалением произнес Попенко. — После подобного ультиматума он тебе точно выкинштейн из системы сделает. А ты обо мне подумал? — с обидой продолжил он. — Кого я на твое место так сразу найду?

— Это уже не мои проблемы, — глубоко вздохнув, парировал подчиненный. — И давайте заканчивать дискуссию: у меня куча бумаг на срочном исполнении...

Почти месяц подполковник тянул резину, убеждая Глоткина, что с его «больным» вопросом к Тертеряну следует подходить только в минуту самого его прекрасного настроения. А ее, мол, еще безошибочно уловить нужно. Но однажды рискнул-таки, задал вопрос о повышении старшего инспектора в звании.

Лучше бы не задавал...

— Генерал заявил, что ты до хренища умный, и потому, пока он в своем кресле сидит, ты хоть до ста лет доживи, все одно майором будешь ходить. И пусть он принял неправильное решение, пусть от того будет хуже общему делу, пусть небо на землю упадет — и еще много чего было сказано «пусть», — его это не плющит, по фене и до лампы. Концовка, дословно: «Я своих решений не меняю!» И через слово матом орал, — пояснил Попенко. — Ясно теперь, чего ты добился?

— Предельно ясно, — кивнул Михаил. — Ну и я своих решений не меняю!

И пошел писать рапорт на увольнение.

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

Лебедев Сергей Александрович, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Лауреат-победитель 4-го, 5-го и 6-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей — 2013, 2014, 2015» и 1-го Международного поэтического Интернет-конкурса «Звезда полей — 2016» им. Н. Рубцова. Стипендиат Министерства культуры РФ. Член Самарской региональной организации РСПЛ, Тольяттинского отделения Самарской организации СПР.

ФОТОГРАФИИ ИЗ АМЕРИКИ

Наша последняя встреча была ровно десять лет назад. А в этом году, в последнее воскресенье мая, на очередной встрече выпускников химического факультета свели нас судьба и старания наших однокашников, которые каждые пять лет устраивают, ставшую традиционной, встречу. Пять лет назад я не смог приехать из-за проблем со здоровьем. А сейчас, глядя на Николая, я не мог и подумать, что этот седовласый, располневший дядька — мой институтский товарищ Колян. Но те же искорки в глазах выдавали в заматеревшем мужчине нашего заводилу всех групповых посиделок, турпоходов. Я уж не говорю о «пробелах» лекций, которые мы устраивали себе, совершая набег в столовую Жигулевского пивкомбината на Волжском проспекте, где почти всегда не переводилось бутылочное «Жигулевское», по тем временам дефицит, редкость и роскошь.

После окончания встречи Колян, а теперь правильнее будет сказать, Николай Андреевич, невзирая на мои слабые протесты и неуверенные отнекивания, затащил все-таки к себе в гости.

Конечно, как не окунуться снова в воспоминания о студенческих похождениях, да и вообще рассказать о себе, вспомнить, как говорится, «города и годы». Все прошедшее по старой доброй традиции запечатлено на фотографиях, которые мы в прошлом веке, да и в начале нынешнего, складывали в огромные альбомы, в маленькие альбомчики, а то и просто в коробки из-под обуви. Это сейчас все события, а порой просто так называемые селфи, сохраняются на планшетах, в смартфонах, в именных папках на компьютерах. Щелкай «мышкой» или гоняй пальцем — тысячи фото смешиваются в одну круговерть, а из них три четверти ненужных, некачественных, но хранимых, ведь места в доме не занимают, деньги на фотобумагу тратить не надо. Это раньше — развешиваешь пленку, каждый кадр негатива рассматриваешь, выбираешь — этот печатать, а этот можно оставить. А порой уже напечатанное фото разрывалось и выбрасывалось. Сейчас ничего почти не удаляется из гаджетов, а что, не мешает. Вдруг да и пригодится? В соцсети этот мусор выкинуть можно, вот, мол, я

какой, то в плавках, то в шортах. Или там на слона залез с обезьяной, а то и просто около какого-нибудь баобаба со своей, а порой и не со своей женой.

Николай Андреевич вытащил откуда-то с верхней полки книжного шкафа толстый альбом в зеленой, словно из малахита сделанной, обложке.

— Это моя поездка в Штаты,— торжественно произнес он,— в конце девяностых руководство предприятия, где я отработал более тридцати лет, решило приобщать своих работников к цивилизации развитого империализма. Работали мы относительно стабильно, зарплату нам ни разу в те годы не задерживали, прибыль была, вот и отмечали передовиков производства поездками за рубеж. Так и попал я в одну из групп, которую направили в США.

И полились воспоминания Николая Андреевича о поездке. Показывая фотографии, он рассказывал — где это он, с кем сфотографирован. Весь вечер прошел, можно так сказать, в повествовании американских историй. Все, что я запомнил из рассказов Николая Андреевича, то и повествовую от его лица без каких-либо комментариев, в общем, что слышал, то и вам рассказываю.

НЬЮ-ЙОРК, НЬЮ-ЙОРК...

На этой фотографии я около памятника первым американским эмигрантам. Рядом чернокожий друг. Не знаю даже, как правильно и сказать — негр, вроде в Америке так не принято, черный — тоже не приветствуется, все больше звучит — афроамериканец. Так у них этот запрет на слово «черный» дойдет до того, что «Черный квадрат» Малевича они будут называть «Афроамериканский квадрат».

Как этот афроамериканец попал на фото? А знаешь, как-то просто все вышло. Я попросил товарища запечатлеть меня на фоне знаменательного памятника, а в это время мимо проходили два чернокожих парня. Я запросто подошел к ним и как мог объяснил с помощью жестов, пальцев и нескольких слов по-английски, что приглашаю их сфотографироваться. Один из них без лишних разговоров пошел и встал рядом со мной около памятника. Теперь он навечно на этом снимке, почти как встреча на Эльбе русских и американцев, только на другом континенте — встреча в Нью-Йорке на острове Манхэттен.

Присмотрись к его одежде — простые джинсы, черная куртка из синтетики, вязаная шапка. Ничего не напоминает? Сейчас так одевается вся наша маргинальная молодежь.

Вообще хочу сказать, что тогда я вдруг понял, что простые американцы такие же, как и мы — обыкновенные люди. Без высокомерных замашек, легки в общении, спокойны. Еще не раз мне потом пришлось в этом убедиться. А чернокожему парню я пожал руку, поблагодарил, он, молча, улыбнулся и побежал догонять своего спутника.

Там же, на набережной южной оконечности острова Манхэттен, недалеко от Батареиногo парка и музейного форта первых поселенцев, встретили мы... А, впрочем, все по порядку.

Сначала посмотри — как тебе эти длинные одноэтажные постройки под общей крышей первого форта на фоне виднеющихся за ней небоскребов? Рядом с нами стоит около пушки французский солдат с винтовкой, а вернее, это волонтер, изображающий защитника форта. Здесь нас только пятеро, а вообще, группа наша насчитывала двенадцать человек. Восемь мужчин и четырех женщин. Все мы находились, по документам, можно сказать, в командировке, хотя фактически на отдыхе. У нас не только дорога была оплачена предприятием, а еще и командировочные выданы, как положено, в долларах. А чем русские занимаются на отдыхе, а тем более за границей,

ты, наверно, знаешь. Осматриваем мы этот американский форт, там еще рядом памятник героям Кореи, вдалеке от Манхэттена на острове Свободы статуя, озаряющая мир факелом Свободы, которую почти не видно. Вот и предложил кто-то вслух (а скорее всего это сделал я):

— А что, ребята, когда мы еще побываем так близко от демократии, от этой статуи с фонарем, да рядом с фортом и памятником первым эмигрантам США, принесшим свободу на континент? А не отметить ли нам это событие прямо здесь? Так сказать, среди знаменитых атрибутов свободного мира?

Надо сказать, что время было утреннее, по-местному — часов около десяти. Людей на набережной Манхэттена, да и в Беттери-парке пока немного. Мы были, пожалуй, самой многочисленной группой. Так вот, после прозвучавшей фразы о культурном досуге, ты даже представить себе не можешь, что мы услышали в Нью-Йорке, в тысячах километров от России? На чистейшем русском языке кто-то сзади нас громко серьезным тоном говорит:

— Ребята, вы даже не думайте об этом. Здесь не положено по-русски отмечать события. Это нарушение закона и запросто можно оказаться в полиции.

Каково? В Нью-Йорке, на набережной Манхэттена, на фоне статуи Свободы — и русская речь? Оборачиваемся. Молодой мужчина, приятной наружности, стоит с тележкой — торговец пирожками. Мы группой окружили его, посыпались вопросы, разговорились. Оказалось, что он наш — бывший советский. Из Ташкента. Но уже житель Нью-Йорка.

— Я давно вас заметил, подкатил поближе, — говорит он, — что-то вспомнилось такое, отчего грустно мне стало. Очень веселая вы компания, общаетесь друг с другом по-дружески и запросто. А это то, чего мне очень не хватает в сегодняшней моей жизни. Нет, я не жалею, все хорошо — устроен, работа, пусть пока такая, но работа. Есть жилье, денег на жизнь хватает. Но не достает в нынешней моей жизни одного — общения! Не принято здесь ходить в гости друг к другу, встречаться вечерами. Все какое-то скучное, даже соотечественники наши, и те переняли этот американский образ жизни. Почти не встречаемся, каждый занят только своими делами, своими заботами. А у вас вон как весело!

В тот же день я еще раз убедился в простодушии и воспитанности американцев. Обедали мы в японском ресторане. Вот, смотри — на этих фотографиях — видишь, на столе бутылочки саке стоят, рядом плитка газовая, на тарелке тонкие ломтики сырого мяса, зелень, грибы, похожие на наши луговые опенки, называются шиитаке. Здесь такое обслуживание посетителей — пейте саке и варите сами себе суп Шабу-Шабу. Нам объяснили, как варить это Шабу-Шабу. Не гарантирую достоверности, забылось, а в московских ресторанах я не был. В общем, грибы шиитаке, овощи, все это кладешь в воду, когда закипит, буквально на пятнадцать секунд опускаешь в кипяток, держа палочками, ломтик мяса, и сразу же — в рот. Вареные овощи и грибы вылавливаешь — закуска готова. Угощение по-японски.

Так вот, начал я об американцах. После выпитого саке и приготовления японской стряпни, стало мне жарко. Вышел я на улицу освежиться, подышать прохладным воздухом Нью-Йорка, так сказать. Да, не сказал, что были мы в Штатах во второй половине марта. В Нью-Йорке весна начинается, праздник Святого Патрика, температура около нуля градусов.

Около входа в ресторан группа парней и девушек, человек десять. Стоят полукругом, пьют что-то из стеклянных бутылок. Разговаривают, смеются. Я вышел и немного отступил от входа в сторону, не заметил и сбил ногой стоящую на асфальте открытую бутылку, она упала, потекло на асфальт. Поднял, поставил. Это оказалось пиво. Извинился. По-английски, конечно, уж это-то из школьной программы еще

помню. И ты знаешь, чем американская молодежь ответила на мою неловкость? Ребята рассмеялись, замахали руками, мол, не беспокойтесь, ерунда. И продолжили веселый разговор между собой. Представляешь, если бы это случилось на улице нашего родного города, чтобы я услышал от своих юных соотечественников в подобной ситуации за пролитые пятьдесят граммов пива?

КУПАНИЕ В СЕНТ-ПИТЕРСБЕРГЕ

Узнаешь? Это берег Мексиканского залива. Было теплое, морское и безмятежное утро. Легкий прибой. Мы купались. А ведь еще вчера в Нью-Йорке гуляли в плащах и куртках, а на улицах города бурлило костюмированное шествие, был День Святого Патрика. Оркестры, флаги Ирландии и США, повсюду зеленый цвет. А здесь голубое небо, голубое море, белый песок пляжа. И обрати внимание — прибрежные воды залива пустынно. Никто не купается, кроме нас. А почему? Да потому что температура воды в заливе всего плюс двадцать градусов. Не принято купаться в такой «холодной» воде. Народ прогуливается по белому песчаному урезу, лишь ноги мочит в воде. Люди ждут погоды у моря, то есть когда вода прогреется до плюс двадцати пяти градусов. Слышна польская, немецкая речь.

Надо сказать, что приехали мы из аэропорта Орlando в город Сент-Питерсберг ночью, около одиннадцати часов. Пока добрались до гостиницы — уже полночь. В холодильниках гостиничных номеров кое-какая еда — сок фруктовый, вода минеральная, апельсины, бананы, клубника. В общем, то, что надо для русской души... Но у нас, как говорится, с собой было. Решили первым делом сходить на берег Мексиканского залива, искупаться, после этого и организовать поздний ужин.

Вышли во двор гостиницы — тишина, почти во всех окнах потушен свет. Невдалеке ласково шуршало море. Вода приятной прохладой сняла усталость перелета, песок мягко скрипел под ногами. Красота...

Я после купания в море пошел в номер гостиницы, принял душ. А все мужчины нашей группы остались около бассейна во дворе гостиницы. Легкий ветер качал листья пальм, мириады звезд наблюдали за нами, но как оказалось позднее, не только звезды...

Номер в гостинице был на двоих. И я после душа, расслабившись в кресле, ждал, когда придет мой товарищ и скажет о том, что «народ для разврата собрался».

Вот он приходит. Но странным кажется мне его поведение. Я обращаю внимание на то, что он как будто немного не в себе: грустный взгляд, я бы сказал, что даже немного потухший. Молчалив, глубоко вздыхает, отводит от моего взгляда глаза в сторону.

Вдруг в дверь номера раздается громкий, требовательный стук. Открываю. На пороге стоит мужчина в форме с какими-то нашивками, в форменной фуражке. Пока я рассматривал его форму, пытаюсь понять, кто он такой, этот человек начинает что-то быстро говорить по-английски. Из всего сказанного мне удалось понять только вопрос «Your is chief?» и несколько раз повторенные слова «Police» и «Bathe».

«Вот это новости», — думаю. — «Что же такого криминального произошло?»

Тут вмешивается мой товарищ:

— Это охранник гостиницы.

— Так, что-то прояснилось, уже полегче, — говорю я, — но чем же он так взволнован? Что нельзя было купаться в бассейне?

— Да мы, понимаешь, купались в бассейне, а он прибежал, кричит, выгнал нас из воды, и твердит: полиция, полиция.

— Так что, нельзя было в бассейне купаться? — повторяю я.

— Не знаю, только мы без ничего купались. Ночь ведь, все спят, вот мы и решили так. Веселились нагишом.

— Повеселились. А где остальные?

— Да там, все в одном номере собрались.

Я напрягся и спросил охранника:

— No bathing suit? (Не было купальника?)

Он обрадованно закивал головой, наконец-то, этот русский понял:

— Yes! Yes!

— Follow, — бросил я, и мы пошли.

Номер был открыт, все наши пловцы в нем, такие же тихие и понурые, каким предстал передо мною мой товарищ. И тут меня как прорвало! Все-таки я — старший группы, значит, и отвечать мне! Я набрал побольше воздуха в легкие, и со всей яростью, на повышенной вибрации голоса начинаю отчитывать своих «подопечных». Говорю, стараясь быть серьезным. Без прибауток и шуток объясняю им про тысячи километров, отделяющих нас от Родины, про страну, в которой мы находимся, и про ее культуру и порядки. Все это, конечно, без наших родных, русских ругательств. За границей, как-никак. Охранник стоит недалеко от нас и наблюдает за моей партийно-воспитательной работой. Думаю, со стороны сцена напоминала избиение младенцев царем Иродом. Бескровное избиение, конечно. И вдруг он подходит ко мне и трогает за плечо. Я оборачиваюсь и вижу его удовлетворенное, спокойное и понимающее лицо.

— All right! This all! — только-то и произнес он.

Я протянул ему руку, он пожал ее, повернулся и ушел по коридору.

Американец остался доволен моими действиями по усмирению разгулявшихся русских парней. И, наверно, решил, что теперь всегда будет порядок. Ведь Америка — страна порядка! И он, не зная русского языка, лишь по моему выражению лица, по тону разговора, понял — шеф отчитывает, а значит наводит порядок. И ушел довольный и успокоенный.

Ну а мы? Конечно же, сели за поздний ужин, и со смехом вспоминали и купание в бассейне, и последовавшее за этим волнение и страх за случившееся, и строгого начальника, и славного охранника, который увидел, что и русские любят порядок.

РЫБАЛКА В МЕКСИКАНСКОМ ЗАЛИВЕ

Виды города Сент-Питерсберга я фотографировал с палубы морского катера, который уходил в открытое море, мы отправлялись на рыбалку в воды Мексиканского залива. Курортный город в пальмовых зарослях с чистейшими песчаными пляжами, с роскошными гостиницами исчез в морской дымке.

На катере разместились три туристических группы. Наша, российская, группа из Германии и местная — отдыхающие в городке американцы. Любители морской рыбалки. Надо сказать, что немцев мы вообще не слышали и не видели на палубе. Они все плавание как-то тихо себя вели, по-моему, сидели всю рыбалку в своей трюмной каюте и пили пиво.

А вот на этой фотографии я с американским туристом-рыбаком. Стоим чуть ли не обнявшись, он положил мне руку на плечо. Видишь, какой красавец? Высокий, ростом, наверно, метр восемьдесят или даже больше. По крайней мере, выше меня. Пышные усы, глаза добрые и веселые. По внешности и не отличишь от москвича или от красноярца, то есть любого из нас. Майклом его зовут. А познакомились мы с ним так. Но постой, пожалуй, начну по порядку. Тебе же, как волжскому рыбаку, будет интересно узнать, какую рыбу и как мы ловили в Мексиканском заливе?

От городского пирса наш катер отошел не так уж и рано, где-то около восьми часов утра. И с довольно приличной скоростью, думаю, не меньше 20 узлов, мы через два с половиной часа оказались на месте рыбалки, в открытом море. У каждой группы был свой инструктор. Он показал нам наше место на левом борту судна, где в специальных гнездах стояли приготовленные рыболовные снасти: спиннинги с инерционными катушками. Рядом с ними ведро, наполненной насадкой, которая была похожа на мелко порезанную рыбу. Инструктор строго-настрого предупредил, чтобы пойманную рыбу с крючков снимали после того, как покажут ему. А уж он решал, что с ней делать: то ли оставить, как улов, то ли отпустить обратно в море. Общались мы с ним через переводчика-гида, Татьяну, которая сопровождала нас во всей поездке по Америке.

Нацепив насадку на крючки, поплевав на нее по русской традиции, мы стали забрасывать наживку в море, опуская до самого дна. Глубина выбранного капитаном места для рыбной ловли была метров сорок - пятьдесят.

А это я уже сфотографирован с первой добычей. Название пойманной рыбы я не запомнил. Похожа она на нашего волжского судака. Такая же полосатая темно-серая раскраска туловища, белое брюхо, удлинненное тело, длинное и заостренное рыло. Но, как оказалось, пойманная мною рыбка еще не доросла до необходимых размеров, поэтому была отпущена инструктором обратно в море.

На следующей фотографии — морской черт. Огромная, широкая, я бы даже сказал, страшная голова, тело ее совсем голое, спина коричневая, усеянная многочисленными черными крапинками. Размер рыбы сравнительно небольшой — сантиметров тридцать. Рыба, действительно, похожа на черта. Инструктор снимал этого черта с крючка специальным приспособлением, руками не касался. Только вот, что странно. Через несколько лет в одной кулинарной книге я прочитал, что морской черт — рыба съедобная. Блюда из этой рыбы готовят из ее хвоста. А бывает она весом до двадцати килограммов. Выходит, пойманный мной морской черт оказалась маленьким для добычи.

Но вот третья пойманная рыба оказалась вполне нужного размера и съедобной. Дорада, или морской лещ. Рыба действительно походит на нашего леща, но только туловище у нее более серебристого отлива, а голова с большой пастью. Вес ее был около полкилограмма. Вот так, поймав, наконец, настоящую рыбу, я успокоил свое рыбацкое нетерпение и страсть, и, передав кому-то свою удочку, пошел бродить по судну, рассматривая улов своих товарищей. На этой экскурсии я и столкнулся с Майклом. Видно, ему тоже наскучило однообразие рыбной ловли, и он решил прогуляться по палубе корабля.

Сначала мы с ним обменялись приветствиями, рукопожатием. Потом выяснили имена друг друга. Разговорились. Каково? При почти полном незнании языка? Конечно, говорил больше он, но я тоже вставлял фразы, щеголяя своим примитивным знанием английского языка. Чего стоила, например, такая фраза:

— I am Russian fisherman. You is American fisherman.

Это Майкл понял. Широко улыбнулся и ответил:

— Baked fish is very tasty food.

Я понял, что он чего-то сказал про жареную рыбу. Потом Майкл сделал жест рукой, показывая, что сейчас вернется, произнес только одно слово:

— Wait, — и ушел в сторону кормы. Я и остался ждать, как он велел.

Через несколько минут Майкл вернулся, держа в правой руке литровую пластиковую бутылку водки, уже наполовину опустошенную, а в левой у него были такие же пластиковые стаканчики. И всего одно слово сказал, которое и переводить не надо:

— Drink.

Я, конечно, согласился:

— O, yes, drink for friendship!

— We cold drink vodka,— был его ответ.

И вот Майкл подает мне стакан, я держу, он наливает. В мой стакан и себе он налил водки, как у нас говорят, «на донышко». Я не стал напрягаться со своим английским, и все, что я сказал, было произнесено мной по-русски, но, как ни странно, он меня понял и согласно закивал головой. А сказал я ему буквально следующее:

— Э, Майкл, у нас за дружбу так не пьют. Давай это сделаем по-русски,— потом жестом показал ему, как должны быть наполнены стаканы.

В глазах его после моих слов и жестов появилось удивление, и, я бы сказал, даже некоторый испуг. Но я взял из его рук бутылку, и долил в стаканчики граммов до пятидесяти. Мы чокнулись, выпили. До дна. А из закуски — одни чипсы. Рыбу жарить мы будем на берегу, как нам объяснили. В общем, до конца нашего морского путешествия Майкл уже никуда не ушел из нашей каюты. О чем мы с ним разговаривали? Сейчас я уже и не смогу рассказать, но только помню, что он говорил со мной по-английски, а я, не напрягаясь, перешел на русский. Опять у меня какая-то «встреча на Эльбе» получилась.

Майкл стал проявлять симпатии к одной из наших женщин, и до самого возвращения на городской пирс он пытался общаться с ней, что-то лопоча и глядя влюбленными глазами.

Даже и тогда, когда наш катер причалил, и все стали сходить на берег, он, не раздумывая, пошел с нашей группой в гостиницу, пытался обнимать свою пассию, которой не нравились его американские нежности, и она слезно нас просила:

— Да уберите вы от меня своего американца!

Но Майкл лишь мило улыбался и что-то говорил и говорил. Все закончилось тем, что, наконец-то, о нем вспомнили его друзья. Как оказалось, и жена его была в той же группе на катере, она прибежала и увела его, недовольного, с собой.

На морском пирсе были оборудованы специальные столы для чистки рыбы, здесь же стояли специальные подставки с ножами. Мы почистили всю рыбу своего улова. Вокруг нас бегали маленькие цапли, в воде плавали пеликаны. Такая вот кормушка для птиц. Да вот, на фото всех пернатых видно и нас, чистящих рыбу.

НОЧНОЙ ЗВОНОК В ВАШИНГТОНЕ

Думаю, на снимках, сделанных в Вашингтоне, все узнаваемо, и они особо в комментариях не нуждаются. Сами за себя говорят — Белый дом, здание конгресса США, здание Верховного суда США, пятиугольное здание — Пентагон, мемориал Джефферсона на берегу реки Потомак. Были мы и в Национальном музее воздухоплавания и астронавтики. А на этом снимке я рядом с первым президентом США Джорджем Вашингтоном и его супругой — это уже исторический музей — National Museum American History. Кстати, исторический музей США посещает очень много молодежи, во всех залах большие группы школьников, студентов, такого интереса у нашего юного поколения я не замечал.

Здесь мы на улице Вашингтона около гостиницы, всей группой. Вашингтон запомнился нам своими знаменитыми и историческими местами, но не только этим. А и веселой историей, случившейся ночью в гостинице. В Вашингтон мы прилетели уже под вечер и, уставшие от перелета, от напряжения и дорожных хлопот, мечтали об одном — скорее заселиться в гостиничные номера и отдохнуть. Привезли нас в довольно старый район, построенный более ста лет тому назад. Дома, в основном, двух- и трехэтажные.

В гостинице предложили семейные номера, даже не помню сейчас, почему это получилось. Наверно, из-за их дешевизны. Но, по большому счету, нам было все равно. Человек ко всему привыкает, а советский человек тем более. А то, что мы все еще оставались советскими, не надо даже и объяснять. Так вот, семейный номер — это широкая двуспальная кровать, прикроватные столики с лампами, телефон, небольшая кухня со всем необходимым инвентарем, в общем, маленькая квартира для супругов. На фото мы с товарищем как раз на такой кровати, позируем, чтобы понятнее было, где мы ночевали в Штатах.

Так вот, чтобы не лишать нас удобств и полноценного отдыха, служащие гостиницы, в основном, афроамериканцы, разносили по номерам раскладные кровати. Поэтому на ночь одному из нас доставался двуспальный аэродром, ну а второй довольствовался раскладным вариантом ночлега.

Не успели мы с товарищем осмотреть номер, поудивляться обилию кухонного инвентаря, как в дверь раздался громкий стук. Открываем, на пороге служащий с кроватью в руках. Мы его пропустили в номер, он быстро разложил и установил ее, постелил матрац и удалился. А мы решили пройтись и посмотреть, как устроились остальные.

Заходим в один из номеров, у них второй кровати еще нет. Я спрашиваю:

— Вам еще не приносили раскладную кровать?

— Да приходил какой-то детина чернокожий, принес, но мы подумали, что он что-то перепутал, махнули, мол, мы не заказывали, он ухмыльнулся и ушел.

— И как теперь? На одной кровати спать будете? Валетом, что ли? У них такой порядок, спать каждый должен отдельно, в своей кровати. Вот он и ухмыльнулся. Знаете, что он о вас подумал?

— А я еще удивился, когда мы отказывались, он как будто понимающе улыбнулся. Наверно, мы в его глазах поголубели.

В общем, устроились. Потом собрались всей группой в одном номере. Поужинали и разошлись. И, можно сказать, отрубались, устав от суеты и перелета.

Волей жребия мне досталась двуспальная кровать. Я сразу же уснул. В ночной тишине раздался резкий телефонный звонок. Спросонья не пойму, что это такое? На часах — первый час ночи. Поднимаю трубку и милый женский голос, я бы даже сказал — ангельский голос, что-то мелодично говорит. На английском. Не могу понять, но успеваю вспомнить дежурную фразу и отвечаю:

— I no understand you. Я не понимаю.

Говорившая на том конце женщина переходит на другой непонятный набор слов, но различаю, что это уже не английский. И вот оно — последнее слово в этой фразе произнесено по-русски, отчетливо было сказано слово «любовь». Так вот в чем дело! Теперь и дураку стало бы понятно! И я мгновенно, не думая, ответил:

— No, thank you!

В ответ тишина, и я положил трубку.

Товарищ услышал весь мой разговор и полусонно спрашивает:

— Кто звонил?

— Ты не поверишь, — отвечаю, — предлагали американскую любовь.

— Ну, а ты? — спрашивает.

— Отказался, конечно. Сказал, что мы честные русские люди и не подвержены буржуазным привычкам по ночам заниматься любовью.

Товарища моего, как ветром, сдуло с кровати:

— Эх ты! — укоризненно бросил он в мою сторону, — я бы не отказал. А кто звонил?

— Как ты думаешь, кто? Конечно, знойная, с большими губами негритянка. Ну, ты подожди, может она еще раз позвонит, — пошутил я.

Он вполне серьезно принял мою шутку и сел на кровать около телефона. Видя такое дело, говорю ему:

— Послушай, дважды в одну воронку снаряд не попадает. Ты лучше сходи к нашим в любой номер, наверняка они всех русских будут обзванивать. Вот и договоришься.

Смотрю, он встал, оделся и ушел. А у меня тоже весь сон прошел. Не произошла бы там еще какая история, подобная купанию нагишом в бассейне. Так и не уснул до тех пор, пока он не вернулся. Примерно через полчаса появился. Грустный. На мой немой вопрос только отрицательно помотал головой.

А утром мы посмеялись над нашим неудавшимся ночным приключением.

И знаешь, общаясь с американцами на улицах, в магазинах, в музеях, я понял одно: мы и американцы, я имею в виду простых людей, очень похожи. А наши отношения между странами, как в добром старом анекдоте: в лесу ветер шумит по верхушкам сосен — это отношения между политиками, а внизу под деревьями в муравейниках и по траве — тишина. Все заняты делом — работают, кормят детей, строят жилье и радуются каждому мгновению жизни.

Яков Шафран
(г. Тула)

ДОБРОВОЛЬЦЫ*

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова и «Белуха» им. Г. Д. Гребениčkова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори».

...Недели две было затишье, вернее, вялотекущие действия — перестрелки, попытки вылазок... В это время Артем часто думал: если его убьют, то мать этого не переживет, ведь он у нее один. Кроме того, с ним вместе канут в небытие все его чаяния и задумки, и, главное, он не сможет выполнить то, ради чего приехал сюда. Мучило еще, что здесь, на войне, Артем уже хорошо это понял: лишить кого-то жизни так же легко, как раздавить козявку. Потому стали приходить не прошенные мысли о том, что, убив другого, он уничтожит и чей-то чужой клубок желаний, забот и, может быть, хороших качеств, к тому же, возможно, и чьего-то близкого друга. Эта мысль снова вызвала в сознании образ Сергея. Он сердился на себя из-за этих мыслей и предчувствий, но избавиться от них не мог. Потому Артем очень не любил находиться в карауле, куда они заступали по одному на два часа, так как было много времени для раздумий. Вот и сейчас, когда сменившийся боец скрылся, он почувствовал гнетущее одиночество. Глаза после ярко освещенного помещения не сразу привыкли к темноте. Вокруг бледный свет молодого месяца лишь обозначал контуры построек и деревьев. Вначале из их здания, находившегося на расстоянии примерно двухсот метров, еще слышались громкие разговоры, смех и редкие ругательства, но через некоторое время — все же начало первого — наступила тишина — значит, уснули. Артем залез в специально вырытый окопчик и стал вглядываться в окружающее. Вокруг все было спокойно, но чем дальше он находился в тишине, тем все более обострялся его слух. Вот он уже уловил какой-то звук. Артем вспомнил слова своего старослужащего сержанта в армии, когда он «лопоухим» новобранцем прибыл в часть и то и дело с любопытством разглядывал все кругом: «Закрой варежку! — учил тот. — Батя мой, афганец, говорил, мол, можешь не успеть даже подумать о чем-то, но перед тем, как отдать концы, обязательно пожалеешь, что не был бдительным. Сейчас хоть и мирное время, но в армии мы, чтобы готовиться к худшему...» И Артема охватил страх. Ему почудилось, что откуда-то сверху на спину неожиданно легла чья-то рука, которая затем поползла к голове и далее — по волосам до лба... Он стал напряженно

* Окончание; начало в № 2, 2018 «ПЗ».

оглядываться вокруг себя в ночи, стараясь определить, откуда доносится звук. Шла минута за минутой, прошел час, но ничего не случилось. Артем начал успокаиваться, прислонился к стенке окопчика и немного расслабил мышцы ног. И, как обычно бывает после напряжения, его стал одолевать сон. Но он крепился, и не дал себя ему укутать. Так постепенно шло его привыкание к военной обстановке.

В эти дни Артем познакомился с девушкой-ополченкой из соседнего взвода, Ольгой. Светловолосая и черноглазая, она сразу запала ему в сердце, может быть и потому, что была очень похожа на его мать в молодости, какой та была на единственной в их семье ее цветной фотографии. Еще ему понравилось, хотя вначале и несколько удивило, ее отношение к войне. «Народ на Украине хороший, добрый, братский,— я была несколько раз в Полтавской области, даже уже после начала войны, у нас там родные живут,— но их политики как с ума посходили все. Что делается, а!? Людей жалко. А наши бабушки, старики и дети так привыкли к бомбежкам, что уже в подвал идут, как за продуктами, лишь в глазах — тоска и боль...»,— с горечью рассказывала она, когда они неспешно, пока позволяла обстановка, беседовали.

А вскоре началось то, ради чего Артем и приехал сюда — боевые действия. На участке отряда возобновились ожесточенные бои за аэропорт. Отряд разделили на две части — у каждой было свое задание,— и они с Ольгой попали в разные. Он не знал, что чувствовала Оля, но у него было ощущение, что она находится все время рядом.

Для Артема все теперь было непривычно — служба в армии казалась детским садом по сравнению с теперешним. Снаряды, мины и гранаты летели туда и обратно. Снаряд, как ему объяснили, летит в три раза быстрее звука, его полет не успеешь услышать, слышишь только взрыв. Мина же падает, как бомба, и, если слышен визг, летит она не в тебя, просто падай и накрывай голову руками, а если свистит, то убегай подальше, а там уж... И здесь очень нужен навык, которому не научишься нигде, кроме как в бою: после первой же мины можно определить по звуку, куда летит следующая, опасно ли оставаться на месте или лучше отскочить. Артем стал прислушиваться к каждому свисту мины и затем раздающемуся взрыву. И, действительно, оказалось, звук летящей мины зависит от направления полета. Он, кажется, на всю жизнь запомнил первый обстрел. Это было ночью. Мины летели точно на расположение отряда. Слышны были хлопки выстрелов, затем — неприятный тонкий визг, переходящий, постепенно нарастая, в вой и, становясь все грубее, заканчивающийся взрывом. Казалось, будто сама ночь разрывается на осколки, а земля охвачена какими-то гигантскими судорогами.

— А-а, чтоб им ни дна, ни покрывки этим чертовым нацикам! — разразился кто-то бранью.

Артема предупредили, что прилетают не только мины, но и много других боеприпасов. «Это плохо, так как нужно было учиться различать, а времени на это нет... Вот, например, звук «града» в полете похож на шорох, и его слышно издалека».

На следующий день наряду с хлопками минометов и гранатометов, стали бухать орудия. Земля заходила ходуном, и все вибрировало от взрывных волн. А вот протяжный очень низкий звук и сильные вибрации наполнили собой все пространство, отзываясь в каждой клеточке тела, будто кто-то невидимый накрыл землю гигантским колоколом и ударял в него, и что-то настолько сотрясло землю, что, казалось, взорвался весь мир. За прежним раздался новый нарастающий вой, услышав который, все, словно по беззвучной команде, легли. Артем тоже бросился на снег, зарываясь в него лицом, абсолютно не чувствуя холода. Взрыв раздался в ста метрах от них. Но люди не вставали, прислушиваясь к снова раздающемуся вою... Он припод-

нялся, открыл глаза и сильно сжал кулаки, почувствовав сильную боль в пальцах. «Господи, помилуй!» — пробормотал он, чего за собой раньше не замечал, ибо не был верующим. Со лба, хотя был морозец, ручейками стекал пот, а во рту было сухо и неприятный вкус. Он пошевелился, чтобы катящаяся по спине струйка пота не щекотала нервы. Было сильное напряжение и непонятно откуда появившееся — ведь раньше он не воевал — довольно странное, но приятное предвкушение боя...

«Как там Оля? — подумал Артем и представил ее лицо, глаза, чуть подернутые улыбкой губы.— Как она все это воспринимает? Женщина все же, хоть и два года уже в ополчении...»

Вот опять «запели». Конечно, опасаться следует только взрыва, однако сам звук летящей мины, ракеты, когда в течение нескольких секунд, затаив дыхание, слушаешь их «песню», сильно действуя на нервы, изматывает тебя... Но вот, наконец, наступает тишина, совсем не слышно птиц — вся живность давно исчезла с этой «территории»... Где-то далеко-далеко слышится артиллерийская стрельба, похожая на глухие раскаты грома. А вот в расположении их отряда застрочили автоматы, значит, настало время близкого боя, и тяжелого обстрела не будет.

Вдруг небо заволочло тучами, хотя до сих пор была легкая пасмурная дымка, и поднялся сильный, шквальный ветер, порывы которого буквально валили людей с ног. Деревья, которым и без того досталось от обстрелов, сильно прогибались, казалось, вот-вот переломятся. Артем не любил бури и грозы, так как однажды в детстве они с ребятами оказались в поле по пути из деревни домой, когда разразилась сильная гроза — молнии били в землю, казалось, рядом с ними — с ураганным ветром. Они сильно испугались, потому что никогда ничего подобного не видели. Этот детский испуг оставил след на всю жизнь... Вот и сейчас ветер дул очень сильно, — будто некий великан, сердясь на беспокойство, которое люди причинили ему своей стрельбой, пытался сдуть их с лица земли, — и им приходилось пригибаться книзу. Тем не менее, на небольшом участке неба, не закрытом тучами, Артем заметил почти совсем над горизонтом ярко-красное закатное солнце, и даже мгновение полюбовался им. Но сейчас было не до того. Под автоматным обстрелом они с напарником перебежками стали продвигаться от укрытия к укрытию, которые находили на местности. Однако против ветра это делать было очень тяжело, к тому же, чтобы что-то сказать, приходилось сильно кричать, будто между ними было не менее километра.

Вскоре, как-то сразу, замолчали автоматы и начали снова говорить наши пушки и минометы. Ополченцы передохнули и после хорошей артподготовки снова вышли из укрытия и под непрекращающимся ветром и полившим сильным дождем, стреляя и не обращая внимания на промокшую до нитки одежду, пошли вперед уже в полный рост. Подойдя к старому терминалу, они стали прицельно вести огонь по окнам, когда видели там лицо или силуэт. У Артема кончились патроны, и он под прикрытием огня напарника отбежал за полуразрушенную кирпичную кладку перезарядиться. После они продолжили огонь вдвоем.

Ветер и дождь также внезапно прекратились, как и начались. Подошли свои с ручными гранатометами и начали бить по окнам, так как противники спрятались от автоматных очередей и боялись высунуться. Гранатометы сделали свое дело, и ВСУшники стали выскакивать из здания и ввязываться в открытый бой. Ополченцы стреляли с колена или в полный рост, прикрываясь только своим огнем, а когда кончались патроны или гранаты, отбегали к ящикам с боезарядом. Вот подошел ополченец с гранатометом и из-за спин автоматчиков спокойно запустил гранату из ствола точно в окно, откуда еще велась стрельба. «Есть!» — радостно показал он известным движением кулака и предплечья. Парня по соседству ранило в плечо, он тут же, прихватив автомат, отбежал за укрытие, перетянул руку жгутом выше места ранения и

продолжил стрельбу. Артем и его напарник заняли позицию у угла бывшего небольшого здания и по очереди — один шел на перезарядку, другой палил — стреляли по засевшим «укропам». «Лови кошмар!» — еще раз выстрелив, сказал гранатометчик. Несколько гранат и зажигательный патрон удачно попали в цель и огонь оттуда временно прекратился, что позволило ополченцам вперебежку переместиться ближе, прячась за мертвую технику. Некоторые проникли в здание терминала и вели огонь там. Появился танк и стал на исходную позицию. Скорее для устрашения, ибо Артем с товарищами были уже в здании. Оттуда гулко раздавались хлопки выстрелов и очереди. Однако «выкурить» основные силы из здания не удалось, и бойцы вышли. Тогда прикатали пушку, и из нее, и из танка стали стрелять по терминалу. Артем видел, как тяжелый снаряд загонялся заряжающим в пушку, как ребята, затыкая уши, разбегаются от нее, как один из них дергал за длинный шнур, слышал его крик: «Во имя народа! За русских! За свободу!», после чего следовал оглушительный залп, и в обстреливаемом здании терминала — вспышка, дым и брешь в стене. А что было там внутри — может быть трупы, разорванные в клочья тела, кровь людей — он не видел, и не хотелось думать, что там. Перед его глазами стояло лицо друга, Сергея, которого, может быть, вот так же разорвало, и фотографии, а теперь уж и не только они, бесчинств, пыток, казней и массовых захоронений замученных и расстрелянных людей. Но все равно было гадко на душе...

В подмогу пушке появился расчет с минометом. Один из ополченцев изучает здание старого терминала через бинокль, затем корректирует наведение на цель, и звучит возглас: «Подавай снаряд!» — который, естественно, находится на отдалении от миномета. И вот серебристо-зелено-белый снаряд входит в казенник, он закрывается. «Колпачок с взрывателя снял?» — кричит командир. «Снял! Готовы?» — «Да!» — раздается несколько голосов расчета. «Залп!» — и снаряд уходит к цели. Заряжающий железякой открывает горячий казенник и очищает его. Далее все повторяется, пока у цели не останется «признаков жизни».

Но «укры» снова появляются в окнах и продолжают обстрел ополченцев. «Сколько же их там?» — спрашивает себя Артем. Командование меняет тактику боя: приходят два танка, члены отряда надевают каски, вешают на пояс боеприпасы и с автоматами в руках садятся на броню. Отряд направляется к терминалу.

И тут Артему показалось, что он видит Ольгу — вдалеке вроде бы показалась ее фигура. Он хотел было соскочить с танка и броситься к ней обнять, поцеловать в сухие, потрескавшиеся на ветру губы, сказать пару слов и услышать в ответ ее голос — так душа истосковалась. Но сосед крепко ухватил его за руку: «Ты что, парень?!» И Артем затих, с тоской глядя вдаль, где скрылась девичья фигура...

На подъезде к терминалу слышится команда: «По секторам смотрим! Круговая оборона!» После рекогносцировки на местности начинается стрельба из орудий танков, из пушек, а ополченцы стараются обойти старый терминал по периметру и подавлять огонь «укров» из автоматов, целясь, одиночными выстрелами, сберегая патроны. Артем ведет прицельный огонь из-за укрытия. Слышится уханье орудий, глухие звуки взрывов, звон еще до того уцелевших стекол и падающих на бетон гильз, хлопки выстрелов автоматов...

Вот застрочил пулемет — это его друг, Дмитрий, прилачился тут неподалеку. Но вдруг он падает, хватаясь за плечо. «Что-то снайперское в плечо сработало, — крикнул он. — Мясца оттяпали чуть ли не с кулак. И прямо в прежде раненное плечо!..»

Новенький, из пополнения, которое получил их батальон, увидев кровь, побледнел. И Артем решил, что тот боится, так как при звуке летящих снарядов и взрывах, хотя они были теперь далеко, он нервно вздрагивал, то и дело почесывался и не мог стоять спокойно, а вертелся, будто заведенный. «Пришел, видимо, чис-

то на эмоциях, не готовый к такому... Интересно, можно ли будет положиться на него?» — подумал он...

Но когда неожиданно, почти над самой головой, послышался истошный визг, так похожий на звук сильно тормозящей машины, когда резко нажимают на тормоз, во рту у Артема самого пересохло и сердце начало часто биться. Он инстинктивно сжался в комок, и если бы мог, то втерся бы в грунт. Вдруг Артем услышал страшный взрыв, было такое ощущение, что взорвался сам его мозг. Земля содрогнулась и заходила ходуном. Он почувствовал, что над ним пролетели осколки и куски земли, а затем ударила взрывная волна. Перед Артемом явственно возникли лица матери и друзей и мгновенно, как в ускоренной прокрутке киноленты, пролетели в сознании эпизоды его недолгой жизни, причем в обратном порядке — с настоящего к раннему детству. Еще и еще были взрывы, и будто каждый раз кто-то подбрасывал его в воздух. Рядом раздался крик: «Не надо, не надо!» По голосу он узнал того новобранца. Обстрел так же неожиданно прекратился, как и начался, мины больше не взрывались, но Артем еще некоторое время лежал. Неподалеку кто-то упал лицом вниз. Раздался взрыв одинокой, видимо, запоздавшей за своими «подругами» мины. Наверное, тот, упавший, услышал ее полет раньше, чем осколок разворотил ему туловище. Когда все прекратилось окончательно, он подполз к погибшему. При виде растерзанного новобранца, а это был он, у Артема закружилась голова, и тошнота наполнила его. Весь день перед ним стояла эта картина, часто он ловил себя на мысли об этом пареньке, погибшем в первый же день боя, и он чувствовал душевное оцепенение.

Артем прекрасно осознавал, что может погибнуть, со смертью он уже свыкся и не размышлял о том, что может случиться в следующую минуту. Но интуитивно тревога не оставляла его. Пока на его глазах не убили этого паренька, он понимал смерть как просто отъезд или уход человека куда-то. Теперь же, когда Артем сам *видел* убитого, разорванное тело его, он стал ощущать тайный страх, и тем сильнее, когда в ушах звучал голос новобранца, его слова...

«Оля, Оля, где ты, как ты? — мысленно обратился к ней Артем. — Здесь и мужик-то тяжело...». Перед ним предстало ее лицо, черные глаза искрились улыбкой, но взгляд их был тверд.

Это придало ему уверенности, ибо к тому времени многих ребят, с которыми успел сдружиться, потерял Артем в боях за терминал, как и не было их.

Притупилась от этого боль от гибели Сергея, однако не забылась...

...И вот 30 ноября бойцы водрузили флаг ДНР над старым терминалом. Однако это был еще не конец. После месячного затишья, после двухдневных украинских обстрелов Донецка, силы ополченцев начали бои за новый терминал. Взвод Артема участвовал в уничтожении диспетчерской вышки. И бои шли до момента, когда украинские военные получили приказ об оставлении поселка Пески, из которого они прикрывали объект. Так 19 января Донецкий аэропорт был полностью освобожден.

А уже через три недели их батальон, занимая позиции в Угледорске, участвовал в дебальцевской операции. И вновь небо и земля сотрясались от залпов танковых пушек, тяжелой артиллерии и ракет. Но Артем уже гораздо спокойнее воспринимал их, тогда-то он понял, что это и есть «быть обстрелянным». Командование поставило перед ополченцами цель — во что бы то ни стало окружить плацдарм украинских военных, проще говоря, создать еще один «котел».

До того разделенный их батальон соединился, и он, наконец, встретился с Ольгой. Казалось, прошел, по меньшей мере, год с их последней и единственной близкой, отнюдь не короткой, встречи, хотя они не виделись всего полтора месяца. Они обнялись. Объятие вышло нежным и бережным с обеих сторон. И каждое слово их было

не просто словом, а будто кто-то бисером вышивал на полотне окружавшей их фронтовой повседневности прекрасную картину. И оба, не говоря о том, поняли, что, несмотря на расстояние, их мысленное общение, обостряющееся в экстремальных условиях, было обоюдным. Ольга глядела на него с той же искоркой во взгляде, но тепло и ласково. Как он глядел на нее, Артем не знал, однако чувствовал, что его всего окутала волна нежности. Они держались за руки и не хотели отпускать друг друга. Этот час затишья они были вместе...

Война не место и не время для любви, однако она случается и на войне. Но вот вновь раздается свист, гул и грохот — эти ставшие уже привычными звуки сражений, снова потери, много раненых, потому что украинские военные используют касетные боеприпасы, которые приводят к массовому поражению людей. Они запрещены, но... Сами «укры» в ближний бой не идут, из автоматов почти не стреляют, бьют минами, касетными снарядами и палят издалека из танков.

Артем ни за что не хотел отпускать Ольгу от себя и добился перевода ее в свой взвод. Им разрешили, и она с радостью восприняла это...

В нескольких сотнях метров от въезда в Угледорск на перекрестке стоял разбитый дом, с проваленными пролетами. Обычный трехэтажный кирпичный дом-старина, каких много в уездных городах всего бывшего Союза. В нем засела группа военнослужащих «укров», и велся огонь. Рядом с этим зданием — детский сад и школа, поэтому одной из целей противника было вызвать, при дальнем обстреле, попадание снарядов по детским учреждениям. Когда отряд приблизился, Артем увидел в окнах автоматчиков, а под крышей — гнезда пулеметов. Начался длительный бой: из минометов и танков равномерно обстреливали уровень за уровнем, а из автоматов, экономя патроны, стреляли только по явно видневшимся в окнах силуэтам. Этаж за этажом они заняли весь дом, часть бойцов противной стороны сдались в плен.

Когда перестали свистеть пули и «хлопать» минометы, Артем увидел, как этот дом похож на тот, где он родился и жил... И этот чудом уцелевший балкон напомнил ему: *вот он в детстве, опершись на такие же вот перила, смотрит в небо и мечтает стать героем, летчиком, космонавтом... а там беззвучно, оставляя за собой белый шлейф, летит сверхзвуковой самолет. «Когда я вырасту, буду строить самолеты...» — тут же меняет свое решение Артем. Учительница на уроках хвалит его за сообразительность, а мама говорит: «Да, ты будешь специалистом, но для этого нужно хорошо учиться и хорошо есть. Сбегай за хлебом и садись за уроки»...*

Немного передохнув, ополченцы двинулись в Угледорск. И первое, что услышали Артем с Ольгой, когда вошли в город, — плач женщины, у которой снарядом в одно мгновение был разрушен дом. Она стояла у плетня и, так как некому было больше пожаловаться, показывала проходившим мимо бойцам на огород: «Вот все мое достояние, сыночки, — копаю, сажаю, пропалываю и поливаю. Нам с детками, — она показала на троих белобрысых ребятишек, — миллионерами с этого не стать. А теперь вот и дома лишились... — рыдания прервали ее слова. — Это все из-за тех, кто хочет за наш счет стать миллионером!..» — выкрикнула она.

...Артем вспомнил, как он, шестнадцатилетний, с матерью ехал в другой город к родным умершего отца, чтобы попросить устроить его в их бизнес. Те были владельцами небольшой фабрики. Но с этим ничего не вышло — бедные родственники никому не нужны. Позже Артем понял — таким людям легче без оглядки эксплуатировать чужих... На обратном пути они с матерью решали, куда ему до армии пойти работать. Об окончании школы и речи не было, так как больная мать одна потя-

нуть их двоих не могла... «Мама, мама, как ты там?» — подумал он: вот уже как месяц нет писем от нее...

Затишье длилось недолго, начались бои, цель — добить остатки «укров», сидящих в Углегорске. Рядом с Артемом и Ольгой пару раз от взрывов высоко вверх вздымалась земля. В ответ, стреляя на ходу, вперед двинулись три танка. У одного из них, — видимо, часто стрелял, — раскалился ствол и вокруг него появились языки пламени. К месту боя ополченцы пошли цепочками вдоль двух сторон улицы рядом с ее проезжей частью. Подойдя ближе, сгруппировались и построились. После получения вводной, группой, подбадривая себя криками, побежали вперед. Их догнал танк, и они сели на его броню, тесно прижавшись друг к другу...

...Взяв Углегорск, ополченцы поставили на господствующие высоты артиллерию. Это уже было полдела. А пока готовились к дальнейшему, выяснилось, что когда военнослужащие ВСУ покидали эти места, то в балку, что под полуразрушенным мостом, они сбросили нескольких сотен тел своих погибших и техникой сравняли с землей. Артема, узнавшего об этом, с одной стороны, объял гнев и омерзение к сотворившим такое нелюдям, а с другой, — охватило вдруг чувство горького сострадания к людям, которых они, ополченцы, здесь защищали — в такие моменты кажется, что ты понимаешь все беды их, все, чего им сейчас так остро не хватает.

После отряд участвовал в перерезывании перешейка... Лобовой атаки не планировали, шли по лугу — трава выше колен, — стреляя из автоматов. Остановились, увидев впереди горящее поле пшеницы, из-за которого «работали» минометы. Подъехал грузовик с легкой артиллерийской установкой в кузове и два танка. Пришло подкрепление и в живой силе — машины с ополченцами в кузовах. Заняли позицию в линию...

И вот Артем видит, как «укры» собираются как раз в том месте, куда направлен его автомат. Он облизывает сухие, потрескавшиеся губы, судорожно глотает скопившуюся слюну и поудобнее устраивается для стрельбы. Но команды все нет. «А жаль! Что они там заснули?» — думает о начальстве. Слышит: «Дзи-и-нь, дзи-и-нь» — это одна за одной пролетают над головой пули. Зажатая в руке граната кажется тяжелой и холодной. Артем, не дожидаясь приказа, бросает гранату вперед, быстро прячет голову и прикрывает ее руками. Ба-а-бах! «Я попал в них?» — спрашивает он у соседа. «Попал», — отвечает тот.

Небо стали покрывать грозовые тучи, солнце скрылось, может, погромыхивал гром, но его не было слышно из-за разрывов снарядов...

Затем при поддержке бронетехники пошли в атаку. У Дебальцево, определив наиболее уязвимые места в обороне противника, организовали несколько отвлекающих штурмов, что позволило ополченцам войти в город и начать его зачистку... И все. Дебальцево, наполовину оставленный жителями, постепенно, в течение недели, перешел под управление ДНР. По улицам бродило много собак, которые разрывали на куски трупы и растаскивали их. Видеть это было очень неприятно. Когда Оля увидела собаку с человеческой рукой в пасти, ее вырвало. «Да, привыкнуть к такому, хоть годы будь на войне, видимо, невозможно», — с тяжелым чувством подумал Артем.

...А 11—12 февраля в результате новых Минских договоренностей успешное и многообещающее наступление войск ополченцев было неожиданно остановлено, и обе стороны должны были 15 февраля отвести тяжелое вооружение с линии соприкосновения...

В конце месяца Артема и Ольгу отпустили в отпуск. Эти две недели были для них поистине медовыми. Они поехали в глубинку Донбасса, в шахтерский городок Снежное — родину Оли,— состоящий из множества сросшихся поселков, живописно разбросанных по высоким и крутым холмам. Заросли деревьев и участки степи тут чередуются с кварталами жилых домов, а вокруг — терриконы и копры шахт (они, наряду с шестеренкой — символом предприятий, изображены на гербе города). В 1990-х стали считать, что добывать уголь невыгодно, и как закрыли множество шахт в Донбассе, так почти все и в Снежном. Позже, в 2000-х, опомнившись, власть имущие — так как уголь все же нужен — многие шахты в городе открыли снова, но уже, конечно, как частные. Как там *руководят*, это уже предмет другого повествования. А крупнейшая, с двумя тысячами работников в прошлом, шахта «Снежнянская» — многие старожилы, как прежде, называют ее № 10 — так и осталась закрытой. Она находится почти в центральной части Снежного. Сейчас территория постепенно разрушается и временем, и людьми, а халатность чиновников привела к ее затоплению. Вокруг города много нелегальных шахт-самокопок. Несколько предприятий в Снежном закрыты,— хотя крупные предприятия, как Химмаш и Мотор Сич, работают. И все же часто жители, бросив свои дома и квартиры, уезжают. В домах повсеместно лифты либо разграблены, либо законсервированы и заложены кирпичной кладкой.

Погода была неважной — хоть ночью был легонький морозец, но днем стояла ростепель в +1—4 °С, когда солнечные дни чередовались дождливыми и с мокрым снегом,— и было довольно уныло. Однако после боевых действий и такой климат воспринимался как райский.

Но погода интересовала молодых людей постольку поскольку. Оказавшись в мирной обстановке, Артем и Ольга со всей пылкостью давно сдерживаемых чувств предались любви. Этим вечером мать Оли ушла на дежурство в котельную, и они остались одни. В комнате, которая сохранялась такой же, какой была до отъезда девушки в ополчение, царил полумрак. Они не включали даже бра, так как оба чувствовали, что сегодняшним вечером произойдет нечто, не требующее освещения. Оля включила музыку, и она наполнила собой все пространство не только комнаты, но и их душ. Артем обнял Олю и стал целовать ее в голову, лицо, шею, и ни один поцелуй не был похож на предыдущий. Они не заметили, как освободились от уз одежды, и их обнаженные обнимающиеся тела были теперь чем-то большим единым, выходящим за пределы окружающего их и, в то же время, безраздельно сливающимся с ним. Их движения были танцем — плавным и одновременно хранящим в себе большую, неизрасходованную потенцию движения откровенных, безраздельно доверяющих друг другу людей. Артем целовал свою любимую без конца, и его губы никогда не попадали в одно и то же место. Он чувствовал, что Оля все более и более сливается с ним, и от этого мужественность возрастала в нем.

— А ты настоящий любовник,— прошептала девушка.

В ответ Артем сладостно и долго поцеловал ее. Это был не тривиальный секс, а высшая форма общения, интимный разговор двух людей, которых Бог сотворил мужчиной и женщиной. И они общались, потеряв счет времени, восполняя недостаток любви в своей молодой жизни, оказавшейся в объятиях жестокого времени. Музыка давно смолкла, но в душах их зазвучала иная музыка, напоминающая молитву, и эта все возвышающаяся и возвышающаяся молитва, наконец, завершилась единым выдохом любви, которая слилась с великой Любовью, наполняющей Вселенную.

Они еще долго общались, лаская и обнимая друг друга, словно пытаясь навсегда сохранить то божественное, что открылось им.

И вот сон обнял их...

...Они с Ольгой стоят у высокой и длинной стены, вокруг ребята из их отряда и, странно, мирные жители: женщины с детьми, старики... По ним стреляют, и не уйти, потому что выстрелы раздаются не только спереди, но и слева и справа. Стрелков не видно. Кто-то из стоящих у стены падает замертво, кто-то ранен, но в основном пули пролетают рядом с головой, рядом с рукой или ногой, и люди стараются увернуться от них. Словно цель стреляющих — подольше поиздеваться над людьми, прежде чем убить их. Артем оглядывается на стену: в ней много отверстий, но... все они малы, не пролезть, только руку можно просунуть. И вот, как бы в ответ на его мысль, невидимые руки из-за стены просовывают пакетики с продуктами, медикаментами и санитарными принадлежностями. Люди поспешно хватают их, ибо очень хочется есть, и многие ранены и истекают кровью... И никуда не уйти... И перспектива: рано или поздно — смерть...

...Долго ли они спали, Артем не знал. Проснулся он в холодном поту, когда Оля потрясла его за плечо и тревожно спросила:

— Что с тобой, милый?

Артем, молча, встал и подошел к окну. За ним была уже глубокая ночь. Звезд было мало на небе, и черными тенями стояли дома. Он открыл форточку, и в комнату сразу же потянуло острым весенним воздухом.

— Послезавтра уже март, — проговорил Артем.

— Да, весна... Тебе что-то приснилось?

— Ты знаешь, Оля, я решил остаться здесь, на Донбассе, и биться до конца, до победного конца, — поправился он.

— А как же твой город, друзья, родные? Ты мне столько рассказывал о них.

— Мой город там, где беды русских людей, — чуть помолчав, сказал Артем и обнял Олю. — А главные мои друзья и родные теперь — это ты и наши будущие дети.

И как бы в ответ на его слова, из-за облака выглянула яркая звезда. Ольга и Артем, обнявшись, долго смотрели на нее. Это был Юпитер — планета успеха и оптимизма.

Николай Леушев

(п. Урдома, Архангельская область)

ЛОДКА

Закончил Архангельский медицинский институт. Работает врачом-терапевтом в п. Урдома родного района. Печатался в журналах «Огни над Бией», «Истоки», альманахе «Земляки».

Василий делает лодку, пятиопружку. Работа привычная, приятная. Руки сами знают, что делать. Сколько лодок за всю жизнь изготовлено — и себе, для рыбалки, и людям — не сосчитать! Плоскодонки мастерил из широкой доски. Долбленки из цельного ствола — душегубки, на воде быстрые, но верткие, опасные без привычки. Чуть резко, неосторожно повернулся, дернулся — и оверкиль! В воде рыбак.

Баркасы строил, большие, на четыре тяжелых весла, на четырех гребцов, — траву, сено возить из-за реки. Так, бывало, нагрузят — вода в двух пальцах от края борта! Ничего, плывут.

С кормой делал, без кормы — разные...

Давненько не занимался этим ремеслом. А тут, как всегда в середине лета, накатили деньки эти... Окаянные. Яркие, знойные, радостные, наполненные хлопотами, счастьем — когда-то. Пустые, совсем ненужные — теперь. Да вечера и ночи эти, белые, бесконечные, принялись доканивать. Благостные, желанные — в те годы зрелые. Такие муторные, щемящие — сейчас...

Бродит старик сутками — ни сна, ни дела! Мается.

Сунулся с тоски в «мастерскую» — сарайку за баней, а он, голубчик, тут его и ждет! Давно забытый. Материал — доска, бруски, елка. Вот что нужно! Выволок на свет божий, и пошло дело!

Киль уже готов, из цельной нетолстой елки, к нему в пазы — опруги, шпангоуты по-мудреному. Гнутый, закругленный корень елки будет носом. Сейчас набирает борта, снизу вверх, внахлест, из тонкой сосновой доски. Не спешит, некуда спешить, давно на пенсии. Хорошо делает Василий лодки.

Шуршит из-под рубанка тонкая стружка, жесткая ладонь привычно оглаживает доску. Ровно текут мысли. Думается о прожитом. Вспоминаются жены, дети...

Первая жена у Василия была Александра. Погибла она, утонула. Река забрала. Летом, на сенокосе было. Косили за рекой, на заливных лугах. Погода стояла как на заказ: знойная, с ветерком. Сено сушило быстро: поворошил денек — и метать можно.

Работалось споро. На покосы выходили всем колхозом: вместе и косить веселее, и зароды легче метать. Обедали тоже вместе, на костре варили кашу или суп. Котел огромный! Усаживались вокруг него на свежескошенной траве взрослые, ребята. Хорошо!..

Замер рубанок на половине доски... Вечереет. Прошло стадо. Розовая пыль висит над улицей, там, в конце ее, под высоким крутым берегом — река...

...Очень рано, с зарей, проснулась Александра, как что-то толкнуло ее. Глаза от-

крыла — будто и не спала! Стараясь не разбудить домашних, тихонько проскользнула на крыльцо, подняла к ласковому солнышку лицо и... замерла. Все в мире изменилось вдруг: цвета, звуки, запахи — все стало ярче и милее. Необъяснимая радость теснила грудь. Неожиданные, непонятные слезы на лице, но ни грусти, ни печали. Чудно...

Как-то особенно долго собиралась сегодня невестка на покос, тщательно выбирая, что надеть. И надо же — оделась во все новое, чистое, чем вызвала явное недовольство свекрови. Ишь набасилась! Промолчала старая. Но когда Александра неожиданно села за столом не на свое место у печи, а в передний угол, испугалась даже свекруха:

— Ос-с-споди — как гостья! — вырвалось у старухи.

— Да что вы, мамаша, смотрите — день-то какой сегодня! — еще неожиданное в ответ Александра.

Обедали на пожне весело, шутили, хохотали. Больше всех смеялась и радовалась Александра. Но, расстелив чистое полотенце с едой, ни к чему не притрагивалась. Сидела, положив руки на колени, и все звала подруг:

— Айда, бабы, купаться!

Наконец, не выдержав, вскочила — и бегом к реке! Девки, бабы — за ней. Шумно было. Искупались — одеваться. Похватили свои рубашки, сарафаны — одна рубашка лежит... Разбираться — чья, кто?!

Видят — Александры! Кто-то вспомнил, что нырнула она...

Пока мужики прибежали (купались отдельно от мужиков), время ушло. Василий, резкий такой был, с ходу — нырять... Нашел, вытащил. Давай откачивать... Даже говорили, что какие-то признаки сразу были...

Но вот уже вечер. Не воя и не причитая, горько плачет свекровь. Молчит, безучастная ко всему, пятилетняя Зойка. Трет глаза и все оглядывается растерянно по сторонам — не верит происходящему — старший Алеша. Голодным плачем захлебывается в зыбке золотушный Пашка. Глядя на детей, плачет Василий. И теперь уже на своем законном месте — в переднем углу, на столе под образами, лежит Александра. Тихая. Спокойная. Нарядная...

Доска валяется на песке, сидит работник, курит... Десятки лет одно и то же видит: как в сумрачном водовороте омута серебряно сверкают рыбки и плывет, летит по кругу с ними обнаженная Александра. Тоже вся сверкающая, в зеленоватых солнечных лучах... Но не доплыть ему, не дотянуться...

Крепкий табак нынче попался — глаза ест.

Через две недели после похорон Василий привел в дом Наталью. А куда деваться? Хозяйство, трое ребят, старшему девять, младшему два, мать-старуха еле ходит. Сенокос в разгаре, пахоту не закончили, там, гляди, и рожь поспевать начнет. Самого сутками дома нет — много работ в колхозе в эту пору! Председательствовал тогда Василий.

Ох уж эти колхозы! Кисет упал в песок, снова крутит самокрутку — не замечает. Судорожно затягивается, пальцы подрагивают.

Жизни не видел, детей не видел! День и ночь работал, а свои же, колхозные, — предавали...

Вредительство даже «шили», было. «Сорвал посевную!..» Всего-то на полторы недели позже сев начали. Сообщили...

Тут же проверяющий из области:

— Война идет! Страна недополучит хлеба!

Следователь — то же:

— Вредительство. По законам военного времени!

В поле выйти проверить (земля-то мерзлая: север!) — нет их! Зато бумага в органы готова. Если бы не первый секретарь — ехать тогда Василию не колхоз отстаю-

щий поднимать, а «более крайний Север» осваивать, да за казенный счет. В запечатанной теплушке...

Отстоял первый. А вот на войну не отпустил. «Здесь твой фронт,— колхозы!»

Сколько раз впрягался Василий! Честный был председатель — голодал, но колхозного не брал, горсти зерна колхозного домой не принес!

Петрович, счетовод тогда, в сорок третьем:

— Давай, Василий Иванович, спишем какú похуже телушку на падеж. Ну ли хоть овцу! Голодают твои-то. Вон в «Первомайском» помогают своим, «процент» — положено на падеж.

— Только попробуй! Под суд отдам! Процент! Не посмотрю, что свояк!

И отдавал под суд, бил по рукам, чужих, своих. Жесткий был председатель Василий, гордый. А отчетно-перевыборное — почти все колхозники и половина правления против! Петрович какой-нибудь очередной избран председателем. Прокатывают Василия.

В сердцах плюнет и — в соседний леспромхоз, на валку леса, там хоть деньги. Опять жена одна дома бьется, дети одни.

Только успокоится, полгода какие-то,— предрайисполкома:

— Выручай, Василий Иванович! Тебя снова в «Труженике» выдвигать будем. Двоих после тебя сменили, а все одно — на трудодень больше четырехсот грамм не выходит, против твоих двух кило. Председатели, ети их! Только домой мешками таскать!

Снова мечется Василий по пожням, по полям с утра до ночи. Снова председатель. Избрали. Глаза у людей открываются, когда есть-то хочется.

...Табачок потихоньку успокаивает. Звонит в руках лучковая пила, мысли постепенно возвращаются к ней, к лодке.

«Неизвестно, чья еще будет...» — бормочет про себя Василий, хотя в глубине души уже определился. Знает, вернее, придумал, кто на ней поплывет. Семья это будет: ОН, ОНА и дети, трое.

«Сами они еще молодые. ОН — крепкий такой, лет ему под тридцать, самое то, за веслами, вот на этой скамье. Широко расставленными ногами в броднях упирается в среднюю опругу... Весла сделаю легкие, из сосны опять же, голубые, а лопасти красным покрашу. Такие, когда из воды, мокрые, на солнце далеко видать!»

Рукоятки у весел уже гладкие, отполированы крепкими мозолистыми ладонями. Уключины из цельной березки, прочные, не скрипят, долго не изнаются; да в рундуке запасных пара. Гребется мощно, аккуратно, без брызг, только ровные полосы на воде от капелек с весел.

Лодка словно чувствует силу гребца: идет быстро, ровно, послушно, как будто знает, что ценный груз везет.

ОНА на руле, напротив него. Совсем молоденькая. Правит, весло под мышкой держит. На голове платочек беленький, на ногах резиновые сапожки, черные, блестящие, аккурат по полной икре. Смотрит на него, улыбается. ОН, притворно грубовато:

— На реку смотри, на топляк наткнемся!

Сам доволен. Радуется». И от этих мыслей наконец тоже чуть улыбается Василий, впервые за целый день...

Наталья была второй дочерью у соседа, писаря. И было ей всего девятнадцать, но на удивление спокойно пошла она за Василия. Как потом оказалось — не от хорошей жизни в родительском доме. Нелюбимой дочерью была у отца.

Замуж вышла «на троих детей». Старшим был Алеша. Толковый парень, умный и с хитринкой. В школу ходил за пятнадцать километров. Неохота, бывало, идти:

— Давай, тятя, лучше поянчусь с маленькими.

Отправит строгий отец:

— Ступай, Алеша, учиться надо!

Уйдет, а уже на следующий день явится обратно.

Уроки не учил. В первом классе заставят букварь читать — он книжку откроет и давай декламировать:

— Ма-ма! Па-ма!

Бойко тараторит, но каждый раз по-разному одно и то же место. На картинку смотрит и сочиняет себе, да складно так! Хохочет папаша:

— У нас Алеша букв еще не знает, а читает уже хорошо! Молодец!..

Умер Алеша рано — тринадцати лет, от простуды. Поздней осенью, в распуту, возвращался с учебы. Школа была в селе, за рекой. Снег уже лежал. Холодно, сыро; то примораживало, то оттепель с дождем. День проглядывал хмурый, короткий — с девяти до двух, а в третьем часу небо уже серело, сумерки подкатывали.

Как красиво, весело на реке летом, как ласкова река в солнечный день! Бескрайние золотистые пески и плесы тают в синей дымке, по берегам ярко пестреют выкошенные луга. Ходят катера, снуют лодки. Над всем этим высокое голубое небо. Щебечут птицы, орут чайки, теплый ветерок рябит волну...

И как даже не тоскливо — пугающе мрачно смотрит большая северная река поздней осенью. Неоглядное, шире километра, темно-свинцовое пространство ледяной воды, полностью забитое рыхлым мелким льдом, плотным мокрым снегом — шугой. Все это мощно, непрестанно движется, трещит, бурлит, встает на дыбы. Над водой низкое серое небо, черные тучи, из них то дождь, то снег. И постоянный пронизывающий холодный ветер. Кругом ни души — нечего делать на реке в это время, нечем любоваться.

Река уже стояла, вернее, вставала. Не сразу она встает, кряхтит грозно, недовольно, натягивая на себя ледяное одеяло, укладываясь на долгую зиму. Несколько дней требуется могучей, чтобы заснуть до весны под белым панцирем. Сало — шугу, небольшие льдины — сбивало, где поуже и на поворотах, в плотную массу, в торосы. Там уже переходили кто посмелее. Алеша тоже не из робкого десятка и переходил, бывало; правда, не один, с товарищами.

Затосковал в интернате. Долго зимника ждать! Рванул один после уроков, полтора часа — у реки Алеша!

А тут главное — знать где. Да еще досочку обязательно прихватить, не забыть! Метра полтора. Без нее — совсем страшно... «Вот здесь надо, у кустов. В этом месте и лед набило плотно — затор, и следы на снегу. Топтались, видно, долго. Пацаны, наверно, старшие...» Тоже долго стоит, топчется, решается.

«Ох и широко же здесь — тот берег едва виден... Морозит сегодня. Может, обратно?»

Смеркаться начало... Решился. Домой шибко хочется — две недели не был. Пошел Алеша. Ну, с Богом!

Хорошо идет, ловко, быстро. Нельзя задерживаться! Кидает досочку — мостик, с льдинки на льдинку, с кучки на кучку. Три шага по ней — встал на твердое, нагнулся, подтянул досочку — кинул дальше, снова три шага по мостику. По сторонам не смотрит — нечего там смотреть! Только — вперед, на три шага...

А по сторона-а-ам! Все шуршит, журчит, скрипит, переливается. Льдины в затор сбило плотно друг к дружке, стоя, — держат хорошо. В сумерках они ярко-белые, а лужицы, промоины, полыньи, «озера» — черные, страшные! Неизвестно, мелко там — льдина — или бездна... Еще страшнее, когда громкий треск, скрип, — вдруг подвижка!

Стремительно темнеет. Но вот уже и тот берег хорошо виден, метров сорок-пятьдесят еще... Внезапно сзади, где-то на середине реки, страшно бухнуло, затрещало. Досочка сдвинулась вправо. Вздрыгнул Алеша, шагнул за ней вправо и сразу провалился правой ногой! Зачерпнул полный валенок ледяной воды, но неглубоко, по колено! Дернул ногу — не дает! Зажало льдом. Запаниковал, забился в ловушке. Схватившись руками за льдину, рванул Алеша изо всех сил и выдрал наконец босую

ногу из папкиного валенка! Пошатнулся, шагнул влево и тут же ухнул с головой в смертельный холод. Дна уже не почувствовал...

Секунды пролетели, минуты?.. Пока осознал Алеша, что висит на руках, держась за лед, по горло в воде. Сжало всего страшным ледяным прессом, не двинуться!

— Ма... ма... ма...

Не вдохнуть, не выдохнуть от холода...

— М-м-ма-ма-а-а!!!

Снова треск — снова подвижка. Чуть свободнее стало ногам. Обламывая ногти, раздирая в кровь руки, колени, босую ногу, вывернул из полыньи на лед страшно тяжелое, непослушное тело. Тут же пополз, поминутно снова то рукой, то ногой проваливаясь в холод, уже не чувствуя его и почти без страха; на карачках, на ощупь, наугад! Почему-то, как бабка, причитая тоненьким голоском:

— Осподи-и! Осподи-и! Осподи-и-и!

Туда, к чернеющему спасительному берегу, к дому...

Когда выбрался на дорогу, стемнело уже. Нельзя стоять! Знает Алеша — бежать надо, идти хотя бы! Семь километров. Не идут ноги... Коробом стало пальто, брюки, проволокой волосы на голове: утонула шапка, рукавицы, валенок. Не работают мышцы, сковало — будто резиновые.

Смекнул — с трудом «переобулся»: портянку из уцелевшего валенка как мог отжал, намотал чуней на босую ногу. Крупная дрожь начала сотрясать худенькое тело, до боли свело челюсти, пугающе-громко застучали зубы. Но пошел, не чувствуя уже ни рук, ни ног...

Как-то до дому добрел.

Забегали все сразу, завывли бабы. Забросили парня на горячую печь, растерли, завалили одеялами, полушубками. Поили горячим молоком, чаем, сушеной малиной, травами. Снова растирали. Всю ночь топили баню, парили. Молились...

Но не встал Алеша. К утру закашлял, поднялся сильный жар, началась одышка, бред. Просил все, задыхаясь:

— Лед уберите! Ле-ед! Грудь льдина давит. Ле-ед уберите!..

Привозили фельдшера, на родах был в соседней деревне. Осмотрел. Диагноз поставил — пневмония крупозная.

— Стрептоциду бы надо...

Да далеко, в райцентре, — сто километров с лишним. Велел водкой растирать...

Прометался Алеша в страшном жару четверо суток и умер, от пневмонии. В народе простудой называли. Не лечили тогда от простуды...

Над рекой проплыли огоньки: зеленый, желтый. «Двинослав» прошел — катер, мачта только видна из-под берега. Подпрыгивают, расплескиваются огоньки. Близко стариковская слеза...

Снова шуршит стружка. «Проконопачу крученой паклей, просмолю пеком-варом. Скамейки шкуркой отшлифую, покрашу желтым... Дорого не запрошу... Так отдам. На дно лодки трапик из реечек, чтобы ноги у ребят — сухие. Рядом с хозяйкой дочь, маленькая. Умница. Мальчишки — те на носу, „капитаны“!..»

Младший Павел деловой был. Все швейные иголки, бывало, на реку снесет. Туго с едой по весне — одна картошка. Как только ледоход пройдет, Паша уже на рыбалке. Целыми днями на реке. Вечером шагает гордый — полный котелок плотвы в руках несет. Ни крючков, ни лески нет, а без рыбы ни за что не вернется! Вместо лески — волос длинный, прочный, из конского хвоста.

— Кормилец наш! — сквозь слезы смеется Наталья.

Последнюю швейную иголку бесполезно прятать — найдет Пашка! Раскалит на костре, загнет — переделает в крючок! Снова Наталья без единой иглы в хозяйстве. Райпотребсоюз-то — пятнадцать километров по тайге, когда еще сбегашь! Стерпит

мачеха, не ругает. Ладно — уха вечером на столе. Добытчик! Дружно жили, как брат с сестрой.

Вырос деловой Павел. Девятнадцати лет, в сорок третьем, забрали на войну. Воевал до Победы, был в разведке. Вернулся живым. Гордость отцу — на груди принес «За отвагу», Красную Звезду и орден Славы. Да две нашивки за ранения. Как, где — не рассказывал, не любил. И еще одна беда, без нашивки, позже обнаружилась. Испортила его война — сильно выпивать начал...

Не взяла Пашу пуля. Погиб дома. Нелепо погиб — утонул. На машине везли из райцентра товары в поселковый магазин. Выпили, по пути добавили. Мужики — в кузов, на ящики с макаронами, курить. Павел — за руль. Хорошо поехал, но там, где дорога вдоль реки, вдруг съехал в воду. Мужики с хохотом поспрыгивали, неглубоко вроде! Паша выбраться из кабины не смог...

Дочь чаще вспоминается уже большой, взрослой, двадцати девяти лет... А родилась слабенькой — думали, не выживет. Мать все плакала, Бога молила. Отставала Зоя с самого рождения. В пять лет не говорила еще, бродила за бабкой, держась за подол, и все пальчик в рот. Так и росла, бедная, рядом, как подорожник какой; тихая, незаметная, безмолвная. В школу не ходила вовсе. «Засматривалась» она.

— Родимчик ее забирает! Святой водой бы надо! Заговором! — советовали бабки.

Делает что-нибудь Зоя по дому или на улице и вдруг застынет. Смотрит, смотрит перед собой через предметы, как будто видит что. Потом падает — и судороги. Язык искушает, обмочится... Припадки у нее были. Не помогали заговоры... Дома сидела, нянчилась с маленькими.

Молоденькая мачеха, натерпевшись обид от жестокого отца, жалела ее. И Зоя привязалась к ней, полюбила.

Летом Зоя постоянно на огороде. Когда повзрослела — много работала. Но в лес, на сплав, у механизмов — где заработки — ее не брали.

«Высокая была, баская, а гулять не ходила. Хорошая была. Работала, работала... О чем думала? Тосковала?.. Хотела, наверно, и гулять, и дружить. Любить, нянчить своих детей. Был, может, и тот, единственный, при случайных встречах с которым тревожно и радостно билось девичье сердце... Никто уже не узнает. Тогда все некогда было спросить — сейчас уже не спросишь...»

Сутками метался Василий по реке, на катерах, на своей трехпружке, по затонам, отмелям, кустам — безрезультатно. Искал, кричал, звал Зою. Хотя сразу понятно было — бесполезно звать. В память врезалось: лето, жара, ярко светит солнце, ослепляюще блестит река, а глянешь на небо — черное небо!

Реку даже просил, чтобы отдала дочь...

Отдала...

Дома сидит Василий. Сам почернел. Без сил уже — ни сна, ни еды. Видит вдруг — один прошел, другой. Вышел на улицу: люди все идут, идут куда-то, быстро идут, молча... Побежал отец, понял все сразу. На реку...

А взяли Зою на катер, когда Василий был на сплотке, в соседнем леспромхозе. И взяли-то сходить вверх по реке, на нефтебазу за горючим — мазут, солярка, масла там всякие. Тут всего: день — туда, день — обратно. Помощником взяли. Некого больше было, лето — все на сенокосах, на сплаве, не хватало рабочих, да и сама просилась.

Ходили с баржей, на короткой сцепке. На барже две-три большие бочки — вот туда и заливали. Ну а помощник — он на катере, в трюме, или на барже, вроде бы и под присмотром.

На базу пришли, загрузились, обратно вышли — все нормально. Рулевой вперед смотрит, моторист — у мотора. А когда пропала помощница — и не заметили. Все вроде в трюме была...

С вечера готовилась Зоя на работу: тщательно прибрала в доме, вымыла полы, выбрала, что надеть с утра — все новое, самое любимое. Утром вскочила, быстро оделась и бегом на реку.

— Господи, день-то какой сегодня!

...Монотонно стучит дизель на «Шиговарах», шустро бежит катерок вниз по реке. Вечер. Полный штиль. Закат. Не слышно птиц и не мешает шум мотора. Тишина.

Зоя на корме. Плывет с ней вместе золотисто-розовое небо. И плавно, вправо-влево, разваливаются волны. Две первые — большие, ровные и гладкие. В них небо изгибается, переливается причудливо, дрожит. За ними мелкие — все с гребешками, пузырями, пузырьками. Разбивается и рассыпается в них золото на миллионы разноцветных огоньков и бликов. Темно-зеленые огромные шары, валы все выплывают у кормы. Манящие, тяжелые, густые.

И хочется смотреть, смотреть, и невозможно взгляда оторвать... Так и плыть бы всю жизнь по розовой реке, не помня ни горя, ни печали, забыв насмешки, взгляды и обиды. Как хорошо, легко сегодня на душе! И радостно, и больно, слезы на глазах! И все зовет, зовет ее куда-то голос, такой знакомый, ласковый, родной. Засмотрелась Зоя...

Искали ее долго, больше недели... Нашли Зою плотогоны — с плота увидели. На плоту и повезли. Навстречу из поселка вышел катер, с плотом-то не причалишь. На катере довели, на «Шиговарах».

Туда, на берег, и бежит Василий.

Пришвартовался катер. Отпрянула толпа от резкого, останавливающего дыхание, осязаемого липкого, сладкого запаха. От ужасающего, отталкивающего цвета. От неправдоподобно огромных размеров: жара, вода парная сделали свое дело — полопалась одежда, кожа... Тихо было. Лишь он один, прижавшись щетинистой щекой к безобразно-белому черепу, к тому, что было недавно застенчивой улыбкой его ребенка, просил негромко что-то, нараспев; гладил, прибирал все распадающееся. Баюкал? Запоздало. На коленях, на раскаленной палубе. Да она постукивала тихонько, поплескивала теплым приборчиком в борт катера. Величавая, спокойная. Река.

Похоронили Зою в селе. В поселке не хоронят: заливают река поселок каждую весну, в половодье. Топит. Могилка ее недалеко от церкви. Там и лежит его Зоя. Бедная Зоя. Хорошая Зоя...

...Темнеет. Прохладная пыль под босыми ногами. На зеленоватом небе загораются звезды. Летят гудки со стороны реки, и все плывут, дрожат там изумрудные, янтарные огни... Давно уже нет и Натальи... Снова курит Василий Иванович, глаза влажные. Поплакал — чего скрывать. Полегче стало на душе, и пусто как-то...

Вот поплывут на его лодке те — молодые, дружные. «Просто так» поплывут — у костра посидеть, отдохнуть, как сейчас говорят. А вечером на берегу, на лавочке, их старики. Она:

— Глянь, не наши ли гребутся?

Он (ласково, давно уже увидел и радостно узнал по этим веслам — два красных солнышка все загораются в гребках!):

— На-а-аши, мать, наши!

Мечтает Василий.

Но давно уже никто не заказывает ему лодки. Сейчас все больше на дюралевых, из магазина. Прочнее и с мотором — сила, скорость.

Отлично делает Василий лодки. Славные получают, красивые, легкие. Мастер Василий. И рыбу хорошо ловит. Но давно не был он на рыбалке. Давно уже не любит Василий рыбалку. Не любит реку.

Совсем темно над лодкой. Рубанок вжикает, поет пила, белеет стружка на песке. Работает Василий. Улыбается.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

БОЙ ИЕРУСАЛИМСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Наш постоянный автор

Иерусалим сходил с ума. Впервые за три тысячи лет своего непростого существования он подвергался не осаде, не разграблению, а выходил на кулачный бой, причем по всем гуманным правилам боксерского искусства, в кожаных десятиунцовых перчатках. И не против палестинцев, сирийцев или прочих ливанцев, а против немцев. Да-да, немцев из Западной Германии, детей и внуков солдат Вермахта, от чьих рук у многих нынешних израильтян погибли родные и близкие из старших поколений.

Когда-то я писал, что был самым счастливым еврейским мальчиком в Риге. У меня, рожденного в апреле 1945 года, остались после войны в живых и родители, и оба дедушки, обе бабушки. Такого везения евреи моего поколения не ведали не только в Риге, но повсеместно — в Польше, Чехословакии, Украине, России, Латвии, Литве, Белоруссии, во всех тех местах, где осуществлялось «окончательное решение еврейского вопроса». Разумеется, и в Израиле, куда негласно, а потом законным путем прибывали мои соплеменники. И вот сейчас, когда по всему городу расклеены плакаты о предолимпийском матче по боксу между сборными Иерусалима и Западного Берлина, они уже заранее обсуждали ход поединков и строили прогнозы на Московскую олимпиаду — 1980.

— Как ты считаешь,— спрашивал меня Марк Зайчик, спортивный комментатор радио «Голос Израиля», с кем я изредка, хотя он и «тяж», боксировал в спарринге «на технику».— У нас есть шансы побить немцев?

— Ринг покажет,— уклончиво отвечал я.

— Но все же... Кто у нас есть в Иерусалиме сейчас? Ты... И?

— Я и открываю турнир. Работаю в первой паре.

— А остальные?

— Остальные из Тель-Авива.

— Немцы знают об этой хитрости?

— У них тоже в принципе сборная Западной Германии. Это для видимости говорится «Иерусалим — Берлин», чтобы сгладить национальный момент. На самом деле, расклад такой: евреи против немцев. Причем, в руках одинаковое оружие. Перчатки, Марк! И тут мы еще посмотрим, кто кому вмажет, когда они не с автоматами на нас, безоружных...

— В прежние времена весь клан братьев Люксембург составил бы вам компанию. Но все трое уже по возрасту не подходят, ушли в тренеры.

— Я тоже не мальчик. Мне 34.

— Ты в форме...

— Ясное дело, для меня это последний шанс.

— Предельный возраст для любителей, — напомнил спортивный комментатор.
— Но не для профессионалов, Марк! Прорвусь на Олимпиаду, а там посмотрим.
— Смотри сейчас...

Намек Марка я понял с полуоборота. Все бои с местными боксерами и приехавшими из-за границы за путевкой на Олимпиаду я заканчивал с «явным» уже в первом раунде, за минуту-полторы. Тренеров занимало: как я буду выглядеть на международном ринге, когда придется выкладываться все три раунда. Хватит ли дыхалки и выносливости? Не потеряют ли убойной резкости мои кулаки? Все же по их версии я — «старик».

В отличие от них, «стариком» себя я на ринге не чувствовал. Во мне еще копилось с десяток неистраченных боксерских лет. Глядишь, при благоприятном раскладе на Московской Олимпиаде, еще и в профессионалы вырвусь. Появятся хоть какие призовые деньги. А то ведь не на что жить. Стипендия на курсах иврита — не зарплата. К тому же, впереди прибавление семейства, и хоть устраивайся на завод слесарем — по прежней специальности. Правда, и слесарем меня пока что никуда не брали.

— Оформим вас слесарем, — разъясняли мне в отделе кадров завода «Гельрад» на полузабытом русском, — а материально вознаграждать надо, как инженера со стажем. В два раза больше придется платить, чем обычному слесарю. И ради чего? За ту же самую работу.

— Почему? — недоумевал я. — Слесарь и слесарь.

— А университетское образование?

— Не учитывайте!

— Так нельзя. Бухгалтерия не пропустит.

Вот я и оставался, как пережаты в поле: на производство рядовым рабочим не брали, в институт Вингейта на курсы учителей физкультуры не принимали.

Катись туда, катись сюда.

Рассчитывай только на бокс и выбивай победу за победой в своем «пенсионном» для спорта возрасте.

Авось, оскал саблезубого тигра обернется улыбкой удачи.

Эта удача, держащая в боксерской перчатке призовой билет на Олимпиаду, смотрела на меня из синего угла ринга.

Крепыш — немец переминался с ноги на ногу, поглядывал на меня. Не знаю, что ему говорили о сопернике-переростке? Но представить несложно. Установка секунданта перед боем звучала, приблизительно, так: «Он — старик! «Сдохнет» уже во втором раунде. Потаскай его по рингу, и добивай!левой — правой, еще раз правой, как ты умеешь, и он — твой».

Мне секундант ничего не говорил. Возрастная разница между мной и немцем — тринадцать лет. Он чемпион Западной Германии, победитель отборочного турнира в Гамбурге.

Молодость — за него.

Что за мной? Опыт? Нет, опыт при такой возрастной разнице не в счет.

А что в счет?

То, что я еврей, стою на земле Израиля, и в моих руках такое же оружие, как у противника. Вот что!

— Боксеры на центр ринга!

Рефери вызывает нас, и весь зал иерусалимского «Дома молодежи» замирает в ожидании. Мы пожимаем друг другу руки. Я рта не раскрываю: чего говорить, когда слово за рингом? А немец — распогодился, что ли от нашего гостеприимства? — выбрасывает какую-то фразу. С угадываемыми сквозь «шпреханье» словами «Иерусалим», «Израиль», «юден» — «евреи».

«Юден!»

Это был тот удар, который нанес немец сам себе, в поддыхало, не иначе. Если раньше против него был направлен разве что мой многолетний навык турнирного бойца, то сейчас всем своим существом я рвался показать ему, во что превратили бы во время войны его предков мои предки, будь у них под рукой равноценное оружие.

Мне трудно объяснить, что произошло со мной. Но эта гортанная речь, пусть и приветственная по своему существу, внезапно включила во мне какую-то подспудную энергию наших двужилых праотцев Маккавеев, разгромивших самую мощную армию древнего мира — греческую.

Без всяких подсказок секунданта я уже изначально предвидел, что будет происходить на сером квадрате ринга все три раунда подряд.

Гонг!

Мы сближаемся. По диагонали. Ему четыре шага до центра. Мне четыре шага. Но на четвертом шаге правую ногу я резко ставлю в сторону и, меняя стойку, наношу немцу первый, он и разящий наповал удар.

Нокдаун?

Нокдаун!

Но судья не ведет отсчет секунд, бой не останавливает. И я нанизываю атаку на атаку, тесно противника в его синий угол.

Удар за ударом. Джеб, кросс.

Удар за ударом. Апперкот, хук.

Как я работал? Описывать подробно не буду: в обычной своей манере, на обходе и упреждении. Визуальная картинка, пусть и не этого поединка, дана Марком Зайчиком в его рассказе «Столичная жизнь», опубликованном в журнале «Студия» № 10 в 2006 году. Вот как он описал в рассказе мою манеру боя, взяв за основу спарринг, который я проводил в Тель-Авиве с лучшим боксером Израиля 1979 года Шломо Ниязовым.

«Он стоял в спарринге с молодым парнем призывного возраста, остриженным наголо. Он был очень пластичен, худые, узловатые руки его летали дугами, сам он порхал кругами, получая от соперника по голове и по корпусу. Они оба не слишком весомо попадали друг по другу, но выглядели убедительно — упрямые, настойчивые бойцы».

Берлинец тоже выглядел упрямым и настойчивым. Но этого мало. В скорости он уступал, да и в арсенале технических приемов я превосходил его.

Удар за ударом. Джеб, кросс.

Удар за ударом. Апперкот, хук.

У немца пошла кровь из носа. Зеркала души принимают дымчатый отлив. Я «плаваю» в его зрачках. Несомненно, парень в гроги. Но стоит на ногах, держится. И рефери не спешит объявить нокдаун. Он — наш, израильский рефери. Видать по всему, в нем тоже колобродит, не дающая мне покоя фраза: «Мы еще посмотрим кто кого, когда у нас в руках одинаковое оружие».

Гонг!

Минута отдыха. И опять секундант обходится без наставлений и советов. Обмахивает полотенцем и приговаривает:

— Хорошо! Хорошо! Бей! Ты — первый. За тобой вся команда.

Я смотрю на него. И мне вспоминается, как в Риге, когда снимали фильм о Штирлице «Семнадцать мгновений весны», поддатые статисты, облаченные в эссовскую форму, «пугнули» в Верманском парке двух сидящих на скамеечке старушек-евреек.

— Юден! — сказал тот, кто повыше.

— Пиф-пах! Шиссен! — нацелил палец тот, кто ниже ростом, с усиками — квадратиком, явно под Гитлера.

Одна старушка чуть не умерла, увидев перед собой ожившего злодея из времен ее покалеченной юности, вторая набросилась на хулигана, расцарапала щеку, сорвала наклеенные усы. То-то было смеха среди праздной шатающейся публики. Мне тогда было не до смеха. И «эсэсовец» с расцарапанной физией сполз на цветочную клумбу, держа в зубах «гонорар» за участие в массовке.

Сегодня без массовки и без отрепетированных заранее сцен.

Бокс, как жизнь, не знает репетиций.

Гонг!

Второй раунд!

И второй раунд, и третий я гонял немца по рингу, вынимая из него душу.

Удар за ударом. Джеб, кросс.

Удар за ударом. Апперкот, хук.

И с каждой минутой все отчетливее сознавал: нельзя заканчивать бой до срока. Тренеры сборной должны видеть, что я столь же вольно чувствую себя в третьем раунде, как и в первом.

Дыхалка у меня была и впрямь отменная. А уж о волевом импульсе и говорить нечего...

Финальный гул гонга.

Все! Кончено! Теперь от меня ничего не зависит!

Судья-информатор:

— Победа по очкам присуждается Ефиму Гаммеру. Счет один — ноль в пользу Израиля.

Рефери поднял мою руку в черной перчатке, я по традиции кинул голову на грудь и впервые увидел свою бойцовскую майку. Из крахмально белой она превратилась в красную, вишнево-яркую от крови, немецкой крови...

«Мы еще посмотрим — кто кого, когда у нас в руках одинаковое оружие!» — рефреном прозвучала в уме, и я посмотрел в притихший от волнения зал.

На следующий день после встречи на ринге меня пригласили в гостиницу, где остановилась немецкая команда. И недавний противник вручил мне именную, им, чемпионом Западной Германии, подписанный вымпел.

В разговоре выяснилось: его отец был в советском плену, жил в лагере под Ригой, работал на строительстве, восстанавливал разрушенные дома.

Мне тут вспомнилось, как в раннем детстве, в начале пятидесятых годов, когда я жил в Риге, на улице Аудею, мимо нашего дома гнали колонны пленных. Они разбирали завалы камней возле кинотеатра «Айна», там, где на месте прежней, разрушенной бомбой гостиницы была в 1956 году построена новая, названная «Рига».

Выходит, отец «моего» немца был среди тех пленных, у которых мы, приемные дети войны, выменивали за кусок хлеба заграничные марки, монеты, металлические пуговицы с их мышинового цвета шинелей.

Я смотрел на своего противника, не знающего ни слова по-русски, смотрел на его тренера, а по совместительству и переводчика, сносно, хотя и с сильным акцентом говорящего на моем родном языке. Оказалось, и он был в плену. К тому же не где-нибудь, а в Риге, работал на восстановлении местной гостиницы. При упоминании об этом во мне мгновенно мелькнуло: а не у этого седого мужика с перебитым носом и водянистыми глазами я некогда выменял медальон?

«У него! У него!» — мелькнуло в мозгу. И во рту сразу пересохло, будто я снова окунулся в детство. Время тогда было особое — взрывоопасное, как полагали взрослые. Называлось на научном языке: «эпоха холодной войны».

Мы, дети победного 1945-го года, не слишком хорошо разбирались в этой терминологии. Холодная война, горячая, главное — война. И враг определен — «янки дудл», на русском — американцы. Так что порох нужно держать сухим, а палец на спусковом крючке. Для нас это присловье было далеко не пустым звуком. И порох имелся, и спусковой крючок. Но это дикий секрет. Сегодня, за давностью лет, никого не посадят, поэтому докладываю, как на заседании Генерального штаба: 1 марта 1953 года мама послала меня с Ленькой, двоюродным братом, на чердак развешивать белье. Впервые без нее, самостоятельно. Вот мы и порыскали в свое удовольствие по запретной территории, что раньше, под родительским присмотром, не удавалось. И обнаружили в укромном местечке, за брусом, маленький револьвер 1917 года выпуска: без барабана, однозарядный, если говорить по-солдатски. А рядом с ним кожаный ремешок, как от наручных часов, с патронами в круглых ячейках.

Один выстрел произвели сходу, для проверки готовности ствола на случай боевых действий. И убедились — порох сухой, а палец правильно лег на спусковой крючок.

После выстрела немного струхнули: «враг не дремлет», а вдруг кто подслушивает? Но нет, даже соседей не всполошили. И с трофеем спустились в квартиру, на первый этаж, чтобы зажить обычной жизнью: дом-школа, двор-кино, драка-наказание.

Оружие, понятно, ждало в кармане применения, искало — скажу красиво — цели своего существования. У него ясно, какая цель — «стрелять, и никаких гвоздей». А у человека, желающего стать чемпионом мира по детству? Столь же ясная! Совершить подвиг, прославиться наподобие Робин Гуда. Яснец-леденец, не за счет пальбы по воронам.

Но где отыщешь живого бандюка, да еще вооруженного до зубов? На экране? В картине 1924 года «Банда батьки Кныша»? Но там они все уже дохлые!

А шпионов, если верить фильму «Застава в горах» с мировым актером Сергеем Гурзо, всех уже выловили.

Вредителей после смерти Сталина тоже больше не обнаруживалось.

Скукота какая-то! Но недаром поется: «кто ищет — тот всегда найдет».

Впрочем, искать особенно и не приходилось. Мимо нашего дома по булыжной мостовой улицы Аудею ежедневно ранним утром вели под конвоем толпу пленных немцев. Куда? На работу. Восстанавливать то, что разрушили своими бомбами и снарядами. Гостиницу «Рига». До войны она называлась «Рим», была высшего разряда и располагала шикарным винным погребок, который, по слухам, тоже вздумали восстановить.

Немцев охраняли довольно плохо, позволяли нам, мелкоте ветрогонной, подкармливать их. Разумеется, не пирожками с повидлом — черным хлебом, вареной картошкой, кислыми огурцами. Подкармливать не так, чтобы за так, а в обмен на сувениры и всякое разное, пригодное для наших бездонных карманов. У этих фрицев, прошедших всю Европу с грабительским интересом к чужому добру, легко было отovarиться марками, значками, пуговицами с тиснением, монетами неведомого денежного достоинства. Допустим, вычеканена на кругляке цифра 1 или 2, а что это — франк, пфенниг, доллар? — хренушки разберешь. И в магазин не двинешь с подобными деньгами, сразу отведут в милицию.

Марки раскладывали по альбомам. Значки цепляли на лацканы пиджаков, пуговицы, чтобы фразернуться, пришивали к рубашкам. Мечтали заполучить губную гармошку. Но впустую, ибо жизнь давала понять: мечтать не вредно.

Но с того дня, как задумали провести во дворе чемпионат мира по детству, ждали не только даровой гармошки, но и тревожного часа X, когда пленники, по нашим предположениям, набросятся на охранников, завладеют их оружием и... да-да!.. мы двинем на спасение родной Риги от коричневой чумы — фашистов.

Как сказано, порох мы держали сухим, а палец на спусковом крючке. Но немчура не мутила спокойную рябь повседневности каким-либо недовольством, переходящим в бунт, который под позаимствованные из книг крики «хальт! хенде хох!» мы «искореним на корню», как пишут в газетах о пьянстве и уличном мордобитии.

Пусть пленников охраняли плохо, они все равно не порывались смотать удочки в родную Германию. Конвоиры были уверены: никуда они не убегут, некуда им бежать — кругом, куда не посмотри, на тысячи километров земля наша. Упарятся бегать! Потому и стерегли их без окриков, без устрашающих выстрелов в воздух и тем самым не вызвали в заключенных нервного брожения, переходящего, как учили в школе, в неуправляемое волнение масс. У них без неуправляемого волнения, у нас, доморощенных Робин Гудов, без героической схватки с гитлеровцами.

Как сравниться с отцами в освоении суворовской науки побеждать?

Что делать?

Думать, думать, думать, как учил Петьку на уроках стратегии Василий Чапаев.

А кто много думает, тот, наконец, и додумается.

Я додумался.

— Давай выкрадем фрица из колонны, а потом его вернем, как новенького, будто поймали в бегах и в плен взяли!

— Да он, мабуть, в плен сцапанный, когда тебя, Финичка, и в проекте не было, — встревожился мой приятель Эдик по кличке Сумасшедший, не любящий впустую бегать наперегонки.

— Взрослыми сцапанный! А взрослые нам не соперники в чемпионате мира по детству!

— Нам за такое дело дадут по шапке.

— Сначала медаль «За отвагу».

— А кто кормить будет этот лишний для нашей кухни рот? Меня мамка из дома выгонит, если я стибрю чего-то похамкать для недобитой этой посторонней личности.

— Меня не выгонит, — раздумчиво сказал я, помня, что моя просьба — «Мама! Дай мне хлеба с маслом и сахаром!» — признавалась на правах законного требования.

— Ну, если ты согласен кормить лишний рот...

Неопределенное «ну» было воспринято как знак согласия. И меня тут же отрядили на проведении операции. В сопровождении Эдика Сумасшедшего — самого честного, по его собственным словам, свидетеля.

Мигом я оказался на этаже своей квартиры.

— Мама! Дай хлеба с маслом и сахаром!

— Один кусочек?

— Четыре!

— Проголодался?

— Ленька тоже кушать хочет. И Борька...

Умело завернул многоэтажный сэндвич в газету, чтобы масло не проступало сквозь бумагу.

— Ты куда? — спросила мама.

— На задание! — и рванул в коридор.

— Но сначала покушай, и далеко не убегай, сегодня день рождения у бабушки Сойбы, будет торт с лимонадом, — неслось мне вдогонку на крыльях материнской любви, пока я распахивал дверь на лестницу.

Во дворе кликнул Эдика Сумасшедшего и вперед-вперед к недостроенной гостинице «Рига». Швейцара там еще не наблюдалось. Опасаться было некого. Солдат-часовой смотрел на нас совсем не так, как в замочную скважину. Без всякого любопытства.

«Шастают тут, шастают,— рассуждал он, будто читая мои мысли.— Подкармливают паразитов. Нет, чтобы угостить советского солдата, который кровь за них проливал».

По возрасту этот солдат кровь еще ни разу не проливал — ни за нас, ни за братьев наших меньших. Папа его, может быть. Папу и угостили бы. А он...

Что с человека возьмешь, когда и ему нечего взять с нас?

Отдали честь по-мальчишески и прошли в холл, а оттуда — это мы уже досконально изучили — направо и вниз, где закладывался бар, получивший от нас в конце шестидесятых прозвище «Подводная лодка». Сбоку от него возводилась кабинка с цифрами 00. Унитаз монтировал пожилой сантехник с утолщенным носом, морщинистым лбом, добродушным лицом. Был он в кепи и потертой шинели мышиного цвета. В прошлый раз я отоварился у него редкой маркой с изображением английской королевы.

Уткнувшись лбом в сидяк, старик подвинчивал болты у основания унитаза гачным ключом. Повернул голову на скрип двери, снял головной убор и поманил им к себе:

— Киндер? Ком-ком...

— Бутерброд,— сказал я, полагая, что сносно перевел на язык Гете словосочетание «хлеб с маслом» и показал бумажный сверток.

— Гуд-гуд!

Немец поспешно потянулся за угощением и я, не успев отпрянуть, остался с пустыми руками.

— Гуд-гуд! — бормотал сантехник, разворачивая пакет.

Эдик Сумасшедший толкнул меня в бок:

— Хватит уже ему «гудеть». Воткни ствол в ухо и бери в плен!

— А как мы его выведем отсюда? Незамеченными не выйдем,— вдруг проснулась во мне здравая мысль.

Немец, игнорируя наши распри, стянул с ноги короткий сапог с широким голенищем. И — вот так диво! — отвинтил каблук. Хитро придумано: оказалось, он полый, а внутри, в специально вырезанном углублении, припрятан медальон. Был он желтого цвета, должно быть, изготовлен из латуни, с голубым камушком на верхней дверце, которая открывалась при нажатии кнопки и показывала спрятанную на дне миниатюрную фотку. На снимке — женщина в белом подвенечном платье и красивый молодой человек с шапкой вьющихся волос. Усики у жениха — узкие, щеголеватые, как у Раджа Капура в кинофильме «Бродяга», самом любимом у рижских зрителей 1954 года: билетов не достать, а очередь в кассу — хоть стой до завтра.

«Медальон подарю бабушке Сойбе,— осенило меня.— Восемьдесят четыре года — не шутка. Это же надо, как подвезло в день ее рождения!»

И мне расхотелось брать немца в плен. Гораздо сильнее захотелось позаимствовать ювелирное изделие.

— Гиб мир — дай мне,— сказал разом на двух созвучных языках — идиш и немецком, помня, что мама, укладывая детей в кровать, пела «гиб мир а бисиле мазл» — «дай мне немножко счастья». И добавил, культурной воспитанности ради: — Данкешон! — Большое спасибо!

В итоге «бартерной сделки», как написали бы сегодня, я приобрел драгоценное украшение из неизвестного металла в обмен на бутерброд с маслом и сахаром. Свое приобретение я засунул поглубже в карман брюк, чтобы на выходе из гостиницы не отобрал охранник, и поспешил восвосяи.

«Отличный подарок!» — тихо радовался в уме, позабыв на некоторое время о чемпионате мира по детству.

Бабушка Сойба сидела на табуретке в углу комнаты у тумбочки с радиоприемником, подкручивала ручку настройки громкости и согласно кивала в такт торжественно произносимых диктором слов.

— Фройка, послушай, что говорит умный человек в Москве,— повернулась к мужу, нарезающему острым ножом лучину для растопки плиты, чтобы готовить праздничный ужин.— Говорит: «урожай». И обратно говорит: «рекордный». В одном таки он прав — собрали. Но куда все это увезли? Что мы видим с этого урожая своими глазами, если они не слепые? Только очереди. В магазинах очереди за сахаром, колбасы нет, и сыр пропал с прилавков.

— Ох, казачка! — отвечал дедушка Фройка.— За диктора речи нет, но хватит думать про тех, кто говорит по радио. Им пишут — они говорят. И зарплату получают. Два раза в месяц. Сначала аванс, потом получку. А мы слушаем, развесив уши, и получаем пенсию — всего один раз в месяц.

— Мы эту пенсию видим в полный рост только в кассе, после подписи о получении. А потом, как пойдешь на базар с кошелкой, от нее остаются только слезы.

— Но я все равно, Сойба, купил тебе за эти слезы подарок. Материю купил на платье. Будешь, как новенькая, когда ходили в кафе «Фанкони», на Екатерининской...

— Чтобы потом подышать свежим воздухом с Дюком на Приморском бульваре...

— И одеколон «Шипр» не забыл, тоже купил, чтобы ты пахла, как на свадьбе.

— Гинук! (Хватит! — идиш.) Я тебе не фаршированная рыба, чтобы пахнуть, как было у нас на свадьбе.

— Бабушка — не рыба! — подтвердил я, входя со своим неразлучным другом в комнату.

— К рыбе в гости я ни за что не пришел бы! — сказал, и опять мудро, Эдик Сумасшедший.— Утонуть можно.

Бабушка порылась в фартуке, вытащила металлическую коробку леденцов в сахарной пудре «Монпансье», которая была всегда при ней, и угостила Эдика, угостила меня. Не со своих пальцев, а так, чтобы каждый из нас взял по своему разумению, но без жадности, и не пихал в рот, как суслик, за обе щеки.

— Мы тоже не с пустыми руками,— сказал Эдик.— Финичка вам сварганил подарок, глаз не оторвать. Будет в самый раз по цвету к дедушкиному платью, даже если он белый.

— Не белый! Нержавеющая половинка моя, отнюдь, не невеста,— пошутил потомственный жестящик и протер прослезившиеся глаза, вспоминая давний день угасающего девятнадцатого века, когда за свадебным столом многочисленные гости кричали новобрачным «горько!».

— Не переживай, дедушка, за бабушку. Подумаешь, не невеста! Невесту я вам свою принес. Вот она — на фотке! — радостно доложил я, будто вернулся с оперативного задания с ворохом добытых военных тайн. И, нажав кнопку, раскрыл перед ним медальон.— Это для бабушки. На день рождения. Самый-самый женский подарок. Восемьдесят четыре года — не шутка.

— И тринадцать общих, слава Богу, детей...

— Ого! — восхищенно цокнул языком Эдик Сумасшедший и толкнул меня локтем в бок, мол, «знай наших!»

Дедушка близоруко сощурился, всматриваясь. И слезы на его глазах стали как-то крупнее, еще крупнее, и покатались по щекам.

— Сойба, смотри! — подозвал жену-старушку, почувствовавшую что-то неладное в его голосе.— Смотри! Смотри! Это же Сонечка...

— Какая Сонечка? — бабушка резко поднялась с табуретки, уронила коробку с конфетами, и полукруглые леденцы раскатились по полу, как заледеневшие слезинки.

— Сонечка Розенфельд, из твоей фамилии, что вышла за этого кузнеца-красавца Кравцова. Твоя племянница из местечка Ялтушкино.

— Но там всех убили,— еще не понимая до конца, что я принес весточку с того света, медленно прошептала бабушка.

Дедушка посмотрел на меня сквозь слезы.

Бабушка посмотрела на меня сквозь слезы.

— Откуда это у тебя?

Я не мог вразумительно ответить, меня тоже душили слезы.

Ответил Эдик Сумасшедший.

— От пленного фрица. Финичка — ему покушать, а тот ему — это...

— Убийца моих родных?

— Я не спрашивал,— Эдик Сумасшедший виновато посмотрел себе под ноги и, пятясь, вышел за дверь.

Ближе к вечеру, когда в бабушкиной комнате накрывали на стол, немцев повели под конвоем обратной дорогой: от гостиницы «Рига» на улицу Аудею, и дальше — к лагерю военнопленных.

Предоставленный сам себе, я сидел у раскрытого окна с взведенным револьвером 1917 года выпуска и высматривал в шаркающей по булыге колонне знакомую физиономию с утолщенным носом и морщинистым лбом. И не находил ее, будто она растворилась в сотне похожих, таких же невыразительных, но отнюдь не опасных на вид лиц.

И в этот момент кончилось мое детство.

Облокотившись на подоконник, я смотрел на бодро шагающих по улице моего детства гитлеровцев. Смотрел и думал о плачущей на кухне в день 84-летия бабушке Сойбе. Она родилась в 1870 году — в семье раввина Розенфельда, и жила в Ялтушкино под одной крышей с братьями и сестрами почти до конца 19 века, пока не вышла замуж и не переехала в Одессу. А ее племянники и племянницы, их дети и внуки никуда не переехали. Крышей их вечного дома стала сырая земля, не сохранившая для потомков ни имен, ни фамилий. Ничего не осталось, только память сердца.

Сырая земля, ни имен, ни фамилий, только память сердца...

Через несколько лет в книге Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» я прочитаю об ужасающих подробностях уничтожения фашистами местечка Ялтушкино, гибели его жителей, а среди них и родственников бабушки Сойбы. А ее родственники... это... и мои близкие...

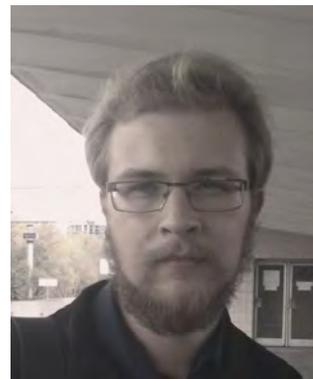
Илья Эренбург:

«Герой Советского Союза младший лейтенант Кравцов писал тестю о судьбе своей семьи, оставшейся в местечке Ялтушкино (Винницкая область):

«...20 августа 1942 года немцы вместе с другими забрали наших стариков и моих малых детей и всех убили. Они сэкономили пули, клали людей в четыре ряда, а потом стреляли, засыпали землей много живых. А маленьких детей, перед тем как их бросить в яму, разрывали на куски, так они убили и мою крохотную Нюсеньку. А других детей, и среди них мою Адусю, столкнули в яму и закидали землей. Две могилы, в них полторы тысячи убитых. Нет больше у меня никого...»

Святослав Егельский
(г. Киев, Украина)

ПУТЬ

Родился в 1995 г. в Макеевке Донецкой области. В настоящее время — студент композиторского факультета Национальной музыкальной академии Украины (Киев). Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Приокские зори».

Старый «ЛАЗ», натужно пыхтя, выползает с автостанции на дорогу. В открытое окно вместе с ветром, рвущим пропыленную занавеску, влетает горячий и жирный запах бензина. За окном бегут тополя с кронами, дрожащими переливчатым солнечным серебром, не спеша проползают приземистые двухэтажки цвета прошлогодней листвы, в их окнах дробится весеннее небо, а над крышами бурлят выпуклые многоярусные облака.

За ветхими оградами брошенных домов поселка бушует, скрывая развалины, одичавшая зелень, жилые дома все разные, но одинаково трогают своим бедным, скромным уютом.

Взлетаем на эстакаду — и вдруг открывается размытый, как от слез в глазах, горизонт с синими терриконами, сверкнет вдруг где-то в необозримой дали солнце, отраженное окном высотки, которую отсюда едва можно рассмотреть, одинокой искрой просияет плывущий к террикону купол, и когда ты подумаешь — за терриконом он или перед ним, горизонт оборвется и сплошной зеленой массой зарябит в глазах лесополоса.

Сразу за переездом дорога заметно хуже, автобус подскакивает на колдобинах, тяжело ухает в рытвины, и наконец преодолевает огромную, во всю ширину дороги, лужу — отраженное небо, вспениваясь облаками, пульсирует, толкается в бордюры, а от колес разлетаются крылья брызг с дрожащей на конце радугой...

А дальше — пасмурная окраина: виляние по одинаковым узким улочкам, от которого теряешь чувство пространства и забываешь, с какой стороны приехал и в какую сторону направляешься. Едем так медленно, что успеваешь рассмотреть и материчьи облупленностей на синей краске за дверями открытых подъездов, и густой, бородачатый мох под стенами домов, и корявые герани в окнах — и это ровно перемежается остановками, с каждой из которых из-под ржавых навесов в салон вливаются лица, лица, лица...

Те из них, которые мне запомнились, я иногда рисую карандашом... И рядом с прочими лицами — всегда *ее* лицо, которое мне — единственное из всех — почему-то не удается...

Старшеклассники и студенты садятся сзади, на длинное, сплошное сидение, всегда теплое от двигателя под ним; девушки с чьих-то колен повизгивают на крутых поворотах и иногда вылетают из гогочущей массы в салон, к поручням с краской, стертой до отполированного железа...

Пенсионеры располагаются впереди, чтобы отстаивать свое право ехать, не войдя в число двух положенных льготников, или молча протянуть удостоверение, или поставить тележку поближе к выходу.

...Она всегда садилась странно, на единственное место, повернутое к окну спинкой — может быть, из-за близости его к выходу, или потому, что оттуда удобнее смотреть в лобовое стекло, или потому, что ей нравилось находиться на возвышении — сидение располагалось над колесом.

После нее я видел там рабочих коксохимического завода, шахтеров с черными веками, тонко обведенными въевшейся угольной пылью, рыночных торговков, которые сидели там или ставили туда огромные клеенчатые сумки, влюбленных, щебечущих и распираемых своим готовящимся или уже состоявшимся счастьем: девушки клали головы на плечи студентам с сосредоточенным на потолке взглядом — так же, как и тогда, давно — она — мне.

Как она вошла? Странно, но именно этого я не помню... Должно быть, она стояла под дырявым навесом, прячась от уже прошедшего дождя, а потом шагнула через лужу на ступеньку автобуса — шаркнули раздвижные двери, автобус тронулся и с бокового зеркала от тяжести впитанного солнца сорвалась бисеринка капли, сверкающая даль улицы, яснея и разрастаясь, поползла сквозь стекло, полукругло заезженное дворником — и она прошла по истертому до серости линолеуму, края заплаток которого чувствуешь под подошвой, и села рядом со мной на то, свое, место над колесом, и всего этого я не знаю, как не знаю, что было со мной до того, как я осознал себя в этом мире.

Я помню драгоценную тяжесть ее головы на своем плече, и свое радостное волнение, и страх, что на повороте она проснется...

Я не мог рассмотреть ее, боясь шевельнуться, но чувствовал нежный, тонкий запах ее волос и их щекотное прикосновение. Скосив глаза, я рассматривал ее руки, кружевные белые манжеты, выступающие из-под рукавов синего пиджачка, серебряное колечко без камня, серебристый лак ногтей, узкую белую ладонь, и ее запястье с выступающей сбоку косточкой.

Я вдруг понял, что не могу думать, в голове, вытеснив все мысли, разверзлась первозданная пустота. Зато особенно остро стали ощущаться звуки: скрежет переключения передач, шипение дверей, грохот, с которым кто-то открывал люк, ерзанье дворника по стеклу — все это могло прервать этот миг нашего случайного согласия, только она откроет глаза — и все исчезнет, оставив не больше следа, чем сам ее сон.

Сквозь мутное от солнца стекло я следил за тополями, отмерявшими наше время.

Она проснулась на последнем повороте перед конечной, как раз тогда, когда кончились тополя. Пригласила прическу — и несколько волосинок, выбившиеся из нее, оказались не русыми, а почему-то — золотистыми в солнечном свете. Поправила на груди тонкую золотую цепочку, уходящую за грань выреза. Сложила в замок руки с тонкими белыми пальцами. Как ни в чем не бывало стала смотреть в окно.

В голове застучало: нужно подать ей руку! Вдруг вспотели ладони, и я вытирал их о колени брюк, а потом, опередив ее у выхода, тревожно оглядывал остановку: не ждет ли кто ее, не ищет ли взглядом в проеме разъехавшихся дверей?

Еще я боялся, что в последний момент, на ступеньке, кто-нибудь окажется между нами.

Но вот двери разъехались, я спрыгнул на бордюр, и те секунды, пока она мешкала у двери, рассматривал ее, еще не понимая, насколько крепко это засядет в памяти: крупная родинка на шее, улыбка, проявившая морщинку в уголке рта, и то, как она жмурилась от солнца и ее ресницы почему-то казались мне золотистыми, и едва видимая голубая жилка на виске, и темно покрасневшие щеки, и пиджачок с золоти-

стыми пуговицами на спине, и черные бархатные туфельки с бантами — уже на последней ступеньке, перед дверями.

Я протянул ладонь, и, не успев засомневаться, ответит ли она, ощутил легкое, невесомое касание ее холодной руки.

Единственный раз, когда я слышал ее голос — это в этот миг — когда она сказала «Благодарю». Он был такой же легкий, невесомый, как ее рука, и я помню его до сих пор.

Жмурясь, я шел по солнечному бульвару и сдерживался, чтобы не перейти на бег. Из-под ног со свистящим хлопанием крыльев бросались голуби.

У нее были темно-зеленые глаза, и теперь ее взгляд чудился мне в кронах берез, на ветру и солнце переливающихся оттенками. Я останавливался, смотрел на даты и имена, угловато вырезанные на белой коре, и думал, где сейчас люди, нацарапавшие их, и оставят ли они на свете еще какой-нибудь след, и о том, почему я никогда не замечал раньше этих надписей.

На углу стояла старая, проржавевшая насквозь «Волга», и я вернулся...

— Пятьдесят,— сказал довольный таксист. Захлопнул дверцу: пивной живот под футболкой невнятного цвета почти вплотную уперся в руль.

Убегала под длинный капот дорога с искрящимися зернышками асфальта, совсем другой, незнакомой казалась улица, которую я видел семнадцать лет, каждый день, и только сегодня — впервые — сквозь лобовое стекло машины, и я, мысленно еще читающий надписи на коре, поражался себе: куда я еду? Зачем?

Явно довольный таксист, делая веские паузы, оправдывал свою цену, и в такт словам сжимал и разжимал сложенные в замок на руле красные, волосатые руки с желтыми ногтями и выцветшими до серости татуировками. Сквозь голубиную отметину на истертом дворником стекле наплывал на меня незнакомый, преображенный мир.

Когда мы приехали, я не мог найти ручку двери; таксист, сурово сопя, потянулся помогать мне.

Зачем я проехал эти два квартала и ходил дворами, будто искал, пытался почувствовать ее следы? Я вглядывался в окна пятиэтажек, непрозрачные от отражений крон и неба, и гадал — из какого окна она сейчас меня видит и видит ли?

Еще чувствуя приятную прохладу ее руки, нежное прикосновение волос, ее голову на своем плече, я уже не знал, не мог предположить, где она, и это какой-то странной тяжестью легло на душу: бушевали на ветру кроны, солнце до боли в глазах полыхало в весеннем мире, воздух сочился обнадеживающим и зовущим куда-то запахом прошедшего дождя, и во всем этом мучительно не хватало чего-то, будто я был в разлуке с кем-то очень родным.

Из-за этого же чувства я в середине ночи пробрался в кухню: зажег огарок свечи и, глядя на двойное отражение его пламени в стеклах, пытался писать стихи.

Огонек дрожал под открытой форточкой, по стенам и потолку в фантастическом танце скакали тени, кроны во дворе, покрытые темным лунным серебром, могуче ворочались на ветру, и чье-то голубое окно, одиноко прорезая ночь, светило напротив.

*В отдушине гудит застрявший ветер,
А выбравшись — приоткрывает дверь...*

Свеча кадила, напоминая детство, и радость, когда вдруг не было электричества... Воцарялся таинственный свет керосиновой лампы, в стеклянном колпаке дрожал лепесток огня — голубой внутри, а по краям желтый; иногда гасли фонари и окна напротив — тогда особенно ясно над потухшими домами виделись звезды; и почему-то хотелось говорить шепотом.

*И тихий скрип... ни звука во всем свете...
Ни звука в сонной, крепкой синеве.*

*Пройду и я, пройдут и эти ночи —
Как свет погасших утром фонарей,
Рассыпанных в цепочках многоточий,
На горизонте, в парке, во дворе.*

Вот эта керосинка, стоит в кладовке, и вот эти звезды над темными крышами, и вот трепещущий от дуновения ветра голубовато-желтый язычок пламени — но это другая ночь, другая потому, что в ней не хватает того меня, каким я был десять лет назад. А теперь не хватает и ее, хотя еще утром я даже не подозревал о ее бытности в этом мире.

...Мы встретились взглядами, она узнала меня, на губах дрогнула улыбка. Я попытался улыбнуться в ответ, но так неуклюже, что у нее появились ямочки на щеках, и она отвернулась к окну, делая вид, что смотрит.

Потом я снова поймал ее смеющийся взгляд, очень упрямый — она как бы предлагала мне игру: кто первым отведет глаза; и мы смотрели друг на друга так долго, что почти целый квартал, как вечность, проплыл где-то на краю зрения, а когда замелькали тополя с серыми от прошлогодней извести стволами, она откинула голову назад, будто бы для того, чтобы заколоть волосы на затылке.

Я рассматривал ее маленькие руки, едва видимые под тонкой, нежной кожей узоры вен, синий след от ручки и недавнюю кошачью царапину на запястье, потемневшее серебряное колечко с выпавшим камнем, и она, смутившись, сжала кулачки и спрятала их в рукава, как будто ей было холодно. В ответ на это я расстегнул воротник рубашки и вытер воображаемый пот со лба.

И я почувствовал, что какая-то невидимая граница отделила нас от остальных едущих в автобусе, потому что мы были уже вместе, соединенные ощущением общей тайны: что нечто большее связывает нас, чем путь в одном направлении.

...Нужно заговорить с ней. Но о чем? Я знал, что и она сейчас должна прийти к чувству этой общей тайны, знал и то, что она пытается угадать, заговорю ли я с ней или наш диалог останется немым.

Спросить, как ее зовут или наоборот, сказать ей свое имя — после всего, что мы уже сказали друг другу — казалось глупым; до какой остановки едет — еще хуже, тем более, что она уже знала о том, что я знаю это; попытаться сделать ей какой-нибудь комплимент — но разве я уже не сказал ей, какая она — тем, как ее рассматривал?

Да и потом: говорить ей «ты» или «вы»? Сколько ей лет? Когда она смотрит прямо на меня, мне кажется, что она примерно моего возраста, в профиль — когда поворачивается к лобовому стеклу — она гораздо старше, и настолько серьезная и чужая, что я даже сомневаюсь, решусь ли заговорить с ней.

Тополя за окном отмеряли секунды и метры, кончились брошенные дачи с темными провалами окон и перекошенными к дороге заостренными досками заборов, проплыло серое и громоздкое здание поликлиники, промелькнули цветущие клены бульвара, пятиэтажки, оборвавшие их, и — последний поворот, за которым — конечная остановка.

Не взглянув на меня, она пробилась к двери, у которой уже стояли человек пять, и в этот день я, замешкавшись, руки ей не подал.

Первая мысль была — заговорить с ней, или хотя бы незаметно пойти следом, но она оглянулась на меня, делая это невозможным.

Я стоял и смотрел, как она уходит.

Следующие дни были душны от жары и ненужности всего, что происходило без ее участия — там, куда я каждое утро ездил, в темных коридорах, гудя, мертво горели лампы дневного света, за открытыми форточками, в которые плыла майская жара, плавилась и трепетали зеленые свечи тополей, пахло пылью и краской затеянного ремонта, а вечером раскаленный белый ЛАЗ с красной полосой на боку среди множества самых разнообразных пассажиров увозил домой и меня.

Надо написать ей письмо... И отдать при встрече — осенило меня в одну из ночей, и я сидел с листом бумаги у темного окна, и там же застал меня рассвет, и с рассветом ничто не нарушило белизну листа...

Был еще третий раз, и ее отец: седоватые волосы до плеч, лицо, изузоренное морщинами и пронзительный взгляд, под которым почему-то хотелось сжаться. Отсветы фонарей плыли по их лицам, неожиданно высвечивая уже знакомые мне черты; она прикрыла глаза и кивнула мне как старому знакомому. Из неплотно закрытого люка срывались капли. За стеной дождя сменялись желтые, коричневые, серые дома. На остановках толкали со всех сторон, оттесняя от нее. Выходили, вжимали головы в плечи, пока возились с зонтами, которые потом взрывались над тротуарами, превращаясь в темно блестящие купола.

Она исподлобья смотрела на меня, потом опускала глаза, вертела на пальце свое серебряное колечко, и тень улыбки угадывалась в уголках рта. Мокрые волосы прилипли к белому лбу.

Я пытался понять по губам, о чем они говорят, ее голоса я не слышал, но сквозь гул мотора вместо него чудилась какая-то мелодия, поющий с закрытым ртом хор.

Пусть случится огромная пробка на нашей пустой дороге, или сломается автобус и мы будем долго стоять между остановками...

По стеклам прозрачными строчками стекал дождь. Окна и фонари, размытые им, плыли в даль мокрого проспекта, брызги из-под колес дробно стучали в бока автобуса. Мир по вечернему выцвел до черно-белого, крыши наливались темным зеркальным блеском.

Перед тем, как выходить, она взглянула сначала на меня, у входа опередившего ее, потом назад, на отца, уже заслонившего свет проема, и, освобождая для меня правую руку, надела сумочку на плечо.

За ее спиной уже появилось лицо отца, и, вместо того, чтоб подать ей руку, я за чем-то отступил на шаг, в лужу...

...Потом я заговливал фразы и часто, часто видел ее в других — в склоненной русой головке, в мимолетном касании холодной руки, в нечаянно пойманной улыбке, адресованной не мне — сердце вздрагивало в предчувствии и падало, когда я понимал, что обманут случайной приметой.

Как-то незаметно надвинулись длинные, уже осенние вечера, и, когда я возвращался, встающие из-за горизонта трубы завода уже не чернели над закатом, а терялись в звездном кружевном небе. А потом звезды под тяжестью плывущих зданий крошились с хрустом льда под колесами автобуса, а между остановками в лужице под прожавленной водосточной трубой мокнул потолок чьей-то кухни.

Я искал ее взглядом, протирал запотевшее окно, всматривался в силуэты, выступающие из дождя, или тумана, или снегопада, в белые или красные лица, скрытые поднятыми воротниками пальто, или капюшонами, или шапками, шарфами, натянутыми до глаз... Эти длинные возвращения без нее я не делил на дни, они сливались для меня в одну нескончаемую дорогу.

Я помню один из тех вечеров. Хлесткий, ледяной ливень хлынул на город; потом — тонкие ветки вздрагивали от падающих с них капель, а в каплях — вогнутый

мир: черные стволы деревьев, белое, наэлектризованное небо, и уменьшенное во сто крат закатное солнце...

Улицы заплыли дремотной, туманной серостью, мокрая земля пахла весной, среди осени — такой обнадеживающий и зовущий куда-то запах. Над домами и верхушками тополей — прозрачное, легкое небо, до предела натянутая розовая гладь. Струнами пересекали ее провода, протянувшиеся между крышами домов, и от контраста темных крыш и еще по-дневному яркого неба даже начали болеть глаза.

И я вдруг понял, что уже полгода не видел ее и вряд ли теперь увижу.

В кленах аллеи, по которой я полгода назад шел под ее взглядом, полыхала осень. По дворам бродили старики в бесформенных пальто.

На клумбе с жухлой травой проехавшая машина оставила борозды — глубокие, затопленные расплавленным закатом. Она стояла там же, в ста шагах — та самая «Волга», легкое и холодное небо стертой голубизной лежало на мокром капоте, эмблемой октября прилип к лобовому стеклу кленовый лист.

В ту последнюю нашу встречу тоже был острый, секущий дождь, и, уходя с отцом, она через плечо, из-под зонта — улыбнулась мне — почему-то я подумал, что укоризненно. Их пестрый зонт долго маячил над головами мокрых прохожих, пока не исчез в мелькании неоновых вывесок магазинов.

Я не пошел за ней, а, весь мокрый, бродил дворами. Крупные, лучистые звезды отраженных фонарей плыли в стеклах припаркованных в лужи автомобилей, низкие ветви, если я задевал их, бросали капли в лицо и за воротник, и все яснее выделялись в густеющей темноте нездоровой желтизной окна.

А ночью я не спал, как все влюбленные и счастливые, я пробрался на кухню — зажег огарок свечи в граненом стакане с крупной серой солью, и на полях найденной газеты писал стихи — почему-то об осени — в ту пору осенью меня всегда тянуло писать о весне, и наоборот.

Держак ковша Медведицы лежал прямо на крыше дома напротив. Вздрагивали в прорехах облаков острые бирюзовые звезды. Венера, глубоко вдавленная в небо, источала звонкий, хрустальный свет, видимый даже сквозь тонкую ткань занавески. На стекле гигантскими щупальцами шевелились — медленно, как в воде — многократно увеличенные тени ветвей.

И звал куда-то далекий гул товарняка, заставляя вспомнить, что там дальше, за этими домами — лунная дорожка дрожит на поверхности ставка, и резко очерчиваются в ее свете черные камыши, и небо над полями отодвинулось еще выше, чем было днем, по краям — прозрачно-синее, выше — матово-фиолетовое, а совсем в вышине, за луной в радужном нимбе — непроглядно-черное, плотное, уже без звезд; опоры линий электропередач, как застывшие скелеты великанов, сторожат поселок; на горизонте дымит осыпанный золотом и бирюзой завод; ветер, шуршит, носится в траве, поднимая серебряные волны, перегоняя их через все поле, из края в край... Это было давно, почти десять лет назад.

Владимир Шамов
(г. Кострома)

ДОРОГОЙ, Я ВСЕ ТАК ЖЕ КРАСИВА?

Окончил Костромскую государственную сельскохозяйственную академию по специальности инженер-строитель.

Публиковался в журналах «Новая литература», «Альтернативная литература», альманахе «Костромской собеседник», детском альманахе «Здравствуй, дружок».

Автор книг: «Чертова трилогия», Аннушка. Легенда о черном сердце», «Места силы Костромской области», сборник рассказов «Случайные люди». Сочиняет песни, занимается сакральным краеведением.

Я равнодушен к осени, а вот она просто влюблена в меня. Угождая ее предсмертной эйфории, я слоняюсь по паркам в поисках вдохновения. Ну что ей нужно от моего сознания? Вон сколько людей медитирует на скамейках — их души засыпают, готовясь проснуться лишь к Рождеству. Все эти болезненные краски осенней природы, призванные радовать, с каждым днем все больше вгоняют в душевный ступор. Такое чувство, что если в один из выходных ты не посидишь на скамье необходимые тридцать минут, размышляя о прожитых годах и проектируя грядущее, не выполнишь этот странный осенний обряд, то будущее просто не наступит. И ты поперхнешься первым снегом, поняв, что месяц назад не успел запланировать радость по поводу искрящегося белоснежного покрывала. И теперь не успеть, потому что скамейки уже убрали из парка.

В один из таких дней, когда грустные отрешенные людские существа уже заняли все сакральные скамейки, я подсел к импозантной паре лет пятидесяти. В мои планы входили размышления о неосуществленной многолетней мечте — стать рок-звездой, но воркование влюбленных вывело меня из оцепенения:

— Дорогой, я все так же красива?

— Я только что собирался сказать тебе об этом.

— Но ведь я уже не та — морщинки... и не так стройна, как в молодости?

— Дорогая, возможно, кого-то они и портят, но только не тебя!

Так продолжалось несколько минут, и я подумал, что нет ничего потешнее и восхитительнее влюбленных, находящихся на пороге старости. Я мог бы и дальше цитировать наших «Ромео и Джульетту» или описывать события затяжного осеннего дня, если бы в этом был смысл. Скажу лишь, что пара эта осталась у меня в памяти.

Прошло несколько лет и в один из таких же, наполненных прозрачной пустотой дней я отправился на могилу моего погибшего друга. Давно не был, кладбище разрослось — появились новые ряды захоронений и новые аллеи, но могилу я нашел. Положил яблоко, второе съел сам, постоял... как-нибудь обязательно расскажу печальную историю моего друга.

Возвращаясь назад, вдруг остановился — боковым зрением я уловил два знакомых портрета! Это были могилы тех самых влюбленных, обнесенные одной свежескрашенной оградкой! Присмотрелся к датам — она пережила его всего на несколько месяцев! Мне стало очень печально, но как-то по-особенному, и даже немного страшно — какая-то мистика проникла в сознание.

Мое оцепенение прервал женский голос: «Вы знали моих родителей?».

Обернувшись, я увидел молодую женщину, одетую в черный кривой снизу пуховик и синюю вязаную шапку, оформленную бусинами. «Я как-то столкнулся с ними совершенно случайно, и они мне показались особенными», — ответил я.

— Конечно, они были особенные, как бы я хотела быть такой, как они!

К выходу из города мертвых мы шли вместе, и моя спутница поведала их историю. Оказывается, ее отец заболел раком и боролся за жизнь до последнего, а мать, как могла, поддерживала его и не смогла долго жить, когда умер муж. Мы сели на скамейку, и молодая женщина в бусинах достала из сумочки предсмертный дневник отца, вот что там было написано.

«Человек не осознавший, сколько ему отведено жизнью, какой конкретный срок отмерен — не умеет радоваться простым вещам, а между тем, они прекрасны!

Заправляешь свою старенькую машину, и вдруг холодный, наполненный искорками снега зимний ветерок дует тебе в лицо, прокрадываясь за шиворот. Ты ежишься и чувствуешь, что это приятно — ощущать кожей мир вокруг тебя.

Или, к примеру, работал плотно целую неделю, и вот наконец выходные. И ты понимаешь, что скоро будет нечто приятное — ужин не на ходу, вечерняя дрема, переходящая в глубокий сон, а утром ты проснешься встревоженный и постепенно осознаешь — сегодня куда не нужно! И вот снова — приятные ощущения.

Или когда осознаешь, что тебе повезло с женой, что в этом мире есть человек, которому ты действительно нужен, и он готов бороться за тебя пока есть силы! Это удивительно!

Или... когда ты стонешь сквозь зубы от боли, когда вокруг меркнет свет, а твои глаза наполняют сумерки, и ты хочешь одного, чтобы поскорее все закончилось. И тут тебе ставят укол обезболивающего, и с каждой минутой вокруг становится все светлее, боль отступает, оставляя какое-то странное послевкусие, как будто здесь, в тебе, что-то лежало, но это что-то унесли, и остался лишь след на песке. Тебе уже наивно кажется, что боль никогда не вернется, и ты спокойно ложишься на кровать с мыслью, что теперь все будет хорошо. Потому что несколько часов без боли могут превратиться в вечность, выделенную тебе специальным образом, как перерыв между кошмарами. Вообще время относительно и бежит с разной скоростью в зависимости от обстоятельств. И осознание конечности твоей жизни воспринимается при разных обстоятельствах тоже по-разному.

Когда ты узнаешь, что врачи, скорее всего, ничего не смогут сделать — очень глубокие метастазы, поражены многие органы, и тебе осталось... два года. Да, собственно, гораздо меньше, поскольку жизнь на обезболивающих — уже не жизнь. Тебе предлагают надежду в виде химиотерапии, иммунотерапии, гормональной терапии, на прямые вопросы отводят взгляд. Ты выходишь на воздух, и вот наступает осознание того самого конца!

Знаете, в чем ирония? С одной стороны мы все знаем, что когда-нибудь умрем, но никто из нас этого не осознает. Знает, но не осознает! Да, в любой день мы можем погибнуть от несчастного случая, но не впадаем в депрессию по этому поводу. Мир рушится лишь от слова РАК — Как?! У меня?! Разве такое может быть?! И вот наступают дни, когда ничего не нужно. Наверное, такие же ощущения испытывают приговоренные к смертной казни. Наверное, не знаю.

И теперь, когда ты просыпаешься утром, понимаешь, что тебе не встать — тяжесть осознания чего-то ужасного выпила из тебя все соки, и ты превратился в робота. Некоторые люди порой думают: «Если бы я узнал, что мне осталось жить год, уж я бы оторвался!». Нет, поверьте, для этого у вас не будет никакого стимула, только бесконечный ступор, как будто жизнь уже покинула вас...»

Я заглянул дальше, но читать не смог — слишком тяжелые вещи были описаны в дневнике.

Мы попрощались с женщиной в бусинах, даже обнялись по-братски. Видно было, что боль утраты еще терзает ее душу и не скоро отпустит. Конечно, это все равно случится — и тогда она посмотрит в небо и увидит всю его бесконечную красоту, и почувствует: отпустило... будем жить.

Что сказать... в жизни многих людей случаются страшные события, которые меняют душу, заставляют по-другому относиться к жизни, окружающим тебя людям и явлениям, но готовы ли мы к таким событиям? Как же хорошо быть здоровым! Как замечательно, что сейчас... все хорошо!

Я сел в автомобиль и включил радио. Заиграла старая, набившая оскомину, песня. «Боже, как она на самом деле прекрасна! — подумал я.— И как только люди научились придумывать такую музыку?!» Во время движения я приоткрыл окно, чтобы ощутить кожей движение встречного ветра. Жизнь удивительна даже в мелочах!

Я вернулся домой, моя супруга колдовала у плиты, стараясь приготовить для меня очередной кулинарный шедевр. Бережно и с теплотой в сердце я обнял ее. Маша повернулась:

— Дорогой, я все так же красива?

— Я только что собирался сказать тебе об этом.

Владимир Герасимов
(г. Тюмень)

ТЫ ПРАВ, СОЛДАТ

Коренной сибиряк. Родился в Омской области. Возглавляет коммерческую службу региональной зерновой компании. Пишет сравнительно недавно. Издано семь литературно-поэтических сборников. Лауреат многих конкурсов разного уровня. В номинации «Поэзия» вошел в число победителей Второго Всероссийского литературного конкурса «Солдаты Великой Победы 2016». Лауреат премии имени В. И. Муравленко.

Давненько уже не встречал Григорий Назаров утро раннее в отчем краю, не любовался красотой восходов и закатов над озером родным и дальними лесами. Раньше он всегда сожалел, что нет в их местах соловьев, что не просыпался он в детстве и юности под их задушевные трели. Сколько себя помнит, просыпался он тогда под скрип калиток и ворот, под мычание проходящего по улице стада и резкий звук пастушьего кнута, да под песни свежего утреннего ветра. Вот это он знал и помнил хорошо. А соловьев довелось вдоволь наслушаться потом, в других местах.

Как перекасти-поле подхватил его однажды ветер судьбы-жизни из края родимого и понес по стране огромной, необъятной. Сначала армия, потом учеба. А дальше — севера, которые затянули Григория так, что застрял Назаров в краях студеных на долгие сорок лет.

А сейчас — законная пенсия. И он, после долгих лет разлуки, вырвавшись надолго домой, снова дышит утренней прохладой и любитесь неброской красотой родной природы. Наполняет душу и сердце тем простым очарованием, которого был лишен долгие годы.

Вот он идет не спеша по тропинке узеньким переулочком к родному озеру. Вокруг все те же заборы, что были десятки лет назад. Только почернели они, покосило их время. Да, все имеет свойство стариться, дряхлеть. Таков закон жизни. Сегодня на берегу его ждет старая отцовская деревянная, но еще добротная лодка. Племянник вчера настойчиво предлагал отвезти Григория на новый котлован, взорванный несколько лет назад в болоте у озера Долгова. Там, по его рассказам, с берега неплохо ловился окунь и приличные карпики, запущенные специально для населения местными предпринимателями прошлой весной. Григорий наотрез отказался, сказав, что в следующий раз посетит это рыбное «эльдorado» непременно. Он стремился именно сюда, на это озеро. Ему хотелось уплыть на лодке на свои заветные места, побыть именно здесь наедине с собой, со своим прошлым, с памятью. Уж очень хотелось ему половить карасей. Ведь в свое время это были не караси, это были карасищи, до килограмма и более. Он хорошо помнит, как лишался с друзьями дефицитных крючков, сколько нервов стоило тогда вываживание каждого обитателя этих глубин. К рыбалке Григорий подготовился основательно. Были и черви, и различная привада. На удочках стояла серьезная германская леска, достаточно было крючков и грузил. И от предвкушения доброй рыбалки на душе у него было легко и он заспешил к озеру.

Подходя к берегу, сквозь редяющий туман, он увидел, что здесь не первый. На берегу уже стояла, запряженная в легкую телегу, справная лошадка. Она была привязана длинной вожжиной к металлической скобе на мостике, что уходил в озеро. Вдоль мостика виднелся ряд лодок. Лошадка мирно уплетала свежескошенную траву, что лежала перед ней, и терпеливо ждала своего хозяина. Рядом курился слабенький дымок из сухих коровьих лепешек, которых было предостаточно на берегу всегда. Облегченную удобную телегу Григорий признал сразу, таких телег больше ни у кого нет, она одна. И принадлежала она заядлому рыбаку, старому солдату, пришедшему с фронта без ноги, на протезе, дяде Саше. Александру Петровичу Кулагину, а в народе по-простому Петровичу, или Сане Кулибину. Так уважительно звали все сельчане бывшего солдата за его золотые руки, прямоту и бескорыстность. И у Григория стало радостно на душе. «Жив, значит, старый солдат. Жив, табачная душа. Вот молодец!» Ведь это дядя Саша, в далеком детстве, приучал его и его друзей к рыбалке на этом озере. Учил, где и как ставить сети, фитили, да и другим тонкостям. И он очень обрадовался, что снова встретит этого замечательного человека. В рваном тумане показалась деревянная лодка. Видно, что рыбак не спешил. Греб одним веслом размеренно, направляя ее на мостки. Когда лодка ткнулась в мостки между двух лодок, Григорий был уже наготове, сразу взял из лодки цепь, стал ее натягивать и пропускать через скобу. Рыбак на протезе в лодке не спешил подниматься, а пристально разглядывал человека на мостике. В лодке у старика трепыхались десятка два приличных карасей, при виде которых у Григория заволновалось сердце.

— Здравствуй, дядя Саша! — радостно поздоровался с рыбаком Назаров. — Здравствуй, Петрович дорогой! — еще более эмоционально продолжил он. — Тебе помочь?

— Погодь малость, дай отдышусь, — ответил старик и снова стал пристально осматривать неожиданного помощника. — Здравствуй, мил человек. Вижу, рад встрече. Звняюсь, старый стал, худо вижу, не признаю. Видно, наш по обличью, а не признаю. Дак, чьих будешь-то?

— Григорий я, дядя Саша. Григорий Назаров. Ульяны Масловой внук. Ты меня еще рыбачить учил здесь сетями, — торопясь, стал объяснять разволнованный Назаров.

— Вона как! Гришка значить? Стало быть Полины заводской сын, а Ульки-солдатки внук, — тоже обрадованно произнес старик. — А тебя, милок, тожа не признать. Седой стал, штаны, вон, на помочах. Так-то что, не держатся? Ну да, поотрастили мамоны-то. Оно и понятно, в городах-то при жизни сладкой, да без движений, оно и растет как на доброй опаре, брюхо-то.

Старик ненадолго замолчал.

— А с помочами, дед, удобнее, — ответил, как бы оправдываясь, Григорий.

— А ну-ка, землячок, подмогни старику, — шутя скомандовал дед.

Назаров осторожно ступил в качающую лодку, помог подняться Петровичу и выйти на мостки.

— Пойди передом. Давай присядем вон на ту лодчонку перевернутую, — тихо сказал Кулагин. Григорий пошел по шатким широким мосткам, слыша, как сзади, тяжело дыша, идет, стуча протезом, старый солдат. — Ну вот, тут и посидим. Посидим-полюбезничаем, как бывалочи, — сказал старик, тяжело опустившись на лодку. — Ну что, покурим? — тихо спросил Александр Петрович. Али бросил?

— Да нет, все пытаюсь, — ответил Назаров. Он достал сигареты и предложил старому рыбаку.

— Не, милок, у меня свое, бронебойное курево, — улыбаясь, сказал Петрович и стал крутить «козью ножку». Закурили. Некоторое время сидели молча, потом Петрович положил свою жилистую, но уже довольно сухонькую руку на колено соседа и сказал: — А я вот, Гриша, все копчу небо. А ведь нонча в ноябрьские девяносто

стукнет.— Вот видишь, хоть и безногий, а кручусь еще. Польза от меня значить обшеству пока есть. Рыбкой вот живу. Опять же грибы, ягоды, да по мелочи — лужу, паяю, метелки, лопаты делаю. Да ты, знашь, и пенсия, грех обижаться, дивная. Даже поболее, чем зарплата у наших некоторых. Что скажешь, не обижат государство-то. Вот, даже внукам-правнукам помогаю, а то как,— с явной гордостью закончил старик. Опять помолчали. Вздохнув, Кулагин снова продолжил: — Да, така вот картина. А дружки-то мои, с кем деревья вон там за озером перед войной садили, с кем потом работал-бразничал, все уже поприбрались. Кто по Европам где-то лежит, а кто там, на родном погосте пригрелся. Да что говорить, и прочий народец тоже ушел на свиданку с Отцом нашим. Бабка вот твоя, однако, хорошо пожила, она много старше меня была. А вот матушка твоя, Полина, мало погостила на свете этом, рано прибралась,— и дед опять замолчал.— Ну ладно, что я однако все о себе, да о мрачном,— начал опять Петрович.— Поведай, как и что у тебя? Каким курсом сейчас идешь? Каки гавани обживашь?

Григорий не торопясь, обстоятельно, поведал старику о жизни своей на северах, о работе на буровых, о пенсии.

— Знаю, что герой! Орденами-медалями заслуженно награжден. Не посрамил землю родну. Там, вишь, пригодился. Это ладно. А все, однако, не шибко лежит у меня душа к брату вашему.— И он опять замолчал, словно собирался с мыслями и духом.— Ты, Гриня, на меня сильно только не сердчай, я правду тебе скажу, как понимает сердце мое, так и скажу. А она ведь не мед, не рубль советский, чтобы ее всем любить. Вот знаю распрекрасно, что без вашего брата нельзя жить стране. Нельзя, всем понятно. А вот не особо уважаю летунов-перелетчиков, а как же подрутому-то вас звать-величать? Ведь улетели, как только на крыло встали. По стройкам, по сеерам. За рублем длинным погнались, будь он неладен. Романтики им, вишь, захотелось! Туманов в краях родных не хватило. А землю-то матушку пошто бросили? Знаю, може и не вы совсем виноваты в том, что сегодня на Поповом бугре, да в Займище на полях наших, ничего, кроме бурьяна, не растет, да козы скачут. Знаю, начальники местные на разор деревню пустили. Обидно, боль гложет нестерпимо, вот и виню всех,— и старый труженик опять ненадолго замолчал.— Это я с тобой говорю так по-доброму,— снова тихо начал Петрович.— А потому, что уважаю родоу вашу! И деда твоего, Анатолия Петровича, что тоже старше меня был, и дядьку Василия, что не вернулся, и гармониста Михаила, годка моего, что возвернулся израненным. В одном эшелоне в сорок третьем добирались мы под Смоленск. Ох и жарко там было. Много кровушки пролилось, но дали мы тогда осенью там супостату. Только я вот из наших оттуда и вернулся. Мишаня-то в другом месте выкуривал вражину. А ребятки-то наши сибирски, там и остались. Вот герои были. Не попятнулись, не побежали. Ведь пересилили мы тогда фашиста, вперед пошли, хорошо пошли, твердо!

И дед опять ненадолго замолчал. Стал трясущимися руками скручивать сигарку. Закурив, он еще какое-то время молчал, потом снова заговорил:

— Бабку вот твою помню и уважаю. В войну жилы вытянула и до послета работала. Матушку твою уважаю и помню за то, что как с восьми лет в войну стала работать, и тоже до конца отстояла вахту свою. Мишку вот еще нашего уважаю, Михаила Васильевича Костина, что председателем теперь, али глава фермерский, разбери попробуй должности нонешни. Не дал ведь мужик пропасть совсем хозяйству доброму и деревне. Не допустил погибели окончательной. Скотинку вот сохранил, площадь опять же посевные. Пусть не все, но сохранил. Колгатится ведь народ-то: сеет, пашет... молоко, мясо опять же производит. А живет земля и хозяйство — смотри и все живет. Вон, детишки рождаются, школа робит. Смех на деревне, вечерами парочки гуляют. А песни, Гришаня, каки песни поют! Душевно, забористо, как и раньше. Живет значить деревня, живет! Во как! Да, вот его уважаю, Васильевича. Команду его

уважаю, что не разбежалась. Не потянулась караваном в края дальние. Впряглись и тянут вместе лямку. Тяжело им, но тянут. Страну, народ кормят своим, натуральным продуктом,— Петрович зашелся в кашле, а откашлявшись, стал тихо продолжать дальше: — А вот возьми, что вокруг творится. Ведь у соседей-то, что Мамай прошел. На полях-то уже добрый подлесок надурил, народ грибы собирает. А по селам-то чисто ураган-смерча по пьяне прогулялся. Дома глазами пустыми на мир жалосливо смотрят. Ни трактора тебе, ни машины не гудят, не бегают как прежде, смеха детского не слышно. Да разве мыслимо такое дело! А народ пьет, да вымирает! А главное-то, милок, ни души, ни совести у многих не стало. Воруют, и частно, и государево, и фермерско... Разве это порядок? Когда тако было? Вот меня все внук старший убеждает, что, мол, на правильны рельсы страна встала. Программы такие, по этим программам и движемся к светлому будущему. Говорит, опять же, отсталый я. И еще слово како-то не наше. А, вот, что я рудимент. А они вскоре жить будут по-новому. А тут как посмотреть, милок, ведь мы тоже не вчера родились, кое-что кумекам. Вот он говорит, программа была специальна. Погодь, вспомню, запомятовал. А, при-ва-ти-за-ция. Во как! И не выговоришь на трезву-то голову. Точно, обнаковенно, едрена вошь, прихватизация! Это ведь Чубайсы-Гайдары, вампиры народны, под себя и дружков своих специально все придумали. Программы-то эти шибко хитро-мудры. А народ-то считает, что это гольно воровство. А то как? Тут ведь хоть как крути, чисто воровство, только дюже хитрое, словами замавлено, понимаешь. И не спорь со мной, не возражай, милок! Дальше смотри. Что раньше начальник какой не воровал? Было дело и вокруг. Дак это мелочи были, по сравнению с таперишним-то. Ну, машинешку каку, квартирку там втихаря получит, ну ковришку али стенку импортну без очереди умыкнет. И все! И то, брат ты мой, пужались: а ну как народ разузнат! И стыдились, поди, совесть кака-то была. А ты, Гриша, не лыбся, наши тогда меру знали, да и укорот все одно был. Опять же — партия. Пуще отца родного боялись. Это сейчас все на коммунистов валят. Понадоставали откуда-то дерьма всякого, и льют, кому не лень. А тогда как говорили: совесть, и что там еще, тоже запомятовал? А, вот, совесть и честь, однако. Как у солдата! И не просто писали лозунги всяки, а все одно сполняли заповеди свои, словно Христовы! И правильно было! А таперь что получается? Вот, смотри, заводы, рудники, промыслы разны, фабрики опять же, даже леса-угодыя добры, все к рукам прибрали. И, говорят, законно! Хозяева, говорят, мы. Наше это все таперича. А откель хозяева-то эти взялись? Ведь вроде с семнадцатого года народно, все общее было. Не стало хозяев-то. Горбом все это наживали, народ жилы вытянул, а ведь построил, поднял отчизну-то. В космос прямо поднял! А таперь говорят: все по закону! Да что это за закон такой народно-то добро по карманам распихали. А то ведь и еще хуже — басурманам продали. Опять же спрашиваю: что это за закон такой, во дворцах-палатах двоим-троим проживать, с бассейнами и прочее. А для старушки, у которой сыновья полегли на войне, хаты приличной с нужником теплым сыскать власти не в силах?! Я, конечно, Гриня, не тебя виню. Вы что, так шестеренки-винтики, мелочевка. Все на побегушках у богатеев-алигархов таперь. Понимаю — жить надо! Но ведь вы допустили их к власти, вы смолчали, когда они отцовы-дедовы завоевания потащили по карманам. Что, не ведали, не понимали, чем все кончится? А ведь смышленные все, грамотные. Образование бесплатно народ всем дал. Куда смотрели? Сами-то чего хотели? Воздуха свободы захотели? Как та сейчас пишут — задыхаться стали от режима. От какого режима? От народного-то? А вот я тебя спрошу, а сейчас что? Дерьмократия! Вот что сейчас. Все заболтали, везде говоруны! Шпарят как по-писаному. Что шаманы твои по ящику чешут, заслушаешься. Думаешь, вот как хорошо, вот как ладно, ну прямо коммунизм пришел. А как в магазин пойдешь — жизнь моя копеечка! А далее-то как жить, милок? Почему на торгашей этих нету в государстве укороту? Почему цены задирают под самое-самое, как иная бабенка пьяная юбку свою? Тогда опять спрошу, кому коммунизм насту-

пил? Хоть бы к народу прислушались! Вот раньше, завсегда секретарь райкома, другие чины районны, а то и обласные приезжали, с народом толковали. Все обстоятельно говорили, что почем и куда движемся в сей момент. Про линию рассказывали. И мы ее видели, линию-то. А сейчас кого видим? Только как машины круты в охоту-годья туда-сюда шастают, глаза мазолят, да народ лишний раз зудят.

И дед замолчал, на этот раз его молчание длилось дольше и висело тягостной тишиной.

— Ладно, Гришаня, заговорил я тебя, болтал, что твой оратор. И так наговорил на всю катушку. А поверь, болит душа. Знашь, как выговорится хочется. Давно вот ни с кем про это не говорил. Что-то стал держать все в себе на старости, а с тобой можно, ты свой, работяга. А в себе, милоч, ничего нельзя держать,— сгоришь сразу, обнаковенно сгоришь, не сдюжит мотор-то! Вот возьми, для примеру, бабу. Ведь поорет, поплачет, смотришь, опять человек, опять ласковая, улыбается. Али вот в церкву, зачем ране ходили? Правильно — выговориться, чтоб душе легче стало. Так-то вот.— И дед опять вздохнул.— А ты на критику не обижайся. Знамо, от вас много сейчас не зависит, шестеренки вы, лекторат одним словом. А вот обидно, поколению нашему до слез обидно. Не то что-то вершится на местах, не то. Неужли он там не видит,— и старик многозначительно показал пальцем вверх.— Все, Гриша, на этом политбеседы и рассуждения закончим. Подсобирываться, однако, надо, а то домашние потеряют. Я с внучкой старшей теперь живу, как женка-то померла. Ты, мил человек, подмогни мне. Я пока с лошадежкой-то управляюсь, ты вон в корзину-то плетену, что я под грибы брал, рыбку-то собери, да на телегу пристрой. Себе, паря, откинь пяток, что похруще, на уху-жареху. Вдруг не подфартит с клевом-то,— и старик надолго замолчал, стал заниматься лошадежкой.

Григорий собрал всех карасей в объемную корзину и понес к телеге. Получился довольно увесистый улов. Себе Назаров взял в полотняную сумку четырех довольно приличных карасей, чтобы не обидеть старика. Как-никак уважил, и видно, это ему приятно. Дед закончил свою работу, все осмотрел и остался доволен. Тяжело ступая по песку, подошел к Григорию.

— Ну что, земляк, дорогой ты мой! Прощеваться будем. Спасибо тебе, что терпения набрался, отнесся с уважением к словам старика. Ты загляни ко мне в гости-то, посидим, повспоминам. О твоих расскажу в подробностях, что еще помню. Надо вам и деткам вашим знать все о корнях своих. Может где и сгодятся воспоминания-то мои. Заходи, Гриша, заходи. Больше вряд ли свидимся. Пора мне уже к товарищам-сверстникам подаваться, да и бабка заждалась поди. Все, Гриша, все, поехал я,— торопливо заговорил старик.

Но Григорию показалось, что старик чего-то еще ждал, какого-то последнего штриха. Он подошел и крепко обнял Кулагина и взволнованно сказал:

— Живи, солдат! Долго живи! И спасибо тебе за все. За правду твою спасибо, за то, что сделал в жизни, спасибо!

И Назаров увидел, как старик часто заморгал, у него стали увлажняться глаза и появились скупые мужские слезинки. Дед махнул рукой и торопливо тронул лошадь вожжами. Григорий еще некоторое время смотрел вслед удаляющейся телеге, потом присел на прежнее место и закурил. Он думал о том, что только что услышал из уст старого, прожившего долгую и непростую жизнь человека. Не было, конечно, для Назарова это каким-то откровением, думал об этом и Григорий, и с друзьями-товарищами не раз говорили. А вот сейчас, здесь, у утреннего родного озера, все это как-то аккумуляровалось, ярко высветилось в простых словах и мыслях деда. И Назаров мысленно сейчас согласился со стариком, его рассуждениями и доводами. И Григорий окончательно утвердился в мысли:

— Да, ты прав, солдат! Что-то еще не так. Слабые еще есть звенья, гнилые, в цепи дела нашего общего, важного.

Юрий Токарь
(г. Днепропетровск, Украина)

«СМЕЛЫЙ»

Окончил Днепропетровский университет, преподаватель математики и физики. Работал учителем в Чернобыльской зоне, директором школы в закрытом военном городке. Публиковался в центральных украинских изданиях, в России и Белоруссии. Автор романов «Учитель» и «Воля Божья?»

Возможные совпадения имен и географических названий — случайны.

Тральщик — это тип корабля, речь о котором впереди, а «Смелый» — его название. Возможно, другое название такому судну подходило бы больше. Скажем: «Взрыватель», «Чистильщик» или даже «Санитар», учитывая задачи перед тральщиком стоящие — освобождать море от вражеских мин, даря возможность безопасного прохода своим кораблям. Но «Смелый», в общем-то, также подходящее название. Ведь судно-борец с минами само может погибнуть в случае неслаженных действий экипажа или ошибки командира. Номер же тральщика, обозначенный на борту, был под стать гордому названию: «555». Три пятерки как три самых высоких оценки.

«Смелый» входил в состав военно-морского флота Советского Союза, а именно Черноморского, тридцать лет. Позже стал боевой единицей того же Черноморского флота, но уже Российской Федерации.

Это грустно, но жизнь кораблей, как, собственно, и людей, когда-нибудь заканчивается. Они уходят по-разному. Одни гибнут в бою, другие в неравном противостоянии разбушевавшейся стихии, многие же оставляют этот мир тихо и спокойно. Именно такая доля выпала «Смелому». Он подлежал списанию и утилизации. Черная речка, — так называется место в Севастополе, где корабли превращают в металлолом. Приближение окончания двадцатого века и исчезновение с политической карты мира супердержавы Союза Советских Социалистических Республик совпали с окончанием жизненного пути «Смелого».

Командование, теперь уже российского военно-морского флота, готовя к списанию отслуживший свой век тральщик, укомплектовали его экипаж только офицерами и мичманами. Ни к чему уже «Смелому» были матросы срочной службы. Ведь задача, поставленная экипажу, состояла только в переходе из Крымской военно-морской базы, расположенной на озере Данузлава, к Черной речке. Тральщику надлежало отправиться в последний свой путь.

При этом состав экипажа «Смелого» оказался весьма занятым. И командир корабля в звании капитан-лейтенанта, и его помощник, штурман, главный механик, а также командиры БЧ и частично старшинский состав готовились к уходу в запас. Кто по возрасту, кто в связи с сокращением штатов. Получалось так, что вместе с отходившим свое кораблем, службу оставляли и более двадцати кадровых моряков. Наверное, можно представить себе как навязчиво растекались по «Смелому», стававшие

все более осознанными в головах людей, неопределенность с неизвестностью, размываемая своим туманом контуры будущего, делаая их нечеткими, расплывчатыми. А как же могло быть иначе? Родная страна развалилась, судно списывалось, служба заканчивалась. Что же дальше?

И еще одно обстоятельство очень существенно повлияло на дальнейшие события, произошедшие с боевым кораблем и его экипажем. Алкоголь. Точнее, конечно, не алкоголь сам по себе, а пристрастие к нему командира. Да и чего там греха таить, не только одного его из офицеров. Впрочем, и среди мичманов активные поклонники зеленого змия имелись тоже. Кто знает, может фактор увлечения крепкими напитками оказался весьма существенным при формировании состава экипажа «Смелого», отправляющегося в последний свой морской путь. Большинство офицеров и мичманов принадлежали к категории так называемых «лучших людей флота».

Сорокатрехлетний Кравец Андрей Петрович, невысокий, но, наверное, бывший красивым лет двадцать назад мужчина, а теперь обладатель синих мешков под глазами, с изрядно припухшим после регулярных излиятий лицом, командир корабля стоял на мостике, привычно всматриваясь в даль, скользя взглядом по спокойной, синей воде озера Данузлав, отражающей щедрый солнечный свет.

«А скоро выйдем в открытое море», — подумалось капитан-лейтенанту. — «И что потом»? — продолжала работать командирская мысль. Понимал он, что потом конец службе, минимум двухнедельный запой, тяжелый выход из него, если он, выход, вообще настанет. Привыкание к статусу пенсионера.

«Бр-р! Жутко думать об этом. Пенсионер в сорок три года. Жена всю плешь проест. Она и с приличной зарплатой меня с трудом терпела. Да и то только из-за сына Васи. Пацану уже пятнадцать. А теперь, с пенсией... Сорок три года и всего-то капитан-лейтенант, а некоторые однокашники по училищу смогли дослужиться до капитанов первого и второго рангов. И ведь не семи пядей во лбу были».

Совершенно неожиданно в голове у Кравца выкристаллизовалось абсолютно четкое понимание: «Нет, нельзя идти к Черной речке», и сразу в его памяти всплыли лица двух офицеров военно-морских сил Украины, около месяца назад пытавшихся организовать встречу с моряками кораблей, над которыми развевался флаг Советского Союза, то есть кораблей российских. Никто тогда из друзей Кравца на украинские посулы не повелся.

«Но это тогда», — упорно пробивала себе дорогу настойчивая командирская мысль. — «А сейчас все изменилось. Надо же как-то выживать».

— Офицерам и мичманам прибыть на главный командный пункт, — уверенно скомандовал капитан-лейтенант тоном принявшего непростое, но окончательное решение человека.

Через пять минут Кравец обратился к собравшимся:

— Предлагаю. Сейчас предлагаю, а не приказываю. Принимаем украинскую присягу, поднимаем желто-голубой флаг и идем на Одессу.

Кравец замолчал. Хозяйкой рубки стала удивленная тишина. Взгляды моряков высверливали что-то под ногами. После короткой паузы командир продолжил:

— Если не хотите остаться без службы. И хотя мы со своим металлоломом, может, никому особенно и не нужны. Но это шанс. Кто не захочет принимать украинскую присягу, заставлять не будем. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Командир отдавал себе отчет в том, что, действительно, среди офицерского и мичманского состава найдутся не желающие носить украинскую форму. Но это ничего не меняло. «В конце концов, часть моряков сможет вернуться из Одессы на базу своим ходом. А остальные станут украинскими гражданами», — подумал Кравец и скомандовал:

— Поднять желто-голубой флаг. Штурман, у вас он в каюте, подаренный украинцами. Радисту передавать регулярные сообщения в штаб ВМФ*: «следуем заданным курсом».

Как только «Смелый», пройдя фарватер, вышел в открытое море после принятия большинством членов экипажа новой присяги, он вместо юго-восточного направления, в сторону Севастополя, пошел на северо-запад, к Одессе. Радиоигра с российским штабом ВМФ продолжалась целый час, но затем последовал запрос: «Укажите причину изменения курса». Лукавить далее смысла не было и командир ответил: «Экипаж принял украинскую присягу. Следуем в Одессу».

Безусловно, вскоре информация о намерениях «Смелого» стала известна и штабу ВМС Украины. Ведь радист тральщика работал в эфире открытым текстом.

Через несколько минут после получения ответа от «Смелого», ошарашившего штаб ВМФ, за «беглецом» вдогонку направили десантный корабль на воздушной подушке (КВП) «Зубр», вооруженный шестиствольными пулеметами (моряки называют их металлорезками) и системой «Град». Скорость движения такого корабля около ста тридцати километров в час, а потому КВП смог настигнуть «Смелого» менее чем за час.

С «Зубра» по ВЧ-связи последовало предупреждение командиру тральщика: «Машину на СТОП. Лечь в дрейф. У меня приказ: в случае неповиновения открыть огонь... Не валяй дурака, Андрей!» — услышал Кравец знакомый голос командира «Зубра», с которым не раз доводилось сидеть за одним столиком офицерской столовой Крымской ВМБ, а затем прозвучали совсем недружеские слова: «ДАЮ ПЯТЬ МИНУТ!»

Кравец среагировал мгновенно, понимая, что пути назад у него уже нет. Он приказал радисту выйти на связь со штабом ВМС и через минуту сообщил о принятии украинской присяги экипажем «Смелого». Хотя, информация об этом для штаба ВМС новостью уже не являлась.

По иронии судьбы именно в это время пара украинских истребителей СУ-27, поднявшихся с аэродрома в Саках, отрабатывали учебные задачи в районе мыса Тарханкут, то есть совсем рядом с местом нахождения «Зубра» и «Смелого». Пилоты истребителей получили приказ прикрыть, теперь уже украинский, тральщик.

Известно, что приказы в армии и на флоте не обсуждаются, а потому оба СУ-27 через несколько секунд начали демонстрировать фигуры пилотажа над «Зубром», в частности эффектные «бочки», при которых самолет пролетал над палубой КВП и взмывал вверх, делая петлю перед следующим заходом. Несли ли истребители боевые ракеты, командир «Зубра» не знал.

А в это время в напряженном эфире, в радиопереговорах между штабами ВМФ и ВМС решалась судьба десятков людей, моряков и пилотов. А может быть и не только. Страшно представить, что могло случиться, если бы договаривающиеся стороны не пришли к единому решению. Но, Слава Богу, после переговоров «Зубр» ушел на свою базу. А пара СУ-27 вернулась на аэродром.

«Смелый» же через несколько часов благополучно пришвартовался у военной пристани Одессы.

Капитан-лейтенант Кравец через двое суток стал капитаном второго ранга, перепрыгнув одну служебную ступеньку. Сам тральщик, российскую собственность, доставил-таки на Черную речку уже другой экипаж, вернув его российской стороне. И ровно через месяц корабль-беглец перестал существовать как боевая единица.

А капитан второго ранга Кравец, уже с трезубцами на погонах, прослужил всего несколько месяцев, так и не порвав крепкую дружбу с «зеленым змием». Он был отправлен в запас.

Владимир Вещунов
(г. Нижний Новгород)

КИПАРИСОВСКИЙ «ЭКСПРЕСС»

Родился в 1945 году в Таджикистане в поселке для спецпереселенцев в семье донских казаков. Детство провел в Сибири. На Урале окончил художественное училище и педагогический институт. Публиковался в журналах: «Литературный Владивосток», «Полярная звезда», «Молодая гвардия», «Луч», «Казань», «Русское поле», «Нижний Новгород», «Сура». Автор шести книг повестей и рассказов. Член Союза писателей России.

Электропоезд № 6322 всего из восьми вагонов, маршрут следования Кипарисово — Владивосток, дремал под субботним сентябрьским солнцем перед отправлением в 17 часов 02 минуты.

Осень, но пляжной негой еще дышало озеро неподалеку, на 30-м километре. Еще продолжали плавиться от ожогов на Санаторной заснувшие выпивохи.

К этому часу пронзительная синь выцвела по-летнему. Белесый полог неба нагрелся до духоты. Она тяжело опустилась на железнодорожный узел.

Понурились, будто буренки в парком стойле, пожухло-зеленоватые, запачканные ржой, давно пустующие в тупике вагоны. В них складировали свой ремонтный скарб путейцы. Возле штабелей лоснящихся от мазута вывороченных шпал на ветке рельса они рядком, цепочкой в дорожных безрукавках алели снегирями. Заменяв деревянные подгнивающие шпалы на бетонные, в перекур любовались на свое творение.

Поодаль морковкой под шляпкой клетчатого зонтика от солнца торчал, видимо, их бригадир, интеллигент и чистюля.

За облупленными пятнистыми вагонами под сенью вязов зазывно белел уютный хуторок. В тенечке, напасшиеся вдоволь, прохлаждались пять ослепительно снежных козочек. От хуторка к станции бежала ручейная тропка, по которой блескуче петлился неиссякаемый родниковый ручеек. На изумрудном бережку его, будто телок, пасся пегий пес.

Эту манящую пастораль загородил состав из аляповато размалеванных, как в аттракционе, вагонов: читинских, улан-удинских, барнаульских, иркутских, красноярских и даже харьковских. Какая нужда заставила притормозить напوماженную «сборную» на неприглядной станции с приглядным названием?..

А мимо прозвучал прогонистый мотив с переборами фирменного новосибирского. Затем вызвала землетрясение железная поступь цистерновоза НК «Альянс».

Разжаренный, потный, кипарисовский «экспресс» тяжело дышал порами открытых дверей и окон, дрожал в змеящихся язычках воздушного пламени. В стрекозином шелестящем мареве утонуло все окрест: вот-вот расплавится мир и испарится...

— До отправления электропоезда, следующего до станции Владивосток, осталось пять минут! — объявила диспетчерша.

Мужики на перроне неспешно заканчивали курежку, допивали пиво; дачники-собачники затаскивали питомцев в вагоны.

Грудь на вынос, ранняя бедрастость, обабившаяся пацанка, голопупая, в короткой майке и шортах, по-свойски потормошила оцепеневшую от жары парочку: таксу и хозяйку, похожую на нее.

Антрацитная рубаша, чернильный галстук, смоляная окладистая борода; на раскаленном перроне чужеземный сектант или волонтер, истуканом изучавший расписание поездов, вдруг согнулся в три погибели — и прогремел оглушительный чих, залп за залпом. Страшное слово «аллергия»! Прямо на перрон валилась полторамертовая блекло-розовая толпища полыни-амброзии.

Скрутила чужеземца приморская сенная лихорадка. Заколотило его; слезные глаза, роса от чиха на бороде. Дико озирается, ничего понять не может. Аллергия — извращенная чувствительность. От сотрясения голова кругом. Нет даже сил сдвинуться с места к зовущей двери.

— Осторожно, двери закры... Дед с рейками, поторопись! И ты, бабушка со стулом! А ты в черном? Никуда не торопишься? Ну чихай, чихай на здоровье!.. Наш электропоезд следует до станции Владивосток со всеми остановками! Осторожно, двери закрываются!

Натужно заскрипев суставами, застоявшаяся электричка тяжело, со стоном тронулась с места. Полынный вал еще мощнее навалился на дрогнувший перрон. Вяло шевельнулись седовато-кремовые метелки сняты на откосе, ржавые султаны дикой рябины. Стена осоки у придорожного болотца, забитого весенне-изумрудной ряской, качнулась, и ветерок от нее до серебрения встопоршил тальниковые копейки, освежил, оживил душные ивовые кущи. Легкая волна пробежала по шелковистой луговине. Бык, жарою слепленный в пельмень, сонным взглядом проводил зеленую гусеницу электрички.

Обливаясь потом, багровый, из тамбура втащился мужичок с пучком трехметровых реек. Створ двери придерживала старушка-невеличка, держась за массивный стул. Его заволок мужчина, теперь бабка помогала ему.

Посыпались советы:

— На пол! Народу немного. Позже дачники поедут, ишь, как распогодилось!..

— Удобнее на полку.

— У меня в прошлом разе плинтуса удержались...

С помощью влюбленной парочки, оторвавшейся в тамбуре от поцелуев, в проход протиснулась и старушка со стулом, плотно «забинтованным» бечевкой. Это была величественная мебелина с подушечной сидухой, пышной, в роскошных лилиях. Отдышавшись, бабушка поправила сбившуюся горошковую косынку шалашиком, распутала сиденье и уселась на него. По-детски болтнула ножками в тапочках-кунфуйках, чуток не достающими до пола, и тотчас задремала, блаженно откинув голову на спинку стула.

Гудящий улеем вагон. Коробейники и прочая торговая мелочь. Мобильная трескотня.

— Мороженое сливочное, фруктовый лед! Шоколадное в стаканчиках! Мороженое кто желает?..

— У-уф!.. Жарень-духотень!.. На фиг мне твое мороженое! Пиво желаю! Пиво есть?!..

Щекастый карапуз в бейсболке, в коротких штанишках и кроссовках, топчась на скамье, надувал щеки и гудел паровозом. Услышав мороженщицу, загнусавил:

— Я тоже хочу!..

— Не реви мне! Стал больно много реветь! Тебе нельзя! У тебя еще с прошлого раза горло не отошло. На вот компот попей. Бабушкин!

Малыш медвежонком обхватил банку ручонками и засопел, запыхтел, зачмокал, стоя на крепеньких ножках без маминой поддержки, слегка покачиваясь в такт бегу электрички: вот-вот уронит тяжелую, скользкую посудину!..

— Хватит дуть, Макс! А то приспичит — и где туалет искать? — мамаша забрала у него компот: хлебок — и банка пуста.

Сынок возмущенно нахмурился, но тут поезд поглотило мрачное чрево тоннеля — влажное, душное, динозаврское.

При явлении света мальчик скосил вдруг глазенки на соседку:

— А тетя арбузик проглотила!

Набожная девушка с брюшком, с Библией на коленях, державшая спину прямо и напряженно, еще более напряглась:

— Мамаша!..

Она не договорила и крупно перекрестилась, увидев в миражном мареве золотую голубку надеждинской церкви...

Встречный ветер. Дробный стукоток с подскоками, тоскливый свисток раздольной электрички!..

— Надега! Извините, Надеждинская! Следующая — 37-й километр! Извините, то есть, наоборот — Совхозная!

Никак не могут распрощаться две молодящиеся мамамы, обе громоздкие, с пудельными кудерьками — близнецы-двойницы. Одна уже на перроне с мобильником, вызывает сестрицу «Вальсом цветов» из «Щелкунчика». Та игриво отвечает:

— Пока-пока! Чмоки-чмоки! Покушечки, поцелуйчики!..

Ссугулившись, в балахонистой серой ветровке, накрывшись безголово капюшонном, зашмыгивает в вагон шпаненок. Руки в карманах сдвинуты на пуп; приבלатненная походочка — скрадывает воровскую добычу.

Хрупенькая беляночка, гитара с виолончель, ручьистый голосок:

— Дорогие попутчики! Эту песню я посвящаю родному Надеждинскому! — и, минуя первый куплет, она начала прямо с припева: «Надежда — мой компас земной...»

Не успела допеть куплет, как из угла перед тамбуром вскочил мужик, жердяй. Он с семьей обустроился среди баулов и тюков. Жена его нянчила моську и помогала сынишке разрисовывать книжку-раскраску.

Мужик уважительно положил в бейсболку гитаристки десятку и увязался за ней, наслаждаясь ее пением.

Собрав рубли, она, благодарная за внимание, по-мужски рванула струны и с надрывом выдала свое:

*Вечер-смутьян на выдумку горазд,
Он терпеть не может одиночества:
Выброшена робость за борт, как балласт;
Здравствуй, смелость — мушкетерское высочество!*

Щедрый почитатель положил в копилку еще десятку и устремился за певуньей, перешедшей в передний вагон.

Уже там послышалась любимая народная:

Расцветали яблони и груши!..

Раздались одобрительные голоса:

— Вот это по-нашему!
 — Молодчина девчонка!
 — Талант! Десять рублей не жалко!
 Разбитной газетчик заглушил восторги:
 — Книжка про ягоду-малину! Уникальное издание! Мировой бестселлер! Читается легко, почти невесомо. Газета «Мир криминала». В Подмоскovie бандитами без предупреждения велась стрельба на поражение!..
 Следом, толстый, громоздится пекарь:
 — Пирожки!..
 — Сосиська в тесте! — зная его речевку, с издевкой подсказывает мужичок с ведерком помидоров на коленях и хихикает квакающе.
 — Сосиська в тесте,— вяло соглашается пирожовник: в такую-то жарень!..
 — А пиво есть? — алкает страждущий смертно пивобрюх, сдирая, будто кожу, тельник.
 — Дайкон! Черная редька! Семена самого высокого сорта!
 — Свет, чего хотела? Я в электричке еду. Вике ключи оставила. Проверяли ли хоть квартиру? А то домушников, форточников расплодилось!.. Ты не по этому? Кроссворды отгадываешь? Ну ты дае-ешь! Ах, я же знатная кроссвордистка! Какое слово? «Цветочек у меня в садочке»?..
 — А вот еще талант!
 Гармонист в довоенном кепарике-восьмиклинке с пуговкой ухарски наяривает:

*Не горюй, жена Алена:
 Живы будем — не помрем!
 Подрастет трава зелена —
 На подножный корм пойдем.*

*Эх, играй, моя гармошка,
 Десны красные покажь!
 Поживем еще немножко,
 Россия держится пока...*

— Держится...— вздыхает мужичок с помидорами.
 Судьба России тревожит многих.
 — Зато вон замки! Еврокрыши черепичные. Ядовитые!..
 — Здесь барство дикое!..
 — Чтобы развалить государство, надо обогащать богатых и обнищивать бедных.
 — А нам, русским, хоть в лоб, хоть по лбу!
 — Удары судьбы в лоб означают, что бесполезны ее пинки под зад.
 — Вон наша судьба. Лица желтые во Владике кружатся...
 — Соленьи арахис! Калимар к пиву!
 — К пиву?!.. А оно есть? Нет? Тогда отвали!
 — Мальчика-капитана! Вот чуп-чупс! Вкусный. Даром бери. Угощайсь!..
 Максик перестает гудеть паровозом и протягивает китайцу пухлую ручонку. Мамаша шлепает по ней:
 — Не бери, Макс! У нас свои есть. Бабушкины. Ишь, рожа — хунхузская, а теперь нашим детишкам чупы-чупсы сует...
 И она достала из полосатой сумки свое. Леденчик-петушок на палочке! Рубиновый огонек, зоревой, переливчатый. Живой. Вот-вот кукарекнет. Сколько же ему веков — русскому, неповторимому, несгибаемому?!.. Ай да бабушка у Макса — руко-

дельница, хранительница леденцового искусства! Топленый сахарок с медком, с мамино-земляничным соком заливается в петушковую формочку. А ежели по старинке, то еще имбирь для пряности добавляется. Никакие чужеземные чупы-чупсы с таким чудом не сравнятся!..

Ходячая груда разноцветного тряпья:

— Носовые платочки, шулощек, нососчек, маещек!..

Перламутровая, в бисере, милая игрушка: сексуальные стоны, дикий хохот, скандальный ор, дребезг стекла...

— Ой, Вик! Мы с Эдькой — у него... Ну, понимаешь, о чем я? Предки на дачу рванули, вот мы и... Супер! Хочешь, мы тебя с его дружбаном?.. Не вопрос. Натуральный Дима Билан!..

Сунула триндозвон в стильную бисерную сумочку. Погрызла ногти. Достала универсальный ножичек-складешок. Чик-чик! Стрижет ногти, коричневые, протабаченные...

Резиново скрипит сыр в деснах ветхой, косматой смертушки. И вдруг эта бабка-ежка выпутывает из одежных лохмотьев запищавшую чешуйчатую «рыбу». Прогресс!

— Фень?.. Да ты чо? У вас в Сучане дождь? А у нас парилка. Ну и край! Да и во Владике так же. На Второй Речке — солнце; а в Гнилом Углу — туманы, морось... А ты вот чо, Фень! Кардонка впитывает всю влагу. Ее и пользуй.— То ли поветрие с «чмоками» заразило ее, то ли собезьянничала, подслушав «сестренку»: — Ну, Фень, пока-пока, а то у меня говорильник скоро упокоится. Чмоки-чмоки!..

Еще один газетчик — дюжий, зычный. Такому Муромцу докером бы в порту силушкой похваляться. Да пустеют кормильцы морского края. Поникли головы трудяг — «жирафов»...

— Есть журналы! «Тайны века». Самое мистическое «Джентри». И еще тайны — «Тайны звезд». Свежие. Газеты, журналы, сканворды! Японские тоже. Расписание электрички со всеми остановками. Пять рублей всего!..

— Тайны...— вздыхает седой, лысоватый дачник в темных очках и с горбатым рюкзаком на коленях.— Вон, как объяснить сие странное явление природы: вся Шамора — в морских гребешках. Подпитывает Нептун население.

— Да-да, я тоже удивилась! — пышка перестала возиться в своих сумках.— Интересно как! Бывает же в природе такое! Своему Витальке расскажу — не поверит, хоть читает про всякую ерундистику в «Джентри».— Она мигом проглотила булочку, два бублика, успев при этом кляксово подмалевать перед зеркальцем мобильника булочку губ: — Виталя, ты не поверишь!..

На Амурском Заливе, как обычно, «экспресс» застрял.

— В связи с ремонтом путей поезд задерживается ориентировочно на семь-десять минут. Приносим извинения с доставленными неудобствами!

— Неприятности — это еще не самое плохое из того, что может с нами произойти,— воздев палец кверху, умно изрек «рюкзак».— Хуже всего, когда с нами ничего не происходит.

— Скажете тоже...— с вездесущим «пока-пока» пышка захлопнула книжку-мобильник.— А мой Виталий говорит, что самая лучшая новость, когда нет никаких новостей.

— Сенсационная новость! Щедрые дары океана! Весь пляж бухты Шамора усеян гребешками. Тайфун выбросил на берег тонны ценного деликатеса. Люди собирают его ведрами! Универсальный морепродукт! Можно сварить, поджарить, добавить в салат, потушить, замариновать. Вкус этого деликатеса обогащает общую палитру любого блюда своей нежностью!.. Свежие новости! Читайте в газете «Свежие новости»!..

— Хорошая прибавка к пенсии!

— Надо поспешить, пока не поздно!

— Да, поди, уже все собрали...

— Граждане пассажиры! Будьте бдительны! Во избежание террористических актов не трогайте бесхозные вещи! В случае обнаружения оставленных предметов сообщайте полиции или машинисту электропоезда!

Щедрый любитель гитарной песни с блаженной улыбкой вернулся к семейству. Никто на него не обратил внимания. Жена разговаривала по мобильнику с юристом об оформлении документов на усыновление. Месяц назад умерла сестра, разведенная, оставила сиротой четырехлетнего сынишку.

А он, математик, считал мелькающие вагоны:

— Один, два, четыре, пять, восемь...

В высверках солнца его русая головка казалась седой. На него из кошелки с сиротской печалью смотрела пегая остроухая собачка, тонюсенько поскуливая.

Папаша примостился на опрокинутом ведре напротив семейства, развернул газету и, бормоча, принялся кроссвордничать:

— Мучной уголок в амбаре? Та-ак-с... Колобок. Не-а! Су-сука... Сусека!.. А здесь... Как же его, грека этого?.. Они еще поплыли руно искать — ценный такой каракуль. И капитанил у них... Эх, екарный бабай!.. На «Арго» они плыли, еще водка в честь его названа. Спасская. Ничего, не сучок...

— Пиф-паф! Ой-ой-ой! Умиляет зайчик мой! Увезли его в больничу — и уклал он лакавичу...

От «стрельбы» старушка на стуле по-куричьи склонила голову набок, легонько встряхнула ею:

— Не лакавичу, а ру-ка-ви-цу, — ласково поправила она малыша.

Он снисходительно улыбнулся и продолжил считать вагоны:

— Один, два, тли, семь...

Старушка опять вмешалась в счет:

— А четыре, пять, шесть где?

Мальчик насупил и прервал мобильный разговор матери:

— Мама, а почему дядя говорит: «Двели закльваются!»? Ну ма-а!..

Она успокаивающе погладила сынишку по пшеничному чубчику и поспешила закончить юридический разговор:

— Да-да, товарищ... господин адвокат... Возраст у нас еще подходящий, квартирные условия не стеснены, работаем оба, бюджет стабильный, медсправки все есть и куча всяких других документов... Извините! — резко оборвала затяжное пояснение и до вихров потрепала «почемучку»: — Он остановки объявляет, и чтобы в них никто не попал.

— В двели?

— Да!

— А давай пло «да»!

— В совхозе «Победа» во время обеда случилась беда — пропала еда. Ты съел?

— Да-а-а!.. — ликующе вскричал малыш и бросился в объятия матери: — Ма-ма! —

Он обхватил ее шею ручонками, будто его собирались оторвать от нее.

Мать родную неласковая судьба отняла у Ванечки месяц назад. Два года страдала неизлечимо, сердешная. Родная... Навещал маму в больнице с тетей и дядей и со временем их стал звать мамой и папой. Им же Господь ребеночка не послал. А тут... Как говорится, нет худа без добра. Радость рядышком ходит с горем.

Поглаживая в объятиях сыночку, вытерла женщина счастливую материнскую слезу и слезу печальную — о сестре. Отец, бросив кроссвордничать, придвинулся к жене и сыну, потрепал его взъерошенный чубчик.

Старушка на стуле мельенько поморгала и переживательно затеребила лепестки косынки: она слышала разговор об усыновлении.

Малыш выскользнул из объятий матери и, скоренько посчитав мелькнувшие вагоны, соскочил на пол:

— Бабушка, а можно я на стуле посижу?

Та споро, по-детски, слезла со своего сидения:

— Посиди, касатик, посиди! Вон какие у тебя мама и папа заботливые.

Ванечка чинно уселся на стуле, скрестив ножки, однако начал почесывать ручонки. Старушка, стоя рядом, погладила их:

— Эх комарицы-стервицы тебя покусали! Календулой, ноготками потри — укусы и заживут.

— Нет, не заживут! Коготки наоболот колябают.— Он резво вскочил и, держась за спинку, запрыгал на стуле: — Бабушка — калябушка, бабушка — калябушка!..

— Ванечка, нельзя так! — мать ласково шлепнула его по попке.

— Ой-ой-ой! — притворно ухватился он за «ушибленное» место.— Умиляет зайчик мой! Увезли его в больничку — и уклал он лакавичу... Не заживет! Не заживет!..— почесал ручонки — и встал как вкопанный: — Мам, а когда мы в больничку пойдем?

Мать посадила его на колени:

— Скоро, сынок, скоро...

Непостижимо отозвалась чуткая детская душа на мамино горе, на свое, сыновнее, далекое — близкое, непонятное и отторгаемое. Потому и не сказал «в больничку к маме». И как бы оправдываясь за свое умолчание, опять же притворно, как от боли, скривился:

— Там уколы делают. Плохо там пахнет. Ле-кал-ства-ми...— склонил головку к материнской груди и навстречу подлетающему сну улыбнулся уютно...

Запашистая вагонная разноголосица... Дух земли, пот людской, плодово-овощные ароматы, пирожковая прогорклость, псина, алкания недовыпивших мужичков, типографская газетчина, пряные вкрапления цветов и мороженого...

Разнобойный и в то же время единый хор вагона... Он, добрый хозяин, несет в себе труд и дрему усталых дачников, деловые встречи, юные ожидания, судьбу маленького Ванечки... Несет дорожное время; скрадывают его, долгое-предолгое, пустопорожние «балалайки». «Просыпаются» они от кукареканыя, ядовитого хихиканыя, от «Ласкового мая», «Полета шмеля», кукованья, дикого хохота, колокольного звона, дребезга стекла, «Вальса цветов», сексуальных стонов, «Прощания славянки», скандального ора, «Пещеры горного короля», собачьего лая... «Гав! Гав!..»

— Я слушаю, дорогая! Понял! Да! Позвони Кузьмичу насчет машины, если не поздно будет. Щебенку оплати. Машину пусть завтра подгонит. Але!.. Не забудь, позвони Кузьмичу. Да нет, еще не поздно! И за щебенку заплати. Насчет завтра договорись...

— Ой, Вик, я побежала! Билеты проверяют!..

— Не ветеранка я. Льгот мне не дадено, года не хватило. А пенсия — и восьми нет.

— Не ветеранка ты, а ветеринарка! Ишь как скотину прешь!

— На ярманку ташшу. Может, купят. А не то в церкву унесу. Мне его на барбоску Петро-сосед поменял. Ране у его обстановка была, да с Клавкой разошелся, запил. Одному тоскливо, вот мою Лиску, Лисаньку, за стул и выпросил. Все вдвоем весельше...

— Не заливай, бабка! — оборвала старушку дородная ревизорша с эржэдэвской бляхой на мундире и грозно объявила: — Проводятся мероприятия по безбилетному проезду!..

— Женчына без попы, что всадник без головы! — икая, уважительно оглядел ре-визорские достоинства пивобрюх.

Та метнула на него уничтожающий взгляд. Он протянул ей билет, зажатый в потном кулаке, и залепетал:

— Командир, ты чо? Ну ладно, командир...

Она же надвинулась всеми телесами на старушку, горсткой вжавшуюся в величественный стул, и снова рявкнула:

— Проводятся мероприятия по безбилетному проезду!

— Вер,— тихонько, чтобы не разбудить Ванечку, муж дотронулся до плеча жены,— давай матери оплатим проезд.

Она растерянно взглянула на него и зашептала:

— Да поиздержались мы. Ты вот за гитарой хвостом вязался, десятками щедрил. Мороженки самые дорогие, эскимо слакомили. Нашу Кнопку оштрафовали, аж на пятнадцать рубликов. Теперь она — не «заяц». Как путевая. А, Кнопушка?.. Непредвиденный расход. Вот, осталось только на автобус.

— Да ладно, Вер! На Моргородке выйдем. А там пешочком прогуляемся. Бабуля, тебе куда? Та-ак, скоко у нас в наличии? Ей, командир, токо до Спутника. Вот, сорок пять рэ! Держи, мать, билет! Теперь ты не «заяц», а как наша Кнопка.

Ручкой, куричьей лапкой, старушка с бережью, как бесценную иконку, взяла беленький квадратный клочочек. Словно не веря в подлинность его, посмотрела на просвет. Аккуратно положила в прозрачный пакетик, где у нее, похоже, хранились документы. Заморгала часто, смахивая сухонькой ладонькой неожиданную слезу; медленно закрестилась:

— Спасибо! Спаси вас Бог!..

— Ладно, мать, не расстраивайся! Все мы — свои люди. Вон как все цаплями любятя!..

Перед синюшным маревом горизонта, слившегося с тусклой морской полосой, сверкнула узкая латунь озерца на заливном лугу. Посреди него, словно продолжая камышовый «чакокол», рядком выстроились «камышинки» цапель. Серые, с хохолками и пестринами, голенастые, они балеринно подогнули ножки: вот-вот исполнят танец маленьких лебедей...

Заповедное место это, будто святыня, неудержимо притягивало к себе взоры и души «электрических» пассажиров. И чудилось, от прильнувших к окнам людей крепится состав к манящему омутному озеру, к грациозным птицам — к природе, такой близкой и такой далекой, к ее любви... И это неизъяснимое притяжение смущало, счастливо до просветления. Такая сладостная тайна. Люди — дети... И в таинстве этом Божественном — их сродство. И в переживании сродства этого вагон виделся старушке добрым миром. Ему она верила и смотрела на него слезно-счастливыми глазами с надеждой...

— Але! Костя, это я. В электричке. Тут стул можно купить. В сидячем состоянии. Недорого совсем. Как куда? Светке подарим. У нее юбилей скоро: сорок три года. Забыл? Ну тогда в гараж. Не хозяин ты, Кось! Ничего-то тебе не надо по дому. Никакой заботы. Ну ладно, все равно встретить меня. Машина-то хоть на ходу? А то ташу огурцы, помидоры, да еще гладиолусы. Где-где? На привокзальной площади, у киоска с бургерами. Э-эх!.. А стул-то самый подходящий!..

Победоносно, с запотевшей бутылкой воды, как со знаменем в руке, восшествовала в вагон «спасительница» с клеенчатой хозяйской сумкой:

— Жарень-духотень! А у меня для вас холодненькая водичка! Все расхватили — две воды осталось. Вот красавицу с булочкой разжарило. Все! Ей досталось!..

— А пиво есть? — безнадежно, першаще прохрипел пивной бедолага.

«Водница» заговорщически наклонилась к нему и благодетельно зашептала:

— Есть, мужчина, есть! Токо в газетке храни, а то стучат,— воровато озираясь, вынула из сумки банку, плотно завернутую в газету.— И тебя могут штрафануть. Нельзя в общественном месте!..

Ошалело, с разинутым ртом, бедняга недоверчиво вперился в газетный сверток. Тряхнул головой, как от наваждения, но все же принял этот неожиданный, бесценный дар. Расплатился со спасительницей и выдохнул горячо:

— Вот это МЧС!

С любовью, словно новорожденного, прижал к изнуренной груди вожделенный сосуд, распеленал его и дернул за колечко.

— Буду петь! — в полосатом замурзанном халатишке, не то пацанка, не то пацаненок, «чудо» почесало золотушное ухо и зачастило: — Там-бурам-бум! О-о-о!.. Там-бурам-бум! Добрый люди, дай две рубли! О-о-о!..

Ощутило цыплячьей спиной жар надвигающейся туши и успело ушмыгнуть за эту громадину.

Ревизорша нещадно заколыхалась над старушкой. Та по-детски воззрилась на нее снизу вверх, точно невинная на судьбу.

— Чо уставилась? Забирай свой трон — и на выход! Спутник скоро. Кончился твой халаянный билет!

Вагон возмущенно зароптал. Оплативший бабушкин проезд возмутился:

— Да вы сами сейчас вылетите, как пробка!

— Что-о?!.. Люд! — крикнула оскорбленная напарнице, вошедшей в вагон.— Зо-ви полицию!

— Вон здоровенные «зайцы», как лоси, от вас сигают. За ними и гоняйтесь! А вы к бедной бабушке пристебались. Она даже места не занимает. У нее свое.

— Как же, обеднела! Весь проход заняла. Будто царица на троне, восседает. На мебель, такую дорогую, деньги есть, а на себя нет. А вообще-то, пассажир, почему вы нас оскорбляете? «Пристебались...» Кто дал вам такое право оскорбляться? Мы при исполнении и счас полицию вызовем, и вас хорошенько оштрафуют. Люд, зови!..

Припыхали два мышастых амбала с дубинками во главе с Людкой. Та попробовала пригасить накал:

— Что за шум, а драки нет?

Но стражи порядка сразу «вычислили» нарушительницу:

— Ну ты чо, бабка, ва-аще, крысятничаешь? Стул вон какой! Престол! На таких токо фараоны да цари-императоры сживали...

Доселе неприметно сидевшая у окна дама властно встала. Сидевшие рядом с ней враз ужались, и она, статная, огнекудряя, в блескучем платье, свободно вышла в проход. От ее царственного мановения руки кучешка служителей порядка подвинулась от «престола».

— Вас как величают? — будто ограждая старушку от дальнейшей напасти, она положила на спинку стула свою божественную руку.

— Баба Аганя.

— А полностью?

— Федоровна. Агафья.

— Агафья Федоровна, я давно приглядываюсь к вашему стулу. Он мне очень приглянулся. Ежели за две тыщи?..

Старушка плаксиво заморгала, личико жалостно сморщилось.

— Что с вами, Агафья Федоровна? — участливо, как врач, спросила покупательница.

— Да я на добро так... Нонче его маловато.

Она соскочила со стула, боголепно распахнула глаза на дивную деву и истово закрестилась:

— Ясны очи! Ясны очи!.. — богородичные очи будто смутили ее разум, и она, завороженная, покорно приняла Божий дар. — Да храни вас Господь!

Купив билет до города, вышла на Седанке: там, в церкви уже шла вечерняя служба. Провожая отходящий счастливый поезд, крестясь, низко кланялась всему доброму люду в нем, чудотворной деве — всему миру, сотворенному Богом.

И блистал солнечно-радужно нарядный перрон, узорчато-паркетно вымощенный плитками...

До горизонтной золотисто-сиреновой дымки раскинулся залив. Среди морской ряби сверкали притишенные зеркальные проплешины. Могучий зеленый ветер поезда будто тянул за собой включенные снежные буруны, паломниками припадающие к обетованному берегу.

Обладательница стула застыла рядом с ним с какой-то неизъяснимой, нездешней далью в глазах, словно видела себя бегущей по волнам.

— Чайка! Следующая Вторая Речка!

Она вздрогнула, повела затуманенным взором по вагону и направилась к выходу. Некоторые даже привстали, взглядом провожая ее.

— А стул? Вы стул забыли!..

Она уплыла в золотом зареве, плещущем сквозь окна...

Сверкнула, чиркнув серебряным крылом по вагонному окну, отчаянная чайка.

— Если чайка летит задом наперед, значит, ветер сильный! — икнув, похлопал себя по довольному урчащему пузу пивной счастливец.

— Вот мимо пляжей ездим. Лет десять не пляжила, — примяла трудовой ладонью жидкие — вей, ветерок! — обесцвеченные перекистью волосы увядающая, но все еще приятная женщина. — Все дача и дача...

— Да что вы говорите?!.. — изумленно воскликнула соседка ее, «барынька» в замысловатом розовом чепце, как будто та сообщила нечто невообразимое.

В долгом дорожном разговоре она нет-нет, да и вставляла с умным видом эту фразу. Другая же их соседка по скамье, сидевшая с краю, с виду горделивая и осанистая, на каждой остановке заплотшно вскакивала и растерянно вертела головой:

— Где мы? Где мы?..

— Ля-ля — три рубля! — с утробной отрыжкой урезонил бестолковку «пивопитек». — Вторая Речка!

— Олигарша, небось... — не сразу стали обсуждать странную даму местные обыватели: величественный дух ее витал над вагонной будничностью.

— Вон какие деньжищи вывалила старушенции!

— Экий стулище — и не забрала.

— Не-е, они так-то с нами не ездят. У их шофера и охрана.

— А чо она тогда выделяется, простую из себя корчит? А вон как разодета!

— Да ничего особенного. Просто женщина видная, а платье нарядное.

— А как же стул?..

— На восьмой путь высокой четвертой платформы прибыл электропоезд «Кипарисово — Владивосток»!

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова*

* * *

Гвалт под мартовским небом грачей
И гремющий в овраге ручей,
Словно нет на земле сволочей —
Лизоблюдов, пройдох и рвачей.
Словно нет сверхпаденья в цене
На слова
    о душе, о добре.
Словно место им
    лишь в словаре...
И повсюду
    барыш на коне...

РАЗГОВОР

Было
    в разговоре
        тесно
Не потому,
    что не нашли темы.
Один
    говорил честно.
Другой —
    не отвечал
        тем же.

ПЕРСТ

Коль межеумка властный перст,
Не дай-то Бог, во что упрется —
Держись тогда от мозг...
Под славным лозунгом «прогресс».
Перста те ныне, как вчера.
Терзают ум, терзают сердце.
Избавь, Господь, от их усердства
В просторах русского двора...

* * *

Я советский, как есть, наяву и во сне.
И меня тут не переиначишь.
Я родился в рабоче-крестьянской стране
И воспитан на слове «товарищ».
Сорван Родины флаг
  под предательский свист,
Но Господнею волей хранимый,
Наш народ
  есть и будет он
  социалист —
Вероподданный
  Третьего Рима...

* * *

Если жизнь на наших и не наших
Делится, увы, как на войне,
Ни романсы, ни шансон, а марши
С неких пор всего дороже мне.
С ними сердцем я готов брататься
В праздничной и будней суете.
В них звучит потребность государства
В силе, правоте и чистоте.
Боевые, с волевым напором.
Им враги — вранье и саботаж.
Им друзья — державные просторы,
Оптимизма дружный экипаж...

КАСТА

Каста — не кастет зубодробильный,
Но ее удары посильней.
Коль не проявляете сервильность,
Коли в рот не смотрите вы ей.
У нее глаза добрей овечьих,
У нее улыбка простака.
Но коль бьет, так бьет под дых и в печень
Касты подколотная рука...

* * *

И говорю себе:
сам знаешь.
И поступай,
как поступаешь.
Ни дня
не выкинешь,
как ветошь.
Сам знаешь,
что за все
ответишь...

ПЕВЕЦ

Он ревел в бесшабашности песенной
И входил в сокрушающий раж.
Я-то думал, что свой — бессеребренник.
Я-то думал,
Что духом — Челкаш.
Пред бездомьем до смерти
          есенинским,
Пред хибарой,
          где кончил Рубцов,
Что вы стоите
          с вашими песнями,
Обладатели вилл и дворцов.

* * *

Который год разлив не получается.
И у реки — сухие берега.
Как прежде дали
          не переливаются
В лучах зари,
          когда сойдут снега.
И дух весны
          не потрясет за городом
Щемящей влагой
          с чистого листа...
Свалилась
          на мою седую голову
И давит душу
          эта сухота.

* * *

Затянулся простой —
И я выбит из ритма.
Что я трудно искал,
Что я трудно нашел.
Потерял я настрой,

Потерял я палитру
Красок к темам своим
Кровным всем до одной.
Муза мстит
За бездействие,
За проволочку,
Что подолгу
За чистый я лист
Не сажусь.
И лишь верный Пегас
Стойко ждет мои строчки
Те,
Что кто-нибудь
Будет читать наизусть...

* * *

Дни и ночи — в больничной клетке,
И два дерева в окнах видны.
На одном — оголенные ветки.
На другом — от листвы зелены.
Мрак предзимний. Рассвет. Не спится.
Словно мышцы, душу светло.
Ветвь зеленая бьется птицей,
Обреченно стучит в стекло.

* * *

Как будто бы в праздник
листочки с балкона,
Лишь ветер
подул с вышины,
Посыпались листья
на волю затона,
На холод
осенней волны.
Посыпались листья
под сумрачной тучей
Из рук
золотых тополей.
И день на исходе.
И, может быть, лучший
Из прошлых
и будущих дней...

* * *

Зима еще на полдороге
В мои притихшие края.
Опавший вяз, как иероглиф
В осенний луг вписал октябрь.
И этот странный иностранец,

Изобразив восточный танец,
Всю зиму будет здесь чернеть.
Какой-то смысл в себе иметь.

* * *

Ночной перрон, как под гипнозом,
Оцепенел в морозной мгле.
Все та же мудрость
В небе звездном.
Все та же глупость на земле —
Тупой, халявной, шкурной пользы,
За ней к Христу валил народ.
Знобит перрон. Все ближе поезд.
И льнет к ногам бездомный кот...

* * *

О чем вы, деревья,
Кому
Киваете тихо ветвями.
Каких
Потрясений канун
Сегодня
Провидится вами...
Все будет,
Что знаете вы —
Всего лишь дубы и каштаны.
Вблизи
Нежный шелест листвы
Вдали —
Громяхают туманы.

* * *

Ни словам,
Ни чувствам
Не вернуться,
Чей угас,
Как все угаснет
Срок.
Мне б увидеть сон
И не проснуться
От последних дней
На волосок.
Что увижу
В этом сновиденье?
Чем себя, смурного,
Удивлю?
Может быть,
«прекрасное мгновенье» —
Как давно хотел —
Остановлю.

* * *

Над скорбной колеей
    дороги позабытой
Свистит осенний день
    в татарнике сухом.
И ворон в небесах,
    всем холодам открытый,
На бешеном ветру
    угрюмо бьет крылом.
Кто нужен здесь кому?
    Друг к другу нет участия.
Обречена трава.
    Обречена листва.
И ничего не значит
    слово «счастье»
И прочие
    фальшивые слова.

* * *

Все тот же мир.
Летят столетья.
Все те же слезы.
Тот же смех.
И все,
Чем жил на белом свете,
Мелькнет,
Как молния
Сквозь снег...

Татьяна Жилинская
(г. Минск, Белоруссия)

Жилинская Татьяна Геннадьевна — поэтесса, актриса, бард, режиссер. Лауреат международной литературной премии им. Николая Гоголя «Триумф» и многих других. Публиковалась во многих журналах. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей Белоруссии и Союза писателей Союзного государства, почетный член Союза русскоязычных писателей Болгарии. Член редколлегии журнала «Новая Немига литературная».

* * *

Люблю тебя, обворожитель мой,
И ты теперь люби меня такой.
С моей тоской и вечной кутерьмой,
С большой котомкой за больной спиной.
Я твой укор, твой ропот и венец,
Ты искуситель, зрячий и слепец.
Не объяснить такое никому...
Быть может, мы разгадываем тьму
Простой любовью без постылых фраз.
И кто-то вечность вымолит за нас.
Пусть будет наш порыв необратим...
Мы не умрем...
Мы, может быть, взлетим...

* * *

А время — да... Оно неумолимо...
Уничтожает ласточкины гнезда.
Колдует, ворожит, что слишком поздно...
И это поздно в нем неистребимо.
А прошлое — не более, чем воздух.
Но вот сегодня, шепотом ранимым,
Хрустальный блик и трепетность ресницы,
Неровность рифмы, избранность петлицы
Пытаются строкой неуловимой
Мне подсказать, что время — умолимо...
И я пытаюсь...
Умоляю время...

Я на секунду время — умоляю
застыть на этом времени. Желая,
Застыв, сейчас сказать: «Ты просто верь мне...»
...сказать сейчас... Назвать тебя «Любимый»,
...назвав сегодня именем «Любимый»,
...сегодня имя дать тебе, любимый,
...и задыхаясь, выдохнуть: «Любимый...».
Пусть будет так — замрут сегодня будни,
Ты говорил, что свечи любишь, — будут,
Ты любишь мягкость губ — и это будет,
И время лишь затем тебя разбудит,
Чтобы опять сказать тебе: «Любимый...»

ПАМЯТЬ

Вот и все. Концерт окончен. Зачехлен гитарный трепет.
Дом бездомных престарелых вспомнил звук аплодисментов.
Мне теперь — к себе подобным, все сутулей и нелепей,
К премиальным, подработкам, бестолковым документам...

Там они теряли память, находя ориентиры
В птичках, ноликах и точках, в звуках разных славных песен.
Снег все таял. Таял. Таял. Из простуженной квартиры
Чей-то пес устало лалял. Бисер плел лукавый Гессе.

А они теряли память. Птички зыркали проворно:
Может — крошка, может — кошка, где спасение найдется?
Точки в нолики стремились, и царапались повторно
Вверх по клеткам, по ступенькам, к самым классным старым теткам.

Теток больше выживало. К ним терпимей бег по кругу.
Жаль, что дядьки, кошки, память — исчезали в мир прочтений.
Оставались звуки песен и, скажу тебе, как другу,
Оставались в результате очень многих предпочтений.

И желтели и жевались, и скрипели по линейкам...
Разлетались в пух и перья и потом взлетать боялись.
Тетки долго не сдавались, распевались на скамейках,
На кроватях, на кушетках, в майках, тапках, одеяле...

Это — орден, это — сила.
Это — круг «к себе терпимых».
Это — синтез состояний, класс игры в «себе подобных».
Иллюстрация идеи, сопряженность одержимых,
Что теряли тихо память, извиняюсь за подробность.

Птички, нолики и точки помогали... и не очень.
Все же, память уходила к дядькам, кошкам и, прощайте...
Что-то с этим надо делать?
Черкать лист поближе к ночи?

Но мы видим, даже песни
не дают больших гарантий.

Да, мы знаем — даже песни. Даже нолики и точки.
Что-то с этим надо делать. Что-то я сейчас устала
Размышлять о том, что память нужно сматывать в моточки.
Тает снег, надела тапки, завернулась в одеяло...

Понимаю, что исчезну, принимаю, что возможно
Задержусь на этой грани, между кошкою и птицей.
На границе, там, где память правит правдою и ложью,
Между ноликом и точкой на истерзанной странице.

Извини, сентиментально рассказать не получилось.
И детали не надежны, и сюжета нет местами.
Дом бездомных престарелых — суетится чья-то милость.
Между возрастом и песней — там, где все теряют память.

ПРУЖИНЫ

Пружины стонали, пружины скрипели,
А там, за окном, бушевали метели,
А здесь, на заводе, в таинственной дали,
Пружины в тепло и ватин одевали.
Сшивали обивку, вбивали заклепки,
Чтоб было приятно и кошкам, и попкам.
Скрипели пружины чуть сентиментально,
Казалось, в их звуках скрывается тайна.
Казалось, так просто — приляг на подушку,
И что-то такое откроют на ушко.
О смысле и месте, о прочих порывах,
Доступных, прекрасных, наивных, игривых!
И день наступил, прозвучало: «Обсудим.
Добротный диван пусть понравится людям!»
И сладко стонали пружины, ох, сладко!
И стоном любви заполнялась тетрадка
Одной поэтессы с глазами газели...
Опять за окном пролетали метели.
Сплетались тела, юность правила миром
В отдельно счастливой, с диваном, квартире.
Там были две кошки, собачка, соседи...
А скоро в подушках заплакали дети.
Потом засмеялись, потом заскучали...
Скрипели пружины, качали, качали.
И так день за днем, за неделей неделя
Скрипели пружины, летели метели...
И столько печалей, и столько секретов
Узнали пружины о том и об этом.
О тех и об этих так много узнали,
Что стали скрипеть и в любви, и в печали

Так громко, с опорой на нижние звуки.
Не в радость для кошек и попок, а в муки.
И время со скрипом решило задачу:
«Устал наш диван. Пусть поедет на дачу».
...Сбегают слезинка... Тихонько, украдкой,
Листаю года в потемневшей тетрадке.
Сама — потемневшая серая птица...
Что в памяти? Дети, любимые лица,
Ромашки в кувшинах, тепло и метели...
Еще что? Пружины... Стонали, скрипели...

* * *

Сердобольные, отстаньте от меня.
У меня теперь не кожа, а броня.
От такой отрикошетит на авось,
И молитесь, чтобы мимо пронеслось.
У меня теперь не сердце, а гранит.
Не жалеет, не рыдает, не болит.
Не зовет, не проклиняет, а взамен
Нет напрасных слов и несуразных сцен.
У меня теперь не нервы, а канат.
Наплевать на то, кто прав, кто виноват.
И на мщение-прощенье наплевать.
У меня теперь что слово, то печать.
Припечатаю и знаю — я права.
У меня теперь не чувства, а права.
Столько лет себя теряла, вот нашла...
Даже радуюсь, что молодость прошла...

* * *

Я дикая... Но мне с тобой тепло.
И я тебе к лицу. И это дико...
Еще раз на вспотевшее стекло
Взглянуть глазами мертвой Эвридики...
И оживать...
Листая нотный стан,
И стаи слов, надмирных и свободных.
И принимать из множества пространств
Единственно возможное сегодня.
И приручаться, следом в след, таясь,
Страшась окликнуть, но желая света.
Веди меня, узнавший слово «страсть»
В гортанном крике павшего Поэта.
Вот руки, вот душа... В душе дыра...
Огромная... В ней демона пытали...
Я дикая, веди меня, пора...
В рассвет веди, а прочее — детали.
Не оглянись.
Я — мечь, я — крик, я — жгут,
Я — «Посторонняя» Жан-Поля Сартра...

Я дикая... Но я с тобой дышу,
И забываю, что не верю в завтра...

КРУЖКА

Из-под сколов и обломков время вылезло наружу.
Беспокойной мелкой дрожью память ежилась, ворчала.
Я всего лишь чищу кружку, я всего лишь мою кружку,
Допотопную жестянку, у которой нет начала.

Кем, когда, зачем, и сколько — где ответы на вопросы?
Чем измазан бок: перловкой или... да, кусочком сала.
Чем пахнуло: чаем, водкой, может, медным купоросом?
И кого она от пули скользким краешком спасала?

Что с нее мне? Память детства, пальцы бабушки и мамы.
Пар, нависший над землею, злость воды, в огонь попавшей.
И колодец по соседству, самый чистый, самый-самый...
Сок березовый, слезою на кривое днище павший.

Миг игры, в которой мячик должен ей сказать спасибо.
И костер с гитарой юной, и поэт, влюбленный в мяту.
И советские поездки — стройотряды по Турксибу.
И рюкзак простого кроя, в сколиозе виноватый.

Белый цвет под запах хлора, полувнятные улыбки,
И зубовный гадкий скрежет о края моей бедняжки.
Шум в ракушке, бриз, «Боржоми». «Не скучай» —
с морской открытки.
Позабывтый после детства, добрый дух молочной кашки.

Я ее отчищу, все же, подождет посуды племя,
Вид для свалки, он абсурден в современной амплитуде.
Ведь по сколотой каемке здесь мое застыло время.
Я не знаю про начало, но при мне — конца не будет.

Валерий Кулешов
(г. Щекино)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

ОЖИДАНИЕ

Чую:
отчаянно близко
(не доступив — шажок)
Божья мелькает искра...
Горек ее ожог.

То-то и солнце не мило,
темен в душе разлад.
Рядом,
и все же — мимо
горнего слова разряд.

* * *

Лучшую песню оставишь ей,
чуда коснувшись прежде:
вновь на земле оттаявшей
всходит — надежда.

ВОСЕМЬ СТРОК

Вячеславу Алтунину

Сдвигая сроки, жизнь итожа,
в самозабвении своем
осознаем светлей и строже,
уверенней осознаем:

на части белый свет не делим,
суть — в сочетании простом,
где вместе — горечь обретений
и расставания восторг.

УЗЕЛ

...и тасовать вопросы те же,
на верный — выправлять ответ
/в конце концов — а что же держит,
что наполняет этот свет?/,

и преломлять краюху хлеба,
и твердо ощущать в себе
всю глубину сквозную Неба
и всю его любовь к Земле...

* * *

Ночь распахнется —
        вижу:
внемля мерцанью вех
Божьих,
собрался, вышел
строгий прямой человек.

Льется стезя сквозная,
бьется
        в живом огне —
он, от меня ускользая,
все же идет ко мне...

Вечность высветят свечи,
вечность —
        захватит дух:
чем я себя встречу...
с чем я к себе приду...

ГОЛОС

...когда и просвета не чаю,
явь выводя из снов,
вдруг вспыхивает звучанье
в душе оживающих слов.

Не зная, что это — слыше,
но, весь обратившись в слух,
внимаю, как рядом дышит
живое творящий Дух.

И, целого будучи частью,
идя от коней одних,
смирненно приму причастье,
дыханье Его продлив...

* * *

Был уверен — уйду первым,
строго тебе приказав:
пусть еще долго
болеют белым
светом — твои глаза.

Так хотел я,
да жизнь расставила
все по своим местам.
Знаю,
меня ты здесь не оставила,
знать бы, что примешь — там...

* * *

Путь земной — и суров, и лукав.
Переступая межу,
если что и держу в руках —
это себя держу.

ОЖОГ

Так и было: в начале пути,
взгляд проводя сквозь солнце,
я обожженным нутром ощутил
все, что меня коснется...

И не надо долгих речей,
в главной мой путь сказался:
так и вышло — куда горячей
все, до чего касался.

ПЕСНЯ

Значимей и дороже
неизъяснимый свет
песни,
что здесь быть может,
песни,
которой — нет.

След углубляет остуда,
новое благо даря...
Если они — оттуда,
где же тогда — я?

* * *

Остро чувствую:
раннее

ищет свой след в позднем,
жестко во мне уравнивая
«до» и «после».

Не помышляя в выгоде,
слово не тратя всеу,
вдруг получаю на выходе
то, что несу я.

Эти шаги измерены
чувством одним.
Я
выпадаю из времени,
чтобы парить
над ним.

МЫ

В маяте от скудости запаса
из начальных солнца и воды
безотчетно ждем
второго Спаса...
Древа жизни горькие плоды.

* * *

Как все это хрупко и зыбко...
Подвластны законам волны,
равны домовина и зыбка,
в основе равны.

А чтоб не рассыпались звенья,
и чтобы не стерлась межа,
мне выпало внутренним зреньем
пространства и время держать.

РЕМЕСЛО

«...все дальше, все меньше, все горше...»
Умножив один на один,
отчаиваться — не гоже,
на нет ожиданья сводить.

«...все ближе, все четче, все строже...»
Рожденное в шорохе слов —
по слуху, по сердцу, по коже...
Какое уж тут ремесло.

Ольга Борисова
(г. Самара)

Ольга Михайловна Борисова, поэт, переводчик, прозаик, лауреат международной премии «Славянские традиции», лауреат различных международных конкурсов-фестивалей, руководитель Самарской региональной организации Союза литераторов, гл. редактор литературно-художественного и публицистического альманаха «Параллели», член редакционного совета журнала «Белая скала», член Союза писателей России. Постоянный автор журнала «Приокские зори».

ЗЕМЛЕ

Три посвящения Земле

1

Я дитя степей раздольных,
Мира грез и тишины.
Дочь Земли, просторов вольных —
Необъятной ширины.
И пределов первозданных
С их неброской красотой,
Уголочков богоданных
С деревенской простотой.

2

Земля — алтарь во храме Мира,
Красы божественной цветок.
Тебе поет святая лира,
Восславив запад и восток.

Вокруг тебя роятся звезды,
Их хоровод ведет луна.
Витают тенью чьи-то грезы
Во время сладостного сна.

И первый луч на небосводе
Прекрасный лик твой золотит.

И распутившейся природе
Слагает гимны вновь пиит.

3

Ветвь бархатистой сирени,
Робко стучит о стекло.
День наступивший весенний
Небо цветами зажгло.

Рыщет просторами ветер,
Прячется в травах густых.
Бродит весна по планете
В ситцевых платьях простых.

Мне бы ее вдохновенье,
Мне бы крылатою стать,
Я бы в своих сочиненьях
Землю смогла прославлять.

МЕРЦАЕТ СВЕТ...

Мерцает свет лампад небесных,
Над миром царствует луна —
Владычица пустынь безвестных,
Покоев тьмы, покоев сна.

Где нет границ и, где все цельно,
Своя гармония миров.
Где совершенство безраздельно —
Его, порой, я слышу зов.

СПЛЕТАЮ ЖИЗНЬ...

Сплетаю жизнь из радостных мгновений,
Ушедших в вечность... ждущих впереди.
Создатель мой, всесущий мудрый гений,
Незрячую — к обители веди.

К познанию, к незыблемой вершине,
Где бестелесны сущие миры.
Где явь — не сон, куда бреду отныне,
Пороки захватив, а не дары.

А жизнь люблю! Еще ценю мгновенья,
Их бессловесный тайный перезвон.
И жду с небес святого озаренья,
Чтоб с Мировым дышать мне в унисон.

НА ЦИФЕРБЛАТЕ ВРЕМЕНИ...

На циферблате времени сплетаются века.
Уходят в невозврат былые поколения.
Уносит память краткую безводная река,
А маятник стучит... другим для наставленья.

Теряется в безвремие народов пришлых след.
Сокрыты от людей миров иных секреты.
Но иногда из млечности во сны слетит привет,
Пичугой Гамаюн с неведомой планеты.

ЗНАКИ

Алеет роза в вазе синей
На белом кухонном столе.
Лучи луны потоком линий
Рисуют знаки на стекле.
Не спят часы. Летят мгновенья
И чередой сплетают век.
Смотрю с тоской и сожаленьем
На торопливый стрелок бег.
И час... и два... Их путь-по кругу.
Им безразличен свет луны
И звук таинственный в округе
Среди безмолвной тишины.
Зовущий в радость покаянья,
Заблудших — в сумраке земном,
Где лишь печали и страданья
И зло — в угарище хмельном.
И ропщет роза в вазе синей
На белом кухонном столе...
Лучи луны, потоком линий,
Рисуют знаки на стекле.

МОСТ ВРЕМЕНИ

Из песков золотых выстилаю я мост.
Зрят из прошлого пристально тени.
Поднимаюсь с колен и встаю в полный рост,
И дрожат напряженно колени.

И я слышу раскаты музык Мировых,
Шелест ветра, зовущий в безмерность.
И надземные звоны с глухих мостовых,
И неясность и их — эфемерность.

Три песчинки зажаты на память в руке,
С отзвеневшим — разорваны нити.
И слезинка скатилась по мокрой щеке —
Ухожу я для новых открытий.

В ШАФРАНОВЫХ ШТОРАХ

В шафрановых шторах запутался ветер,
На стеклах мерцает янтарный закат.
В вечерней тиши при неоновом свете
Слагаю, рифмую — и все невпопад.

Нет слова живого в измученных фразах,
Нет взлета, полета от жизненных бед.
Крыла обломались... и оба, и сразу,
И ноет весь вечер согбенный хребет.

Закат догорает шафрановым цветом,
Лимонною долькою виснет луна.
Но солнце взойдет и воскресну с рассветом,
И вновь запою, и отдам все сполна.

ОКОШКИ С ГЕРАНЬЮ

Окошки с геранью, зеленые ставни,
Навесик над входом, массивная дверь.
А в доме, как прежде, комод стародавний,
С времен он «Гороха». Не моден теперь.

А рядом — кровать прижимается боком
К широкой стене под узорным ковром.
И фикус в кадучке стоит одиноко —
Все это в народе зовется «добром».

Я здесь не была лет, пожалуй, уж восемь,
Но все неизменно стоит до сих пор...
Лишь только хозяйке ревнивая осень
Уже подписала судьбы приговор.

ВЕТЕР

*«Ветер нынче строптив,
хамоват и развязан...»*

В. Шемшученко

Расшалившийся ветер срывает с дерев оперенье,
А с прохожих шарфы и смеется им звонко в лицо.
Я с ним нынче на «ты». Под окном его гулкое пенье,
Он мне листья подбросил на мытое утром крыльцо.

Он шалун, озорник, засыпает в саду все дорожки,
В водосточной трубе воет так, словно сто домовых.
И пугает собак. И в округе сбегаются кошки,
И поют о потерях на гулких сырых мостовых.

ПОПУГАЙ

Пугливые листья трепещут на ветках.
За окнами осень. Кочуют грачи.
На юг улетают... а в розовой клетке
Несносный ворчун недовольно кричит.

Быть может, он тоже собрался на отдых?
Австралию вспомнил? Гнездо и родных?
Собратьев таких же красивых, и гордых,
Живущих на воле в пределах иных.

А, может, тоскует о спутнице верной?..
Накину пальто и пойду на базар!
Пройдусь по рядам, и куплю я, наверно,
Подругу ему из страны Занзибар...

Валерий Виноградов
(г. Алексин Тульской области)

Родился в Казахстане в 1948 году. Жил и учился в Туле. Вся трудовая деятельность прошла на шахтах Подмоскownого угольного бассейна, где отработал 31 год, завершив должностью директора шахты «Никулинская» в 2003 году. Труд в угольной промышленности отмечен знаками «Шахтерская Слава» трех степеней. Издал три поэтических сборника. Печатался в областных и московских альманахах. Член Союза писателей России.

МОЯ ДУША

Летит моя душа
Без страха и унынья,
Над пропастью кружа,
К тебе, расправив крылья.

И будто бы с небес
Ко мне слетают звуки,
И легче тяжкий крест,
И сердце терпит муки.

О, сколько в жизни раз
На части душу рвали,
А слезы милых глаз
Дотла испепеляли.

Но не иссяк запал
И раны рубцевались,
И голос мой звучал,
Надежды возрождались!

Пока горит огонь
И солнце ярко светит,
Моя к тебе любовь
Сильней всего на свете.

Глаголы сердце жгут,
Слова слагают песни,

И вдвое легче путь,
Когда идем мы вместе!

* * *

Серое утро,
    скрытая даль,
Ветер попутный
    гонит печаль.

Все растворится
    с пришлым дождем,
Боль испарится
    пасмурным днем.

Вспыхнут нежданно
    искорки глаз,
Сердцу отраднo
    в сумрачный час.

Сквозь непогоду
    и холода
Сброшу невзгоды
    раз, навсегда.
Радость от взгляда
    сил придает,
Что еще надо?
    Сердце поет!

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Белый снег безгрешный
Падает с небес,
Он накрыл неспешно
И поля, и лес.

Серебром искрятся
Склоны древних круч,
И лучи струятся
Из-за серых туч.

Вниз летят снежинки,
Всюду кутерьма,
Замела тропинки
Матушка-зима.

Восхищая взоры,
Взгляды веселит,
На окне узоры
До весны хранит.

Красит щеки холод,
Шум и звонкий смех,
Чувствуешь, что молод
И шутить не грех...

МАМИНА ЛЮБОВЬ

Золотое детство,
чудные года,
Память жжет мне сердце,
манит вновь туда,
Где остались ласки,
рук родных тепло,
Где царили сказки,
отгоняя зло...
Канули те годы,
как в песок вода,
Отшумели всходы
раз и навсегда,
Но на сердце нежность
до сих пор жива,
Детства безмятежность,
мамины слова...
Не забыть мгновенья –
память все хранит,
Легким дуновеньем
жизнь вперед летит.
Вера и надежда
помогают вновь,
Бережет, как прежде,
мамина любовь!

РОДСТВО

Три сестры, три судьбы,
Три избитых дороги,
Бесконечность борьбы,
Перемены, тревоги...
Свет далекой звезды
И туман Андромеды,
Синий отблеск воды,
Уходящие беды...
Долгожданной мечты
Бесконечные дали,
Лиц любимых черты,
Чувства сродными стали...
Кратковременность дней,
Заплетенная в косы,
Все дороже, родней,
Как весенние росы...

Не отыщется сил,
Не придумать причину,
Чтобы вас разлучил,
Загасил бы лучину.
Ветров буйных порыв,
Грома крики, раскаты,
Двери дома закрыв,
Увели вас куда-то.
Взяв судьбу за узды
И храня как святыню,
Три далеких звезды
Светят вам и поныне!

ВЕЧЕР

Вечер, хмурый господин,
Заглянул в окно.
За столом сижу один,
На столе вино.
Скатерть белая в цветах
И огонь в печи,
А душа-то вся в шипах:
Давит боль в ночи.

Выйду молча на крыльцо —
В небесах звезда.
Ветер дует мне в лицо,
Будто в те года.
Сто исхоженных дорог,
Тяготы в пути,
Положу я на порог —
Мимо не пройти.

А проснувшись поутру,
Слыша детский смех,
Душу всю перетряхну,
Отмолю свой грех.
И уйдет тоска-печаль
В тридевять земель,
Открывая снова даль,
Где звенит капель.

Вечер полог опустил
И закрыл мой дом,
Все, что было, не забыл,
Не покрылось мхом.
Буду журавлем лететь
К будущей весне,
Буду песни снова петь
О любви к тебе!

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Белый лист бумаги,
Черный карандаш,
Чутьочку отваги —
Кончен ералаш.

Строгими рядами,
По ранжиру строй,
Буквы будто сами
Лихо рвутся в бой.

За слогами — слоги,
За строкой — строка,
Не прося подмоги,
Вывела рука.

И ложится снова
Незаметный штрих,
С теплотою слова
Народился стих.

Так в ночи страдая,
Потеряв покой,
К музе возывая,
Я пишу... порой...

ЦВЕТУЩАЯ ВИШНЯ

Когда в одиночестве тихо грущу,
О прошлом, забытом, давнишнем,
Цветущую вишню увидеть хочу,
Цветущую вишню...

За все, что когда-то любил горячо,
Наивно, смешно, по-мальчишьи,
Цветущую вишню целую в плечо,
Цветущую вишню...

Подули ветра и осыпался цвет,
Расстались надолго, так вышло,
Но вижу сквозь призму потерянных лет
Цветущую вишню...

Как будто бы рядом любимой лицо,
В молитвах явил мне Всевышний,
Цветущую вишню целую в плечо,
Цветущую вишню...

Мне память забыть все никак не дает,
Сюжет тот до боли привычный,

В саду, по весне, там у старых ворот
Цветущую вишню...

Меня, как и прежде, в тот дворик влечет,
(Не может быть прошлое лишним),
Цветущую вишню целую в плечо,
Цветущую вишню...

* * *

Хороших слов немало
Звучит в осенней тишине,
И пусть тепла не стало,
Любовь еще живет во мне.

Кружит листва, играя,
Дожди занудно бьют в окно,
На беды невзирая,
Спешу я к милой все равно.

Сквозь годы и ненастья,
Храня чуть тлеющий огонь,
Желаю снова счастья
И в руки взять твою ладонь.

И, как рябина алая
Дрожит, страдая на ветру,
Душа моя усталая
Летит к любовному костру.

ПАМЯТЬ

Песня. Слова и музыка В. Виноградова

1

Пылал закат багровым цветом —
Война вела свой счет.
Дымила в сумраке планета —
Настал и наш черед...
Горело, рушилось, стреляло —
Шел беспощадный бой,
Земля от ужаса дрожала,
И кровь лилась рекой.

2

Сжималась страшная пружина —
Все выдержал народ.
И от Москвы до стен Берлина
Кровавым был исход.
В тех битвах зарождалась слава,
Победа к нам пришла.

Несокрушимая держава
Весь Мир тогда спасла!

3

Прошло с тех пор уже немало,
Но память все хранит.
Стоят бойцы на пьедесталах —
Святой огонь горит!
Застыли в мраморе и бронзе
Герои прошлых лет,
Останутся в стихах и прозе
Во славу их побед!

ОСЕНЬ

Песня. Слова и музыка В. Виноградова

1

Капают, капают капли дождя,
Листья шуршат под окном,
Ими укрылась сырая земля,
Словно цветастым ковром.

2

Лес опустел и пожухла трава,
Лужи блестят серебром,
С неба упала шальная звезда,
Осень вступила в мой дом.

3

Все замолкает — блаженство и тишь,
Птицы умчались на юг.
Вот и опять ты о чем-то грустишь,
Милый, единственный друг.

4

Ветер уснул на ветках рябин,
Низко плывут облака.
Золотом манят листья осин,
В темных излуках река.

5

Капают, капают капли дождя,
Тает расплывчатый след.
Память о прошлом надежно храня,
Осень слагает сонет.

Николай Еремин
(г. Красноярск)

ИЗ КНИГИ
«СИБИРСКИЕ СОНЕТЫ»

Наш постоянный автор.

СОН? НЕТ!

Шторм закончился... Море открыто...
К горизонту стремятся мечты...
— Ну, плывем? — говорит Маргарита,—
В чем еще сомневаешься ты?

Перед нами — и солнце, и Ялта...
И — в бутылках и вне — виноград...
Сомневаюсь ли я? Это я-то,
Кто всегда приключениям рад...

В голове — вдохновения ветер...
Под ногами дрожит теплоход...
До чего ж хорошо жить на свете,
Уплывая от всяких забот...

Хорошо! Шторм ли, штиль впереди...
А сомненья давно позади...

НОВОГОДНИЙ СОНЕТ

В ритме праздничного пира
Хорошо звучит — строка
За строкой — сонет Шекспира
В переводе Маршака...

Хорошо играет лира —
Воплощение мечты —
И смеется Катерина,
Гений чистой красоты...

Разве могут интересы
Быть иными в этот час?
И с прелестной поэтессы
Купидон не сводит глаз...

И клянется без прикрас
Ей в любви — в который раз!

ЖАЛОБА

— Все меня пытаются спойть,
Заставляют выпить и налить,
И следят с улыбкой на лице:
Кто я есть — в начале и в конце.
Я ж в начале — весел и тверез —
Отвечаю на любой вопрос,
А в конце — грустнею и молчу
И — хмельной — общаться не хочу.
И смотрю на тех, смиряя прыть,
Кто меня пытается спойть...
И, взбрыкнув, как заяц во хмелю,
Водку им за ши-во-во-рот лью...
Чтоб, упав, заснуть, к стене плечом,
И потом — не помнить ни о чем...

ЛИРИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Рояль в кустах и скрипка в небе
Играют о любви и неге,
Хлебнув бессмертного вина,
Которым жизнь была полна...
Или пьяна? Увы, не знаю,
Не слышу и не понимаю...
Как музыку без слов понять?
Но вот рояль звучит опять...
И скрипка,— ах, ему под стать...
И кто кого переиграет?
Гармония и благодать
Довольно редко — но бывают...
Где я, совсем не меломан,
Не соглашаюсь на обман...

НОВЫЙ ВЕНОК

Почему не доплетен венок сонетов?
Потому, что кончилась любовь!
И от всех катренов и терцетов
У поэта стынет в жилах кровь...

В ссылку, в Понт Эвксинский, путь неблизкий...
Море... Небеса... И голоса:
— Дайте, что ли, рома! Или виски...—
Рвутся штормовые паруса...

Перепеты прошлые сонеты...
От начала до конца пути
Нет вопросов — лишь одни ответы
И проблемы... Господи, прости!

Может, в долгой ссылке, выйдет срок,—
Новый — будет — доплетен — венок...

СТРУКТУРА СОНЕТА

Учитель мне давал советы,
Все время,— как писать сонеты...
И как не нужно их писать...

И все вопросы и ответы
(О, Муза вдохновенья, где ты?)
Он заносил к себе в тетрадь,
Чтобы потом трактат издать:

«Структура вечного сонета» —
С подзаголовком — «для поэта,
Желающего мэтром стать»

Вот эта книжица его.
Кому она? И для чего?
В сонетах нынче мало проку,
Все пишут Хайку, или Хокку...

ИЗ РОМАНА «ПРОЩАЙ, СПИРТНОЕ!»

* * *

Мы пили, каждый — озабочен —
Сухие вина и не очень...
Портвейн и вермут, и коньяк...
И водочку... Да еще как!
И ром, и виски, и агдам...
И бормотуху — стыд и срам! —
Среди сомнений и забот —
Из года в год, из года в год...
И вот, на грани бытия
Свою цистерну выпил я...
И не беру ни капли в рот...
Хотя забот — невпроворот...
Но для гостей — хоть не вагон —
Есть настоящий самогон...

* * *

Я без музыки устал
И себя страшиться стал...

И устал болеть от страха,
И хочу послушать Баха...
Ах, чего же я боюсь?
На душе — тоска и грусть...
Помоги мне, Иоганн!
Органист, включи орган!
Помнишь, помогла когда-то
Мне органная токката...
Ну ж, играй! Что медлишь ты?
Посредине темноты
Поглощают боль души
Чуть живые витражи...

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1985-й ГОД

Вино шумело в голове,
Как Черноморская волна...
И пела, радуясь молве,
Массандра, полная вина...

Когда в Форосе, что есть сил,
Издав указ, без лишних слов —
Сам — виноградники рубил
Почти не пьющий Горбачев...

Сук, на котором он сидел
И вдаль глядел — меж славных дел —
Как гром, по всей Руси трещал...
И счастье людям обещал...

Прошло с тех пор немало лет...
А счастья не было, и нет...

* * *

— Знаешь, Муза, Ангел мой,
Что мы сделаем с тобой?
Мы с тобой, увы и ах,
Сочиним роман в стихах!

— Что? Роман? Пожалуй, нет —
Лучше сочиним сонет!
Пусть он бродит меж людьми
Как признание в любви!

Пусть его и там, и тут
Все влюбленные поют!
А потом читают вновь
Все романы про любовь...

Даже и не возражай!
Запеваю — подпевай!

ХОРОШИЙ СОНЕТ

*«Хорошие стихи отличаются от плохих тем,
что они хорошие»*

Советская народная мудрость,
которую любит цитировать Евг. Попов

Евг. Попов, прозаик от сохи,
Пережив в Москве года лихие,
Стал писать хорошие стихи,
Позабыв, как пишутся плохие...

И к хорошим приучил меня,
Незабвенных классиков ценя...
Не случайно, сохранив уют,
Нас в ПЕН-центре вновь два стула ждут...

И встречает, словом дорожа,
Катя Турчанинова, душа...
И готова каждый наш глагол
Занести — навеки! — в протокол...

Ну, а мы — поэты от сохи —
Дарим ей хорошие стихи...

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск)

С ГОДАМИ БЫЛОЕ ВСЕ БЛИЖЕ

Наш постоянный автор.

ДЕТСТВО

Луговые опята,
Пескари из реки...
Не забыл я, ребята,
Всем годам вопреки,

Радость летних каникул
И следы босых ног,
Сенокос, землянику,
Недозревший горох...

Было просто и свято,
Мир открытый, как дверь.
Помню все я, ребята!
Только где вы теперь?

СЕНОКОС

Уводит память —
в прошлое тропинка.
И мне уже из белой полосы
Привиделась июльская картинка
Со звоном отбиваемой косы!

Свод неба, словно
синей гладью вышит,
В зените солнцу быть уже пора
И лучики его сквозь щели крыши
Высвечивают, как прожектора,

Пространство сенника пронзая косо.
И перезвон меня заморозил:
Лежу, малец, вернувшийся с покоса,
Где с бабами я сено ворошил.

Призывает помолиться,
За окошком — лунный шар,
От печи тепло струится,
В плошке — луковый отвар.

Кипяток клокочет глухо,
Бьют весильные ключи,
Небывалым сдобным духом
Насыщались куличи.

И от сна не шло спасенье,
В ожиданье не спалось...
А Христово Воскресенье
Только утром началось!

МАТЕРИНСКИЙ НАКАЗ

Не забыть материнский наказ,
Мне понятнее стал он сейчас,
Нет, об этом не скажут вожди:
«Если видишь — дурак, отойди!»
Столько в мире у нас дураков,
Что не хватит на всех кулаков!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сердце птахою поет,
Все же возвратился!
Путь-дороженька ведет
В дом, где я родился.

За окном волнуют глаз
Травы из проталин.
И слеза не на показ,
Так сентиментален.

Поезд медленно идет,
Грусть мне навевает:
Вдруг уже никто не ждет?
В жизни все бывает.

ОТЧИЙ ДОМ

Рок и милует, и судит!
Но не думал я о том,
Что родителей не будет,
Опустеет отчий дом.

Сердце давит, словно клещи,
Их оплаканный уход:
Те же стены, те же вещи,
Только дух, увы, не тот!

Ирина Васильева

(пос. Шварцевский Киреевского района
Тульской области)

Ирина Владимировна Васильева окончила Тульский государственный педагогический институт, факультет иностранных языков и Заочный народный университет искусств, факультет станковой живописи и графики.

Работала преподавателем, переводчиком, художником-оформителем. В настоящее время — преподаватель английского языка. Стихи пишет с 2003 года. Занималась в литобъединениях Москвы «Клуб одного стихотворения» под руководством Р. Ф. Казаковой, «Берендей» и «Щукино». Печаталась в нескольких сборниках в Москве и Киреевске Тульской области. Основные темы стихотворений — пейзажная, философская лирика.

СЕНТЯБРЬ

Слетел на крыльях стрекозиных,
Румянцем яблочным расцвел,
Сквозь ветки трепетных осинок
Прохладным гребешком провел;

И пахнет медом и картошкой;
Как верный друг, порой грибной
Лесной пестреющей дорожкой
Гуляет под руку со мной;

И астр роскошные созвездья
Подарит мне от доброты,
Со мною в электричке ездит,
Раскрасив листья, как цветы.

Мы улыбаемся друг другу,
Не верится в морозы нам;
Я в январе, сквозь лед и вьюгу,
Улыбку вновь ему отдам.

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Апрельское утро размыто дождем,
И холодны отблески крыш...
Давай под жемчужное небо пойдем
Послушать весеннюю тишь.

Сегодня задумчивы окна в домах —
И осенью веет от стен;
Но бисер веселый расшит на ветвях
Руками шальных перемен.

Сережек коралловых россыпь зажглась,
Неярки фонарики верб,
А ивы стоят по-цыплячьи пушась
И радостно тянутся вверх.

Биением жизни на пульсе весны
Сквозь бледную охру земли
Травинки, восторженны, удивлены,
В чарующий мир проросли.

В пастельной палитре есть броский мазок:
Землей, как ладонью согрет,
Расцвел мать-и-мачехи скромный цветок —
Застенчивый солнца портрет.

И, кажется, счастья заветный исток
Здесь, рядом. О чем ты молчишь?
Ты прав: между душами тонкий мосток
Построит весенняя тишь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Утомленная шумной Москвой,
В отчем крае ищу я покой,
Где сразил меня звон тишины
В темный вечер в начале весны.

Здесь на душу легли все тропинки,
Как лица дорогого морщинки;
В годы давние снова зовут —
Только юности мне не вернут...

Я приду будто в сердца музей
И увижу ушедших друзей
Там, где школы застыли руины,
Где сплетаются ветви рябины.

Жизнь, бурлившая вольной волной,
Отступила — и берег пустой,
Поле дико, и замер завод —
Чистый воздух нектаром плывет

И несет хлопья белого снега,
Эта с неба упавшая нега
Заврачивает усталую душу
И костер ностальгии потушит.

ДЕЖАВИО НА СКОРОСТНОМ ШОССЕ В ВИРДЖИНИИ

По горным вирджинским дорогам
Я еду в полуденный час,
Вдруг вижу: в движении строгом
Шоссе привело на Кавказ!

Вот сосны к дороге спустились —
Я в лица гляжу им в упор:
Друзья, как же вы ухитрились
Покинуть Серебряный Бор?

Вдали — черепичные крыши,
Игрушечный чист городок,
Шоссе поднимается выше,
Ах, путь мой до Тулы далек.

И снова гора вырастает,
Как сказочный сон наяву;
Но память шалит и играет:
Я вижу Сибирь и Москву.

И, тихим восторгом болея
В Америке, в горной тиши,
Я тайно и свято лелею
Славянскую верность души.

Я шарик верчу на ладони,
Мой маленький шарик земной;
Умчатся вирджинские кони,
А Родина вечно со мной.

* * *

Деревья снова потеряли
Недолговечную красу,
И тучи замерли в печали
И держат слезы на весу.

В холодных беззащитных кронах
Заснул замолкший ветерок,
О днях веселых и зеленых
Грустит у леса мокрый стог...

Брожу одна я в роще темной —
Мне по душе печальный вид;
К любви безмерной, неумной,
Как прежде, сердце не бежит...

И счастья нет, и счастье — было,
Здесь, в тихой глубине аллей,

Где снова облик давний, милый,
Мне чудится среди ветвей...

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Ты свернулся в уголке —
Потерялся или брошен?
Подойди сюда, хороший,
Не гляди в немой тоске.

У тебя янтарный взгляд,
Светится душа живая,
Придавила доля злая —
Кто же в этом виноват?

Мне ль не знать твою беду —
В городе брожу бездомной;
Поделюсь краюхой скромной,
И в сторонку отойду.

Ты прости меня, дружок,
Я тебя не забираю,
Плача, сердце запираю
На бесчувствия замок.

Но, как вор, замки снесет
Крик души в ночи глубокой:
«Кто от участи жестокой
Обездоленных спасет?»

* * *

Опять осенняя прохлада
Минорной музыкой звучит...
Спустилась осень — как награда,
Как просветленная отрада,
И душу лечит и щемит.

Дождями улицы размыты,
О чем-то шепчет листопад...
Ночные звуки в воздух влиты,
Как чистые слова молитвы;
Их музыкой наполнен сад.

Рассвет рождается в тумане —
Всему свой ритм и свой черед...
Кричат грачи в холодной рани...
Играет осень на органе,
Птиц провожая в их полет.

В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ

Хочешь или не хочешь —
Только зима придет:
Ветер в холодные ночи
Последние листья сорвет.

Тяжкие тучи в зените
Лунный похитили свет;
Бродит туман медлительный,
В белесую сырость одет.

Зябко бездомной собаке
И одиноко в ночи;
В старом парке во мраке
Озвучили грусть сычи.

Памяти теплые нити
Мне не вернут летних нег...
Вспоминанья, вздохните
И лягте травую под снег.

В ПОЕЗДЕ

Я в поезде словно в восторженном сне —
Родные пейзажи мелькают в окне:
Вот роскошь сирени подарена маю —
Я взглядом в цветенье садов утопаю;
Вот тополь в сиянии теплого дня
Как будто зовет: «Посмотри на меня!»
Игривы березки, а елочки строги;
Домишки приклеились к самой дороге,
За ними просторы до края земли;
А вот и речушка блеснула вдали,
Колдуют над нею печальные ивы,
Мосток деревянный повис сиротливо;
А поле подставило небу лицо
И дышит дождями, и пахнет пыльцой...
Ласкается ветер в окошке открытом
И шепчет о детстве, далеком, забытом...

К земле я пошлю мотыльком свою душу,
Чтоб в хоре весны голос Родины слушать.
О тяжком труде в этой песне поется,
О хлебе, студеной воде из колодца,
О поле широком, о доле безвестной,
О жизни простой, и понятной, и честной...

Торопится поезд — куда он несется?
— За счастьем, как видно, — быть может, найдется?

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Миг колебаний вечен...
Я трогаю звонок,
Бесстрастностью помечен
Слепой дверной глазок.

Зачем себя унижу?
Зачем пройду сквозь строй?
Но — я тебя увижу,
Скорее дверь открой!

В глазах твоих читаю
Холодный приговор —
Бледнею и сникаю,
Как будто чувства вор.

Последнее свиданье...
Дверь от меня запри,
Моим существованьем
Меня ты не кори.

Молчи — не злясь, не каясь;
Я не приду опять...
В слезах во тьме теряясь,
Тебя не буду звать.

Нелепость этой встречи
Рассыплется стыдом
В осенний поздний вечер,
Убитый первым льдом.

* * *

Блестит дождем прозрачная прохлада,
В жемчужном небе скрылась солнца бледность;
Деревьев роскошь и деревьев бедность —
Что за отрада — время листопада.

Колдует магия преображенья;
Ложатся в душу красок переливы,
И в криках птиц осенние мотивы,
Туманов грусть, и облаков брожение.

Неощутимо ветра дуновенье.
Размытый тучи край с небес сорвался,
И мир в осенней ласке искупался.
В задумчивости замерло мгновенье.

Танцует дождик, струями играя;
И мир теперь другой, и я другая;
И, уходя от лета безвозвратно,
Душою больше не стремлюсь обратно.

Евгений Грачев
(г.Саратов)

БУМЕРАНГ

Евгений Грачев — член Союза писателей России, автор более 20 книг, по его сценариям снимают мультфильмы, автор многих песен известных российских исполнителей, стихи печатаются в журналах: «Наши современники», «Юность», «Европейская словесность», «День поэзии», лауреат Всероссийской литературной премии имени А. П. Чехова, премии имени С. Я. Маршака, Международной премии «Вечная память» и Международной премии «Светить всегда» Лиги писателей Евразии.

СТРАНА КОНТРАСТОВ

Россия — страна караваев,
Икры и домашних блинов.
Россия — страна краснобаев,
Рассказчиков и молчунов.

Россия — страна поэтов,
Здесь Пушкин, Есенин, Блок.
Россия — страна секретов,
Сапожник, считай, без сапог!

Россия — страна космонавтов,
Ученых и дураков,
Россия — страна контрастов,
Как Питерка и Петергоф!

Мне будет ночами сниться
Придуманный кем-то мир,
Нева — русских рек царица
И старый больной — Изнаир.

Гусаров ряды, уланов,
На солнце блестящий штык,
Каскады Петровских фонтанов
И мелкий, как рыба, родник.

Приснятся топор и плаха,
По роще разбойничий свист.

Россия — страна размаха,
В размахе российский смысл!

Приснится — беда колоколен,
Глумление и позор,
Кем выстрадан и намолен
Исаакиевский собор?

Приснятся то турки, то шведы,
Война за войною, страх.
Все проигрыши и победы
На чьих укреплялись костях?

Россия — страна огромных
Пространств, но не пустоты.
Россия — страна влюбленных.
Со мной не согласна ты?

Здесь знают и верность вдовью,
Здесь знают, как любит мать,
Кого здесь пугать любовью
И чем-то еще пугать?

Придут холода, болезни,
Как с дуба сдерут кору,
Россия в глазах исчезнет,
Исчезнет — и я умру!

Родится другой Евгений
И скажут ему: «Дуралей,
Россия — страна сновидений,
Похожих на жизнь людей!»

БУМЕРАНГ

Сердце в трепете, сердце в трепете,
Трудно в ритме тревожном жить,
Вы кого-то еще зацепите,
Как Вам, грешнице, не зацепить!

Я не часто бываю клоуном
В тертых джинсах и парике,
Нерешительным и взволнованным,
С сердцем, прыгающим в руке.

Это — радостное волнение,
Будто теплой накрыло волной,
Вы — коварное исключение
Из всего, что случалось со мной!

Сложное — не объяснишь,
Просто — не получается,
Может, душа облучается
С «вредной» душою, малыш.
Сложное — не объяснишь?

Чувства стереть легко
И с облучением напутать,
Знаешь, не очень круто —
Если душа — решето.
Чувства стереть легко?

Нервно грустишь-грустишь
И вспоминаешь мгновенья —
Стертые «облученья» —
Это любовь, малыш?
Это любовь, малыш!

ИНОПЛАНЕТЯНКА

У нее косички, как антенны,
В узелочках бронзовых, тугих.
Обретала чувства постепенно,
И не вспоминала о других.
У нее, наверно, где-то мама,
Красная планета на оси
И была просрочена программа,
Я сказал ей: «Новой не грузи,
На былые экстренные факты,
Все равно, наложен четкий код.
Наплевать на схемы и контакты,
Там, внутри, как радио, поет?»
У нее косички, как антенны,
В узелочках бронзовых, тугих.
Обретала чувства постепенно,
И не вспоминала о других.
Поменяла улицу, квартиру,
Ночь на утро, платье на пальто,
И как звук, щемящий по эфиру,
Вырвалась в пространство — вот и все.
О, моя веселая случайность,
Как в пустыне крепость и фонтан,
Как картина с надписью «Фатальность»,
Из каких ты инопланетян?

Виталий Свиридов

(г. Алчевск, Луганская Народная Республика)

ГОЛГОФА НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

(поэма)

Родился в г. Брянске 18 октября 1947 года. В детстве переехал с родителями на Донбасс. Художник-оформитель. Живет и работает в Луганской области. Член Межрегионального союза писателей, лауреат литературных премий им. Владимира Даля, Бориса Горбатова, Владимира Гринчукова. Автор книг «О поэзии и не только», «Великое счастье идти», соавтор двадцати коллективных сборников. Литературные пристрастия: поэзия, проза, литературная критика, эссе.

В ночь с 11 на 12 февраля 1852 г., за восемь дней до своей физической кончины, гениальный русский писатель Н. В. Гоголь сжег почти завершенную рукопись второй части романа «Мертвые души» — своего главного литературного наследия, призванного содействовать нравственному переустройству российского общества...

— В моем обиходе нет слова «здравствуйте»;
К здравую, у меня особое отношение.
Хотите со мной познакомиться?..
Ах, не желаете,— принимаете за наваждение?!
Вам, видимо, что-то не нравится?!
Бросьте!..— не о чем сожалеть;
Я уйду, но доверяюсь вашей памяти...
И спиной повернулась Смерть.

И спиной повернулась Смерть,
Только взглядом косым обожгла:
«Если хочешь со мной улететь,—
Заверши все земные дела»,
И кивнула — на топку камина...

— Экий бред в предрассветную рань!
И привидится же чертовщина...
Померещится всякая дрянь!

Ветер в ставни, студёный февральский,
Бил всю ночь, обессилив под утро.
Николай Чудотворец Диканьский

Над больным наклонился как будто;
И на старославянском наречии, с высоты,
Где нет смерти и страха,
Отзывалась на боль человечью Аллилуйя
Под музыку Баха:
Да бродяжное эхо, как песня чумаков
«Від чумацького шляху»,
Повторяло настырнее смеха: —
«Важный маляр був — мыр його праху...
Важный маляр був — мыр його праху...»

— «Важный маляр був». — Вот наказание!

Важный маляр був... Ні-і-і,— він ще є!..

Чур!.. Недоброе напоминание
Тенью двинулось по стене...
Замигали зажженные свечи
Дружно, в такте со скрипом полов,
И улегся к больному на плечи
Мертвый холод из темных углов.

В драматическом форте финала,
В голове неумная мысль
То смиренно к земле возвращалась,
То бросалась с молитвою ввысь...

Все предвидено Промыслом Божьим,—
Всякий долей своей наделен:
Крест Голгофы — святым и осторожным,
Крест погоста — таким, как Симон...

Ночь кончалась библейским сюжетом: —
«Крест нести на Голгофу поможет Симон»...
И больной, что-то силился вспомнить при этом...
Вспомнил вдруг, и позвал еле слышно: —
«Семе-е-н... Семе-он!..»

Восемь суток как, вроде, не спал
камердинер — чахнет барин...
— «Не пьет, и не ест... да и вправду сказать,
Все не ладится в мире, но зачем же
Безвременно — крест?!»
Разве мог он понять, бедный мальчик-слуга,
Отчего жизнь для барина не дорога?!

Ой ты, Русь моя!
Русь — не сытая,
То росой,
То слезами

Умытая;
То привидишься

Птицей
Двуглавою,
То разбойником —
Грозным Вараввою...
То взлетишь над
Землей
Чудо-тройкою!..
Позади, следом,
Грязь
Подкопытная...
Все фантазии это,
И только!..—
От холопов
Царю челобитная.
Не приемлет
Чванливое
«Жречество»
Бури Вестника,
И катастрофы...
Глас пророка
В своем
Отечестве —
Гром небесный,
Но, после
Голгофы:

После ереси, и осуждения — на экзекуцию,
На унижение... До искупления грехопадения
Смертью и Таинством Преображения.

В самых емких словах не вмещаются чувства,
И не терпят они многосложные строфы,
И какая же пытка, на грани безумства,—
Речь свою переплавить на образ Голгофы...
На неявную видимость явленных сроков,
От которых и небо гудит как набат,
Чтоб пророчеств святых, и врожденность пороков
Приумножить значением в тысячу крат!..

Впрочем, нам недосуг — не резон отвлекаться:
«Весть Благая» для многих досужая сказка...
Час торопит: — к больному пора возвращаться,
Кризис кончился. Скоро развязка.

Суетилась не в меру врачебная свита: —
«Воду на голову... тело в корыто...
К носу-пиявки...
Пиявки поставьте!»...

— Ах, оставьте меня! Ах, оставьте!..
Больно мне... больно!.. В темени жжение...
Дайте мне лестницу!..
Лест-ни-цу дайте
для восхождения...

Изможденное тело уложили в кровать.
В рот залили вина от припадка...
Потрясенный слуга слез не мог удержать,—
Он невольно услышал: — «Как сладко...
Ах, как сладко мне умирать!..»

Вся Земля и окрестность Земли —
ненадежная вотчина.
Цепь событий земных прервалась со словами: —
«Все кончено!» И в сознание втиснулся мрак,
Потревожив больного некстати,—
Это память его
возвратила назад —
в лоно матери;
Там, под толщей спрессованных лет,
от рожденья до смерти,
Ярко вспыхнул забытый сюжет
неземной круговерти:
В нем отеческий голос зывал
Сквозь пространство, и жуткие пропасти
Наполнялись блаженством любви и невесомости.
Ликовала душа, упиваясь азартом восторга...
Отстраненное тело лежало уже не дыша;
И душа подчинилась святому велению долга,—
В карауле,
вблизи над покойным,
застыла душа.

Вот бывает: неведомо как живет человек,—
Для страстей и пристрастий людских,
неудобная птица...
А когда, утомленный свободой,
закончит свой век,—
Люди разных сословий придут,
Чтоб ему поклониться.

Умер Гоголь.
Талызинский дом.
Перекрыли проезд по Никитской.
Вся Москва скорбный путь осеняла крестом,
До могилы в земле монастырской.
И казалось — весь мир занемел...
В русском храме высокой словесности,
Слово стало подобным зерну, без плевел,

В житном хлебе насущном для Вечности.
Жил и помер с надеждой любви на губах;
Клал себя на алтарь безысходного дела,
Зная — жизнь подытожится в прах...
Как же с этим, душа его не очерствела?

Мир — не мерян. Мы — в нем, а Он — в нас.
Две сажени земли на мандат атеиста...

В двух сажнях земли целый мир удержать?!
О, как это лукавство неистово!
Ах, Создатель Всесущий,
    как Мир твой не прост!..
Мир — над бездной времен провисающий мост!

Но, оставим земное земному,
В исполнение Судного дня: то ли жертвой
Дождю проливному, то ли —
    в жертву стихии Огня...
И на этой пронзительной ноте,
Нарушая кармический лад, —
Не вперед мы посмотрим, напротив —
На мгновенье вернемся назад:
За черту горизонта событий,
Где фатальным не кажется Рок...
Где славянской души возмутитель
Отзвонит свой «последний звонок».

Да простит мне Всевышний, —
Отслеживать еретический дух этих строк,
Все равно, что руками удерживать
Мыслей, образов горний поток!

Ни-че-го!..
Ничего в измененном сознании,
Хоть кричи на весь мир, хоть молчи —
Только нервная дрожь покаяния
    на губах,
Только пламя свечи...
Да под сердцем змея окаянная —
Родовой не прощенный грех, —
Видно, было не впрок наказание
    на кресте —
Одного за всех...

Слаще патоки голос вкрадчивый
Зазывает в «калашный ряд»: —
«...И богаты там, и удачливы...
Там — и «рукописи не горят!..»
И торопится Сила вражия
    все уладить до петухов...

Дескать, против пойдешь,—
так и... заживо!
Коли с нею — на веки веков...
— Одолел душу враг человеческий,—
Ты прости ее, Господи!
Огради ее святоотечески
от противной ей проповеди.
Глаз хоть выколи!..
Время за полночь;
Без молитвы — совсем невмочь...
Ты помилуй мя, Господи!..
Ты прости меня, Господи!..
Помоги мне, о Господи, пережить эту ночь.

А за окнами вьюга Яга,
И хотя до весны два шага,
Но дорогу домой в Малороссию,
От Москвы, поглотили снега.

Жизнь... Не жизнь — анимация воздуха,
Незатейливая пантомима,
С жадной страстью последнего вздоха,
Ускользя, промчится мимо;
Но пока еще зубы стиснуты,
И пульсируют кровью вены,— дело!..
Дело еще «трэба здийснить»...
Где-то дрыхнет слуга?! — Эй, Сэ-мэ-нэ!..

Вне согласия с чувствами мой лексикон:
Безысходность словами невыразима!..
Безусловно ли, что «перейти Рубикон» —
Равнозначно падению Рима?!
«Перейти Рубикон»... Роковая река,—
Тайных помыслов пуповина...
— Перейди, литератор, и не дрогнет рука
Бросить рукопись в топку камина!..
— «Что ж ты медлишь, язычник?
Брось жертву в огонь!..
Горстку пепла оставь,— положи на ладонь:
Видишь, сколь смехотворна ничтожная жизнь?!
Паству к Богу ведешь?!.. Ха-ха-ха!..
Вокруг оглянись!
Ты почти угадал — всюду мертвые души...
Даром силы не трать: поводырь им не нужен!
Жги!.. Довольно страдать тебе, будет!
В жертве кто упрекнет тебя, или осудит?!
Разве не было сказано в Древнем писании: —

Все!.. Все вернется в Огонь,
и восстанет из пламени».

— Мысли въедливы,— хуже назойливых мух...
Как силен, как затейлив злой дух!..

Наша жизнь — краткий миг
В часовом механизме Вселенной;
В «Книге Судеб» листает страницы
Космический ветер...
Кроме Таинства Смерти
И Тайны Любви сокровенной,—
Что еще
Человека разумного
держит на Свете?!

Александр Дивеев
(г. Ртищево, Саратовская область)

**«НА РУСИ ЖИТЬ
БЕЗ ДОБРА УСТАЛИ...»**

Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольцино Кистендейского (ныне Ртищевского) района Саратовской области. Выпускник Саратовского экономического института. Автор поэтических книг: «Звезда Антарес», «Плащаница Души», «На кресте любви». Публиковался в различных журналах. Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014». Живет в городе Ртищево Саратовской области.

ЖУРАВЛИНЫЙ РОМАНС

Солнце. Тишь. Прохлада
Над рекой и полем.
Цвет губной помады
Поменяли зори.

Горизонт в корсете
Серебристой дымки.
Паучки, как сети,
Тянут паутинки.

Синь небес латает
Облаками осень.
Теплый вечер. Стаи
Листьев бьются оземь.

Над рябиной рыжей,
Над дорогой длинной —
Плач романса слышен
Скрипки журавлиной...

ЗИМНЕЕ УТРО

Солнечно ли, пасмурно иль выюга —
Все равно в семье заведено:
По утрам, похлопотав, супруга
Открывает в зимний мир окно.

На рябине ждут уже синицы.
Воробьи — на сушке бельевой.
Сытный корм зимой им только снится,
Впроголодь летают день-деньской.

И отлив становится кормушкой.
Отдыхает авитаминоз:
Семена подсолнечника, крошки,
Сало, рис, пшеница и овес.

И свои права, душе на радость,
С птичьими правами уравнивая,
Жду, когда же, наконец, отрада
Своего накормит журавля.

Не замедлит «скатерть-самобранка».
В дверь стучатся. За порогом, глядь,
Снегирихой юная цыганка
Просит тихо что-нибудь подать.

Хлеба, сала, денег — все дал в меру.
Посулила отдых на Бали.
Я-то думал, что пенсионеру
Пенсию «в кормушке» принесли.

Воробьи вытягивают шейки,
Глядя с удивлением в окно.
Улетели. Я читаю «...Швейка»,
Только отчего-то не смешно...

КУЛЕМА

Фотографий на стенке немало:
Мать, отец, муж, невестка, сынок...
И все видели: снова упала,
О родимый споткнувшись порог.

Как, заплавав от старческой боли,
Утешала себя: «Невзначай».
А надясь — вместо сахара соли
Намешала в малиновый чай.

Для нее не осталось опоры.
Все зовут за собой облака.
Сердцем чувствует старая: скоро
Сын приедет за ней. А пока...

Не сидится без дела кулема
(Так, себя упрекая, зовет).
Посшибала траву возле дома,
Дескать, тут еще кто-то живет.

Телефон... Сразу сбилось дыханье.
«Не дозвонишься? Как до Кремлю!
Как я тут? Да все отдыхаю,
Телевизор смотрю да дремлю...»

Затуманилось сердце надеждой,
Что не скоро уедет, хоть впрок
Припасла черный узел с одеждой
И землицы родной узелок...

За чужие ль грехи или просто,
Что душою уж больно светла —
Бабка мимо родного погоста
На чужбину свой крест пронесла...

ТЫ УХОДИШЬ ВСЕ ДАЛЬШЕ...

В дорогое окошко мне теперь уже не достучаться.
А зеленая краска, словно листья, пожухла на раме...
Я сюда вырывался — Боже праведный, каюсь! — нечасто,
Говорил, улыбаясь: «Вот и я! Не ждала?
Здравствуй, мама!»

Вечер тихий приветил тишиною за отчим порогом.
Старый пруд и деревня в звездном свете опять утонули...
Ты уходишь все дальше по дороге, где ходят и боги.
Я в сомненьях терзаюсь: «В жизни вечной тебя догоню ли?»

Предназначено роком мне во мгле долгих лет раствориться,
В изумленье ль с обрыва полыхнуть огнегривым болидом,—
До последнего дня я в одиночестве буду молиться,
Чтобы светел был путь твой в темном холоде царства Аида.

...На невзгоды не сетуй. Бренной жизни поток быстротечен.
Все же счастлив ты, если осознал в сонме грусти и гама,
Что живешь-то всего-то ради светлой единственной встречи,
Ради слов несказанных: «Вот и я! Не ждала?
Здравствуй, мама!»

ОГНИ

От любви мне стало холодней,
И давно от страсти не пьянею...
Гонит Муза, гонит лошадей,
Я не знаю, что творится с нею.

Гаснет вечер, ночь уже близка,
И ямщик мой плетки не жалеет.
Пышут жаром вороных бока,
Дождь холодный душу мне лелеет.

Далеко ли? Времени в обрез?
Это, друг мой, лишь Всевышний знает.
Как благословение небес —
Призрачно огни вдали мерцают.

Кто-то все же пустит на ночлег,—
На Руси жить без добра устали.
С Музой, как с подругой светлых лет,
Проведу я ночь на сеновале...

Ветер, стужа. Рядом уж огни,—
Золотые, желтые, родные!
Только разлетаются они,
Как созвездий звездочки чужие...

ЗВЕЗДНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Если думы и грусть снова бранный покой мой нарушат,
Стану слушать в ночи, позабыв про усталость и сон,
Как в небесной тиши колокольчики звездные — души —
Разливают окрест свой хрустальный таинственный звон.

Он струится с небес, звон нисходит от звезд синеоких.
А его волшебства... ну, не много ли мне одному?!
И в колени свои я в раздумьях уткнусь, одинокий:
«Что случилось со мной? Почему ж я один? Почему?»

А в ответ огоньки тихо гаснут в полночных окошках
И сизифова грусть снова мается с камнем в груди...
Неужель заросли муравой к Вечной Жизни дорожки,
Поезд жизни земной все стоит на запасном пути?

Я невольно очнусь. Тишина — как на старом погосте.
Вот и время пришло закрывать Храм в предутренний час...
Может быть, звон пришел к нам в печали из Вечности в гости,
А возможно, звонят колокольчики просто о нас.

Станут звезды вокруг потихонечку блекнуть и падать.
Колокольчиков звон... Он Божественной лире сродни...
Переполнит к утру души звездные светлая радость:
Как же! — вспомнили их, если в окнах проснулись огни...

Константин Емельянов
(Александрия, штат Вирджиния, США)

Константин Емельянов родился в г. Алматы (тогда еще Алма-Ата), в Казахстане в 1966 году. Окончил факультет журналистики Казахского университета и работал в местных газетах и журналах до отъезда в США в 1997 году.

Печатался в журналах «Юность», «Новый Журнал», «Бельские просторы», «Зарубежные задворки», «Чайка», «Северо-Муйские огни», «Новый континент» и других печатных и интернетовских англо- и русскоязычных изданий США, Германии, России, Казахстана и Индии. Постоянный автор «Приокских зорь».

«ЗАРНИЦА»

Пели всем классом про синюю птицу.
Пели в автобусе про поворот.
Все мы сегодня играем в «Зарницу»
И военрук нас ведет.
«Синие» ходят в атаку на «красных»,
За высоту падет высота,
Все оказались мы здесь не напрасно,
Все мы здесь неспроста.
Мать на пальто мне пришила погоны:
Не оторвет их чужая рука,
Буду награды высокой достоин
Если найду «языка».
Мы атакуем, мы отступаем,
Верим, что враг будет разбит.
Если погон оторвали — ты ранен,
Если же оба — убит.
Рано январское солнце садится,
В сумерках смех и крики слышны.
Вся наша школа играет в «Зарницу» —
Внуки прошедшей войны.
Пусть мы в атаку идем без винтовки,
Противогазов хватит не всем,
Но на зачете по начподготовке
Мы соберем АКМ.
Не испугают нас происки НАТО,

Рвать не устанет рука.
Мальчики-девочки семидесятых,
Дети полка.
А на обратной дороге уснули,
Тени на лицах ребят,
Ночью автобусы в город вернулись
И привезли всех «солдат»...

ДРУГ

Все в округе знают о тебе:
Белки, крысы, птицы и коты.
Убегают в спешной суете
Только за порог выходишь ты.
Мы бежим за ними налегке,
И в азарте ты оскалил пасть.
Я держу тебя на поводке,
На бегу пытаюсь не упасть.
Мы гоняем их до темноты
И на пол ты валишься мешком,
Наругавшись впрок, до хрипоты
С каждым встречным-поперечным псом.
Самый чуткий в мире слух,
Самый верный в мире друг.
Обниму башку твою лохматую,
Может, я когда-то тоже был собакою?
Ты положишь лапы мне на грудь,
Знаю я, что это неспроста:
Все пытаешься меня лизнуть
В губы, нос и прочие места.
Утром мне придется уходить
В непонятный мир чужих людей.
Ты меня захочешь проводить,
Но послушно ляжешь у дверей.
А потом, когда придет отбой,
И погаснет день пустых тревог,
Ты опять потащишь за собой
И растянешь тонкий поводок.
Самый славный в мире пес,
Самый мокрый в мире нос.
Мы живем без нежностей телячьих,
В моем шаге — два твоих — собачьих.

* * *

Я словно пробуждаюсь ото сна...
Была однажды пестрая страна:
Все краски шли когда-то в гости к нам,
Подобно распустившимся цветам.
Но что случилось? — Я не дам ответ:

В живых остался только серый цвет.
И тучи серых лиц кругом снуют
И тихо так по-серому живут.
В тот серый цвет окрашены дома,
Больница, министерство и тюрьма,
Течет он из журналов и газет —
Как-будто в мире красок больше нет.
У серых лиц есть серые мечты,
На серых клумбах — серые цветы,
Писатель серый ловит каждый миг,
И производит тонну серых книг.
Куда девались прочие цвета?
Иль я не тот, или страна не та?
Исчезли красный, желтый с голубым,
А серый все клубится, словно дым...

Сергей Редков
(г. Тула)

СОСЕД
(Поэма)

Наш постоянный автор.

В дверь позвонили ровно в шесть.
Я посмотрел в глазок.
Мужчина в форме УВД,
Широкоплеч,
Высок,
На кнопку яростно давил:
— Откройте, — говорил.
(Наряд полиции за ним
Шептался и курил).
Тревожно щелкнули замки.
Я дверь чуть приоткрыл.
— Соседа надо опознать,
Он мертвым найден был, —
Сказал инспектор. —
С кем он жил?
С кем ссорился, дружил?
И есть ли на примете тот,
Кто зла ему желал?

Я рассказал все то, что знал:
Что банку задолжал
Он много денег. Что отца
Зимой похоронил.
Гораздо раньше мать ушла.
Он часто, сильно пил.
За электричество и газ
Вдруг перестал платить.
Всего-то тридцать восемь лет —
Еще бы жить да жить!
Еще жениться мог. Еще б
Наследников родил.
Еще живой, дней пять назад,
Ко мне он заходил.
Просил займы. Я дал, а он —
Сознание потерял.

Упал. Очнулся.
— Заживет! — меня он уверял.
И лишь тогда увидел я
Разбитое лицо.
— Пойду к себе,— сказал он мне,—
Поговорю с отцом.
Захлопнул дверь.
И больше я
Соседа не видал.
И вот сейчас от вас узнал,
Что с ним стряслась беда,
Что найден труп,
Что должен я
Беднягу опознать...
Инспектор вытащил блокнот
И принялся писать —
«Дней пять назад еще был жив»,
«Взял деньги в долг» — учтем!
А может, что-нибудь еще
Вы знаете о нем?

Еще могу я рассказать,
Что с детства с ним знаком.
Как с горки на санях зимой
Катались с ветерком.
Как делали картонный шлем,
Из досок — грозный меч.
(Он в жаркой схватке тем мечом
Мне бровь сумел рассечь).
Как хулиганили вдвоем
В подъезде... до поры.
О прочих выходках шальных
Беспечной детворы...

Однажды
Разыгрались мы — дошкольники —
В десант.
Я был разведчиком, а он —
Отважный диверсант.
Фольгою спички обернув,
Собрали девять «бомб»
(О снаряжении таком
Мечтал бы сам Джеймс Бонд).
Посоветались.
Я хотел котельную взорвать
(Никто ведь за котельную
Не будет нас ругать).
Мой друг одобрил.
Взяв «снаряд»,
Пришли в соседний двор.

Но на пути —
Из плит бетонных
Высится забор.
Для стока под забором тем
Имеется труба.
Бутылок битых в ней полно —
Стеклянная крупа,
Клочки бумаги,
Веток сор,
Застывших стоков грязь.
— Иного к цели нет пути,—
Сказал он мне.— Залазь!
Трубу, как змейка, проползешь.
Котельную «взорвешь».
И незаметно для людей
В трубу опять скользнешь.
Я буду дожидаться здесь.
— Постой! — опешил я,—
Да разве поступают так
Хорошие друзья?
— Конечно! — отвечал он мне.—
Свой уступлю черед:
Ведь самый храбрый из героев
Первым в бой идет!

Приятны сердцу моему
Доверие и лесть.
И, как герой, я в ту трубу
Один решил полезть.
«Я самый смелый из людей» —
Себе я повторял.
Протиснулся на метра два и...
Намертво застрял.
— Скорее вытащи меня! —
Я другу закричал.—
Я задохнусь здесь.
Вызывай
Пожарных и врача!
— Да подожди ты, не кричи,
Сам справлюсь как-нибудь.
Подумать надо мне...
Ага...
Перевернись на грудь.
И вдруг как гаркнет во всю мочь:
— О, нет! О, нет! Мой Бог!
К тебе крадется по трубе
Ужасный Бандерлог!
Спасайся! Протолкни себя!
Вперед ты должен лезть!
И если сдашься ты как трус,
Тебя он станет есть!

От страха я, не помню как,
Колени все содрав,
Трубу покинул и упал
В ковер зеленых трав.
Потом поднялся. В голове
Бурлила кровь, звеня.
Калитку сторож отворил
И выпустил меня.
Ко мне товарищ подбежал:
— Я сделал все, что мог.
Я посмотрел по сторонам:
— А где же Бандерлог?
— Ты что, не знаешь, Бандерлог —
Из сказки персонаж,
А персонаж — не частый гость
Из мира сказок в наш.
Я рассердился.
Я хотел
Его ударить в глаз.
— Постой! — взмолился он, — не бей!
Ведь я тебя же спас.
— Ты прав, — ответил я. — Тогда
Давай опять дружить.
Задание должны успеть
Сегодня завершить.

Объектом мести стал забор.
В нем трещину нашли,
Воткнули «мины». От стекла
Лучом «фитиль» зажгли.
И сера вспыхнула, фольгу
Прорвав. Ура! Ура!
Забор повержен, и теперь —
Отпраздновать пора.
Идем гулять в Центральный парк.
Среди дубрав и рощ,
Обсудим скорость крейсеров,
Немецких танков мощь.
Потом поспорим о судьбе
Героев «Звездных войн»,
И в пруд булыжник запульнем —
Устроим пляску волн.
Жуков, кузнечиков найдем
И сложим их в конверт.
А напоследок — эскимо!
Божественный десерт.
Вот счастья истинного пик
Для молодых мужчин.
Еще не надо ни подруг,
Ни званий, ни машин.

Еще не спрятался в шкафу
Грехов твоих скелет,
И мир понятен,
Добр и прост,
Когда тебе — семь лет...

Мужчина в форме УВД
Меня остановил:
— Признаюсь вам,— сказал он мне,—
Рассказ ваш
Удивил.
Но,
Мемуарами о детстве
Делу не помочь.
К тому же, можно слушать их
Весь вечер и всю ночь.
А может, что-нибудь еще
Расскажите вы мне —
О предпочтениях его,
Характере, семье?

Его семья в те времена
Считалась образцом.
Известным дед в районе был
С преступностью борцом.
Носила бабушка медаль
Героя соцтруда
(Ведь без геройского труда
В те годы — никуда).
Всегда приветлива, добра,
Гостей встречала мать.
За стол посадит, а сама —
Жаркое вынимать.
Как с кухни всех сводил с ума
Сладчайший аромат!
Из комнаты своей за стол
Пришли сестра и брат.
Цыпленок в корке золотой
Над скатертью дымил.
С пластинки страстный баритон
Слух песнями томил.
Мужчины важно рассуждали
О делах в стране.
Прилично, чинно, благородно,
Было все вполне.
С хлопком теряла пробку вдруг
Бутылочка винца,
И тост за здравие звучал
Счастливого отца.

Отец его ученым стал.
Он что-то там открыл.
И полной чашей потому
Их дом уютный был.
Но,
В девяностые
Страна
Сменила резко путь.
Такой семье
В такой стране —
Свободно не вздохнуть.
Хозяином повсюду стал
Торговец и бандит.
И
У соседа
Будто черт
С тех дней в душе сидит.
Свобода для кого-то — рай,
Кому-то — к смерти шаг...
Могу я выйти на балкон?
Здесь тяжело дышать?

Мужчина в форме:
«Не сейчас,—
Мне вежливо сказал,—
Для опознания прошу
Пройти со мною в зал...».

В ту ночь я так и не уснул.
Соседа вспоминал.
Из детства страшная труба,
В которой я застрял,
Мерещилась во тьме. И в ней
Товарищ мой кричал:
— Я задохнусь здесь! Вызывай
Пожарных и врача!
Но рядом не было меня.
И не было друзей.
Труба пороков и страстей.
Он растворился в ней.
И солнце без него взошло.
В окне мелькнул трамвай.
Будильник резко прозвенел:
«Работа ждет. Вставай!»
На всякий случай — мало ль что! —
Я посмотрел в глазок,
А после — ужас! — как всегда,
Я скушал творожок.
Почистил обувь. Дверь закрыл.
И вызвал кнопкой лифт.

Я вышел в утренний туман,
Как теплоход в залив.
Мне повстречался на крыльце
Еще один сосед.
Я, как исправный автомат,
Сказал ему: «Привет!»
Как будто не было вчера
События,
Когда
Ты понимаешь вдруг, что жизнь —
Уходит,
Как вода.
Как будто все приснилось нам:
Полиция, допрос
И шепоток: «Не может быть!»,
И трупный запах в нос.
А может, не было всего?
И кто-то дурит нас?
Но смотрит в спину с этажа
Оконный мертвый глаз,
За ним — квартира. Пусто в ней.
В ней холодно. Темно.
Когда-то здесь семья жила.
Недавно ли? Давно?

Под утро, девять дней спустя,
Привиделся мне сон.
На День рождения в тот дом
Я к другу приглашен.
Ему опять двенадцать лет.
Он школьник озорной.
О самолетах, кораблях
Беседует со мной.
А за столом отец и мать
С фужерами сидят.
Как беззаботны голоса!
И счастья полон взгляд.
И не коснется горе их.
Не справится беда,
Когда душа родной семьи
С тобою навсегда.
А если грянул где-то гром —
То это дождь прошел.
Зачем пугаться?
Дома ты.
Все будет — хорошо...

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ПОКА ЖИВА СОВЕСТЬ — ЖИВА РОССИЯ

Беседу с Владимиром Вольфовичем Жириновским — Руководителем фракции ЛДПР ГД ФС РФ, членом Государственного Совета, Председателем ЛДПР, доктором философских наук, заслуженным юристом России ведет член Союза писателей России, Международной Федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана, член редколлегии нашего журнала Людмила Евгеньевна Авдеева.

Л. А. Уважаемый Владимир Вольфович, Вы всегда ожидаемый гость на страницах международного журнала «Приокские зори» и мы с Вами беседовали на многие острые актуальные темы. Но Вы интересны нашим читателям не только как яркий всемирно известный политик, лидер партии ЛДПР, но и как человек с оригинальным, неординарным мышлением, как философ, доктор философских наук, автор сотен теоретических работ, лекций, выступлений глубокого мировоззренческого звучания. Ваш широчайший кругозор дает неограниченные возможности самобытно рассуждать не только о политике, но и о культуре, социологии, экономике, юриспруденции, истории и даже делать прогнозы на будущее, как России, так и мирового сообщества.

В. В. Ж. Политический лидер должен иметь познания во всех сферах и быть грамотным аналитиком. Поэтому без философского осмысления истории и современности, состояния экономики и культуры невозможно сделать верные выводы и прогнозы. Современная геополитическая обстановка с усилением международной напряженности, обострением этнических и социальных противоречий, ростом экстремистских движений, экономических, военных и прочих конфликтов чревата разрушением морально-нравственных основ общества.

Л. А. Так поделитесь же своим мнением, как сохранить традиционные духовные ценности, в частности, христианскую мораль, ведь при такой напряженной обстановке настоятельной потребностью времени становится использование наряду с политическими и экономическими инструментами культурно-гуманитарных каналов для оздоровления общества. Тема апологии христианской морали в эпоху глобализации стала особенно дискуссионной после издания в этом году фундаментального научного исследования известного ученого, академика ряда российских, зарубежных и международных академий А. А. Яшина «Апология христианства»*. В своем капитальном труде автор анализирует религиозные и социально-исторические истоки формирования христианской морали, противостояние христианству в период глобализации других вероучений, акцентирует внимание на том, что идет уничтожение христианской

---

* В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru

этики, замена ее утилитарной, так называемой «моралью по вызову». В этих условиях христианская мораль подобна запору на дверях, у которых стоит глобальный Антихрист, несущий духовное разрушение. Эта тема, Владимир Вольфович, Вам тоже небезразлична, так как ЛДПР издала целую серию книг «Социология мировых цивилизаций»*, в которых Вы рассматриваете все существующие ныне религии, и в том числе Восточно-христианскую православную цивилизацию, как носителя высшей социальной морали, христианской этики, традиционных вековых духовно-нравственных норм.

В. В. Ж. Я знаком с многими работами российских и европейских авторов по истории и философии христианства, в том числе и с концепцией профессора Яшина, и сам немало уделил внимания анализу роли религий в эпоху глобализации. Очень интересная, масштабная тема. Издание серии «Социология мировых цивилизаций» — это книги лекций, своеобразное учебное пособие, методологическое исследование многообразия мировых религий, анализ современных цивилизаций. Различные цивилизации развиваются уже не первую тысячу лет. Они имеют сложную динамичную и поэтому неоднозначную природу. Я полностью согласен с высказыванием известного немецкого исследователя Карла Каутского, автора книги «Происхождение христианства», что «христианство — одно из величайших явлений в истории человечества». И этой решающей, самой сложной Восточно-христианской православной цивилизации, ее базовым политико-правовым и духовным ценностям посвящена одна из книг серии.

Л. А. Вы широко используете определение «Восточно-христианская православная цивилизация», и этот термин прочно прижился в научной среде. В. В. Путин предложил, как базовый для объединения всех, кому дорого русское слово и культура независимо от места проживания, термин «Русский мир». Раньше популярно было называть Россию «Святой Русью», «духовной крепостью мира».

В. В. Ж. Сейчас терминология расширяется вместе с базой исследования. Термин «Русский мир» употребляет и Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл, отождествляя его с единым миром Восточно-христианской цивилизации. Называют и православной, и российской, и православно-славянской, и русской цивилизацией, но все это определения явления одного порядка. Дело не в терминологии, а в том, что на традиционные нормы христианской этики идет активное наступление западной утилитарной морали, в которой власть Бога подменяется властью капитала.

Л. А. Запад ведет тотальную информационно-психологическую войну против Православия, направленную на разрушение человеческого сознания, разжигание религиозной и национальной розни. Пытаются подорвать православную церковь и изнутри. Любой человек — плод тех условий, в которых он воспитан, того общества, той цивилизации, в котором он живет. И какую бы жизненную позицию он не занимал, осознанно или подсознательно отправной точкой его поступков становятся те морально-нравственные нормы, которые являются определяющими в обществе. Таким образом, информационная война — безусловное следствие нынешней западной цивилизации, построенной на принципах военно-политического и финансово-экономического доминирования США, целенаправленно насаждающих культ массового потребления, стяжательства, индивидуализма.

В. В. Ж. Анализ западной цивилизации, в том числе христианской, предельно рационалистической, ее проявления в современной реальности так же дан в упомянутой уже серии книг. Философия политики Запада сформировалась в период ломки традиционных христианских ценностей еще во времена Возрождения и Реформации и связана с именем Макиавелли, утверждавшего, что для укрепления государства

---

* См. Серия: Социология мировых цивилизаций. Книги: «Западно-христианская цивилизация», «Восточно-христианская православная цивилизация», «Языческая цивилизация», «Скрытая цивилизация» и др. Издание ЛДПР, 2014—2015 гг.

допустимы любые средства. Отсюда и пошла широко известная формула «цель оправдывает средства». Для славянских народов характерны свои цивилизационные особенности, которые прочно вошли в сознание и в историческую память. Основные смыслы христианской морали, этики, культуры, духовные и житейские ценности — вера, Отечество, честь, порядочность, общинность, веротерпимость, стремление к справедливости. Учение Христа направлено на спасение человека, на личную этику. Христианская антропология опирается на конкретный пример Христа Человека, Совершенного Человека. В «Книге Бытия» сказано, что Бог создал Человека, чтобы он «возделывал и творил». Таким образом, труд человеческий — часть творенья Божьего. Безусловно, все не могут быть равны в обществе в материальном отношении, но к справедливости стремиться необходимо, а справедливость неотделима от свободы, свободы духа. Все верующие равны в своем человеческом достоинстве. Только русскому народу свойственно уникальное понятие совесть. Это важнейшая категория этики, открывающая выход из духовного тупика двойных стандартов морали. Именно отсутствие совести — причина катастрофического разрыва между бедностью и богатством. Пока жива совесть, жива Россия. Критерий совестливости определял во все времена характеры героев русской литературы.

Л. А. Памятники русской религиозной литературы, по которым можно изучать моральные устои общества, появились в эпоху древнерусской цивилизации. Это и «Слово о полку Игореве», и труды Даниила Заточника, и «Русская правда» Ярослава Мудрого, но Вы, Владимир Вольфович, судя опять же по циклу Ваших лекций, отдаете предпочтение первому дошедшему до нас письменному литературному религиозному памятнику «Слово о законе и благодати», созданному в XXI веке первым киевским митрополитом Илларионом, о котором довольно мало сведений, но известно, что он был человеком высокой нравственности и интеллекта.

В. В. Ж. Илларион — реальный персонаж древнерусской цивилизации и он определил базовые ценности русской политико-правовой мысли. Рассматривая понятия закона («Ветхий Завет») и благодати («Новый Завет») Илларион подчеркивает земную ограниченность закона. Период Ветхого Завета — это период богоизбранности иудейского народа, время подчинения закону. А Новый Завет — период благодати, когда христианство — это достояние народа, принявшего его добровольно. Благодать дает спасение всем народам, помогает найти вечное бытие духа. Материальному миру противостоит мир духовный, как более совершенный.

Л. А. Во всех религиях в основе духовного мира критерий Любви. В христианстве сам Бог — это Любовь. Христос — сын Божий, второе лицо после Бога в Святой Троице. В Иисусе Бог показывает человеку Человека. Быть христианином — значит, быть последователем Христа в милосердии, добролюбии, любви. Христианская мораль с ее канонами добра, справедливости, поиска правды живет внутри русского человека, это — основа православия и русского характера. Понятие любви безгранично. К Богу, родителям, семье, близким. И самая высшая форма — любовь к Родине. Как говорили на Руси, «готовность все положить за любезное Отечество».

В. В. Ж. В христианском толковании любовь распространяется и на другие народы, вытекает из человеческой социальной природы и носит естественный, правовой и нравственный характер. Высшая форма любви к Отечеству — это патриотизм, защита национальных интересов, интересов народа. Россия всегда играла роль народа-героя, для которого на первом месте любовь к Родине.

Л. А. Поэтому неслучайно сотый том Вашего собрания сочинений «Политическая классика» назван «Люблю тебя, Россия».

В. В. Ж. Да, я верю, что будущее России будет лучше, чем прошлое. Согласно учению того же Иллариона, спасение и Царствие Божье предложено всем и каждый

дает свой личный ответ на Божественный призыв своими деяниями и жизнью. Поэтому закон должен соблюдаться и властью, и гражданами. Идеал — правопорядок, единство политики и морали.

Л. А. Таким образом, ключевые понятия закон и истина не противостоят друг другу, а наоборот, христианин, стремясь к нравственному совершенству, следуя законам, не нарушая их, познает истину и достигает благодати, как высшего идеала. Если закон не дает свободы, то именно познание истины дает человеку свободу выбора. С законом все более-менее ясно, но вопрос, что такое Истина, люди задают с тех самых пор, как святой Владимир произвел крещение Руси. Этот вопрос задавал Пилат Иисусу Христу. Те, кто признает традиции идеализма Декарта, Канта, Гегеля и других философов Просвещения, исходят из формулы: «Я мыслю, следовательно, существую». И для них это истина. Реалистическая философия идет от противоположного: «Существую, значит, мыслю». Именно в современном мире глобализации с его разнообразными культурами, идеологиями, скептицизмом, с открытой пропагандой и скрытым давлением на общественное мнение ради политической корректности важен вопрос об истине, о действительности бытия. Церковь называет отклонение от истины грехом против Святого Духа, совести. Для русского человека — поиск истины или правды Божьей, как говорили на Руси — смысл жизни.

В. В. Ж. Общество устало от беззакония, государственного хаоса, преступности. Илларион был одним из первых русских мыслителей, утвердивших политико-юридическую традицию, когда термин «правда» стал юридическим понятием, включающим нравственную мотивацию. И это дает ответ на вопрос, как жить: по закону или по понятиям. Истина же — это соответствие познания, мышления бытию, реальности. Истина в нравственном смысле — это честная оценка, внутреннее убеждение в отличие от лжи и притворства. Для православных людей важен вопрос духовного самоочищения. Идеи о смыслах и ценности жизни изложены и в трудах Филофея, инока монастыря, к учению которого я так же обращаюсь в своих публикациях о православной христианской цивилизации. Это тот монах, который сформулировал всем известное изречение Ивана IV «Москва — Третий Рим, и четвертому не бывать». Люди старшего поколения помнят фильм Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», где роль царя исполнил Николай Черкасов. Так вот, Филофей, как приемник учения Иллариона о законе и благодати, считал, что в основе жизни должен быть здравый смысл, который всегда ценился в православной этике.

Л. А. Кстати, Филофей, этот инок или, может, даже настоятель Псковского монастыря, писал, что «с мудрыми философами в беседе не бывал», но сам оказался настолько премудрым человеком, что его послания великим князьям стали широко известными политическими документами XV—XVI вв. Он не боялся давать советы и царю, чтобы тот соблюдал закон и жил праведно, как должны жить по заповедям Господним и подданные. Всякий безнравственный, аморальный поступок он считал беззаконием, нарушением правды, что должно быть наказано по воле Божьей.

В. В. Ж. Филофей считал, что по воле Бога пал Древний Рим, так как исповедовал язычество, а не христианство. Византия погибла из-за связи с Католической церковью, а вот Третий Рим — Москва, как центр Православия, будет вечным, так как избрана Богом для защиты православной религии.

Л. А. Оба старца, о трудах которых мы сегодня с Вами так много говорим, считали, что политические успехи страны тесно связаны с образованием, знаниями, культурой. Если социум делает человека общественной личностью, то духовно-нравственной личностью человека может сделать только культура. В России Лев Николаевич Толстой стал ключевой фигурой в процессе оформления литературно-религиозного сознания, его творчество — апофеоз литературной веры, веры в Слово,

способное изменить мир. Толстой — искатель Бога, Церкви со своим Евангелием — Храмом Слова и мысли, в котором литература, как и церковь, великая утешительница и наставница. Весь XIX век — это век словесности, религиозности, Священного Писания. Флоренский в своей работе «Умозрение в красках» указывал, что мысленные беседы с иконой давали русскому человеку духовный настрой. Глядя на иконы, верующий понимал, что хорошо, что плохо, что надо делать, чего ждать. От бесед с иконой русский человек перешел к тексту, и уже в словах ищет духовно-моральную основу, благодаря которой возможно сосуществование с другими народами, культурами и религиями. А если и возникали разногласия, то Лев Толстой объяснял их как столкновение высокой культуры, духовности с невежеством, в борьбе с которым России принадлежит одно из ведущих мест, как «Храму духовности». Литература, подобно церкви, утешала великими романами великих классиков.

В. В. Ж. Русская литература всегда находилась в центре мировых интеллектуальных событий. И о том, насколько сильны и необходимы христианские традиции, писали все великие русские философы, в том числе Розанов, Соловьев, Бердяев и мой любимый Ильин. Писатели работали на Истину. Читатель уважал Слово. Книга существует несколько столетий и люди всегда жили книгой, которая была учителем, наставником, собеседником, учебником жизни, морально-нравственным кодексом, источником истины. И именно русская классическая литература заставляла задуматься о морально-нравственном состоянии человеческой души и общества в целом. Однозначно, Библия была и остается культурно-образующим явлением.

Л. А. Перевод Библии на русский язык своеобразной революцией, что, создав литературно-религиозное поле, привело к модернизации современного русского языка, приблизив его к живому слову. Кстати, инициаторами перевода на русский язык Библии, были англичане, основавшие филиал Библейского общества в Петербурге в 1804 г. В свое время ученый, литературовед А. Н. Балдин ввел термин литературоцерковизм, доказывая, что именно с момента перевода Библии можно говорить о рождении литературы веры. Великая культура веры создавалась из великих страданий, как считал Ф. Достоевский. Если церковно-славянский перевод давал представление о Христе как о явлении тысячелетней давности, то перевод на современный русский язык перенес Христа в современность. Это привело к революции сознания и дало возможность русской литературе говорить о возвышенном, духовном прощании. Литература стала как бы частью верования, частью жизни, соединила времена (отсюда со-временная).

В. В. Ж. Россия наиболее полно выразилась в литературе. Согласно преданию, пророк Муххамед назвал иудеев, создавших священную Тору и возродивших почти умерший язык, ныне государственный язык Израиля иврит, «народом книги». «Народом книги», «Страной книги» можно было назвать и Россию XIX—XX вв. Мы еще не забыли, как нас называли самой читающей державой. К сожалению, сегодня нас так назвать трудно. Вроде множество изданий, новые поступления на полках книжных магазинов, но это не художественная литература в ее высоком понимании, а в основном писанина на сезон, на потребу низкому вкусу, низменным чувствам и острому ощущению. То же, в основном, в кинематографе, в многочисленных телесериалах. Мне всегда хочется спросить современных деятелей культуры: «С кем вы, мастера культуры? Где плоды вашего творчества, деятели искусства? Если не можете делать хорошо, не делайте хотя бы плохо».

Л. А. Вы совершенно правы, Владимир Вольфович. Создается впечатление, что Эпоха большой литературы закончилась. В современной России, как утверждают социологи, в среднем на чтение уходит 36 минут в день, включая просмотры газет, журналов, рекламы. Раскрылась бездна Интернета. В годы нашей студенческой юно-

сти в Ленинской библиотеке была книга главы библиотеки Конгресса США Биллингтона «Икона и топор», осуждавшая определенный исторический момент гонения на христианскую религию. Но сегодня, так же грубо, топорно уничтожается истинная великая культура, отражавшая весь сложный мозаичный мир человеческой души. На глазах рушится литературный храм, и великая литература покидает церковный амвон, университетскую кафедру, ораторские трибуны, школьные программы. Меняется и сам великий русский язык. При этом немало разговоров о свободе выбора во всех сферах жизни, в том числе религиозной. В последнее время Ватикан высказывается за религиозную свободу, за возможность выбирать и менять религию, за право на открытый обмен религиозной информацией, издание печатных трудов, право религиозных общин создавать свои СМИ, не быть по религиозным признакам ущемленными в экономической, общественной, культурной сфере. Вы, Владимир Вольфович, в своих публикациях, лекциях, выступлениях используете термин «экология духа», «духовная экология», «свобода духа»...

В. В. Ж. Свобода духа, свобода выбора необходима, но она должна быть разумной. Необходима именно духовная экология. Поэтому ЛДПР, как и все здравомыслящие люди, против свободы порнографии, клеветы, пропаганды насилия, деформирования сознания людей, разрушения духовных ценностей, употребления запрещенных приемов, двойной морали.

Я эмоционально реагирую на хамство, наглость, ложь, меня раздражает глупость, отсутствие кругозора, трусость. Что касается религиозной свободы, то должно быть уважение религиозных убеждений, нельзя допускать богохульства, осквернения религиозных ценностей. Однако есть и границы религиозной свободы, необходимые для безопасности, сохранения нравственных ценностей. И здесь опять же велика миссия культуры. Художественное творчество, великое искусство, литература в России всегда отвечали идеалам христианства, морали, сопротивляющейся Антихристу, то есть насилию, лжи, злу. Человек с идеей сильнее человека с ружьем и человека с деньгами. Чем больше будет храмов, духовных училищ, монастырей, тем меньше придется строить тюрем и исправительно-трудовых колоний. Тут не только духовная, но и материальная выгода.

Л. А. Сейчас строится немало храмов, часовен, но при этом далеко не все, считающие себя православными, соблюдают церковные каноны, но тем не менее, «На свете не найти уста, хоть раз не звавшие Христа, \ Не обращавшиеся к Богу, чтобы помог унять тревогу». Я позволила себе привести две строчки из моего стихотворения духовного содержания. И хотя и говорят: не упоминайте имя Божье всуе, тем не менее, и ярые атеисты в сложных ситуациях начинают молиться. Невольно возникает вопрос о роли и месте современной церкви в современном обществе. Церковь — это самостоятельный духовный, морально-этический институт или государственное учреждение, а христианское социальное учение — идеология или, скорее всего, мировоззрение, выдвигающее на первый план человеческую личность, недаром его называют персонализмом. В. В. Путин в обращении к Патриарху Кириллу в мае этого года отметил, что Русская православная церковь — неотъемлемая часть гражданского общества, фактор стабильности межнациональных и межрелигиозных отношений.

В. В. Ж. Очень объемное и точное определение. Отношение к церкви на различных исторических этапах менялось. Филофей считал церковь одним из ведомств государства, а христианскую веру хранительницей тысячелетних традиций. Россия проходила этапы отделения церкви от государства. Христианская церковь должна действовать в рамках государственного законодательства. Основопологающий принцип христианского социального учения — солидарность, определяемая как взаимные обязательства или социальная дружба, что по своей структуре схоже со справедливо-

стью. Церковь носит публичный характер, что вытекает из самого факта веры. Публичный характер Церкви это и политика своего рода, так как верующий человек не может быть равнодушным к происходящему в мире, к злоупотреблениям, насилию, должен стремиться к защите человеческого достоинства. Однако христианской политики в строгом смысле слова нет, так как в Евангелии нет четкой политической программы, хотя в Нагорной проповеди можно усмотреть социальную программу, а Ветхий Завет содержит законодательные книги, регулирующие частную и общественную жизнь. Поэтому Церковь с ее высокими морально-нравственными канонами должна идти рука об руку с ответственным за судьбы своих граждан сильным государством. Современная христианская православная церковь принимает самое активное участие в благотворительных акциях, поддерживает государственные культурные и просветительские проекты.

Л. А. Не так давно я с интересом познакомилась с основами православного учения об обществе, которые были изложены в принятом Архиерейским собором Русской православной Церкви в документе уже XXI века «Основы социальной концепции Русской православной церкви». Исходя из представлений христианского социального учения о сущности человека, смысле жизни, современные авторы размышляют о путях дальнейшего социального развития государств, их взаимоотношений, возможностей для создания благоприятных условий для развития личности на основе нравственного принципа ответственности каждого не только за свою судьбу, но и за происходящее в стране и в мире. При этом, рассматривая категории морали и политики, часто ставят вопрос о необходимости мерить политику нравственным масштабам. Представления о Царстве Божьем на Земле, хотя и признаются идеалом желаемого, тем не менее, считаются недостижимыми, не воспринимаемыми политическим мышлением, предполагающим расчет, тактику, меру возможностей. Другие считают, что достижение желаемого зависит от нравственности, моральных качеств руководителей государств.

В. В. Ж. То, что достижения страны во многом зависят от личности руководителя государства, от уровня его знаний, образования, от нравственно облика доказано самой Историей, и здесь я мог бы привести вам сотни примеров из старой и новейшей, как мировой истории, так и России. Но я думаю, что это могут сделать и сами читатели, большинство которых по возрасту очевидцы, а то и жертвы непродуманных преобразований и скороспелых реформ. Но ответственность за политику страны должна лежать не только на руководстве. Граждане то же должны ощущать ответственность за будущее страны и своих детей и быть более активными, и здесь не последнюю роль в воспитании сознательности играет христианская мораль.

Л. А. А моральным ориентиром для защиты политических, социальных, экономических, религиозных и прочих прав человека, своеобразным термометром нравственно-духовного здоровья или болезни общества опять же должна быть культура, воспитывающая способность уважать чужие верования. Эти глубокие злободневные проблемы Вы рассматриваете в своей книге «Нравственное здоровье России». Независимость и целостность любого государства, величие и историческое бессмертие народа определяются не величиной территорий и многочисленностью населения, а духовно-культурным наследием, как основой самосохранения национальных традиций, самосознания, историко-культурной преемственности поколений и взаимодействия различных цивилизаций.

В. В. Ж. Действительно, культура — это та нить, которая соединяет народы разных верований, традиций, обычаев, жизненных позиций и взглядов, и ее нельзя рвать ни при каких политических ситуациях. Душа любого народа — в его культуре с ее исторической памятью, духовным опытом, с богатством национального языка. В Рос-

России проживают представители всех мировых религий. Православные христиане, мусульмане, буддисты, иудеи... Те из них, кто искренне ищет высокие идеалы, по своему приближается к Богу. Это тонкая интимная сторона жизни многих людей. Каждый из верующих ищет смысл жизни, гармонию с окружающим миром, мечтает о разумной организации общества своей страны. К этому же стремится и честный политик. Современная обстановка требует поиска общих нравственно-духовных ценностей, объединяющих разные цивилизации, установления межкультурного и межрелигиозного партнерства. Жизненно необходима международная мораль, целостная духовно-нравственная среда, основы которой разделяют все цивилизации.

Л. А. Кроме того, страны с социальной и культурной неустроенностью, со спадом в развитии науки, образования, с униженным, духовно опустошенным народом при любой цивилизации не смогут отвечать на вызовы XXI века. Культура — это стратегический ресурс, у которого есть сильное оружие — интеллектуальная мощь, способная объединить созидательные силы общества на основе гуманистических идеалов христианской православной морали, стать защитой универсальных духовных ценностей, достоинства каждого человека независимо от его нации и вероисповедания.

В. В. Ж. Будет ли победа в эпоху глобализма за христианской моралью — вопрос не праздный. Ныне большинство государств относятся нейтрально к религии. Продолжающийся процесс глобализации оказывает неизбежное влияние на внешнюю политику как развитых, так и развивающихся стран, вызывает напряженность в регионах. Время требует коллективного поиска путей решения общих проблем. Это будет эффективно как на региональном, так и на мировом уровне при выработке уважительного отношения к культуре и религии разных цивилизаций. В противном случае конфронтация, противостояние приведут к новым конфликтам, усугубляющим пропасть между богатыми и бедными, неравенство возможностей, борьбу за недра, территории, рынки сбыта. Религия становится значительным фактором международных отношений, и поэтому современное состояние духовно-нравственного климата в мире требует активного религиозного диалога. В процессе глобализации или регионализации проиграют те, у кого нет духовной опоры, нет великой культуры.

Л. А. К сожалению, действительность нельзя загнать в определенную форму, в том числе словесную или религиозную. Но полностью согласна с Вами, что проиграют те, у кого нет духовной основы, нет книги, которая, говоря словами Бориса Пастернака, «кубический кусок дымящейся совести». В России, слава Богу, есть великая русская классика и глубокая христианская православная вера.

В. В. Ж. Я верю в сильную, процветающую, великую Россию, в православных христиан, для которых выработанные веками критерии морально-нравственного, духовного учения, христианской этики не просто слова, а руководство к действию, верю в людей принципиальных, честных, грамотных и нравственно чистых, чьи умыслы направлены на защиту интересов России.

Л. А. Владимир Вольфович, коллектив «Приокских зорь», его главный редактор, члены редколлегии и авторы отвечают этим параметрам. Это люди духовно убежденные, с твердыми гражданскими позициями, которые стараются своим творчеством служить величию России.

В. В. Ж. Пусть же совесть и ответственность будут вашими помощниками.

Л. А. Благодарю Вас, Владимир Вольфович, за интересную беседу, из которой, думаю, читатели извлекут много полезного, так как Вы, как всегда, говоря словами Ф. М. Достоевского, высказали немало «зернистых мыслей». От имени сотрудников журнала, авторов и читателей желаю Вам и армии ЛДПР дальнейших успехов на мировом политическом Олимпе.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Олег Каширин
(г. Тула)

КОГО УЖ НЕТ, А КТО СО МНОЮ РЯДОМ... НАШИ 70-е ГОДЫ

Наш постоянный автор.

Вспомнились институтские годы. Мои семидесятые годы. Бурные обсуждения с дымком сигарет «Прима» старшекурсников и любимца всех студентов историко-филологического факультета (тех лет) Рафаила Соломоновича Шнейдермана, старшего преподавателя литературы зарубежных стран, о текущем моменте внутренней обстановки страны и, особо важно,— о литературных новинках в толстых литературных московских и ленинградских журналах. Об очереди в читальном зале нашей библиотеки на журнал «Москва», где опубликовали роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». И невероятных слухах об измене Родине невозвращенца, нашего тульского писателя Анатолия Кузнецова, автора известного тогда «Бабьего Яра». Говорили, что из-за него лишились после этого своих постов кто-то из секретарей обкома КПСС и сам начальник местного КГБ. Говорили о премьерах столичных театров «Современник» и «На Таганке». О невероятно строгой и вроде бы справедливой, грозе студентов, преподавателе кафедры педагогики Баланюк. И еще о многом другом, что волновало будущую «интеллектуальную элиту» советского общества.

Шептались, что выпускник Володя Лифшиц со товарищем 8 ноября 1967 года (50 лет Советской власти), приехав в Москву после бурной встречи юбилея в Туле, на проспекте Маркса (ныне Охотный ряд) встали перед памятником автору «Капитала» на колени, и их не стала задерживать милиция.

Это был своего рода студенческий клуб в перерывах между лекциями и семинарами в первом корпусе на улице Менделеевской тогдашнего педагогического института (ныне университета).

Тогда были «по весне» ажиотажно популярны смотры художественной самодеятельности на факультетах института. На втором курсе мне доверили вести концерт историко-филологического факультета. Вышел на сцену, начал читать стихи однокурсника Коли Завалишина:

*Какого цвета ты, Россия?
Каким наполнила меня?
Березки в озере босые,
Или в преддизимье зеленыя?*

*Твой цвет? А алые звезды
С былыми розами поврозь?
Ты — в перелетном птичьем крике,
Где все случилось и срослось!*

А дальше — ступор. Забыл слова. Минутная пауза. Она показалась мне вечностью. Но жюри, в котором, кстати, присутствовал непотопляемый в творчески-бюрократических кругах и уважаемый не только в области директор областной филармонии И. А. Михайловский, снисходительно разрешило вести дальше концерт.

Покраснев, к счастью я вспомнил: «*И красный флаг над сельсоветом в твоей исконной синеве!*» Концерт продолжился.

Потом, позднее, Николай Николаевич Завалишин подарил свой сборник стихов «Мое прочтение», где уже не было «Какого цвета ты, Россия?». Сборник точных, порой весьма язвительных литературных пародий. Я сейчас взял его в руки, заново прочитал. И вспомнил его хулигански задорное, неопубликованное:

*Любовь. Она покрепче спирта.
Богатырей бросает ниц.
Налейте мне стаканчик флирта.
Я пью за здоровье Блудниц!*

Вот так-то! Знай наших из семидесятых годов.
Или из того же опубликованного сборника:
Валерий Савостьянов:

*У меня в глазах рябило —
Прочитал и обомлел:
В дневнике моей любимой
Нет ни строчки обо мне.
Вот дневник знакомой Нади.
Надо ж, сколько наплела!
Две общественных тетради
Про амурные дела.*

*Том второй. Да где же мера!
Все мужские имена.
Есть про Вову и Валеру,
Но совсем не про меня.*

*Я читаю с кислой миной.
Хоть бы кончился скорей
Дневничок моей любимой.
Впрочем, может, не моей...*

Тогда, в семидесятые, с Валерием Николаевичем Савостьяновым мне не довелось повстречаться. Я познакомился со своим одногодком намного позднее, в Тульском отделении Союза писателей, когда он уже стал маститым поэтом. Лауреатом, дипломантом многочисленных поэтических международных, российских конкурсов и фестивалей и т.д. и т.п.

Короткий отрывок из его стихотворения «Однолюб»:

*Брат, хоть я не привередник,
Мне сегодня тяжело:
Я империи наследник,
Чье название с карт сошло.
Я лишь ей давал присягу,
Ей оружие ковал, кровь свою —
Больному флягу
Для нее переливал.*

*Я любил ее устало,
Мог с устатку нагрубить —
Но когда ее не стало,
Стало некого любить.*

Еще один мой одноклассник, с которым мы в один день получили членские билеты Союза писателей России — Валентин Викторович Киреев. После ухода из жизни известного писателя Глеба Ивановича Паншина, близкого друга патриарха послевоенной поэзии Николая Константиновича Старшинова, он решительно стал лидером в духовной жизни города Новомосковска. Валентин долгие годы руководит им созданным «НЛО» (Новомосковское литературное объединение) и аналогичным объединением в городе Богородицке. Лауреат областных литературных премий им. Льва Толстого и им. Ярослава Смелякова, и прочее, прочее... Киреев чрезвычайно плодovit в своем творчестве. И бессмысленно перечислять список его поэтических сборников. Одно из его многочисленных стихотворений:

КОРНЕВЫЕ СЛОВА

*Умирает деревня — наследие предков.
Города... Города... Как такое стряслось,
Что к исконным корням возвращается редко
Тот, в ком русская стая и мужицкая кость?
Что останется им, нашим дальним потомкам,
Если нынешним русским забыты давно
Корневые слова: волокуша, котомка,
Лепота, перевясло, татарник, гумно...*

*Что останется им, если чаще и чаще
Слышим не «хорошо», а тупое «о-кей»,
Если чуждый язык, ни о чем говорящий,
В Русь внедряется гнусной речевкой своей?*

*Нет, не «вау» кричать наши дети и внуки,
Восхищаясь чуждой побрякушкой, должны —
Есть у нас свой язык,
есть крестьянские руки...*

Тогда, в семидесятые, у нас на истфиле был еще один поэтический хулиган.

Один раз в месяц на одной из стен рядом с аудиторией, где читал «на потоке» свои лекции Шнейдерман, вывешивалась долгожданная факультетская стенная газета «Наша жизнь» форматом чуть ли не в восемь чертежных листов. Не предмет сейчас о

ней рассказывать. Но однажды наряду со стихами Геннадия Бредихина в ней появились короткие строчки:

«У Суворова лицо — чем садятся на крыльцо!» Да еще с дружеским шаржем Генны Бредихина на автора.

Написал это и поместил в стенгазету сам Володя Суворов, филолог из группы «В». Уже потом Владимир Сергеевич, преподаватель русского языка и литературы в школе села «Гремячее», член Союза писателей России, опубликовал, будучи зрелым поэтом:

*У нас была хорошая семья,
Хотя мы вправду жили бедновато...
А что в дому! Три стула, да скамья,
Да из матрасов вылезала вата.
Но было нам плевать на обиход.
На коврики на стенах и подзоры.
Ну, был, конечно, в поле огород
И книжечек тьма, пленявших наши взоры.
Не захотел я азбуку пройти,
Поскольку вдруг, усилия утроя,
Я стал читать, примерно, лет с пяти,
Так, сам собой, за братом и сестрою.
Мы книги в дом охапками несли,
Так пчелы копят мед в душистых сотах.
И с той поры от стольких бед спасли
Меня тома в различных переплетах.*

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

*Был снег в морозном дыме...
Носил я сестрино пальто
С кармашками цветными.
Снимал я сестрино пальто,
Сворачивал в комочек,
И гардеробицу просил:
Повесьте в уголочек.
И ликовал я, как никто,
Когда стряслось такое!
Когда купили мне пальто
Отличное! Мужское!
Прощай, потертый воротник,
И пуговиц костяшки,
Подкладки розовенький шик
И желтые кармашки.
И не забыть мне до конца
Тот день под отчим кровом,
Улыбку добрую отца,
Себя в пальтишке новом...*

Когда-то, в девяностые годы, я делал на ГТРК «Тула» свою очередную авторскую программу «Наедине со всеми». И в числе других пригласил на нее свою сокурсницу Наталью Товеровскую, которая когда-то написала в «Нашей жизни» одобрительную рецензию на спектакль факультетского драматического кружка «На

254

дне» по пьесе Максима Горького. В ней наш режиссер А. Я. Слуцкий доверил мне роль Актера.

Тогда после съемки программы она подарила свой сборник стихов с памятной надписью: «*Мы на земле, чтоб каясь, вновь грешить. Как тяжело!.. Как прекрасно жить!*»

Товеровская тогда была на факультете весьма яркой и эрудированной девушкой. Для меня тогда — неприкасаемой.

Итак, из очень интимного сборника Натальи Моисеевой «Камертон». Стихи о любви):

*О, Господи!
Не о себе прошу.
Дай детям моим
          счастья и покоя.
Мольбу о них
К тебе я возношу.
Дай им
          добра,
Их
          вынеси из боя.
Здоровья дай,
Чтоб устоять сумели
В шторма и бури,
          и метели.
Не охали чтоб,
          не хирели.
Душою чтобы не старели.
Чтоб жить хотели
          и умели.
Мечты осуществить успели.
Чтобы не кисли —
          песни пели...
Дай, Боже, им друзей
          надежных.
Дай Разума
          в решеньях сложных
В ненастные и
          и солнечные дни.
Пускай их жизнь
          Любовь согреет.
Дай в срок им это счастье
          испытать.
Пусть не иссякнет,
          не скудеет
Живая жизни благодать.
О, Господи!
Не за себя прошу...*

С Федором Гусевым, собкором газеты «Коммунар» в Ефремовском и Каменском районах, я случайно познакомился на полуночном «мальчишнике» у Михаила Фетисова. Миша всегда был носителем решительных действий в борьбе с дремучим бю-

рократизмом советского общества в 80-е годы. И наша «компашка» была сродни его жизненных позиций: Николай Завалишин, Игорь Арясов, соответственно Гусев и автор этих строк.

Игорь с восторгом представил Федора Александровича как уникального поэта — умельца «египетских ночей». Что это такое, я не знал и был ошеломлен умением Гусева слагать рифмованные четверостишья по заказу на любое заданное слово. Уже намного позднее я прочитал стихи в его скромном сборнике «Басовый регистр»:

*Российский сдержанный народ
Хранит исконное терпенье.
Что даст нам новый поворот:
Надежду, горечь, отчужденье?*

*Пока в меня летят плевки,
Каменья злобы не минуют.
Я не сжимаю кулаки,
Хотя душа моя бунтует.*

*Я так воспитан. Всяк мне брат.
И с ним всегда делился кровом.
Так что теперь они хотят?
Быть может, крови?*

*Понять я злобы не могу,
А в сердце доброта все реже...
Себя, как лошадь, запрягу,
А запрягу, так не удержишь.*

Сергей Белозеров завоевал среди журналистской братии характеристику несгибаемого борца с правящей бюрократической мафией. Особо он раздражал тогдашнего губернатора Николая Севрюгина. Общаясь изредка с ним, я не мог представить, что он — самобытный поэт:

*...вот и живешь,
и живешь, и живешь,
плачешь, пророчишь,
смеешься и врешь,
ходишь по городу
с анной карениной,
с тихой улыбкой
стихотвореньиной,
вечно торопишься,
вечно опаздываешь,
и скворцы посвистывают
за пазухой...*

*...зеленоглазый
и деревянный,
принадлежащий
марьевиванне,
ты образуешься,
всхлипнешь, разинешься,
екнешь испуганно*

*не веря, что в конце,
что в той прекрасной стороне
ждут счастье и покой...*

*Дай бог не быть пророком мне:
не знать про путь другой.*

С Виктором Харлашкиным мы близко общаемся уже около пятидесяти лет. Виктор Георгиевич начинал свою поэтическую карьеру под большим влиянием творчества В. С. Высоцкого. Но со временем он приобрел свое лицо в лирике и в остросоциальных стихотворениях, порой чрезвычайно жестких, но правдивых и искренних. Он — лауреат многочисленных конкурсов и фестивалей патриотической песни, Его стихи опубликованы в 14 странах, в том числе в Дальнем Зарубежье.

ЭШЕЛОН

*Кто-то бросил призыв: «Нет кавказской войне!»
Поделили призы и в Москве, и в Чечне.
Миротворцы стараньем заслужили почет
И народ признание — как наивен народ!*

*А в степи под Ростовом, к полустанку пристав,
Смертью в холод закован самый страшный состав.
Здесь война продолжает монолог свой без слов,
И сердца разрывает матерей или вдов.*

*Те, кто сделал заказ на сто тысяч гробов,
Видят в каждом из нас бессловесных рабов.
И не войны пали для корысти чуждой,
Это мы, кто смолчали, омертвели душой.*

*А в степи под Ростовом, средь донских ковылей,
Смертью запатентован эшелон — мавзолеей.
И пустые глазницы неизвестных солдат
В наши мертвые лица с укором глядят.*

В 1969 году на смотре художественной самодеятельности привлек всеобщее внимание своими яркими стихами студент-филолог Александр Ермаков, в будущем главный редактор «Молодого коммунара» и основатель «Тульских известий». Но он по каким-то причинам не публиковался в текущей прессе и не издал самостоятельный сборник. И рано ушел из жизни.

Мне так и не удалось найти какие-либо следы его стихов.

То же самое с Софьей Киселевой (Сонечкой), которая у меня своим тихим голосом и манерой разговора ассоциировалась с феноменом 60-х годов Беллой Ахмадулиной.

Я не собирался делать литературный анализ творчества всех, кого вспомнил в этом эссе. И не собираюсь обсуждать их непростые порой жизненные пути и характеры. Не все они остались преданы поэтической музе. Это жизнь! Но всех их, кто начинал свое творчество в далекие семидесятые годы прошлого века объединяет то, что они все — Личности. Личности, вступившие в большую жизнь в Семидесятые.

И ныне — кого уж нет, а кто со мною рядом!

Элина Рудая
(г. Симферополь)

Родилась и живет в Крыму. По профессии — инженер, работает в сфере телекоммуникаций. Пишет стихи и малую прозу, член Крымского союза журналистов этнических СМИ. Публиковалась в газетных и литературных изданиях Крыма. Автор сборника очерков «Записки крымской путешественницы» (2013 г.) и стихов «Между прошлым и чем-то завтра...» (2017 г.).

В ПОИСКАХ ДРЕВНЕЙ КИММЕРИИ

Небольшой городок в восточной части Крымского полуострова — Старый Крым — манит к себе колоритом древности.

«Наполовину — город, наполовину — деревня», — дают ему определение сами местные жители. И действительно, большое количество частных подворий здесь соседствует с этажной застройкой, магазинами и рекламными щитами, характерными для современных городов. Жизнь течет неторопливо, впрочем, как и сто лет назад. «Город тих, спокоен, в нем можно отдохнуть от суеты, от постоянного напряжения нервов», — отмечал классик белорусской литературы Максим Богданович в 1915 году.

Судя по археологическим раскопкам, здешние места люди освоили еще с античных времен. Но поселение у подножия горы Агармыш получило статус города только в средние века. Солхат, по генуэзским источникам, или Крым, по тюркским, возник на древнем караванном пути, соединяющем Европу с Индией и Китаем. Из русских земель купцы везли меха, воск, лен, изделия из кожи, а караваны с далекого Востока доставляли сюда шелка, драгоценности, фарфоровую посуду, пряности. В городе был свой монетный двор, невольничий рынок и таможня. Поселение укрепилось каменной стеной и глубоким рвом. Жизнь затихла здесь в середине XV века, после того, как столицей Крымского ханства стал Бахчисарай, и тогда город сами жители стали называть город Эски-Крым («старый ров»). До сих пор сохранились следы былых времен: мечеть хана Узбека, остатки мечети султана Египта, уроженца Крыма, Бейбарса, стены караван-сарая, где в XV веке останавливался Афанасий Никитин, возвращавшийся на родину, руины средневековой христианской церкви, армянский монастырь Сурб-Хач. На этом маленьком кусочке крымской земли госпожа История переплела судьбы самых разных народов, создав особую ауру! Возможно, эта одна из причин притяжения в Солхат творческих людей.

Коктебель, Старый Крым, Феодосия составляют своеобразный «киммерийский треугольник». «Это... особая замкнутая страна, непохожая на все остальные части Крыма», — писал Константин Паустовский. Последние годы своей жизни в Старом Крыму провел Александр Грин. Из этого маленького городка он совершал свои пешие походы к Максимилиану Волошину, жившему в Коктебеле. И сегодня, в XXI

веке романтики и почитатели таланта проходят тропой Грина и поднимают алый парус на горе Агармыш в день рождения писателя (23 августа). Мемориальный дом-музей, основанный вдовой Ниной Николаевной Грин, гостеприимно распахивает двери каждому неравнодушному посетителю, а алыча, растущая у калитки, до сих пор «помнит» Грина.

Писатель-романтик был кумиром для Паустовского, который не раз посещал Старый Крым, гриновский дом. В этом городе Константин Георгиевич жил, работал, бывал в Феодосии, Коктебеле. В 2005 году энтузиастами был создан «старокрымский» музей Паустовского. «Жить нужно странствуя», — на входе встречает вас завет писателя. Гуманист, просветитель, ценитель всего живого на земле, он следовал ему всю жизнь. И до сегодняшнего дня в Ялте «странствует» «Константин Паустовский» — теплоход катает туристов по водам Черного моря! В музейном дворике создана зеленая «экспозиция» растений, которые любовно упоминаются в произведениях писателя, а также уголок рыбака. Паустовский был страстным любителем рыбной ловли, считая, что «она полна поэзии».

В древнем Солхате писатель отмечал и «неправдоподобный воздух (очень душистый, мягкий и прозрачный)». Что правда, то правда: здесь вдыхаешь необыкновенный коктейль из горного, лесного, морского и степного воздуха! Кажется, что он очищает не только легкие, но и душу.

Старый Крым завоевывал внимание художников Ивана Айвазовского и Константина Богаевского, кинодраматурга Алексея Каплера и поэта Юлии Друниной, сестер Цветаевых и Бориса Чичибабина. В этом маленьком городке жил и творил поэт Григорий Петников, работал кардиохирург, писатель Николай Амосов. Скульптор и поэт Татьяна Гагарина стала автором бюста Грина у его домика в Старом Крыму и надгробной скульптуры «Бегущая по волнам» на могиле писателя.

Наиболее полное представление об истории Старого Крыма, об известных людях, живших в этих краях, складывается в местном Литературно-художественном музее. Усадьба, в которой он расположился, несет в себе колорит постройки конца XIX века: двухэтажное здание с длинной внутренней лестницей, большое количество разных по размеру комнат. Картины крымских художников на стенах гармонично вписываются и дополняют представленную экспозицию. На территории уютного музейного дворика «застыла» восстановленная сотрудниками музея Екатерининская миля, на постаментах «спят» каменные львы времен императрицы. Под открытым небом собраны и представлены для обозрения фрагменты надгробных памятников и архитектурных деталей, которые использовали народы Старого Крыма в XII—XIX веках.

Дома-музеи Паустовского и Грина, а также Литературно-художественный музей Старого Крыма входят в состав единого комплекса «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник М. А. Волошина». Сам Максимилиан Александрович поэтизировал всю восточную часть полуострова «от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива)». И, побывав в Старом Крыму, непременно хочется сказать: «Это просто Киммерия!».

«БЛИСТАЮЩИЙ МИР» 21 века

*«Когда дни начинают пылиться и краски блекнут,
я беру Грина, я раскрываю его на любой странице.
Так весной протирают окна в доме...»*

Д. Гранин

Почти сто лет прошло с момента написания романа Александром Грином «Блистающий мир». А что изменилось? Человечество покорило космос, глубины Мирово-

го океана, вступило в эпоху компьютеров и нанотехнологий, но человек не летает, как Друд, и дело совсем не в научно-техническом прогрессе.

Во все времена, еще с древнего Рима и по сегодняшний день люди жаждут «хлеба и зрелищ», мечтают о чуде. И чем сложнее жизнь, тем сильнее желание увидеть *эдакое*, соприкоснуться с ним. Парение человека в воздухе без каких—либо механических средств и сейчас бы привлекло массу желающих посмотреть на действие. И точно также родился бы страх перед *неизведанным* — «этот удар вихря погасит маленькое косное пламя невежественного рассудка, которым чванится «царь природы». А как бы испугались даугаветы всех рангов и возрастов! Вначале они попытались бы также, как Руна Бегуэм, его «приручить», утоляя жажду собственного властолюбия и извлечения наживы, но, не получив желаемое, расправились бы с ним. Друд не был бы Человеком Двойной Звезды, если бы польстился на материальные блага мира — они превратились бы со временем в своеобразные гири, и его дар летать по одному только желанию наверняка бы ослаб. А полет дорогого стоит... «Я мог бы поработить всех, но цель эта для меня отвратительна. Она *помешает жить*»,— объясняет главный герой романа,

Руна разочарована тем, что это всего лишь мечтатель. Но как тонко Грин сравнил ее поведение в цирке с образом гусыни. «Он вспомнил стадо домашних гусей, гогочущих, завидя диких своих братьев, летящих под облаками: один гусь, вытянув шею и судорожно хлеща крыльями, запросился тоже наверх, но жир удержал его». К сожалению, в жизни полно людей, оплывших жиром бытия. Они «расталкивают локтями» окружающих в поисках своего счастья, жалуются на *несбывшиеся*, но так и не обретают его, забывая о том, что счастье, все-таки,— это состояние души.

Жизнь человека определяется телом и духом. Друд не обладал мощной статью, и его не интересовали телесные услады, зато его дух был силен, именно он позволял подниматься над обыденностью. В этой способности — сам автор. Не только Друда, но и его, Грина, внутреннее зрение могло посетить все уголки мира.

Грин, много повидавший и испытавший в своей жизни, все наблюдения перенес на страницы своих произведений. Рассказы — это предшественники его романов, а те, в свою очередь, стали апофеозом творчества замечательного романтика, поэта в душе — настолько образно его повествование.

«Блестящий мир» наполнен философскими рассуждениями о жизни человека, о счастье, о творчестве, любви. «Каждый человек должен играть»,— говорит автор словами Друда, подразумевая творческое созидание. Именно оно может подарить взлеты и падения, без которых не может быть ощущения парения над каждодневной суетой, преодоления «земного притяжения». Если одолевает депрессия или тоска, Грин советует: «...бегите в деревню, ешьте простую пищу, купайтесь, вставайте рано... работайте до изнурения».

Но Друд опасен обществу потребителей, миру капитала. «Неподвижную, раз навсегда данную, как отчетливая картина, жизнь — волнует он, изменяет и в блестящую даль, смеясь, движет ее. Но мало этого. Есть жизни, обреченные суровым законом бедности и страданиям безысходным. Холодный лед крепкой корой лежит на их неслышном течении; и он взламывает этот лед, давая проникнуть солнцу в тьму глубокой воды». Только такие, как Тави, ожидают от него действительного полета, и задаются вопросом: «Каково это быть птицей?! А?»

Конец повествования однозначен — «змея бросилась на орла». Что такое тюрьма, как методично расставляются «сети» на человека, Грин знал не понаслышке. Друд, смеясь, смог перейти «границу, раскинутую страшной охотой», но... Руна увидела его мертвым. Только это ее успокоило — «я вновь буду жить, как жила». Грин, на самом деле, не убивает главного героя — это иллюзия только для больной Руны. Друда, т.е. Дух, нельзя убить!

Мир по-прежнему, несмотря ни на что, блистает. «Если нет мысли, что все задуманное и исполненное могло быть еще стократ совершеннее, чем теперь,— ты можешь заснуть, и сном твоим будет пр о с т а я жизнь», уважаемый Читатель!

НАЙТИ НЕСБЫВШЕЕСЯ

(к 90-летию романа А. Грина «Бегущая по волнам»)

Самые светлые, яркие романы с тонкой вуалью таинственности Александр Грин написал в последние десять лет своей нелегкой жизни. Несмотря на выпавшие невзгоды, его произведения насыщены фееричной романтикой, красочными мечтами и глубоким психологизмом. В этой череде роман «Бегущая по волнам» занимает особенное место.

Каждый человек на протяжении своей жизни ищет счастье, силуэт которого рисует его воображение. «Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас... Дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся?.. Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты?» — отмечает Грин, а вместе с ним и главный герой романа «Бегущая по волнам» Томас Гарвей.

Естественные человеческие желания не покидают Гарвея, а наоборот, все более разрастаются внутри: «Случалось неоднократно, что мои встречи, мои положения звучали как обманчивое начало мелодии, которую так свойственно человеку желать выслушать... Города, страны время от времени приближали к моим зрачкам уже начинающий восхитать свет... но все это развивалось в ничто; рвалось, подобно гнилой пряже, натянутой стремительным челноком». В описаниях мятущейся души — сам Грин и его состояние пережитого!

Биче Сениэль, девушка, которую Гарвей случайно встретил в порту, не только очаровала главного героя, но и «тронула старую тоску о венке событий, о ветре, поющем мелодии». Ему представилось, что, став в тень ее судьбы, он, наконец-то, мог бы увидеть то, к чему стремился всю предыдущую жизнь. Последующие действия романа рассказывают о головокружительной, подчас опасной для жизни, погоне за «таинственным и чудным оленем вечной охоты» — Несбывшимся!

Загадочности всему повествованию добавляют слышимые главным героем голоса, знаки сплетающихся событий и, конечно же, легенда о Фрези Грант, которая с легкостью, не раздумывая, наперекор всему, устремилась однажды по волнам жизни к острову своей Мечты. Теперь она помогает всем, кто терпит кораблекрушение в водовороте ежедневной суеты — и Гарвей, оказавшийся в одинокой шлюпке в бескрайнем океане под звездным куполом неба, не исключение!

В Гель-Гью, куда попадает главный герой романа вместе с командой судна «Нырок», состоялась самая важная встреча Гарвея с Биче, его рассказ о ночном происшествии на «Бегущей». Случайно оброненная фраза о Фрези Грант, о том, что он, Томас Гарвей, видел ее, решает всю судьбу возможных будущих взаимоотношений двух молодых людей. Биче Сениэль слишком рациональна, чтобы верить в существование Фрези. Их пути расходятся из-за непонимания друг друга. Тем не менее, по прошествии времени, несмотря на болезненные воспоминания, Гарвей чувствует себя счастливым оттого, что не солгал в решительную минуту, оставил за собой право иметь собственное мнение и судьбу.

Праздничный карнавал в Гель-Гью дал возможность Гарвею не только встретиться с Биче Сениэль, но и по-новому взглянуть на Дези, с которой познакомился на «Нырке». Мистическим образом наряд двух девушек полностью оказался одина-

ков — желтое платье с коричневой бахромой и черная полумаска. Не только одежда, но и потрясающее сходство роста, цвета волос, сложения, телодвижений ввели Гарвея в заблуждение при встрече с Дези на маскараде. Мысль о существовании Фрези Грант — вот та «лакмусовая бумажка», которая по-настоящему отличает двух девушек. Вера в *Бегущую по волнам* восхищает Дези, дает ей дополнительные душевные силы, возможность не только понимать, но и говорить с Гарвеем на о д н о м я з ы к е, что очень важно для двух любящих сердец! Она не сомневается в подлинности рассказа о ночном появлении Фрези Грант и хочет, чтобы Томасу поверили и другие люди, в том числе и Биче. Любовь Дези велика настолько, что она готова утверждать: «Я сама была в лодке и видела Фрези Грант...».

Томасу Гарвею, как и самому Грину, повезло — он нашел Ту, которую искал! И, как это порой случается, она была ближе, чем казалось.

«ЧАСТЬ СВЕТА» О поэзии Валерия Кулешова

Так называется новый сборник стихотворений Валерия Кулешова, который является продолжением и развитием философской мысли о сути и месте человека на земле и на небесах во всех его предыдущих книгах: «Плоть песни», «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен» и др.

Мне посчастливилось насладиться его произведениями, которые он дарит читателям с какою-то творческой скупостью. И каждый раз это открытие чего-то нового, не зря же поэт «слышит» в поэме «Зов», что «...вновь Слово обретает суть всего, над чем встает». А в книге стихов «Корни слова» он распахивает до предела свою душу, утверждая:

*Весть эту
в сердце берегу
и, верно верней,
течет во мне
                глубинный гул
вдоль сросшихся корней.*

*Зрю Слово,
                снятое с креста,
свет горний — свет земной,
где я
                самим собой предстал,
и этот мир со мной.*

Нет и еще раз нет! Такие стихи нельзя читать в спешке, торопливо проглатывая слова и строчки, в противном случае ты не почувствуешь неповторимый творческий «вкус» каждого слова поэта. Мне, чаще всего, читая его стихи, хочется уединиться где-то в лесу, на пустынной сельской дороге, в бескрайней степи и вместе с Кулешовым и его детищем «Часть света», выдавить, вышептать из души и сердца от избытка чувств и сил:

*...все это было, было, было...
(Щемящей боли — не избыть).
Пусть нет уже былого пыла,
чтоб ненавидеть и любить,

но это будет, будет, будет
(душе, как дому, не простыть):
чувств кротких время не остудит,
чтоб и проститься, и простить.*

Стихи Валерия обладают завидным и бесспорным качеством — их хочется читать только вслух, чеканя, как и сам автор, каждое слово. И на удивление самому себе, я начинаю чувствовать просветление своей души, будто ее коснулась «часть света», озарившая все живое вокруг.

Я, не скрывая, говорил и говорю моему творческому другу, земляку по рождению в Становлянском районе Липецкой области, что после обдумывания (подчерки-

*Я лечу, я, сгорая, свечу,
освещая и грея родимые светлые души,*

и еще:

*Суть сущего ищу в зерне
(великому — не тесно в малом)...*

Вот в этом и есть вся суть творчества неутомимого мученика Кулешова над словом, чтобы в почти неуловимо малом каким-то чудом высветить и показать нам великое и значимое!

И, опять же, на мой взгляд, это происходит у поэта от наступившей и в муках выстраданной творческой и жизненной зрелости, в конце концов — от душевных перегрузок, осознания и осмысления своей далеко непростой судьбы, от нескончаемых лишений и потерь, крутых жизненных поворотов-разворотов.

*Боже,
заботу —
самую важную —
дай донести за остаток лет.
Я и живу,
покуда выхаживаю
в слове посеянный свет.*

Может ли после таких стихов Валерия Кулешова быть спокойна душа? Моя — точно — нет! А все потому, что в его творчестве — «часть света» жизни каждого из нас...

*Анатолий Коновалов,
член Союза российских писателей,
академик Петровской академии наук и искусств*

Евгений Трещев
(г. Щекино)

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

Наш постоянный автор.

Недавно из печати вышла новая книга, написанная Геннадием Николаевичем Маркиным, под названием «Дознанием установлено...» которая включает в себя двадцать четыре рассказа: «Алтуховский Каин», «Презумция невиновности», «По следу «беса», «Жалоба крестьянки», «Рождественский подарок», «Отцовское завещание», «Плис для Глафиры», «Посеял Самсон бурю», «Анна и Аня», «Объездчик Пирогов», «Неудачный брадобрей», «Крапивенская уездная полиция», «Буйный ямщик», «Зерно раздора», «Кража», «Заработанные деньги», «С легким паром», «Имею честь покорнейше просить», «Как писарь у судьи взятку вымогал», «Неподсуден», «Неблагонадежный», «В последний путь», «Конец Пашки Неуловимого», «Крестьянин Козьма Борисов». Часть из них уже печаталась в периодической литературе и нашла хороший отклик у читателей.

События, изложенные в книге, происходят в конце девятнадцатого — начале двадцатого века в Крапивенском уезде Тульской губернии.

Это произведение имеет не только художественную ценность, но также и историко-познавательную. Автор поставил перед собой цель изобразить жизнь прошедшей эпохи на примере деятельности главного героя произведения — урядника Сидорова, прослужившего в полиции более тридцати лет. Все написанное носит в себе печать самобытного, истинного таланта писателя и сделано с редкой смысловой сжатостью, когда время можно прощупать рукой.

Перед нами словно раскрывается дорога в далекое прошлое, где не было ни нас, ни всего того, что составляет нашу жизнь. Мы стараемся увидеть, смещая в мыслях время и пространство, как жили наши предки.

Здесь историзм проявляется в точной передаче социальных, бытовых, психологических, языковых особенностей изображаемого периода времени. Многие факты и события уже забыты, уйдя в небытие со многими поколениями людей, когда-то живших на этой земле.

Жизнь основана на борьбе светлого и темного, добра и зла. И эта борьба постоянно происходит в душах людей, что нашло отражение на страницах произведения.

В ходе работы над книгой автором широко использовались архивные документы, в том числе «Протоколы полицейского урядника Ясенковской волости Крапивенского уезда Сидорова». Геннадий Николаевич вспоминает: «Я взял это дело и начал его внимательно изучать... Написанные аккуратным почерком протоколы до такой степени меня захватили, что я не мог от них оторваться, вчитывался в каждую строчку, в каждую букву». Опираясь на эти документы, он смог воссоздать облик и события прошлого, включая в свой труд также творческий художественный вымысел. Он пишет и о том, что могло быть, а не только то, что было в действительности. В центре произведения — образ-чувство, образ-переживание. Очень характерны сравнения и эпитеты в обрисовке портрета главного героя, раскрывающие его внутреннюю суть.

Урядник Николай Иванович Сидоров был знаком с графом Л. Н. Толстым и членами его семьи. Секретарь графа Н. Н. Гусев пишет об уряднике Сидорове: «человек высокого роста, крепкого телосложения, весь седой».

Чтобы украсить и оживить повествование, Геннадий Николаевич включил в произведение высказывания своих героев, порой довольно эмоциональные. Иногда они носят исповедальный характер. Так он создает не только неожиданные, но и яркие волнующие образы. Они выписаны красочно, выпукло, зримо.

Особенно хочется отметить хороший русский язык, простой и внятный стиль изложения. Ему изначально чужда манерность. А «писать просто и ясно так же трудно, как быть искренним и добрым» (С. Моэм). Г. Н. Маркин с этой задачей справляется успешно.

Автор пристальным и внимательным взглядом всматривается в лица, в судьбы и души людей, подробно и красочно описывает места действия, окружающую природу. Человек и природа в его творчестве неразрывны. Он не жалеет эпитетов, чтобы описать звуки, краски, запахи.

В каждом персонаже автор подмечает черты, свойственные только данному типу людей.

В последние годы в обществе растет интерес к истории, люди стремятся понять и переосмыслить прошлое своего народа. Какими были наши предки? Как они жили? Что их волновало? Вопросы, вопросы и вопросы...

Ответы на некоторые из них можно найти в книге Геннадия Николаевича, так как все рассказы, включенные в книгу, основаны на реальных событиях.

Как мы видим из содержания рассказов, в деятельности уездной полиции имели место профессионализм и дисциплина со стороны одних полицейских (таких, как урядник Сидоров), а также неспособность и разгильдяйство со стороны других чинов полиции.

А жизнь в уезде не стояла на месте. Также, как и в наше время, в те годы убивали и избивали людей, обманывали, оскорбляли и воровали. Все повторяется.

К началу двадцатого века более восьмидесяти процентов населения России составляли крестьяне. А быстро растущей группой населения были рабочие, в основной массе являющиеся выходцами из деревень.

Жизнь среднего русского крестьянина была исключительно суровой и беспроблемной.

Должность уездного полицейского урядника являлась очень важной в уездном административном аппарате. Уряднику предписывалось вести «жизнь честную и трезвую», завоевать доверие и уважение местных жителей. К сожалению, далеко не все они соответствовали этой рекомендации.

Полицейский урядник подчинялся становому приставу и ведал определенной частью стана, как правило, равной волости. Уряднику предписывалось охранять общественное спокойствие, следить за соблюдением санитарных и противопожарных

норм, «за проявление действий и толков, направленных против правительства, власти и общественного порядка». Он расследовал мелкие преступления, производил первичное дознание, задержание виновных и подозрительных лиц. Урядник кроме того являлся непосредственным начальником стражников, а также выбранных из крестьянской среды сотских и десятских на местах.

Нарисованная автором картина наполнена большим философско-нравственным содержанием. «Настоящий писатель — это то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди»,— говорил А. Чехов. Книга «Дознанием установлено» помогает нам понять истину, открыть соотношение добра и зла в нас самих и окружающем мире. Есть четкая граница между тем, что любит и что ненавидит автор всеми силами души. В какой-то степени он обличает и среду, убивающую в человеке все его лучшие духовные качества. Писатель умеет говорить правду.

Отдельные фрагменты в сборнике рассказов выделяются в самостоятельные микророманы и могут существовать абсолютно обособленно.

Человеку трудно выжить в холодном мире, где царит жестокость и несправедливость.

Судьбы героев, проблемы, поднятые Маркиным, созвучны и с нашим временем. Корень всех зол в жадности. В современном мире, где правят деньги и потребительство, осталось очень мало людей, которые готовы бескорыстно помогать другим. Это жестокий мир. Человек человеку волк — вполне естественное и привычное явление в современном обществе, где каждый борется за себя и своих близких.

Сделать выбор всегда тяжело. Но часто это выбор между добром и злом. И тут на помощь приходит совесть — голос Бога внутри человека, как говорят в Индии. Совесть и нравственность — это то, что делает человека человеком.

Сборник рассказов «Дознанием установлено» эмоционально свежая книга, искренняя и интонационно взрывная. Она четко расставляет акценты и приоритеты. Автор на высоком уровне владеет художественными приемами, умеет сохранять читательский интерес, вести интригу. М. Горький утверждал: «Не умея держать в руке топор — дерева не отнешь, а не зная языка хорошо-красиво и всем понятно — не напишешь». В произведениях Г. Н. Маркина есть все: знание языка, чувства, вера, любовь, надежда, образ, глубина и мысль. Он пишет с полной самоотдачей, раскрепощая свое сердце, жаждущее понимания. Текст крепко держит читателей неожиданными поворотами сюжета. И они признательны автору за то, что он сумел передать им свои самые сокровенные чувства в моменты раздумий и сомнений, любви и радости.

Книга удалась. И мы видим, что в литературе только крайняя степень сосредоточения и самопожертвования приносит успех и творческое счастье.

Сэда Вермишева
(г. Ереван)

СВЕТЛАЯ КНИГА

Поэт, публицист, общественный деятель. В настоящее время является членом Союза писателей России, Союза писателей Армении, сопредседателем русскоязычной секции Союза писателей Армении, а также действительным членом Академии русской словесности Союза писателей России, действительным членом Петровской академии наук и искусств, членом правления Союза армян России, сопредседателем московского общества дружбы с Арменией при Правительстве Москвы.

Мне принесли бандероль. В ней книжка — «Армянские мотивы» (Валерий Савостьянов, Тула, Аквариус, 2015). «Армянские мотивы» — из Тулы?..

Немного удивившись такой географии — стала читать. Сначала выборочно, потом подряд:

РОЗОВЫЙ ГОРОД

*Есть город, где белые ночи.
А этот — из розовых дней,
Из юности: из многоточий
Ее путеводных огней.*

*Не зря он казался мечтою:
Поныне в душе не потух,
Пленивший своей красотой
Домов его розовый туф!..*

*Я помню, в гостинице встанет
Пока что еще не поэт —
Взглянет за окошко: светает?
А город и сам — как рассвет!*

*И он же по улицам смело
Бредет и бредет наугад.
Темнеет ли? Солнце ли село? —
Но город и сам — как закат!*

*Рожденье поэта — ты тайна!
Как все, что ты пишешь в тетрадь.*

*О, как он спешит неустанно
Свет розовый в сердце вбирать!*

*...И страстно его бормотанье,
Где рифмой пульсирует свет!
И ловит его мирозданье
Антеннами звезд и комет...*

ДОХНУЛО ЧЕМ-ТО РОДНЫМ, БЛИЗКИМ, НО ПОЧТИ ЗАБЫТЫМ, УТРАЧЕННЫМ. И, как будто, свет излучали страницы этой книги, свет прошлого, которое не вошло в наше настоящее, осталось где-то на задворках истории, сделав нас душевно и духовно беднее, поселило в нас чувство сиротства в собственной стране.

Но вот это прошлое заговорило со мной со страниц книги Валерия Савостьянова «Армянские мотивы». И не потому, что мотивы — армянские, а я — армянка. А потому, что в этих «Армянских мотивах» звучит музыка, обогащающая и объединяющая души, а не национальная гордыня и исключительность. Не говоря уже о какофонии межнациональной розни, так обильно сегодня, к сожалению, насыщающей и разрушающей наше жизненное пространство.

И написана эта книга в лучших традициях русской литературы и русского характера, которые отмечал еще Достоевский, — это удивительная способность проникнуться культурой другого народа, другой страны, изучить и понять ее историю, восхититься героическими страницами, скорбеть о трагедиях другого народа, — все это в небольшой, но емкой книге Валерия Савостьянова «Армянские мотивы».

И лирическое начало, и ритмика поэзии Валерия Савостьянова сообщают повествованию особую силу и достоверность. И сама книга, выпущенная Валерием Савостьяновым в 2015 году, когда отмечалась юбилейная дата — 100-летие геноцида армян в Турции, — дань памяти и поклон жертвам той трагедии... Он сопережил драму армянского народа, как собственную. Книга «Армянские мотивы» — свидетельство тому...

Природа Армении, ее древние храмы, архитектура, розовый камень — все пленяет, восхищает взор поэта. Но главное — это люди, с которыми он встречался в Армении, их доброжелательность и человеческое участие — чувства, которые он и сам испытал к людям в этой, поначалу незнакомой, но ставшей такой близкой и родной, стране.

Сама поэзия Валерия Савостьянова проникнута чувством необыкновенного душевного родства с Арменией, с людьми, с которыми учился, работал, жил, и которых не забыл по сей день, во времена нагрянувшего на нас лихолетья и всеобщего беспмятства.

А потому мне захотелось, чтобы книжка была переиздана в Ереване, чтобы как можно больше людей вспомнили, что не всегда материальное было эквивалентом человеческих ценностей, и еще вернутся времена, когда, как пишет Валерий Савостьянов, можно будет:

*...запомнив счастливые лица,
Доложить совещанию муз,
Что надежно стоит на границе
Нашей Дружбы Великий Союз.*

ЖИЗНИ СТИХ ЯКОВА ШАФРАНА

Распорядиться жизнью можно по-разному. Если, конечно, это в принципе возможно: распоряжаться жизнью. Много было в истории деятелей, стремившихся распоряжаться жизнями, но не своими — других людей. Ничего хорошего не выходит из этого. Немало современников на наших глазах по-хозяйски распоряжаются жизнями — опять чужими: сограждан, клиентов банков, ближайших родственников, политических попутчиков, доверчивых встречных. И опять-таки такая практика не вызывает восторга широких масс населения. А есть совсем небольшая группа людей, которые однажды решают, как распорядятся своей собственной жизнью, и находят в себе силы и мужество свое решение воплотить и расплатиться за него. Вот эти люди вызывают уважение. По крайней мере, у меня.

Яков Наумович Шафран однажды решил, как он распорядится своей жизнью: посвятит ее литературе. Так он и сделал. И благодаря этому решению появились сборники стихов, рассказы и роман, повести и песни, статьи и рецензии — потом. Потом началась работа по организации литературного процесса в богоспасаемом граде Туле, добровольная редакторская ежедневная каторга, постоянная ротация чужих текстов, переписка с авторами и издательствами, заведование редакцией «Приокских зорь», снаряжение в плавание «Ковчег»... Это потом. Сначала было решение. Так он распорядился своей жизнью. Только сам Яков Наумович знает, чем заплатил он за свое решение. Это его дело. *Это его дело.* А наше дело — сказать спасибо за «Жизни стих», за «Лирическую волну», за «Ностальгию» — за все, что сделано.

«Ностальгия»* — последняя по времени выхода в свет книга Шафрана. Сборник стихотворений разных лет, разной стилистики, разного настроения. По этим вот стихам и видно, как человек может распорядиться своей жизнью, как переплавляются в стихи «сердца горестные заметы» и счастливые мгновения, минуты любования природой и общения с любимыми людьми, прочитанные газетные полосы и милый детский лепет.

Мне нравятся эти стихи умением остановить мгновение, передать настроение не столько лирического героя, сколько времени, скажем, времени года. Вот, например:

*У прохожих нынче затуманен взор,
Мыслей ход неспешен, даже шаг не скор.
Словно вся природа медлит, не спешит.
Видно даже время больше не бежит.*

«Это же осень», — скажет любой читатель и не ошибется. Кому из нас не знакомо это замедление бега времени осеннею порой? Кто не повторит за автором «Ностальгии», глядя из окна на городскую толпу:

*Мечутся тени людей,
плавают шляпки зонтов*

* Шафран Я. Н. Ностальгия. Стихи разных лет. Тула, Полиграфинвест, 2018. 270 стр.

*В море дождя и огней,
и вездесущих авто.
Я на балконе стою,
створки окна распахнул.
Осень, напиток твой пью
и, тяжелея, тону.*

Мне нравятся стихи, в которых образ визуализирован, но не прямолинеен, в которых психологизм становится ключом к пониманию произведения:

*Обнаженной женой пред супругом,
Словно в первую брачную ночь,
Перед первыми снегом и вьюгой
Ждать земле уже больше невмочь.*

Безусловно, олицетворение природы в пейзажной лирике Я. Шафрана является и средством выразительности, и отражением своеобразия внутреннего мира автора, для которого лирика любовная имеет не меньшее значение.

Как и прерывистое, неровное дыхание природы, любовь для Шафрана — стихия: подвижная, неуловимая, живущая своей внутренней жизнью, которую человеку вряд ли дано понять:

*Может быть, это день был такой,
Или просто устал я душою —
Ты вчера была вовсе чужою,
А сегодня вновь стала родной.
Может, это березовый сон
Сердце мне обогрел ненароком,
Может, это зеленый тот клен
Так напомнил мне вдруг о далеком.
Может быть, о весенней капели
Загрустила земля в летний зной...
То, что было когда-то в апреле,
Разве больше не будет со мной?*

Любовь не может быть неразделенной, поскольку, обращенная вовне, раскрывает внутренний мир человека. Внутренний мир лирического героя поэзии Я. Шафрана изначально ориентирован на эмпатию, наделен такой силой любви, которой хватит на двоих влюбленных. Вот несколько строк в подтверждение:

*Я не прошу сказать мне «да»,
Я не прошу...
Я не прошу дарить тепло,
Я сам дарю.
Тебя за то, что мы — одно,
Благодарю.*

Любовью живет лирический герой стихов Я. Шафрана, любовь он обретает в детстве, формируется и взрослеет с любовью, любовью логарифмирует мироздание, осознает любовь как мудрость и благодать.

*Я влюбился в тебя, когда мне было семь,
Когда прошлого нет и в помине.
Жизнь прошла, надо мною лишь прошлого тень,
Но тебя я люблю и поныне,—*

такое признание дорогого стоит. Не знаю, что почувствует женщина, к которой обращено это объяснение; не знаю, как и насколько трансформировалось с годами чувство лирического героя; знаю, что долголетие любви — синоним молодости души, даже и у человека, полагающего, будто «жизнь прошла».

Вообще, в лирическом мире Я. Шафрана явна временная оппозиция: уже отмеченное выше стремление остановить мгновение, замедлить его противостоит быстротечности, мимолетности длительных отрезков времени. «Жизнь прошла», «любовь промчалась стороной» — один из рефренов автора «Ностальгии».

Но текучесть бытия не отменяет наличия в нем констант, не подверженных временной коррозии и очень важных, определяющих для поэта. Напротив, именно неудержимый бег времени заставляет его вновь и вновь обращаться к «остриям смыслов», на которых, по выражению Гумилева, растянута ткань стихотворения. Такими зафиксированными наивысшими точками в художественном мире Я. Шафрана являются экспрессивное восприятие природы, рефлексия текущего момента и, разумеется, воспоминания о любимых людях. Мне в этом отношении наиболее близки стихи (которые можно было бы назвать циклом), посвященные светлой памяти Ольги Подъемщиковой, талантливого поэта, журналиста, человека, присутствия которого и по сей день не хватает тем, кто ее знал. Поразило меня стихотворение «Где ты?» с подзаголовком: «К 10-летию гибели в огне пожара Ольги Подъемщиковой». Вот отрывок:

*Где ты, где ты, певчая, сейчас?
А у нас зима последней пробы
Все метет, метет свои сугробы,
Пряча место, где пожар погас...*

Глубоко затаенная боль невозвратной потери легко читается за многоточием финальной строки. В другом стихотворении автор говорит: «И прошу у Бога я прощения, Словно в том пожаре виноват...» Как ценна эта вот, почти уже утраченная нами, способность почувствовать свою вину за то, в чем мы не виноваты! Сколь значима для общества способность индивида сопереживать чужим бедам! Да, боль иных потерь не изжить даже с годами, с десятилетиями. Но Я. Шафран с интимной искренностью переживает и чужую боль. Мы живем в мире, где смерть, страдания, притеснения сопровождают род людской постоянно и повсюду. Лирический герой поэзии Шафрана открыт этому яростному миру, духовно отзывчив на все, происходящее на планете:

*Опять пожары, взрывы, взломы,
Аварии, террор, обман,
И следом, этими влекомы,
Разврат, насилие, дурман...*

Всем памятна устроенная террористами авиакатастрофа над Синаем, унесшая жизни наших соотечественников, среди которых были и дети, возвращавшиеся с египетских курортов. Вся страна сопереживала жертвам, их родственникам. Не мог смолчать и Я. Шафран, откликнулся проникновенными строками:

Там, над Синайской пустыней, взорвалось

Красным по желтому сердце мое.

Немного нынче поэтов, чье сердце взрывается болью в ответ на боль других. Но только таких и можно называть поэтами. Я. Шафран сердцем, душой всегда там, где беда, где людям требуется поддержка и защита. С первых дней гражданской войны на Донбассе тульский автор своими строками (как поэтическими, так и прозаическими) поддерживает свободолюбивое «шахтерское племя». Для него эта война — продолжение всех войн, которые вел наш народ за справедливость, за право самому распоряжаться своей судьбой. «Но еще беспокойно душе, словно беды / Еще длятся, и долгая длится война», — пишет автор «Ностальгии». Для него Русский мир — понятие вполне конкретное, близкое духовно, да и биографически близкое. Поэтому так прочувствованно звучат строки, которые могли бы стать девизом и Русской весны, и Новороссии, действующего Союзного государства России и Белоруссии, и будущего гармоничного сосуществования трех братских восточнославянских народов:

*Только вместе, и только ввысь
Русь Великая с Малой и Белой!*

Стоит ли добавлять, что пафос многих стихов Я. Шафрана искренне патриотический? Родившись в Беларуси, сопереживая Украине, он — русский человек: «Мне мила страна родная: / Веси, села, города». И как подлинный сын своей страны, поэт страдает от тех несправедливых обид, которые наносят Родине многочисленные коварные враги:

*Россия, за что на тебя вдруг свалилась
Сплошная немилость? Зачем? Отчего?*

Вопросы, конечно, риторические. Мы знаем, почему и как стремятся сдержать Россию. Знаем и то, каким должен быть русский ответ на попытки сдерживания. Один из вариантов ответа, в частности, дает Я. Шафран своей книгой. Русский путь — это постоянный труд, это творчество. Это развитие. Это приращение смыслов нашего бытия, в том числе и через поэзию. Это любовное, братское отношение к каждому соотечественнику, к народу в целом.

«Моя семья — моя страна. Так чувствую и тем живу я», — пишет Я. Шафран. И когда читаешь это, завидуешь ему. Понимаешь, что, сколь бы ни тяжела была жизнь, автор этих строк по большому счету счастлив. Счастлив, в том числе, и умением любовно относиться к своей малой родине. Много лет живя в Туле, Я. Шафран полюбил наш город, осознал его своим. Непростая судьба у Тулы, непростой у нее характер, ох, непростой. Наверное, могла бы... Да нет: должна была бы она быть внимательнее, добрее к своему гражданину, кующему не металл, а стихи, изощряющемуся не в подковывании стальной блохи, а в поиске поэтических тропов. Должна бы, но... Впрочем, что уж тут распространяться! Но Я. Н. Шафран, много стихов посвятивший Туле, всякий раз возвращающийся в свой город с особым чувством, не в обиде. Он Тулу любит, он понимает, он жалеет свой город:

*Ему бы выходной,
Расправить свою спинушку,
Но снова день-деньской
Все трудится, старинушка.*

Город-трудяга подчас суров, подчас грубоват. Но, честно говоря, с таким проще, чем с франтом, прячущим за деланной улыбкой равнодушие или даже злобу. С про-

стыми рабочими парнями надежнее, поскольку понятен их дух, виден их стержень, который, может быть, чуть искривлен обстоятельствами, но при случае легко отпрянет, поскольку скован верно, по замыслу, поскольку «... купола / Церквей прощенья золотом, / Спасая нас от зла, / Горят над нашим городом».

И тут самое время сказать о том, что еще движет пером Я. Шафрана: о вере, о православии.

Естественна и, видимо, необходима в лирике тема Бога, и пути человека к Богу, и обретения религиозного сознания. Давно освоено в отечественной поэзии жанр стихотворной молитвы. Всем прекрасно известны традиции и народных духовных стихов, и научно-религиозного поиска Ломоносова, и религиозно-философского мирозерцания Державина, и обращенных к Создателю строф Пушкина, Лермонтова, Блока. Жива традиция и ныне. Правда, к сожалению, современные авторы, раскрывая свои религиозные переживания, зачастую либо сбиваются на умиленно-восторженный лепет, вторичный и по отношению к молитве, и по отношению к стиху, либо останавливаются на утомительном перечислении религиозных символов, ярких и многозначных самих по себе, но не добавляющих ничего в копилку духовности. У Шафрана иначе. Он не тратит свои строки на описание золотых куполов, березок у храма, колеблющегося светового пятна лампы перед иконой. Все это было бы поверхностно и мелко для означенной темы. Я. Шафран рассматривает духовный импульс своей души так же, как это было присуще нашим предкам со времен Древней Руси: религиозность разлита повсюду, она не является отдельной темой творчества, она одухотворяет собой все. Божественна красота природы, божественны проявления высоких чувств, божественна любовь к родине, и в земной любви, в любви порою грешной, искра Божья присутствует как изначальный импульс. Потому все рассмотренные нами выше особенности творчества Я. Н. Шафрана (как и особенности его личности) исходят из его религиозного сознания, давно укорененного и многократно проверенного перипетиями жизни и творчества. Потому так веришь следующим словам автора, которые можно считать его жизненным девизом:

*Ни дня, ни часа, ни минуты
Без слова, строчки, без мольбы.*

Таких людей, таких поэтов катастрофически не хватает сегодня. Катастрофически не хватает популяризации такого творчества, такого взгляда на жизнь, такого отношения к действительности. Но это уже о нас сегодняшних, о нашем обществе, а не о поэте Я. Шафране. Его стихи останутся прежними, несмотря ни на что. И нам остается пожелать поэту новых творческих свершений, крепости телесной и бодрости духовной. Кредо Я. Н. Шафрана он сам выразил так:

*В каждый стих, рассказ и строчку
Я несу любовь свою...*

Пусть же ему на жизненном пути чаще встречаются люди, способные оценить эту открытость, эту добровольно принятую на себя беззащитность, этот ясный взгляд на мир, это стремление дарить окружающим стихи — красивые слепки души.

*Игорь Карлов,
г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт*

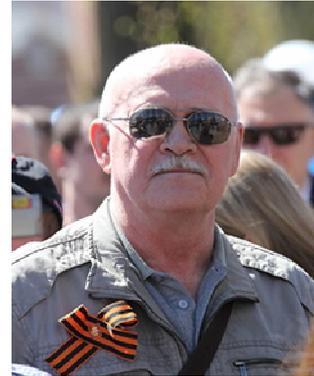

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Олег Каширин
(г. Тула)

КОГО УЖ НЕТ, А КТО СО МНОЮ РЯДОМ... НАШИ 70-е ГОДЫ

Наш постоянный автор.

Вспомнились институтские годы. Мои семидесятые годы. Бурные обсуждения с дымком сигарет «Прима» старшекурсников и любимца всех студентов историко-филологического факультета (тех лет) Рафаила Соломоновича Шнейдермана, старшего преподавателя литературы зарубежных стран, о текущем моменте внутренней обстановки страны и, особо важно,— о литературных новинках в толстых литературных московских и ленинградских журналах. Об очереди в читальном зале нашей библиотеки на журнал «Москва», где опубликовали роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». И невероятных слухах об измене Родине невозвращенца, нашего тульского писателя Анатолия Кузнецова, автора известного тогда «Бабьего Яра». Говорили, что из-за него лишились после этого своих постов кто-то из секретарей обкома КПСС и сам начальник местного КГБ. Говорили о премьерях столичных театров «Современник» и «На Таганке». О невероятно строгой и вроде бы справедливой, грозе студентов, преподавателе кафедры педагогики Баланюк. И еще о многом другом, что волновало будущую «интеллектуальную элиту» советского общества.

Шептались, что выпускник Володя Лифшиц со товарищем 8 ноября 1967 года (50 лет Советской власти), приехав в Москву после бурной встречи юбилея в Туле, на проспекте Маркса (ныне Охотный ряд) встали перед памятником автору «Капитала» на колени, и их не стала задерживать милиция.

Это был своего рода студенческий клуб в перерывах между лекциями и семинарами в первом корпусе на улице Менделеевской тогдашнего педагогического института (ныне университета).

Тогда были «по весне» ажиотажно популярны смотры художественной самодеятельности на факультетах института. На втором курсе мне доверили вести концерт историко-филологического факультета. Вышел на сцену, начал читать стихи однокурсника Коли Завалишина:

*Какого цвета ты, Россия?
Каким наполнила меня?
Березки в озере босые,
Или в преддзимье зелена?*

*Твой цвет? А алые звезды
С былыми розами поврозь?
Ты — в перелетном птичьем крике,
Где все случилось и срослось!*

А дальше — ступор. Забыл слова. Минутная пауза. Она показалась мне вечностью. Но жюри, в котором, кстати, присутствовал непотопляемый в творчески-бюрократических кругах и уважаемый не только в области директор областной филармонии И. А. Михайловский, снисходительно разрешило вести дальше концерт.

Покраснев, к счастью я вспомнил: «*И красный флаг над сельсоветом в твоей исконной синеве!*» Концерт продолжился.

Потом, позднее, Николай Николаевич Завалишин подарил свой сборник стихов «Мое прочтение», где уже не было «Какого цвета ты, Россия?». Сборник точных, порой весьма язвительных литературных пародий. Я сейчас взял его в руки, заново прочитал. И вспомнил его хулигански задорное, неопубликованное:

*Любовь. Она покрепче спирта.
Богатырей бросает ниц.
Налейте мне стаканчик флирта.
Я пью за здравие Блудниц!*

Вот так-то! Знай наших из семидесятых годов.
Или из того же опубликованного сборника:
Валерий Савостьянов:

*У меня в глазах рябило —
Прочитал и обомлел:
В дневнике моей любимой
Нет ни строчки обо мне.
Вот дневник знакомой Нади.
Надо ж, сколько наплела!
Две общественных тетради
Про амурные дела.*

*Том второй. Да где же мера!
Все мужские имена.
Есть про Вову и Валеру,
Но совсем не про меня.*

*Я читаю с кислой миной.
Хоть бы кончился скорей
Дневничок моей любимой.
Впрочем, может, не моей...*

Тогда, в семидесятые, с Валерием Николаевичем Савостьяновым мне не довелось повстречаться. Я познакомился со своим одногодком намного позднее, в Тульском отделении Союза писателей, когда он уже стал маститым поэтом. Лауреатом, дипломантом многочисленных поэтических международных, российских конкурсов и фестивалей и т.д. и т.п.

Короткий отрывок из его стихотворения «Однолюб»:

*Брат, хоть я не привередник,
Мне сегодня тяжело:
Я империи наследник,
Чье название с карт сошло.
Я лишь ей давал присягу,
Ей оружие ковал, кровь свою —
Больному флягу
Для нее переливал.*

*Я любил ее устало,
Мог с устатку нагрубить —
Но когда ее не стало,
Стало некого любить.*

Еще один мой одноклассник, с которым мы в один день получили членские билеты Союза писателей России — Валентин Викторович Киреев. После ухода из жизни известного писателя Глеба Ивановича Паншина, близкого друга патриарха послевоенной поэзии Николая Константиновича Старшинова, он решительно стал лидером в духовной жизни города Новомосковска. Валентин долгие годы руководит им созданным «НЛО» (Новомосковское литературное объединение) и аналогичным объединением в городе Богородицке. Лауреат областных литературных премий им. Льва Толстого и им. Ярослава Смелякова, и прочее, прочее... Киреев чрезвычайно плодovit в своем творчестве. И бессмысленно перечислять список его поэтических сборников. Одно из его многочисленных стихотворений:

КОРНЕВЫЕ СЛОВА

*Умирает деревня — наследие предков.
Города... Города... Как такое стряслось,
Что к исконным корням возвращается редко
Тот, в ком русская стая и мужицкая кость?
Что останется им, нашим дальним потомкам,
Если нынешним русским забыты давно
Корневые слова: волокуша, котомка,
Лепота, перевясло, татарник, гумно...*

*Что останется им, если чаще и чаще
Слышим не «хорошо», а тупое «о-кей»,
Если чуждый язык, ни о чем говорящий,
В Русь внедряется гнусной речевкой своей?*

*Нет, не «вау» кричать наши дети и внуки,
Восхищаясь чуждой побрякушкой, должны —
Есть у нас свой язык,
есть крестьянские руки...*

Тогда, в семидесятые, у нас на истфиле был еще один поэтический хулиган.

Один раз в месяц на одной из стен рядом с аудиторией, где читал «на потоке» свои лекции Шнейдерман, вывешивалась долгожданная факультетская стенная газета «Наша жизнь» форматом чуть ли не в восемь чертежных листов. Не предмет сейчас о

ней рассказывать. Но однажды наряду со стихами Геннадия Бредихина в ней появились короткие строчки:

«У Суворова лицо — чем садятся на крыльцо!» Да еще с дружеским шаржем Генны Бредихина на автора.

Написал это и поместил в стенгазету сам Володя Суворов, филолог из группы «В». Уже потом Владимир Сергеевич, преподаватель русского языка и литературы в школе села «Гремячее», член Союза писателей России, опубликовал, будучи зрелым поэтом:

*У нас была хорошая семья,
Хотя мы вправду жили бедновато...
А что в дому! Три стула, да скамья,
Да из матрасов вылезала вата.
Но было нам плевать на обиход.
На коврики на стенах и подзоры.
Ну, был, конечно, в поле огород
И книжек тьма, пленявших наши взоры.
Не захотел я азбуку пройти,
Поскольку вдруг, усилия утроя,
Я стал читать, примерно, лет с пяти,
Так, сам собой, за братом и сестрою.
Мы книги в дом охапками несли,
Так пчелы копят мед в душистых сотах.
И с той поры от стольких бед спасли
Меня тома в различных переплетах.*

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

*Был снег в морозном дыме...
Носил я сестрино пальто
С кармашками цветными.
Снимал я сестрино пальто,
Сворачивал в комочек,
И гардеробщицу просил:
Повесьте в уголочек.
И ликовал я, как никто,
Когда стряслось такое!
Когда купили мне пальто
Отличное! Мужское!
Прощай, потертый воротник,
И пуговиц костяшки,
Подкладки розовенький шик
И желтые кармашки.
И не забыть мне до конца
Тот день под отчим кровом,
Улыбку добрую отца,
Себя в пальтишке новом...*

Когда-то, в девяностые годы, я делал на ГТРК «Тула» свою очередную авторскую программу «Наедине со всеми». И в числе других пригласил на нее свою сокурсницу Наталью Товеровскую, которая когда-то написала в «Нашей жизни» одобрительную рецензию на спектакль факультетского драматического кружка «На

254

дне» по пьесе Максима Горького. В ней наш режиссер А. Я. Слуцкий доверил мне роль Актера.

Тогда после съемки программы она подарила свой сборник стихов с памятной надписью: «*Мы на земле, чтоб каясь, вновь грешить. Как тяжело!.. Как прекрасно жить!*»

Товеровская тогда была на факультете весьма яркой и эрудированной девушкой. Для меня тогда — неприкасаемой.

Итак, из очень интимного сборника Натальи Моисеевой «Камертон». Стихи о любви):

*О, Господи!
Не о себе прошу.
Дай детям моим
                  счастья и покоя.
Мольбу о них
К тебе я возношу.
Дай им
                  добра,
Их
                  вынеси из боя.
Здоровья дай,
Чтоб устоять сумели
В шторма и бури,
                  и метели.
Не охали чтоб,
                  не хирели.
Душою чтобы не старели.
Чтоб жить хотели
                  и умели.
Мечты осуществить успели.
Чтобы не кисли —
                  песни пели...
Дай, Боже, им друзей
                  надежных.
Дай Разума
                  в решеньях сложных
В ненастные и
                  и солнечные дни.
Пускай их жизнь
                  Любовь согреет.
Дай в срок им это счастье
                  испытать.
Пусть не иссякнет,
                  не скудеет
Живая жизни благодать.
О, Господи!
Не за себя прошу...*

С Федором Гусевым, собкором газеты «Коммунар» в Ефремовском и Каменском районах, я случайно познакомился на полуночном «мальчишнике» у Михаила Фетисова. Миша всегда был носителем решительных действий в борьбе с дремучим бю-

рократизмом советского общества в 80-е годы. И наша «компажка» была сродни его жизненных позиций: Николай Завалишин, Игорь Арясов, соответственно Гусев и автор этих строк.

Игорь с восторгом представил Федора Александровича как уникального поэта — умельца «египетских ночей». Что это такое, я не знал и был ошеломлен умением Гусева слагать рифмованные четверостишья по заказу на любое заданное слово. Уже намного позднее я прочитал стихи в его скромном сборнике «Басовый регистр»:

*Российский сдержанный народ
Хранит исконное терпенье.
Что даст нам новый поворот:
Надежду, горечь, отчужденье?*

*Пока в меня летят плевки,
Камень злости не минуют.
Я не сжимаю кулаки,
Хотя душа моя бунтует.*

*Я так воспитан. Всяк мне брат.
И с ним всегда делился кровом.
Так что теперь они хотят?
Быть может, крови?*

*Понять я злости не могу,
А в сердце доброта все реже...
Себя, как лошадь, запрягу,
А запрягу, так не удержишь.*

Сергей Белозеров завоевал среди журналистской братии характеристику негнбаемого борца с правящей бюрократической мафией. Особо он раздражал тогдашнего губернатора Николая Севрюгина. Общаясь изредка с ним, я не мог представить, что он — самобытный поэт:

*...вот и живешь,
и живешь, и живешь,
плачешь, пророчишь,
смеешься и врешь,
ходишь по городу
с анной карениной,
с тихой улыбкой
стихотвореньиной,
вечно торопишься,
вечно опаздываешь,
и скворцы посвистывают
за пазухой...*

*...зеленоглазый
и деревянный,
принадлежащий
марьевиванне,
ты образуешься,
всхлипнешь, разинешься,
екнешь испуганно*

*сердцем резиновым,
руки пустые
и губы сухие —
господи, звезды
сегодня какие!*

Как и он, рано ушла из жизни его разведенная жена Ольга Подъемщикова. На меня она производила впечатление какой-то мятущейся в жизни женщины. Талантливый журналист. Так и не нашла она чего-то своего в сложной жизни конца прошлого столетия.

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

*И когда окружили тебя и глумились, смеясь,
я сбежала с порогов и вскинулась в небо,
как птица.
Неужели с тобой не увижусь на свете, мой князь?
Неужель не позволят с тобою, мой свете, проститься?*

*Я отмстила врагам, женам, детям их и городам,
я казнила подряд — даже слабых, убогих и нищих,
и застыла — увидела твой укоризненный взгляд,
устремленный с тоской на поруганное пепелище.*

*Пролетели века, я все так же стою у окна,
не видны людям слезы мои. Только слышу ночами:
«Тяжело ли тебе без меня? Как ты княжишь одна?
Милуй их, не казни. Вспоминай меня во дни печали».*

*Этот город — чужой, и почти что — чужая — страна.
Облетели слова, обмелели и души, и реки.
И последняя жизнь не нужна бы была и странна,
но мы встретились, княже, и нас не разлучат веки.*

С Анатолием Николаевичем Филипповым мы познакомились в Приокском книжном издательстве, где он трудился в качестве редактора. Неторопливый, до язвительности ироничный, он подарил мне в 1989 году только что «вышедший в свет» сборник стихов «Метафора печали»:

НЕ ДАЙ МНЕ БОГ ПРОРОКОМ СТАТЬ

*Не дай мне бог пророком стать:
я проникаю в суть —
и по ночам не в силах спать,
а днем не в силах путь
продолжить свой,
но не затем, что я ленив и слаб,
иль новых множество затей
мне путают дела,
и не затем, что нет пути.
Он есть — и путь, и цель,
но по нему нельзя идти,*

*не веря, что в конце,
что в той прекрасной стороне
ждут счастье и покой...*

*Дай бог не быть пророком мне:
не знать про путь другой.*

С Виктором Харлашкиным мы близко общаемся уже около пятидесяти лет. Виктор Георгиевич начинал свою поэтическую карьеру под большим влиянием творчества В. С. Высоцкого. Но со временем он приобрел свое лицо в лирике и в остросоциальных стихотворениях, порой чрезвычайно жестких, но правдивых и искренних. Он — лауреат многочисленных конкурсов и фестивалей патриотической песни, Его стихи опубликованы в 14 странах, в том числе в Дальнем Зарубежье.

ЭШЕЛОН

*Кто-то бросил призыв: «Нет кавказской войне!»
Поделили призы и в Москве, и в Чечне.
Миротворцы стараньем заслужили почет
И народ признание — как наивен народ!*

*А в степи под Ростовом, к полустанку пристав,
Смертью в холод закован самый страшный состав.
Здесь война продолжает монолог свой без слов,
И сердца разрывает матерей или вдов.*

*Те, кто сделал заказ на сто тысяч гробов,
Видят в каждом из нас бессловесных рабов.
И не войны пали для корысти чуждой,
Это мы, кто смолчали, омертвели душой.*

*А в степи под Ростовом, средь донских ковылей,
Смертью запатентован эшелон — мавзолеей.
И пустые глазницы неизвестных солдат
В наши мертвые лица с укором глядят.*

В 1969 году на смотре художественной самодеятельности привлек всеобщее внимание своими яркими стихами студент-филолог Александр Ермаков, в будущем главный редактор «Молодого коммунара» и основатель «Тульских известий». Но он по каким-то причинам не публиковался в текущей прессе и не издал самостоятельный сборник. И рано ушел из жизни.

Мне так и не удалось найти какие-либо следы его стихов.

То же самое с Софьей Киселевой (Сонечкой), которая у меня своим тихим голосом и манерой разговора ассоциировалась с феноменом 60-х годов Беллой Ахмадулиной.

Я не собирался делать литературный анализ творчества всех, кого вспомнил в этом эссе. И не собираюсь обсуждать их непростые порой жизненные пути и характеры. Не все они остались преданы поэтической музе. Это жизнь! Но всех их, кто начинал свое творчество в далекие семидесятые годы прошлого века объединяет то, что они все — Личности. Личности, вступившие в большую жизнь в Семидесятые.

И ныне — кого уж нет, а кто со мною рядом!

Элина Рудая
(г. Симферополь)

Родилась и живет в Крыму. По профессии — инженер, работает в сфере телекоммуникаций. Пишет стихи и малую прозу, член Крымского союза журналистов этнических СМИ. Публиковалась в газетных и литературных изданиях Крыма. Автор сборника очерков «Записки крымской путешественницы» (2013 г.) и стихов «Между прошлым и чем-то завтра...» (2017 г.).

В ПОИСКАХ ДРЕВНЕЙ КИММЕРИИ

Небольшой городок в восточной части Крымского полуострова — Старый Крым — манит к себе колоритом древности.

«Наполовину — город, наполовину — деревня», — дают ему определение сами местные жители. И действительно, большое количество частных подворий здесь соседствует с этажной застройкой, магазинами и рекламными щитами, характерными для современных городов. Жизнь течет неторопливо, впрочем, как и сто лет назад. «Город тих, спокоен, в нем можно отдохнуть от суеты, от постоянного напряжения нервов», — отмечал классик белорусской литературы Максим Богданович в 1915 году.

Судя по археологическим раскопкам, здешние места люди освоили еще с античных времен. Но поселение у подножия горы Агармыш получило статус города только в средние века. Солхат, по генуэзским источникам, или Крым, по тюркским, возник на древнем караванном пути, соединяющем Европу с Индией и Китаем. Из русских земель купцы везли меха, воск, лен, изделия из кожи, а караваны с далекого Востока доставляли сюда шелка, драгоценности, фарфоровую посуду, пряности. В городе был свой монетный двор, невольничий рынок и таможня. Поселение укрепилось каменной стеной и глубоким рвом. Жизнь затихла здесь в середине XV века, после того, как столицей Крымского ханства стал Бахчисарай, и тогда город сами жители стали называть город Эски-Крым («старый ров»). До сих пор сохранились следы былых времен: мечеть хана Узбека, остатки мечети султана Египта, уроженца Крыма, Бейбарса, стены караван-сарая, где в XV веке останавливался Афанасий Никитин, возвращавшийся на родину, руины средневековой христианской церкви, армянский монастырь Сурб-Хач. На этом маленьком кусочке крымской земли госпожа История переплела судьбы самых разных народов, создав особую ауру! Возможно, эта одна из причин притяжения в Солхат творческих людей.

Коктебель, Старый Крым, Феодосия составляют своеобразный «киммерийский треугольник». «Это... особая замкнутая страна, непохожая на все остальные части Крыма», — писал Константин Паустовский. Последние годы своей жизни в Старом Крыму провел Александр Грин. Из этого маленького городка он совершал свои пешие походы к Максимилиану Волошину, жившему в Коктебеле. И сегодня, в XXI

веке романтики и почитатели таланта проходят тропой Грина и поднимают алый парус на горе Агармыш в день рождения писателя (23 августа). Мемориальный дом-музей, основанный вдовой Ниной Николаевной Грин, гостеприимно распахивает двери каждому неравнодушному посетителю, а алыча, растущая у калитки, до сих пор «помнит» Грина.

Писатель-романтик был кумиром для Паустовского, который не раз посещал Старый Крым, гриновский дом. В этом городе Константин Георгиевич жил, работал, бывал в Феодосии, Коктебеле. В 2005 году энтузиастами был создан «старокрымский» музей Паустовского. «Жить нужно странствуя», — на входе встречает вас завет писателя. Гуманист, просветитель, ценитель всего живого на земле, он следовал ему всю жизнь. И до сегодняшнего дня в Ялте «странствует» «Константин Паустовский» — теплоход катает туристов по водам Черного моря! В музейном дворике создана зеленая «экспозиция» растений, которые любовно упоминаются в произведениях писателя, а также уголок рыбака. Паустовский был страстным любителем рыбной ловли, считая, что «она полна поэзии».

В древнем Солхате писатель отмечал и «неправдоподобный воздух (очень душистый, мягкий и прозрачный)». Что правда, то правда: здесь вдыхаешь необыкновенный коктейль из горного, лесного, морского и степного воздуха! Кажется, что он очищает не только легкие, но и душу.

Старый Крым завоевывал внимание художников Ивана Айвазовского и Константина Богаевского, кинодраматурга Алексея Каплера и поэта Юлии Друниной, сестер Цветаевых и Бориса Чичибабина. В этом маленьком городке жил и творил поэт Григорий Петников, работал кардиохирург, писатель Николай Амосов. Скульптор и поэт Татьяна Гагарина стала автором бюста Грина у его домика в Старом Крыму и надгробной скульптуры «Бегущая по волнам» на могиле писателя.

Наиболее полное представление об истории Старого Крыма, об известных людях, живших в этих краях, складывается в местном Литературно-художественном музее. Усадьба, в которой он расположился, несет в себе колорит постройки конца XIX века: двухэтажное здание с длинной внутренней лестницей, большое количество разных по размеру комнат. Картины крымских художников на стенах гармонично вписываются и дополняют представленную экспозицию. На территории уютного музейного дворика «застыла» восстановленная сотрудниками музея Екатерининская миля, на постаментах «спят» каменные львы времен императрицы. Под открытым небом собраны и представлены для обозрения фрагменты надгробных памятников и архитектурных деталей, которые использовали народы Старого Крыма в XII—XIX веках.

Дома-музеи Паустовского и Грина, а также Литературно-художественный музей Старого Крыма входят в состав единого комплекса «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник М. А. Волошина». Сам Максимилиан Александрович поэтизировал всю восточную часть полуострова «от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива)». И, побывав в Старом Крыму, непременно хочется сказать: «Это просто Киммерия!».

«БЛИСТАЮЩИЙ МИР» 21 века

*«Когда дни начинают пылиться и краски блекнут,
я беру Грина, я раскрываю его на любой странице.
Так весной протирают окна в доме...»*

Д. Гранин

Почти сто лет прошло с момента написания романа Александром Грином «Блистающий мир». А что изменилось? Человечество покорило космос, глубины Мирово-

го океана, вступило в эпоху компьютеров и нанотехнологий, но человек не летает, как Друд, и дело совсем не в научно-техническом прогрессе.

Во все времена, еще с древнего Рима и по сегодняшний день люди жаждут «хлеба и зрелищ», мечтают о чуде. И чем сложнее жизнь, тем сильнее желание увидеть *эдакое*, соприкоснуться с ним. Парение человека в воздухе без каких—либо механических средств и сейчас бы привлекло массу желающих посмотреть на действие. И точно также родился бы страх перед *неизведанным* — «этот удар вихря погасит маленькое косное пламя невежественного рассудка, которым чванится «царь природы». А как бы испугались даугаветы всех рангов и возрастов! Вначале они попытались бы также, как Руна Бегуэм, его «приручить», утоляя жажду собственного властолюбия и извлечения наживы, но, не получив желаемое, расправились бы с ним. Друд не был бы Человеком Двойной Звезды, если бы польстился на материальные блага мира — они превратились бы со временем в своеобразные гири, и его дар летать по одному только желанию наверняка бы ослаб. А полет дорогого стоит... «Я мог бы поработить всех, но цель эта для меня отвратительна. Она *помешает жить*»,— объясняет главный герой романа,

Руна разочарована тем, что это всего лишь мечтатель. Но как тонко Грин сравнил ее поведение в цирке с образом гусыни. «Он вспомнил стадо домашних гусей, гогочущих, завидя диких своих братьев, летящих под облаками: один гусь, вытянув шею и судорожно хлеща крыльями, запросился тоже наверх, но жир удержал его». К сожалению, в жизни полно людей, оплывших жиром бытия. Они «расталкивают локтями» окружающих в поисках своего счастья, жалуются на *несбывшееся*, но так и не обретают его, забывая о том, что счастье, все-таки,— это состояние души.

Жизнь человека определяется телом и духом. Друд не обладал мощной статью, и его не интересовали телесные улады, зато его дух был силен, именно он позволял подниматься над обиденностью. В этой способности — сам автор. Не только Друда, но и его, Грина, внутреннее зрение могло посетить все уголки мира.

Грин, много повидавший и испытавший в своей жизни, все наблюдения перенес на страницы своих произведений. Рассказы — это предшественники его романов, а те, в свою очередь, стали апофеозом творчества замечательного романтика, поэта в душе — настолько образно его повествование.

«Блещающий мир» наполнен философскими рассуждениями о жизни человека, о счастье, о творчестве, любви. «Каждый человек должен играть»,— говорит автор словами Друда, подразумевая творческое созидание. Именно оно может подарить взлеты и падения, без которых не может быть ощущения парения над каждодневной суетой, преодоления «земного притяжения». Если одолевает депрессия или тоска, Грин советует: «...бегите в деревню, ешьте простую пищу, купайтесь, вставайте рано... работайте до изнурения».

Но Друд опасен обществу потребителей, миру капитала. «Неподвижную, раз навсегда данную, как отчетливая картина, жизнь — волнует он, изменяет и в блестящую даль, смеясь, движет ее. Но мало этого. Есть жизни, обреченные суровым законом бедности и страданиям безысходным. Холодный лед крепкой корой лежит на их неслышном течении; и он взламывает этот лед, давая проникнуть солнцу в тьму глубокой воды». Только такие, как Тави, ожидают от него действительного полета, и задаются вопросом: «Каково это быть птицей?! А?»

Конец повествования однозначен — «змея бросилась на орла». Что такое тюрьма, как методично расставляются «сети» на человека, Грин знал не понаслышке. Друд, смеясь, смог перейти «границу, раскинутую страшной охотой», но... Руна увидела его мертвым. Только это ее успокоило — «я вновь буду жить, как жила». Грин, на самом деле, не убивает главного героя — это иллюзия только для большой Руны. Друда, т.е. Дух, нельзя убить!

Мир по-прежнему, несмотря ни на что, блистает. «Если нет мысли, что все задуманное и исполненное могло быть еще стократ совершеннее, чем теперь,— ты можешь заснуть, и сном твоим будет проста жизнь», уважаемый Читатель!

НАЙТИ НЕСБЫВШЕЕСЯ

(к 90-летию романа А. Грина «Бегущая по волнам»)

Самые светлые, яркие романы с тонкой вуалью таинственности Александр Грин написал в последние десять лет своей нелегкой жизни. Несмотря на выпавшие невзгоды, его произведения насыщены фееричной романтикой, красочными мечтами и глубоким психологизмом. В этой череде роман «Бегущая по волнам» занимает особенное место.

Каждый человек на протяжении своей жизни ищет счастье, силуэт которого рисует его воображение. «Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас... Дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся?... Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты?» — отмечает Грин, а вместе с ним и главный герой романа «Бегущая по волнам» Томас Гарвей.

Естественные человеческие желания не покидают Гарвея, а наоборот, все более разрастаются внутри: «Случалось неоднократно, что мои встречи, мои положения звучали как обманчивое начало мелодии, которую так свойственно человеку желать выслушать... Города, страны время от времени приближали к моим зрочкам уже начинающий восхитать свет... но все это развивалось в ничто; рвалось, подобно гнилой пряже, натянутой стремительным челноком». В описаниях мятущейся души — сам Грин и его состояние пережитого!

Биче Сениэль, девушка, которую Гарвей случайно встретил в порту, не только очаровала главного героя, но и «тронула старую тоску о венке событий, о ветре, поющем мелодии». Ему представилось, что, став в тень ее судьбы, он, наконец-то, мог бы увидеть то, к чему стремился всю предыдущую жизнь. Последующие действия романа рассказывают о головокружительной, подчас опасной для жизни, погоне за «таинственным и чудным оленем вечной охоты» — Несбывшимся!

Загадочности всему повествованию добавляют слышимые главным героем голоса, знаки сплетающихся событий и, конечно же, легенда о Фрези Грант, которая с легкостью, не раздумывая, наперекор всему, устремилась однажды по волнам жизни к острову своей Мечты. Теперь она помогает всем, кто терпит кораблекрушение в водовороте ежедневной суеты — и Гарвей, оказавшийся в одинокой шлюпке в бескрайнем океане под звездным куполом неба, не исключение!

В Гель-Гью, куда попадает главный герой романа вместе с командой судна «Нырок», состоялась самая важная встреча Гарвея с Биче, его рассказ о ночном происшествии на «Бегущей». Случайно оброненная фраза о Фрези Грант, о том, что он, Томас Гарвей, видел ее, решает всю судьбу возможных будущих взаимоотношений двух молодых людей. Биче Сениэль слишком рациональна, чтобы верить в существование Фрези. Их пути расходятся из-за непонимания друг друга. Тем не менее, по прошествии времени, несмотря на болезненные воспоминания, Гарвей чувствует себя счастливым оттого, что не солгал в решительную минуту, оставил за собой право иметь собственное мнение и судьбу.

Праздничный карнавал в Гель-Гью дал возможность Гарвею не только встретиться с Биче Сениэль, но и по-новому взглянуть на Дези, с которой познакомился на «Нырке». Мистическим образом наряд двух девушек полностью оказался одина-

ков — желтое платье с коричневой бахромой и черная полумаска. Не только одежда, но и потрясающее сходство роста, цвета волос, сложения, телодвижений ввели Гарвея в заблуждение при встрече с Дези на маскараде. Мысль о существовании Фрези Грант — вот та «лакмусовая бумажка», которая по-настоящему отличает двух девушек. Вера в *Бегущую по волнам* восхищает Дези, дает ей дополнительные душевные силы, возможность не только понимать, но и говорить с Гарвеем на о д н о м я з ы к е, что очень важно для двух любящих сердец! Она не сомневается в подлинности рассказа о ночном появлении Фрези Грант и хочет, чтобы Томасу поверили и другие люди, в том числе и Биче. Любовь Дези велика настолько, что она готова утверждать: «Я сама была в лодке и видела Фрези Грант...».

Томасу Гарвею, как и самому Грину, повезло — он нашел Ту, которую искал! И, как это порой случается, она была ближе, чем казалось.

«ЧАСТЬ СВЕТА» О поэзии Валерия Кулешова

Так называется новый сборник стихотворений Валерия Кулешова, который является продолжением и развитием философской мысли о сути и месте человека на земле и на небесах во всех его предыдущих книгах: «Плоть песни», «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен» и др.

Мне посчастливилось насладиться его произведениями, которые он дарит читателям с какою-то творческой скупостью. И каждый раз это открытие чего-то нового, не зря же поэт «слышит» в поэме «Зов», что «...вновь Слово обретает суть всего, над чем встает». А в книге стихов «Корни слова» он распахивает до предела свою душу, утверждая:

*Весть эту
в сердце берегу
и, верно верней,
течет во мне
                глубинный гул
вдоль сросшихся корней.*

*Зрю Слово,
                снятое с креста,
свет горний — свет земной,
где я
                самим собой предстал,
и этот мир со мной.*

Нет и еще раз нет! Такие стихи нельзя читать в спешке, торопливо проглатывая слова и строчки, в противном случае ты не почувствуешь неповторимый творческий «вкус» каждого слова поэта. Мне, чаще всего, читая его стихи, хочется уединиться где-то в лесу, на пустынной сельской дороге, в бескрайней степи и вместе с Кулешовым и его детищем «Часть света», выдавить, вышептать из души и сердца от избытка чувств и сил:

*...все это было, было, было...
(Щемящей боли — не избыть).
Пусть нет уже былого пыла,
чтоб ненавидеть и любить,

но это будет, будет, будет
(душе, как дому, не простыть):
чувств кротких время не остудит,
чтоб и проститься, и простить.*

Стихи Валерия обладают завидным и бесспорным качеством — их хочется читать только вслух, чеканя, как и сам автор, каждое слово. И на удивление самому себе, я начинаю чувствовать просветление своей души, будто ее коснулась «часть света», озарившая все живое вокруг.

Я, не скрывая, говорил и говорю моему творческому другу, земляку по рождению в Становлянском районе Липецкой области, что после обдумывания (подчерки-

ваю — не просто прочтения, а глубочайшего обдумывания) его стихов, меня накрывает упруго-бодрящая волна благодарности поэту за то, что он открыл в этом непросто-м мире что-то новое, неординарное и только его — *свое*. При этом в каждом слове все острее чувствуется его проникновение в самые затаенные глубины прекрасного, стремление к головокружительному полету мысли, верование в бесконечность жизни, отчего у меня, читателя, захватывает дыхание.

Вот и в «Части света»:

*Нет — не жизнь мою отпеваю:
здесь, на пути лихом,
двери вечности я отпираю...
Да — золотым стихом.*

А разве кто-то до него вымучил и родил:

*Замысел Божий откроется
там, где себя жду,
где — за земной околицей
— нянчу Звезду?*

Он со всей откровенностью признается, что у него:

*Слово идет от сердца,
что не устало гореть.
Будет чем мне гордиться,
да и других согреть.*

Я Валерию сказал после прочтения его новых стихов в сборнике «Часть света», что он — человек без кожи. Настолько оголены его нервы и чувства (так и хочется их сравнить с оголенным электрическим проводом под высоким напряжением), слышно как его душа разговаривает с моей душой, его сердце в беспокойном биинии не дает равнодушно биться и моему сердцу. А все это происходит, без сомнения, потому, что у него:

*За каждую строчку —
расплата
по полной —
расплата судьбой.
над миром оглохшим распята
твоя нестерпимая боль...*

*Во времени спутаны корни,
но каждый свое наберет,
что было — отчаянно помня,
что будет — узрев наперед.*

Не побоюсь сказать, что в стихах Валерия Владимировича есть нескрываемое стремление открыть мир нам, читателям, таким, каким он видится ему, он говорит с нами о вещах вечных. В книге «Плоть песни» он признается:

*Я лечу, я, сгорая, свечу,
освещая и грея родимые светлые души,*

и еще:

*Суть сущего ищу в зерне
(великому — не тесно в малом)...*

Вот в этом и есть вся суть творчества неутомимого мученика Кулешова над словом, чтобы в почти неуловимо малом каким-то чудом высветить и показать нам великое и значимое!

И, опять же, на мой взгляд, это происходит у поэта от наступившей и в муках выстраданной творческой и жизненной зрелости, в конце концов — от душевных перегрузок, осознания и осмысления своей далеко непростой судьбы, от нескончаемых лишений и потерь, крутых жизненных поворотов-разворотов.

*Боже,
заботу —
самую важную —
дай донести за остаток лет.
Я и живу,
покуда выхаживаю
в слове посеянный свет.*

Может ли после таких стихов Валерия Кулешова быть спокойна душа? Моя — точно — нет! А все потому, что в его творчестве — «часть света» жизни каждого из нас...

*Анатолий Коновалов,
член Союза российских писателей,
академик Петровской академии наук и искусств*

Евгений Трещев
(г. Щекино)

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

Наш постоянный автор.

Недавно из печати вышла новая книга, написанная Геннадием Николаевичем Маркиным, под названием «Дознанием установлено...» которая включает в себя двадцать четыре рассказа: «Алтуховский Каин», «Презумция невиновности», «По следу «беса», «Жалоба крестьянки», «Рождественский подарок», «Отцовское завещание», «Плис для Глафиры», «Посеял Самсон бурю», «Анна и Аня», «Объездчик Пирогов», «Неудачный брадобрей», «Крапивенская уездная полиция», «Буйный ямщик», «Зерно раздора», «Кража», «Заработанные деньги», «С легким паром», «Имею честь покорнейше просить», «Как писарь у судьи взятку вымогал», «Неподсуден», «Неблагонадежный», «В последний путь», «Конец Пашки Неуловимого», «Крестьянин Козьма Борисов». Часть из них уже печаталась в периодической литературе и нашла хороший отклик у читателей.

События, изложенные в книге, происходят в конце девятнадцатого — начале двадцатого века в Крапивенском уезде Тульской губернии.

Это произведение имеет не только художественную ценность, но также и историко-познавательную. Автор поставил перед собой цель изобразить жизнь прошедшей эпохи на примере деятельности главного героя произведения — урядника Сидорова, прослужившего в полиции более тридцати лет. Все написанное носит в себе печать самобытного, истинного таланта писателя и сделано с редкой смысловой сжатостью, когда время можно прощупать рукой.

Перед нами словно раскрывается дорога в далекое прошлое, где не было ни нас, ни всего того, что составляет нашу жизнь. Мы стараемся увидеть, смещая в мыслях время и пространство, как жили наши предки.

Здесь историзм проявляется в точной передаче социальных, бытовых, психологических, языковых особенностей изображаемого периода времени. Многие факты и события уже забыты, уйдя в небытие со многими поколениями людей, когда-то живших на этой земле.

Жизнь основана на борьбе светлого и темного, добра и зла. И эта борьба постоянно происходит в душах людей, что нашло отражение на страницах произведения.

В ходе работы над книгой автором широко использовались архивные документы, в том числе «Протоколы полицейского урядника Ясенковской волости Крапивенского уезда Сидорова». Геннадий Николаевич вспоминает: «Я взял это дело и начал его внимательно изучать... Написанные аккуратным почерком протоколы до такой степени меня захватили, что я не мог от них оторваться, вчитывался в каждую строчку, в каждую букву». Опираясь на эти документы, он смог воссоздать облик и события прошлого, включая в свой труд также творческий художественный вымысел. Он пишет и о том, что могло быть, а не только то, что было в действительности. В центре произведения — образ-чувство, образ-переживание. Очень характерны сравнения и эпитеты в обрисовке портрета главного героя, раскрывающие его внутреннюю суть.

Урядник Николай Иванович Сидоров был знаком с графом Л. Н. Толстым и членами его семьи. Секретарь графа Н. Н. Гусев пишет об уряднике Сидорове: «человек высокого роста, крепкого телосложения, весь седой».

Чтобы украсить и оживить повествование, Геннадий Николаевич включил в произведение высказывания своих героев, порой довольно эмоциональные. Иногда они носят исповедальный характер. Так он создает не только неожиданные, но и яркие волнующие образы. Они выписаны красочно, выпукло, зримо.

Особенно хочется отметить хороший русский язык, простой и внятный стиль изложения. Ему изначально чужда манерность. А «писать просто и ясно так же трудно, как быть искренним и добрым» (С. Моэм). Г. Н. Маркин с этой задачей справляется успешно.

Автор пристальным и внимательным взглядом всматривается в лица, в судьбы и души людей, подробно и красочно описывает места действия, окружающую природу. Человек и природа в его творчестве неразрывны. Он не жалеет эпитетов, чтобы описать звуки, краски, запахи.

В каждом персонаже автор подмечает черты, свойственные только данному типу людей.

В последние годы в обществе растет интерес к истории, люди стремятся понять и переосмыслить прошлое своего народа. Какими были наши предки? Как они жили? Что их волновало? Вопросы, вопросы и вопросы...

Ответы на некоторые из них можно найти в книге Геннадия Николаевича, так как все рассказы, включенные в книгу, основаны на реальных событиях.

Как мы видим из содержания рассказов, в деятельности уездной полиции имели место профессионализм и дисциплина со стороны одних полицейских (таких, как урядник Сидоров), а также неспособность и разгильдяйство со стороны других чинов полиции.

А жизнь в уезде не стояла на месте. Также, как и в наше время, в те годы убивали и избивали людей, обманывали, оскорбляли и воровали. Все повторяется.

К началу двадцатого века более восьмидесяти процентов населения России составляли крестьяне. А быстро растущей группой населения были рабочие, в основной массе являющиеся выходцами из деревень.

Жизнь среднего русского крестьянина была исключительно суровой и беспросветной.

Должность уездного полицейского урядника являлась очень важной в уездном административном аппарате. Уряднику предписывалось вести «жизнь честную и трезвую», завоевать доверие и уважение местных жителей. К сожалению, далеко не все они соответствовали этой рекомендации.

Полицейский урядник подчинялся становому приставу и ведал определенной частью стана, как правило, равной волости. Уряднику предписывалось охранять общественное спокойствие, следить за соблюдением санитарных и противопожарных

норм, «за проявление действий и толков, направленных против правительства, власти и общественного порядка». Он расследовал мелкие преступления, производил первичное дознание, задержание виновных и подозрительных лиц. Урядник кроме того являлся непосредственным начальником стражников, а также выбранных из крестьянской среды сотских и десятских на местах.

Нарисованная автором картина наполнена большим философско-нравственным содержанием. «Настоящий писатель — это то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди»,— говорил А. Чехов. Книга «Дознанием установлено» помогает нам понять истину, открыть соотношение добра и зла в нас самих и окружающем мире. Есть четкая граница между тем, что любит и что ненавидит автор всеми силами души. В какой-то степени он обличает и среду, убивающую в человеке все его лучшие духовные качества. Писатель умеет говорить правду.

Отдельные фрагменты в сборнике рассказов выделяются в самостоятельные микророманы и могут существовать абсолютно обособленно.

Человеку трудно выжить в холодном мире, где царит жестокость и несправедливость.

Судьбы героев, проблемы, поднятые Маркиным, созвучны и с нашим временем. Корень всех зол в жадности. В современном мире, где правят деньги и потребительство, осталось очень мало людей, которые готовы бескорыстно помогать другим. Это жестокий мир. Человек человеку волк — вполне естественное и привычное явление в современном обществе, где каждый борется за себя и своих близких.

Сделать выбор всегда тяжело. Но часто это выбор между добром и злом. И тут на помощь приходит совесть — голос Бога внутри человека, как говорят в Индии. Совесть и нравственность — это то, что делает человека человеком.

Сборник рассказов «Дознанием установлено» эмоционально свежая книга, искренняя и интонационно взрывная. Она четко расставляет акценты и приоритеты. Автор на высоком уровне владеет художественными приемами, умеет сохранять читательский интерес, вести интригу. М. Горький утверждал: «Не умея держать в руке топор — дерева не отнешь, а не зная языка хорошо-красиво и всем понятно — не напишешь». В произведениях Г. Н. Маркина есть все: знание языка, чувства, вера, любовь, надежда, образ, глубина и мысль. Он пишет с полной самоотдачей, раскрепощая свое сердце, жаждущее понимания. Текст крепко держит читателей неожиданными поворотами сюжета. И они признательны автору за то, что он сумел передать им свои самые сокровенные чувства в моменты раздумий и сомнений, любви и радости.

Книга удалась. И мы видим, что в литературе только крайняя степень сосредоточения и самопожертвования приносит успех и творческое счастье.

Сэда Вермишева
(г. Ереван)

СВЕТЛАЯ КНИГА

Поэт, публицист, общественный деятель. В настоящее время является членом Союза писателей России, Союза писателей Армении, сопредседателем русскоязычной секции Союза писателей Армении, а также действительным членом Академии русской словесности Союза писателей России, действительным членом Петровской академии наук и искусств, членом правления Союза армян России, сопредседателем московского общества дружбы с Арменией при Правительстве Москвы.

Мне принесли бандероль. В ней книжка — «Армянские мотивы» (Валерий Савостьянов, Тула, Аквариус, 2015). «Армянские мотивы» — из Тулы?..

Немного удивившись такой географии — стала читать. Сначала выборочно, потом подряд:

РОЗОВЫЙ ГОРОД

*Есть город, где белые ночи.
А этот — из розовых дней,
Из юности: из многоточий
Ее путеводных огней.*

*Не зря он казался мечтою:
Поныне в душе не потух,
Пленивший своей красотой
Домов его розовый туф!..*

*Я помню, в гостинице встанет
Пока что еще не поэт —
Взглянет за окошко: светает?
А город и сам — как рассвет!*

*И он же по улицам смело
Бредет и бредет наугад.
Темнеет ли? Солнце ли село? —
Но город и сам — как закат!*

*Рожденье поэта — ты тайна!
Как все, что ты пишешь в тетрадь.*

*О, как он спешит неустанно
Свет розовый в сердце вбирать!*

*...И страстно его бормотанье,
Где рифмой пульсирует свет!
И ловит его мирозданье
Антеннами звезд и комет...*

ДОХНУЛО ЧЕМ-ТО РОДНЫМ, БЛИЗКИМ, НО ПОЧТИ ЗАБЫТЫМ, УТРАЧЕННЫМ. И, как будто, свет излучали страницы этой книги, свет прошлого, которое не вошло в наше настоящее, осталось где-то на задворках истории, сделав нас душевно и духовно беднее, поселило в нас чувство сиротства в собственной стране.

Но вот это прошлое заговорило со мной со страниц книги Валерия Савостьянова «Армянские мотивы». И не потому, что мотивы — армянские, а я — армянка. А потому, что в этих «Армянских мотивах» звучит музыка, обогащающая и объединяющая души, а не национальная гордыня и исключительность. Не говоря уже о какофонии межнациональной розни, так обильно сегодня, к сожалению, насыщающей и разрушающей наше жизненное пространство.

И написана эта книга в лучших традициях русской литературы и русского характера, которые отмечал еще Достоевский, — это удивительная способность проникнуться культурой другого народа, другой страны, изучить и понять ее историю, восхититься героическими страницами, скорбеть о трагедиях другого народа, — все это в небольшой, но емкой книге Валерия Савостьянова «Армянские мотивы».

И лирическое начало, и ритмика поэзии Валерия Савостьянова сообщают повествованию особую силу и достоверность. И сама книга, выпущенная Валерием Савостьяновым в 2015 году, когда отмечалась юбилейная дата — 100-летие геноцида армян в Турции, — дань памяти и поклон жертвам той трагедии... Он сопережил драму армянского народа, как собственную. Книга «Армянские мотивы» — свидетельство тому...

Природа Армении, ее древние храмы, архитектура, розовый камень — все пленяет, восхищает взор поэта. Но главное — это люди, с которыми он встречался в Армении, их доброжелательность и человеческое участие — чувства, которые он и сам испытал к людям в этой, поначалу незнакомой, но ставшей такой близкой и родной, стране.

Сама поэзия Валерия Савостьянова проникнута чувством необыкновенного душевного родства с Арменией, с людьми, с которыми учился, работал, жил, и которых не забыл по сей день, во времена нагрянувшего на нас лихолетья и всеобщего беспмятства.

А потому мне захотелось, чтобы книжка была переиздана в Ереване, чтобы как можно больше людей вспомнили, что не всегда материальное было эквивалентом человеческих ценностей, и еще вернутся времена, когда, как пишет Валерий Савостьянов, можно будет:

*...запомнив счастливые лица,
Доложить совещанию муз,
Что надежно стоит на границе
Нашей Дружбы Великий Союз.*

ЖИЗНИ СТИХ ЯКОВА ШАФРАНА

Распорядиться жизнью можно по-разному. Если, конечно, это в принципе возможно: распоряжаться жизнью. Много было в истории деятелей, стремившихся распоряжаться жизнями, но не своими — других людей. Ничего хорошего не выходит из этого. Немало современников на наших глазах по-хозяйски распоряжаются жизнями — опять чужими: сограждан, клиентов банков, ближайших родственников, политических попутчиков, доверчивых встречных. И опять-таки такая практика не вызывает восторга широких масс населения. А есть совсем небольшая группа людей, которые однажды решают, как распорядятся своей собственной жизнью, и находят в себе силы и мужество свое решение воплотить и расплатиться за него. Вот эти люди вызывают уважение. По крайней мере, у меня.

Яков Наумович Шафран однажды решил, как он распорядится своей жизнью: посвятит ее литературе. Так он и сделал. И благодаря этому решению появились сборники стихов, рассказы и роман, повести и песни, статьи и рецензии — потом. Потом началась работа по организации литературного процесса в богоспасаемом граде Туле, добровольная редакторская ежедневная каторга, постоянная ротация чужих текстов, переписка с авторами и издательствами, заведование редакцией «Приокских зорь», снаряжение в плавание «Ковчега»... Это потом. Сначала было решение. Так он распорядился своей жизнью. Только сам Яков Наумович знает, чем заплатил он за свое решение. Это его дело. *Это его дело.* А наше дело — сказать спасибо за «Жизни стих», за «Лирическую волну», за «Ностальгию» — за все, что сделано.

«Ностальгия»* — последняя по времени выхода в свет книга Шафрана. Сборник стихотворений разных лет, разной стилистики, разного настроения. По этим вот стихам и видно, как человек может распорядиться своей жизнью, как переплавляются в стихи «сердца горестные заметы» и счастливые мгновения, минуты любования природой и общения с любимыми людьми, прочитанные газетные полосы и милый детский лепет.

Мне нравятся эти стихи умением остановить мгновение, передать настроение не столько лирического героя, сколько времени, скажем, времени года. Вот, например:

*У прохожих нынче затуманен взор,
Мыслей ход неспешен, даже шаг не скор.
Словно вся природа медлит, не спешит.
Видно даже время больше не бежит.*

«Это же осень», — скажет любой читатель и не ошибется. Кому из нас не знакомо это замедление бега времени осеннею порой? Кто не повторит за автором «Ностальгии», глядя из окна на городскую толпу:

*Мечутся тени людей,
плавают шляпки зонтов*

---

* Шафран Я. Н. Ностальгия. Стихи разных лет. Тула, Полиграфинвест, 2018. 270 стр.

*В море дождя и огней,
и вездесущих авто.
Я на балконе стою,
створки окна распахнул.
Осень, напиток твой пью
и, тяжелея, тону.*

Мне нравятся стихи, в которых образ визуализирован, но не прямолинеен, в которых психологизм становится ключом к пониманию произведения:

*Обнаженной женой пред супругом,
Словно в первую брачную ночь,
Перед первыми снегом и вьюгой
Ждать земле уже больше невмочь.*

Безусловно, олицетворение природы в пейзажной лирике Я. Шафрана является и средством выразительности, и отражением своеобразия внутреннего мира автора, для которого лирика любовная имеет не меньшее значение.

Как и прерывистое, неровное дыхание природы, любовь для Шафрана — стихия: подвижная, неуловимая, живущая своей внутренней жизнью, которую человеку вряд ли дано понять:

*Может быть, это день был такой,
Или просто устал я душою —
Ты вчера была вовсе чужою,
А сегодня вновь стала родной.
Может, это березовый сон
Сердце мне обогрел ненароком,
Может, это зеленый тот клен
Так напомнил мне вдруг о далеком.
Может быть, о весенней капели
Загрустила земля в летний зной...
То, что было когда-то в апреле,
Разве больше не будет со мной?*

Любовь не может быть неразделенной, поскольку, обращенная вовне, раскрывает внутренний мир человека. Внутренний мир лирического героя поэзии Я. Шафрана изначально ориентирован на эмпатию, наделен такой силой любви, которой хватит на двоих влюбленных. Вот несколько строк в подтверждение:

*Я не прошу сказать мне «да»,
Я не прошу...
Я не прошу дарить тепло,
Я сам дарю.
Тебя за то, что мы — одно,
Благодарю.*

Любовью живет лирический герой стихов Я. Шафрана, любовь он обретает в детстве, формируется и взрослеет с любовью, любовью логарифмирует мироздание, осознает любовь как мудрость и благодать.

*Я влюбился в тебя, когда мне было семь,
Когда прошлого нет и в помине.
Жизнь прошла, надо мною лишь прошлого тень,
Но тебя я люблю и поныне,—*

такое признание дорогого стоит. Не знаю, что почувствует женщина, к которой обращено это объяснение; не знаю, как и насколько трансформировалось с годами чувство лирического героя; знаю, что долголетие любви — синоним молодости души, даже и у человека, полагающего, будто «жизнь прошла».

Вообще, в лирическом мире Я. Шафрана явна временная оппозиция: уже отмеченное выше стремление остановить мгновение, замедлить его противостоит быстротечности, мимолетности длительных отрезков времени. «Жизнь прошла», «любовь промчалась стороной» — один из рефренов автора «Ностальгии».

Но текучесть бытия не отменяет наличия в нем констант, не подверженных временной коррозии и очень важных, определяющих для поэта. Напротив, именно неудержимый бег времени заставляет его вновь и вновь обращаться к «остриям смыслов», на которых, по выражению Гумилева, растянута ткань стихотворения. Такими зафиксированными наивысшими точками в художественном мире Я. Шафрана являются экспрессивное восприятие природы, рефлексия текущего момента и, разумеется, воспоминания о любимых людях. Мне в этом отношении наиболее близки стихи (которые можно было бы назвать циклом), посвященные светлой памяти Ольги Подъемщиковой, талантливого поэта, журналиста, человека, присутствия которого и по сей день не хватает тем, кто ее знал. Поразило меня стихотворение «Где ты?» с подзаголовком: «К 10-летию гибели в огне пожара Ольги Подъемщиковой». Вот отрывок:

*Где ты, где ты, певчая, сейчас?
А у нас зима последней пробы
Все метет, метет свои сугробы,
Пряча место, где пожар погас...*

Глубоко затаенная боль невозвратной потери легко читается за многоточием финальной строки. В другом стихотворении автор говорит: «И прошу у Бога я прощения, Словно в том пожаре виноват...» Как ценна эта вот, почти уже утраченная нами, способность почувствовать свою вину за то, в чем мы не виноваты! Сколь значима для общества способность индивида сопереживать чужим бедам! Да, боль иных потерь не изжить даже с годами, с десятилетиями. Но Я. Шафран с интимной искренностью переживает и чужую боль. Мы живем в мире, где смерть, страдания, притеснения сопровождают род людской постоянно и повсюду. Лирический герой поэзии Шафрана открыт этому яростному миру, духовно отзывчив на все, происходящее на планете:

*Опять пожары, взрывы, взломы,
Аварии, террор, обман,
И следом, этими влекомы,
Разврат, насилие, дурман...*

Всем памятна устроенная террористами авиакатастрофа над Синаем, унесшая жизни наших соотечественников, среди которых были и дети, возвращавшиеся с египетских курортов. Вся страна сопереживала жертвам, их родственникам. Не мог смолчать и Я. Шафран, откликнулся проникновенными строками:

Там, над Синайской пустыней, взорвалось

Красным по желтому сердце мое.

Немного нынче поэтов, чье сердце взрывается болью в ответ на боль других. Но только таких и можно называть поэтами. Я. Шафран сердцем, душой всегда там, где беда, где людям требуется поддержка и защита. С первых дней гражданской войны на Донбассе тульский автор своими строками (как поэтическими, так и прозаическими) поддерживает свободолюбивое «шахтерское племя». Для него эта война — продолжение всех войн, которые вел наш народ за справедливость, за право самому распоряжаться своей судьбой. «Но еще беспокойно душе, словно беды / Еще длятся, и долгая длится война», — пишет автор «Ностальгии». Для него Русский мир — понятие вполне конкретное, близкое духовно, да и биографически близкое. Поэтому так прочувствованно звучат строки, которые могли бы стать девизом и Русской весны, и Новороссии, действующего Союзного государства России и Белоруссии, и будущего гармоничного сосуществования трех братских восточнославянских народов:

*Только вместе, и только ввысь
Русь Великая с Малой и Белой!*

Стоит ли добавлять, что пафос многих стихов Я. Шафрана искренне патриотический? Родившись в Беларуси, сопереживая Украине, он — русский человек: «Мне мила страна родная: / Веси, села, города». И как подлинный сын своей страны, поэт страдает от тех несправедливых обид, которые наносят Родине многочисленные коварные враги:

*Россия, за что на тебя вдруг свалилась
Сплошная немилость? Зачем? Отчего?*

Вопросы, конечно, риторические. Мы знаем, почему и как стремятся сдержать Россию. Знаем и то, каким должен быть русский ответ на попытки сдерживания. Один из вариантов ответа, в частности, дает Я. Шафран своей книгой. Русский путь — это постоянный труд, это творчество. Это развитие. Это приращение смыслов нашего бытия, в том числе и через поэзию. Это любовное, братское отношение к каждому соотечественнику, к народу в целом.

«Моя семья — моя страна. Так чувствую и тем живу я», — пишет Я. Шафран. И когда читаешь это, завидуешь ему. Понимаешь, что, сколь бы ни тяжела была жизнь, автор этих строк по большому счету счастлив. Счастлив, в том числе, и умением любовно относиться к своей малой родине. Много лет живя в Туле, Я. Шафран полюбил наш город, осознал его своим. Непростая судьба у Тулы, непростой у нее характер, ох, непростой. Наверное, могла бы... Да нет: должна была бы она быть внимательнее, добрее к своему гражданину, кующему не металл, а стихи, изощряющемуся не в подковыивании стальной блохи, а в поиске поэтических тропов. Должна бы, но... Впрочем, что уж тут распространяться! Но Я. Н. Шафран, много стихов посвятивший Туле, всякий раз возвращающийся в свой город с особым чувством, не в обиде. Он Тулу любит, он понимает, он жалеет свой город:

*Ему бы выходной,
Расправить свою спинушку,
Но снова день-деньской
Все трудится, старинушка.*

Город-трудяга подчас суров, подчас грубоват. Но, честно говоря, с таким проще, чем с франтом, прячущим за деланной улыбкой равнодушие или даже злобу. С про-

стыми рабочими парнями надежнее, поскольку понятен их дух, виден их стержень, который, может быть, чуть искривлен обстоятельствами, но при случае легко отпрягнется, поскольку скован верно, по замыслу, поскольку «... купола / Церквей прощенья золотом, / Спасая нас от зла, / Горят над нашим городом».

И тут самое время сказать о том, что еще движет пером Я. Шафрана: о вере, о православии.

Естественна и, видимо, необходима в лирике тема Бога, и пути человека к Богу, и обретения религиозного сознания. Давно освоен в отечественной поэзии жанр стихотворной молитвы. Всем прекрасно известны традиции и народных духовных стихов, и научно-религиозного поиска Ломоносова, и религиозно-философского мирозерцания Державина, и обращенных к Создателю строф Пушкина, Лермонтова, Блока. Жива традиция и ныне. Правда, к сожалению, современные авторы, раскрывая свои религиозные переживания, зачастую либо сбиваются на умиленно-восторженный лепет, вторичный и по отношению к молитве, и по отношению к стиху, либо останавливаются на утомительном перечислении религиозных символов, ярких и многозначных самих по себе, но не добавляющих ничего в копилку духовности. У Шафрана иначе. Он не тратит свои строки на описание золотых куполов, березок у храма, колеблющегося светового пятна лампы перед иконой. Все это было бы поверхностно и мелко для означенной темы. Я. Шафран рассматривает духовный импульс своей души так же, как это было присуще нашим предкам со времен Древней Руси: религиозность разлита повсюду, она не является отдельной темой творчества, она одухотворяет собой все. Божественна красота природы, божественны проявления высоких чувств, божественна любовь к родине, и в земной любви, в любви порою грешной, искра Божья присутствует как изначальный импульс. Потому все рассмотренные нами выше особенности творчества Я. Н. Шафрана (как и особенности его личности) исходят из его религиозного сознания, давно укорененного и многократно проверенного перипетиями жизни и творчества. Потому так веришь следующим словам автора, которые можно считать его жизненным девизом:

*Ни дня, ни часа, ни минуты
Без слова, строчки, без мольбы.*

Таких людей, таких поэтов катастрофически не хватает сегодня. Катастрофически не хватает популяризации такого творчества, такого взгляда на жизнь, такого отношения к действительности. Но это уже о нас сегодняшних, о нашем обществе, а не о поэте Я. Шафране. Его стихи останутся прежними, несмотря ни на что. И нам остается пожелать поэту новых творческих свершений, крепости телесной и бодрости духовной. Кредо Я. Н. Шафрана он сам выразил так:

*В каждый стих, рассказ и строчку
Я несу любовь свою...*

Пусть же ему на жизненном пути чаще встречаются люди, способные оценить эту открытость, эту добровольно принятую на себя беззащитность, этот ясный взгляд на мир, это стремление дарить окружающим стихи — красивые слепки души.

*Игорь Карлов,
г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт*

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

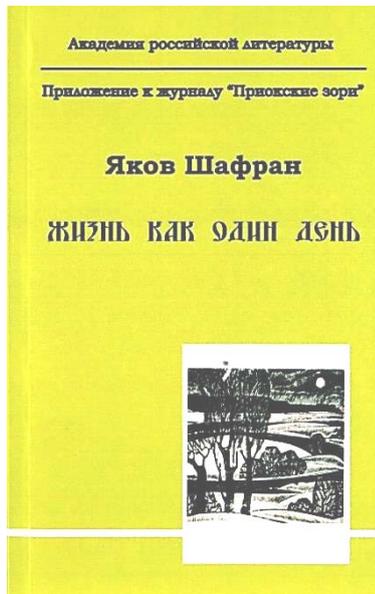
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2018.— № 2 (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина), № 3.
2. *Общеписательская* литературная газета.— 2018.— № 1—8.
3. *Северо-Муйские огни*.— 2018.— № 2(66), 3(67) (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).
4. *Новые Витражи*: Международный литературный журнал (Москва).— 2018.— № 3(9) и № 4(10) (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).
5. *Коломенский альманах*.— 2017.— Вып. 21.— 393 с., ил.
6. *Коломенский альманах*.— 2018.— Вып. 22.— 383 с., ил.
7. *«Интеллигент Магадан»*.— 2017 № 1(4).— 24 с., ил.
8. *Геннадий Маркин*. Дознанием установлено...: Документально-художественная повесть в рассказах.— Тула: Изд-во «Аквариус»; 2018.— 208 с., ил.
9. *Асташкин Е. И.* Ненореченная (рис. авт.).— Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001.— 107 с.
10. *Асташкин Е. И.* Пол-Коли: Рассказы.— Омск: ООО ИПЦ «Сфера», 2007.— 172 с.
11. *Асташкин Е. И.* Ждут меня тополя...— Омск: Амфора, 2018.— 434 с., илл.
12. *Макаров Н. А.* Одною строчкой козыряя. В 3-х кн. Кн. 3.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2018.— 131 с. (Библиотека Совета ветеранов ВЛКСМ Тульской области).
13. *Макаров Н. А.* Интернационалисты земли тульской.— Тула: АО «Первая Образцовая типография». Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2018.— 320 с., ил.
14. *Серебряный голубь России*. Сб. материалов конкурса «Серебряный голубь России 2017».— СПб: Изд-во СПб ООК «Аврора», Библиотека журнала «На русских просторах», 2018.— 536 с. (Опубликованы тульские авторы: Дарья Стаханова и Алексей Яшин).
15. *Сахаров А. А.* Путь к Лермонтову. Исследования, версии, находки...— Коломна: Изд-во «Инлайт», 2014.— 140 с., ил. (Библиотечка «Коломенский книгочей» издания «Коломенский альманах»).
16. *Скоблов Е. М., Карагодина О. Г.* Леонид Ханбеков: Шутки в сторону.— М.: Белый Ветер, 2018.— 80 с. (К 80-летию Почетного президента Академии российской литературы Леонида Васильевича Ханбекова).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Сказки пряничного города*: Сб. произв. молодых авторов / Под ред. А. А. Яшина; составитель О. В. Чмыр.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 170 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Яшин А. А.* Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— Тула: Аквариус, 2017.— 343 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Валерий Демидов*. Один час до Неба (религиозно-философская поэзия). В 2-х тт./ Предисл. А. Яшина.— Тула: «Полиграфинвест», 2017; Т. 1.— 336 с.; Т. 2.— 347 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Яков Шафран*. Ностальгия: стихотворения / Предисл. Е. И. Трещева.— Тула: «Полиграфинвест», 2018.— 272 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *На лирической волне*: Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори». Вып. 2.— Тула: «Полиграфинвест», 2018.— 108 с., ноты (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Алексей Яшин*. Женщина в человеке: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

7. *Николай Лесков*. Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе.— Тула: ООО «Аквариус», 2018.— 60 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Подарочное нумерованное издание, вручаемое лауреатам всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

В серии «Приложение к журналу «Приокские зори» вышла книга:

Николай Макаров. Туляки в «Зимней войне» (1939—1940).— Тула: Изд-во ТулГУ, 2018.— 125 с.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. 280

журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2018-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

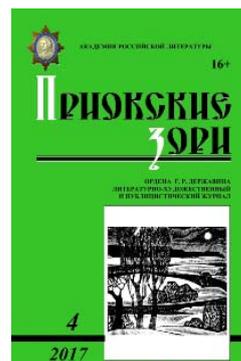
В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Информационное письмо «Приокских зорь» № 5 от 30 мая 2018 года

Уважаемые авторы и читатели «Приокских зорь»!
Начиная с № 2, 2018 «ПЗ», оглавление и обновленную обложку которого мы прилагаем к этому письму, наш журнал уже де-юре выходит под эгидой Союза писателей России и является теперь всероссийским.

*****

Владимир Бояринов

6 июня

Одно из самых эмоциональных стихотворений, посвященных гению русской литературы, так и называется «А. С. Пушкин», и написал его Яков Полонский.

...Это старой няни сказка,
 Это молодости ласка,—
 Огонек в степной глуши...
 Это слезы умиления...
 Это смутное влеченье
 Вечно жаждущей души...

С точки зрения вечности прошел ничтожный срок со дня рождения «поэтического мессии» (Я. П.), и, выходит, все мы — современники Пушкина. И счастлив тот, кто родился 6-го июня.

Иллюстрация: *Н. Репин «Осень в Михайловском»*

**Информационная группа
 Академии РЛ**

*****

6 июня

Журнал «Приокские зори» и его альманахи поздравляют членов Академии и ее друзей с Днем русского языка — Пушкинским днем России и с Днем рождения величайшего русского поэта Александра Сергеевича Пушкина!

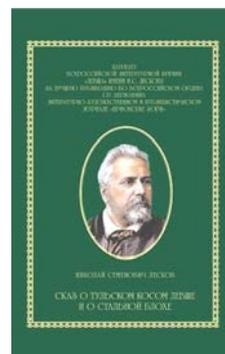
**Информационная группа
 Академии РЛ**

*****

**Сергей Сенин
 10 июня**

Наградная символика всероссийской литературной премии «ЛЕВША» им. Н. С. Лескова (учредители — Академия российской литературы и всероссийский журнал «Приокские зори») пополнилась подарочным нумерованным изданием «Сказа о тульском косом Левше и о стальной блохе» Николая Лескова.

Издание стало возможным благодаря финансовой поддержке генерального директора ООО «Тулгидроспецстрой», Лауреата почетного знака «Тулский меценат» администрации Тулы за большую организаторскую работу и финансовую помощь городу Валерия Ивановича Козьменко.

*Информационная группа
Академии РЛ*

*****

ФЕСТИВАЛЬ «ВИТЕБСКИЙ ЛИСТОПАД». ПРЕСС-РЕЛИЗ

Открытый фестиваль авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад» (до 2016 года — фестиваль-праздник авторской песни) проводится ежегодно с 1987 года и является старейшим фестивалем авторской песни и поэзии, проходящим на закрытой концертной площадке, где выступают авторы-исполнители, поэты и перформеры из Беларуси и стран ближнего и дальнего зарубежья. Фестиваль включает в себя концертную программу; конкурс авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства; мастер-классы, позволяющие участникам конкурса общаться и обмениваться идеями. Сохраняя и пропагандируя историю и традиции Витебской художественной школы, в рамках фестиваля проводятся тематические выставки и инсталляции. Организатор фестиваля — государственное учреждение «Центр культуры «Витебск».

*****

Информационное письмо «Приокских зорь» № 6 от 29 июня 2018 года

Уважаемые читатели и авторы!

Учитывая, что №№ 1 и 2 нашего журнала уже вышли в свет, а содержание №№ 3 и 4 in summa также определено, редакция и редколлегия «Приокских зорь» выдвигает для всеобщего обсуждения, что соответствует статусу премии, кандидатуры номинантов на соискание всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2018-й год, а именно:

— в номинации художественной прозы Федора Ошевнева (г. Ростов-на-Дону) за опубликованные в №№ 1, 2 «ПЗ», 2018 рассказы и за активную творческую работу в развитии жанра «жесточкого реализма»; выпускник Литературного института им. А. М. Горького;

— в номинации поэзии Владимира Корнилова (г. Братск) за опубликованный в № 2 «ПЗ», 2018 цикл стихов «Personlia» («Берег детства») и активное участие во всероссийском литературном процессе; выпускник Литературного института им. А. М. Горького;

— в номинации публицистики и литературной критики Валерия Румянцева (г. Сочи) за опубликованные в № 1 «ПЗ», 2018 материалы «Тиражи и выражи литературных журналов» и «Литературные премии в роли бижутерии», а также за активное участие во всероссийском литературном процессе;

— в номинации литературоведения премия в 2018-м году не присуждается;

— на именную, то есть отличную от традиционных литературных жанров, премию номинируется композитор-песенник Сергей Сенин (г. Тула) за активную популяризацию музыкально-поэтического творчества и за создание музыкально-поэтичес-

кого альманаха «На лирической волне» журнала «Приокские зори» и регионального музыкально-литературного альманаха «Тульская сторонка», выходящего в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» (оба альманаха выходят с периодичностью 2—3 выпуска в год).

Редакция журнала специально оглашает — за полгода до вручения знаков премии — список номинантов с тем, чтобы максимальное число читателей и авторов приняло участие в обсуждении кандидатур. Отзывы просьба слать на адрес редакции: priok.zori@mail.ru Наиболее заслуживающие внимания будут опубликованы в № 4 «ПЗ», 2018 в рубрике «Хроника литературной жизни».

Ознакомиться с выдвигаемыми произведениями, включая альманах «На лирической волне», вы можете на сайте нашего журнала <http://www.pz.tula.ru>

Редакция всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»

*Информационная группа
Академии РЛ*

*****

**Академия российской литературы поздравляет
Владимира Георгиевича Бояринова**

Уважаемый Владимир Георгиевич!

*Примите самые добрые, искренние и сердечные поздравления от
правления Академии российской литературы с Вашим жизненным
ЮБИЛЕЕМ!*

*Этот юбилей, без сомнения, — большое событие в творческой и
литературной жизни столицы. Литераторы — члены Академии —
выражают Вам свою признательность и уважение за тот вклад,
который Вы вносите в развитие современной российской литературы на
посту руководителя Московской городской организации Союза писателей
России.*

*Ваша многолетняя творческая деятельность, многогранный
талант, внимание и чуткое отношение к творчеству современников
снискали Вам огромный авторитет, искреннее уважение российского
писательского сообщества, а книги, изданные в разные годы, широкую
популярность среди читателей.*

*В Академии российской литературы, журналах «Московский
писатель», «Поэзия», «Проза», газетах «Литературная Москва»,
«Московский литератор», «Московия литературная» Вас знают как
истинного патриота России, борца за сохранение и укрепление
русскоязычного культурного пространства, авторитетного
руководителя и активного общественного деятеля.*

*Многогранная деятельность Московской городской организации
Союза писателей России, а значит и ваша работа всемерно содействуют
укреплению в обществе высокой духовности, чувства гордости за свое
Отечество, за историю России.*

*Сердечно желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, дальнейших
творческих достижений и успехов в решении ответственных задач,
стоящих перед МГО Союза писателей России!*

Правление Академии российской литературы

4 июля 2018 г.

*Информационная группа
Академии РЛ*

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Редакция и редколлегия журнала поздравляет известного русского поэта **Анатолия Аврутина** с Юбилеем и желает ему счастья, здоровья и дальнейших творческих достижений!

Редакция и редколлегия журнала поздравляет с Днем рождения руководителя информационного отдела Академии российской литературы и нашего постоянного автора **Евгения Скоблова** и желает ему общественных и творческих успехов!

Дружественную редакцию «Северо-Муйских огней», поздравляем с Юбилеем, с 10-летием со дня начала издания! Наши журналы тесно сотрудничают. Дай Бог так и дальше. Вам дальнейших успехов, расширения авторского и читательского круга, дальнейшего процветания журнала, здоровья, счастья и личных достижений главному редактору и всем членам редакции!

Поздравляем Николая Алексеевича Макарова!

23 февраля 2018 года член Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России, редколлегии журнала «Приокские зори» Макаров Николай Алексеевич в ознаменование 100-летия РККА награжден юбилейной медалью.

А 26 мая 2018 года — в День ветеранов боевых действий Тульской области — Макаров Н. А. за заслуги перед Отечеством на основании решения Центрального правления Российского Союза ветеранов Афганистана и от имени РСВА награжден орденом «За заслуги».

С заслуженной наградой!

Вручение наградных знаков всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2018 год главному редактору журнала «Северо-Муйские огни» **Виталию Яковлевичу Кузнецову.**

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Наш новый литературный партнер — «Коломенский альманах»

На фото: главный редактор Виктор Мельников (справа) и член редколлегии, один из ведущих современных русских поэтов Олег Кочетков — давний автор «Приокских зорь».

Новая книга афганца Николая Макарова

Член Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России, редколлегии журнала «Приокские зори» Н. А. Макаров выпустил книгу (Макаров Николай. Интернационалисты земли тульской.— Тула, 2018.— 320 с., ил.).

Книга о туляках, участвовавших в войнах и военных конфликтах на разных континентах, в том числе и в Испании в 1936—1939 годах, и о тех, с кем встречался и вел беседы автор.

Юрий Цкипури встретился с писателем Николаем Макаровым

4 июля. Глава города Тулы Юрий Цкипури и член Союза писателей России Николай Макаров провели рабочую встречу.

Николай Алексеевич презентовал мэру ряд своих произведений: «Интернационалисты земли Тульской», «Тульские суворовцы» и другие. Автор рассказал о новых наработках и планах по изданию своих работ.

Так, в прошлом году было выпущено 12 книг о прославленных туляках. Николай Макаров занимается серьезными архивными исследованиями, ведет активную патриотическую работу. Он награжден Почетным знаком муниципального образования город Тула «За вклад в развитие города Тулы».

Сайт Тульской городской Думы

О книге Ефима Гаммера «Один — на все четыре родины», удостоенной Бунинской премии

(Журнал «Проблемы филологии и искусствознания» (2016, № 3)
<http://www.yefim-gammer.com/showtopicpressa.php?line=249>

Русская автобиографическая проза последних лет в зеркале литературного конкурса «Бунинская премия»

В произведениях Гаммера, представленных в сборнике «Один — на все четыре родины» (2007), передается дух сразу нескольких периодов развития советской действительности. Читатель видит эволюцию сознания человека от времени Великой Отечественной войны до момента его прощания с Россией-матерью — Родиной. Можно понять, как менялась ментальность многих наших соотечественников (определение вне национальной характеристики), когда гордость за страну сменялась желанием из нее уехать.

Трагедия диссидента, по мнению автора, заключается в том, что он не смог жить на своей земле и вынужден умереть на чужбине. Гаммер, хотя номинально и нашел свою родину, уехав в Израиль, остался там один. Именно тема экзистенциального одиночества в современном мире становится стержневой в книге «Один — на все четыре родины».

Книга Ефима Гаммера «Один — на все четыре родины» состоит из нескольких разножанровых произведений: романа, повестей и нескольких рассказов, сопровождаемых авторскими подзаголовками — жанровыми изысками. Повесть «Крапивное семя» (вошедшая в вышеуказанный сборник) — это нечто иное, в авторской интер-

претации, как «повесть ассоциаций», роман «Один — на все четыре родины» (также из сборника) — это «роман ассоциаций», встречается еще «повесть для непосвященных» и цикл рассказов с авторским жанровым обозначением «смех нашей боли» (Гаммер, 2007).

Правда, авторские изыскания писателя на этом сразу и заканчиваются. И вниманию читателя предстают традиционные повести и рассказы. Вместе с тем именно эта, в хорошем смысле данного слова, жанровая простота и придает прозе Е. Гаммера значимость, делает ее настоящей, честной. А то, что было заявлено в подзаголовках — ассоциативность, проявляется не в понимании прямых аллюзий на советскую действительность, а в явно просматриваемых традициях русской классической литературы в текстах еврейского автора, который, выдвигая свою национальную суть на первый план, в силу своего таланта не смог уйти от интернационального, правильного — общечеловеческого, понимания трагедии неформальности бытия творческой личности в советскую эпоху. Поэтому архетипическая идея «вечного жида», заявленная в заголовке книги, видится скорее политическим шагом в сторону издателей, чем собственно мировоззренческой константой Е. Гаммера.

Ссылка на журнал <http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/322/396>

О НАС ПИШУТ

СОБЫТИЕ | Рубрика: ФОРУМ | Дата: 2018-05-20

http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=3266

Литературно-художественный и публицистический журнал «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ», Тула, 2018 — № 1 <http://www.pz.tula.ru/>

«Колонка главного редактора» номера посвящена 150-летию со дня рождения классика русской и советской литературы Алексея Максимовича Горького и называется «Соцреализм — пробный ход социальной эволюции в литературе». Автор делает в конце статьи основополагающий вывод: «...Пока человечество полностью не перешло в виртуальную фазу своей эволюции <...> реализм был и остается стержневым творческим литературным методом» и предлагает к обсуждению проект манифеста нового русского критического реализма, текст которого публикуется в конце «Колонки».

Юбилею выдающегося русского советского писателя в журнале посвящена основательная работа Евгения Трещева «Предвестник бури», который пишет: «Горький утверждает в своих книгах, что жизнь большинства его современников ужасна и отвратительна, что нужно устроить себе новую и более справедливую жизнь», и что в человеке «есть сила создать то, чего нет в ней!». О роли, которую сыграла Самара в судьбе и творчестве Алексея Максимовича, — интересный очерк Сергея Лебедева «А кто в Самаре не бывал...». Известный тульский краевед, литературовед и некрополист Михаил Майоров посвятил классике свой замечательный материал-исследование о влиянии встреч с жителями тульской земли на его творчество и о важности его бесед с Л. Н. Толстым. Посвятил свои стихи Максиму Горькому и Юрий Мартишин.

В рубрике «Крупный литературный жанр» продолжена публикация интересной повести Игоря Карлова (о ней в отзыве на № 2, 2017) и окончание повести Якова Шафрана «Гришино детство» о влиянии различных факторов семьи и окружающей среды на становление мальчика-подростка.

В «Прозе магического реализма» (определение жанра дано в «Колонке главного редактора» «Словесное золото сельвы: истоки одиночества» (см. «ПЗ» № 4, 2017, стр.

3—14) опубликована интригующая повесть о любви Алексея Яшина «Сватовство на Итаке».

В рубрике «Современный русский рассказ» — замечательный по своей силе воздействия рассказ Федора Ошевнева «Самосуд» о том, что при этой железобетонной сцепке между деньги (читай, власть) имущими и множеством тех, включая и «правоохранителей», кто готов за материальные подачки покрыть и оправдать любое зло, любое преступление, любое издевательство над человеческим достоинством, для защиты реально возможен только самосуд. И прав ли герой рассказа, когда решается на заключительный поступок, судить читателю. Интересно и произведение Игоря Нехамеса «Галапагосский спасатель» о борьбе кубинцев против диктатора Батисты. Как всегда значимы рассказы Евгения Скоблова «Второй звонок», Николая Макарова «Водительские права» (из цикла «Мое советское прошлое») и Олега Каширина с Виктором Федюшкиным «Стоговы» (из архива ФСБ, к 100-летию органов государственной безопасности). Читатель несомненно обратит внимание и на произведения Александра Евсюкова, Андрея Фурсова, Иерея Николая Толстикова, Элины Рудой и Арарата Пашаяна.

«Образы и тропы поэзии» порадовали друзей «Приокских зорь» стихами Анатолия Аврутина. Думается, все они будут солидарны со словами поэта:

*И пусть не меркнут в толще лет,
Средь лжи и смрада,
Свеча-закат, свеча-рассвет,
Свеча-отрада...*

Как всегда кристально искренен Игорь Лукьянов. А эти строки, верно, написаны о себе самом:

*И нынче
В дни глобального разврата
Всяк русский сердцем
Воин и монах...*

Константин Струков, Елизавета Баранова (Весина), Ахмет Ваулин, Ольга Андреева, Николай Еремин, Андрей Линник, Павел Рославский и Александр Тихонов представили на страницах журнала свои новые, у каждого по-своему замечательные стихи.

Рубрика «Публицистика, литературоведение, литературная критика» открывается добротным очерком-исследованием Владимира Чисникова «Приключения агента "Блондинки"», о том, как «Лев Николаевич не давал покоя царской охранке даже после своей смерти». О киноповести Игоря Нехамеса «Бородатые боги», как всегда, основательно пишет Борис Рябухин. В 2017-м году лауреатом премии «Левша» им. Н. С. Лескова в номинации поэзии стал известный поэт Валерий Кулешов. Интервью с ним, предварив его кратким, но глубоким, литературоведческим изучением творчества поэта, взял опытный интервьюер, писатель Геннадий Маркин. Хочется привести знаковые строки Валерия Кулешова, которыми заканчивается интервью:

*Все верно. Снова жизнь — не жизнь,
а так — худой мешок..
Но коли посох цел — держись,
хватив на посошок.
Глядь, камень своротив с души,
нежданно пропоешь:
— Рукой напрасно не маши,
вдруг Ангела вспугнешь.*

В беседе с талантливым поэтом, прозаиком и художником Ефимом Гаммером «Умейте жить и умейте видеть» вопросы задавала Ольга Козэль.

И, наконец, в «Хронике литературной жизни» материалы авторов и об авторах: Людмила Авдеева, Геннадий Авдеев, Елена Аверьянова, Николай Боев, Николай Иванов, Ольга Карагодина, Ирина Кедрова, Геннадий Маркин, Валерий Маслов, Алексей Молодцов, Игорь Нехамес, Владимир Резцов, Валерий Румянцев, Сергей Сенин, Евгений Скоблов, Иван Стариков, Леонид Ханбеков, Валерий Ходулин, Яков Шафран, Алексей Яшин.

ПРОДОЛЖАТЬ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На очередную встречу с московским ЛИТО «Вдохновение» собралось немало зрителей, несмотря на период летних отпусков. В программе традиционных ежемесячных встреч — презентация книги стихов Якова Шафрана «Ностальгия» и книги четверостиший-рубай «Поиск истины» Людмилы Авдеевой, обсуждение материалов журнала «Приокские зори» (№ 1, 2018 г.), знакомство с произведениями тульского музыкально-литературного альманаха «На лирической волне», выступления поэтов и прозаиков студии.

В первой части встречи ведущая, руководитель ЛИТО, член Союза писателей России Людмила Евгеньевна Авдеева представила книгу стихов известного тульского поэта и прозаика Якова Шафрана «Ностальгия». Она отметила, что это 8-ая книга автора, в которую вошли стихи разных лет широкой тематики. В сборнике более 20-ти тематических разделов, среди которых пейзажная, любовная, духовная, гражданская, военная, патриотическая лирика, стихи для детей и о детях, посвящения. «Сердце поэта,— сказала Л. Авдеева — откликается на радости и печали, признается в искренней любви к малой родине и братьям меньшим, страдает и радуется так, что читатели обязательно найдут строки, созвучные их чувствам и мыслям». Она познакомила собравшихся с общественной и издательской деятельностью автора, а Т. Штатных, член ЛИТО «Вдохновение» и студии художественного слова, прочитала несколько стихов Я. Шафрана из новой книги, которые тепло были встречены зрителями.

Новую книгу Людмилы Авдеевой «Поиск истины» представила канд. филолог. наук Л. Генералова. «Я была уверена, что хорошо знаю творчество Людмилы Авдеевой, автора более 40 книг, среди которых многожанровая поэзия, малая проза, документальные рассказы, публицистика, переводы, стихи для детей, научные статьи, но в новой книге раскрывается еще одна грань ее творчества. Почти 500 четверостиший — рубай, требующих динамичности выражения, зримой образности, настолько актуальны, так точно отражают все оттенки бытия, раскрывают нравственно-духовный смысл вечных истин, имеют глубокое философское звучание и при этом легко запоминаются». Высокую оценку книге дала и канд. психолог. наук М. Архипова, напомнившая, что рубай сложный жанр восточной поэзии, известный всему миру по творчеству Омара Хайяма, и четверостишия российской поэтессы, имеющие общечеловеческое гуманитарное звучание, вносят заметный вклад в международный

культурный диалог. Было отмечено и интересное оформление книги цветными персидскими миниатюрами, что, несомненно, так же привлекло внимание читателей, которые пожелали прочитать со сцены наиболее понравившееся.

Преподаватель музыки Г. Назарова представила музыкально-литературный альманах «На лирической волне». «Отрадно, что жив жанр романса с его духовностью, чистотой чувств. Думаю, что некоторые стихи из поэтической рубрики альманаха тоже могут стать хорошими песнями и романсами»,— отметила она, добавив, что неплохо бы к изданию выпускать диски, что дало бы возможность услышать и оценить произведение. Назарова наиграла несколько мелодий из сборника, который был передан самодеятельному коллективу хора ветеранов «Верные друзья».

Вторая часть встречи оказалась весьма оживленной, Л. Авдеева, сделав общий обзор «ПЗ» № 1 за 2018 г., познакомив с колонкой главного редактора А. Яшина и материалами, посвященными 150-летию классика русской и советской литературы М. Горького, прежде чем перейти к обзору прозы и поэзии, дала возможность высказаться всем, кого не оставили равнодушными дискуссионные материалы журнала. В разделе «Хроника литературной жизни» опубликованы отклики членов редколлегии, авторов и читателей на статью И. Старикова в журнале «Знамя», в которой немало нелицеприятных слов о публикациях в «ПЗ», безосновательное обвинение в провинциальности. Выступившие на встрече студийцы, члены СПР Н. Кругликова, А. Маркович, И. Антонова и другие категорически не согласились с обвинениями критика, отметив, что «ПЗ» — журнал, который вырос из регионального и стал крупным литературным журналом международного звучания, получил признание и в России, и за рубежом. На его страницах с удовольствием публикуются авторы со всего мира, и читатели дают публикациям в основном положительную оценку. Было отмечено, что оскорбительные нападки, огульная, некорректная критика недопустима, и, возможно, на нее не надо и отвечать. Как говорят на Востоке, «собака лает, караван идет». При этом было замечено, что авторы нуждаются в профессиональной, аргументированной, умной критике, в которой есть рациональное зерно, дающее возможность пишущему делать выводы, совершенствовать свое творчество. Да и читателям нужна объективная информация о новых изданиях и современных авторах.

Дискуссия стала неожиданно бурной, когда зрительница, экономист Н. Степанова, взяв слово, сказала, что «простые читатели хотят знать, что происходит на просторах русской словесности. Мы видим изобилие книг на прилавках, но нам, поколению, воспитанному на классической литературе, нечего выбрать для чтения. Возьмешь книгу, там портреты автора, списки его званий, премий, восторженные предисловия, а с первых страниц понимаешь, что это бездарность, да к тому же безграмотная, и особенно в поэзии. Она подчеркнула, что «основной судья все-таки читатель, который не настолько глуп, чтобы не почувствовать поэтический суррогат, обычное ремесленничество, неприкрытое графоманство». Ее поддержала библиотекарь Р. Самсонова, сообщив, что по данным журнала «Библиотекарь» сегодня Пушкин и Гоголь по востребованности у читателей почти на сороковом месте, а на первом Донцова. «Откровенно слабые материалы, не выдерживающие никакой критики, поток посредственной серой прозы и псевдопоэзии можно найти в любом журнальном издании, в авторских книгах и многочисленных коллективных сборниках»,— отметила сотрудница библиотеки. Ведущая Л. Е. Авдеева попыталась разъяснить ситуацию, сложившуюся в современном литературном мире, напомнив, что упразднены художественные советы издательств, практически не имеющих государственной поддержки, как и большинство журналов, среди которых и «ПЗ». По всей стране закрываются книжные магазины и библиотеки, нет, как ранее, масштабных литературных дискуссий, встреч, вечеров на ТВ. Сегодня пишущие получили возможность издаваться за свой счет, чем и объясняется такой поток посредственных книг. «Талантливому писателю, не имеющему торговой жилки, способностей искать спонсоров, вписаться в рыночную экономику сложно. Поэтому многие действительно способные, одаренные люди

пишут «в стол», а графоманы с тугим кошельком издаются постоянно, да и многие журналы, альманахи и коллективные сборники безответственно принимают к печати то, что откровенно бездарно, но оплачено», — отметила Л. Авдеева, подчеркнув, что «ПЗ» тот редкий журнал, который публикует авторов бесплатно. Член ЛИТО, юрист по образованию, поэт-бард В. Медведев был откровенен. «Мы все, кто занят литературным творчеством, знаем конкретных людей, которые сами признаются, что пишут, чтобы потешить свое самолюбие среди родных и знакомых, и для удовлетворения тщеславия готовы платить за публикации, за хвалебные рецензии. Обычные рифмачи дают возможность неплохо кормиться издателям и составителям и создают ложную известность себе, когда на обложках своих художественных книжонок выставляют списки своих комариных наград, членств в академиях, имея при этом образование не выше кулинарного техникума». «Эта трагедия современной литературы, — поддержал его член Академии поэзии В. Леонов. Зная бюрократическую литературную кухню, многие действительно интересные талантливые писатели не стремятся в члены СПР. А если говорить о премиях, то их число действительно, как отмечено «ПЗ», заклинивает, а награды, использующие имена великих писателей, гениальных поэтов, превращаются в бижутерию». Недостатки современного литературного процесса отметили не только студии «Вдохновения», но и ЛИТО «Лира», «Русич», «Орбита», «Радуга» и др., указав, что нормой, обычным явлением стали публикации платежеспособных, а не талантливых. Даже литературные конкурсы проходят на платной основе. Среди руководителей литобъединений немало тех, кому самим требуется литературная учеба. Многочисленные сайты прозы и поэзии похожи на братские могилы, найти там что-то стоящее внимания серьезного читателя весьма сложно. Да и среди тех, кого в своем кругу называют современными классиками, немало «свадебных генералов», чьи имена ничего не говорят простому читателю. Единым было мнение, что необходима честная цензура, умеющая отделять зерна от плевел, и безусловное внимание государства к издательскому процессу.

Затем прошло запланированное обсуждение прозы и поэзии «ПЗ».

Из прозы к чтению была рекомендована повесть Я. Шафрана «Гришкино детство», в которой интересный материал становления личности ребенка, подростка дан на фоне истории страны, ярко выписаны характеры людей, среди которых формировалась личность мальчика, показана сила памяти детства. Тем, кого привлекает интеллектуальное чтение, требующее стать соавтором писателя в его размышлениях, Л. Авдеева, как литературовед, порекомендовала повесть А. Яшина «Сватовство на Итаке», жанр которой автором определен как магический реализм, восходящий к античности. Она подчеркнула, что это своеобразный философский этюд, захватывающий своими глубокими неординарными рассуждениями о всесии мечты, загадках любви, хитроплетениях сна, человеческой исторической памяти, понятиях истины, веры и безверия, о суевериях, о душе и плоти.

Обзор других прозаических произведений «ПЗ» сделал актер кино, член ЛИТО Е. Кузнецов, автор романа «Апрель в Крыму», отметив, что до уровня творчества главного редактора многим авторам далеко, но проза журнала, в основном, проходящая, качественная, по-своему интересная для ежедневного чтения. Из опубликованного он выделил повесть военнослужащего, участника боевых действий Ф. Ошевнева «Самосуд», которая держит читателя в напряжении. Произведение, написанное в духе жесткого реализма, повествует о драматической истории семьи офицера, вступившего в схватку с новым русским владельцем фирмы, сынок которого чуть не довел до самоубийства свою одноклассницу — дочь боевого капитана, который решается на непоправимый шаг. Кузнецов также отметил рассказы А. Пашаяна, автобиографические, проникнутые грустью зарисовки, воспоминания, не оставляющие равнодушными, и интересный документальный коллективный труд О. Каширина и В. Федюшкина «Стоговы», представляющий реконструкцию событий вековой давности, судьбу семьи генерала царской армии.

Преподаватель русского языка и литературы с сорокалетним стажем И. Толчинская отметила, что из десятка поэтов, опубликованных в «ПЗ», ее привлекло творчество далеко не всех. К настоящей поэзии она отнесла подборку новых стихов А. Аврутина, творчество которого глубоко по содержанию и профессионально выверено, поэзию И. Лукьянова, которому удаются как стихи социального звучания, так и тонкая пейзажная лирика, сонеты А. Линника из Харькова, овладевшего лаконичной и гармоничной формой поэзии, и цикл четких, проникновенных стихов А. Тихонова, поэта из Омска. В тоже время она выступила с критикой подборки стихов О. Андреевой — инженера-строителя, отметив, что интересные мысли из-за корявого, лексически неряшливого изложения, неточных, весьма приблизительных рифм, безграмотных фраз и прочих несуразностей вызывают неприятие читателя (автор рифмует «виадук-звезду, летим-пути, счета-хрущевки» и допускает безграмотные фразы, вроде «Не иду **в поводу** у тревоги» вместо «на поводу», «Во что ты проливаешь слезы», вместо «о чем»). Так же она обратила внимание на публикацию двух коротких стихотворений строителя И. Рославского, который ухитрился в двух четверостишиях повторить не только две одни и те же строки, но и использовал одни и те же глагольные рифмы: отмахнуться — промахнуться-коснуться. «Трудно поверить, что автор только это прислал в отдел поэзии и, следовательно, отобрано было лучшее из худшего. Такое снисходительное отношение к публикациям приносит только вред авторам, убеждая их, что они уже состоялись, как поэты», — резюмировала рецензент. Собравшиеся в зале поддержали мнение педагога-лингвиста, что молчать о явных недочетах, о слабых произведениях не стоит. Тем более, «ПЗ» не должен ронять свое высокое звание журнала, награжденного орденом Г. Державина, М. Ломоносова, Н. Некрасова, и строже подходить к выбору произведений, чтобы не появлялось статей, подобных опубликованной в «Знамени». Да и сами авторы должны критически относиться к своему творчеству, продолжать традиции великой русской литературы, не подрывать ее нравственные основы, помнить, что литература — это мудрый учитель и добрый собеседник, и именно такую литературу ждет читатель.

Заключительным этапом затянувшейся встречи стали выступления членов ЛИТО «Вдохновение». Поэты и прозаики представили свои новые произведения, которые войдут в 21-ый коллективный сборник ЛИТО «Душа — особая планета». Затем состоялось традиционное чаепитие, на котором авторы и читатели еще долго продолжали обмениваться мнениями.

*Людмила Авдеева, член редколлегии «ПЗ»,
руководитель ЛИТО «Вдохновение», член СПР*

НАМ ПИШУТ

Русская Америка

Русская Америка... А много ли мы знаем о том истинном, историческом вкладе России в строительство государства, именуемого на данный момент Соединенными Штатами Америки... Стоянки поморов до рождения Христофора Колумба...

Помощь Великой державы Российской в обретении независимости Соединенных Штатов...

Несметные богатства исконно Русской земли Аляски и т.д. Есть еще более удивительные факты... Вот как описывает увиденное в Америке известный советский и

американский литературовед Дмитрий Михайлович Урнов в своем произведении / воспоминании «ПРЕДАНИЯ РУССКОГО СЕМЕЙСТВА» ...Прочитую дословно:

«...Вообще, когда мы с нашими рысаками попали в Соединенные Штаты, первым впечатлением было — как много здесь русских и всего русского! Самолеты Сикорского в небе Америки, мосты Тимошенко над Гудзоном, телевидение Зворыкина, генетика Добржанского, физика Гамова, социология Сорокина, экономика Леонтьева, история Рязановского и Вернадского, племянника В. И. Вернадского, музыка... ну, о музыке или балете, а также о театральном искусстве и говорить нечего: очень многое здесь в основе своей наше. «Мою жизнь в искусстве», выпущенную бостонской издательской фирмой, американские актеры выучили наизусть как учебник. К. С. Станиславский ведь и писал эту книгу там, в Америке, в то время, когда и для него существовала проблема выбора — где жить и продолжать свою деятельность. Голливудские мастера учились у артиста той же русской сценической школы — у Михаила Александровича Чехова, племянника Чехова, развитие американского, как и мирового балета, определялось воздействием наших традиций...»

О как...

Как-то почаще нам надо заглядывать в историю... Глядишь, и проблем нынешних будет поменьше...

*С уважением,
Шапмаков Николай Федорович*

Уважаемый Алексей Афанасьевич, здравствуйте! Спасибо огромное, сердечное за присланные Ваши замечательные журналы с нашими с Евгением Асташкиным публикациями! Конечно, мы напишем отзыв на рассказы Федора Михайловича Ошевнева, тем более, что он наш постоянный автор нашего журнала «Иртышъ-Омь», электронную версию свежего номера которого мы Вам посылаем — в нем снова есть и рассказ Федора Ошевнева. Меня поразила своей потрясающей глубиной Ваша повесть «Сокровища смиренных». Спасибо Вам огромное за ее публикацию!

*С глубоким уважением и сердечностью,
автор Вашего журнала,
гл. редактор журнала «Иртышъ-Омь»
и альманаха «Тарские ворота»
Игорь Владимирович Егоров*

Уважаемый Алексей Афанасьевич, доброго Вам дня! Благодарим за статью про Толстого. Прочитали, перечитали, поговорили... Все это свежо, глубоко, порой неожиданно, а главное — все равно про нас, про нашу сегодняшнюю жизнь. И все там правда. И потому больно, но и хорошо, что есть еще Люди.

А когда про кота читали — хохотали. Но теперь-то не будет им поступлений без труда. Пенсионная реформа — очередное наступление на «маленького человека», и подготавливали ее такие вот корреспондентки.

А так хорошо повторить за Вами: «Они нам не господа».

*Сестры Артемовы
(Курская область)*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом);
2) имя и фамилию автора (шрифт размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

4) ниже под фотографией шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

5) для стихотворений заголовки (названия) выравнивать по центру, шрифт — полужирный. Сам текст выравнивать по ширине с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный.

6) общий объем представленного материала — не более 5 стандартных страниц формата А4 (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал — единичный). Для поэз объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

2. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле и в файле с фотографией. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом); Размер фотографии — 4×5 см.

2) имя и фамилию автора (шрифт размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт: размер 16 — полужирный.

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора — выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5. Поля страницы — слева 2 см, справа 2 см. Таких параметров абзаца и страницы — шрифтом обычным придерживаться и далее.

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии, представленной и отдельно.

1. Фотографию выслать отдельным файлом (кроме той, что помещена рядом с текстом).

2. Пропорции должны быть в соотношении 5:4.

3. Фотография по пояс, изображение лица занимает не менее 30 % площади рисунка.

4. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

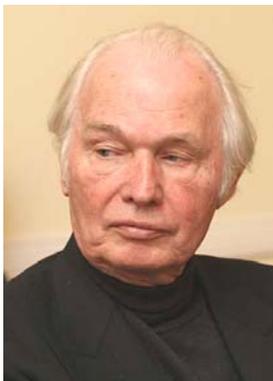
5. Фотография должна быть резкая, выполненная с хорошим разрешением, фотоаппаратом не менее 5 МПс.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадии Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

НАШИ УТРАТЫ

**8 июля 2018 года на 85-м году жизни ушел из жизни
ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГАНИЧЕВ**

Валерий Николаевич Ганичев родился 3 августа 1933 года в поселке при станции Пестово Ленинградской области (ныне Новгородская область). До Великой Отечественной войны жил в Омской области. Окончил среднюю школу в Полтавской области. В 1956 году окончил Историко-филологический факультет Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Доктор исторических наук. Работал заместителем Главы Всемирного Русского Народного Собора, заместителем председателя Комитета в защиту отечественной культуры, сопредседателем фонда «Русская национальная школа». С 1960 года занимался комсомольской и журналистской работой: с 1968 по 1978 год являлся заместителем главного редактора журнала «Молодая гвардия», с 1968 по 1978 год — директор издательства «Молодая гвардия». С 1978 по 1980 год — главный редактор газеты Комсомольская правда». С 1981 года по 2001 год — главный редактор журнала «Роман-газета». С 1998 года — главный редактор журнала «Роман-журнал. XXI век». С 1994 года до февраля 2018 года — председатель Правления Союза писателей России. В 2001 году он успешно способствовал канонизации адмирала Федора Ушакова. Автор известных историко-литературных книг «Росс непобедимый: исторические повествования» (М., 1990), «Ушаков» (М., 1990, в серии «ЖЗЛ») и других книг. Долгие годы Валерий Николаевич Ганичев был членом редколлегии нашего журнала «Приокские зори» и его автором.

Валерий Ганичев за долгие годы служения Родине и русской литературе удостоен множества наград: ордена Почета, ордена Трудового Красного Знамени, двух орденов «Знак Почета», медали «Ветеран труда», медали «За укрепление боевого содружества». Валерий Николаевич являлся Заслуженным работником культуры РСФСР, лауреатом премии Ленинского комсомола (1978), Большой литературной премии России СПР (2003) — за романы «Адмирал Ушаков», «Росс непобедимый», повесть «Дорожник» и многих других.

Мы будем помнить писателя-патриота Валерия Николаевича Ганичева как литературного творца, создавшего крупные, значимые для России произведения. В книге «Россию надо заслужить» — историко-литературном исследовании жизни и творчества Валерия Ганичева, Олег Дорогань отмечает необычайную силу духа лидера писателей России и даже провидческий дар: «И когда Валерию Николаевичу говорят: все — наступает конец Русской цивилизации, она, как Атлантида, уходит под воду, он убежден: у нас есть свой Китеж, свой Град Небесный, свой Край Заветный. ...Каждое слово его лучится верой, светится спокойной Божественной силой. Он прозревает, в каждом своем выступлении он видится мне пророком с посохом веры. С незримым — как само его провидчество — посохом. Он прозревает Новую Россию».

Выражаем глубокое соболезнование родным и близким Валерия Николаевича.

**С прискорбием сообщаем, что 2 августа ушел из жизни
видный российский писатель и общественный деятель
ИГОРЬ МАВРОВИЧ НЕХАМЕС**

Игорь Маврович Нехамес — российский прозаик, журналист, публицист, юрист, кандидат исторических наук, Президент Академии российской литературы, действительный член Академии гуманитарных наук, Академии литературной документалистики, Академии русской словесности, член Русского географического общества, член МГО Союза писателей России, член Союза журналистов России и Москвы.

И. М. Нехамес родился в 1955 г. Он в 1990—1993 гг. работал гл. редактором газеты «Голос Магнитогорской молодежи», затем уже в Москве — гендиректором ЗАО «Издательский дом "Вся жизнь"», гл. редактором газеты «Вся жизнь: спорт в СВАО». Является автором многих книг, постоянным автором «Приокских зорь», его произведения печатались в многочисленных газетах и журналах. Лауреат литературных премий имени П. Л. Проскурина, им. А. А. Фадеева, им. К. М. Симонова, лауреат литературного агентства «Московский Парнас», дважды лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, лауреат Международной премии им. Эрнеста Хемингуэя.

Игорь Маврович Нехамес был членом редколлегии и большим другом нашего журнала «Приокские зори», внес большой вклад в его работу и развитие.

Члены редакции и редколлегии «Приокских зорь» глубоко скорбят о его преждевременной кончине и выражают соболезнование и искреннее сопереживание родным и близким Игоря Мавровича. Память о нем навсегда останется в наших сердцах.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.09.2018
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО
ПРИТЯЖЕНИЕ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ**
Из собрания Тульского областного художественного музея

Ясная Поляна. Дом Волконских. 1963 г. Картон, масло. 32×48

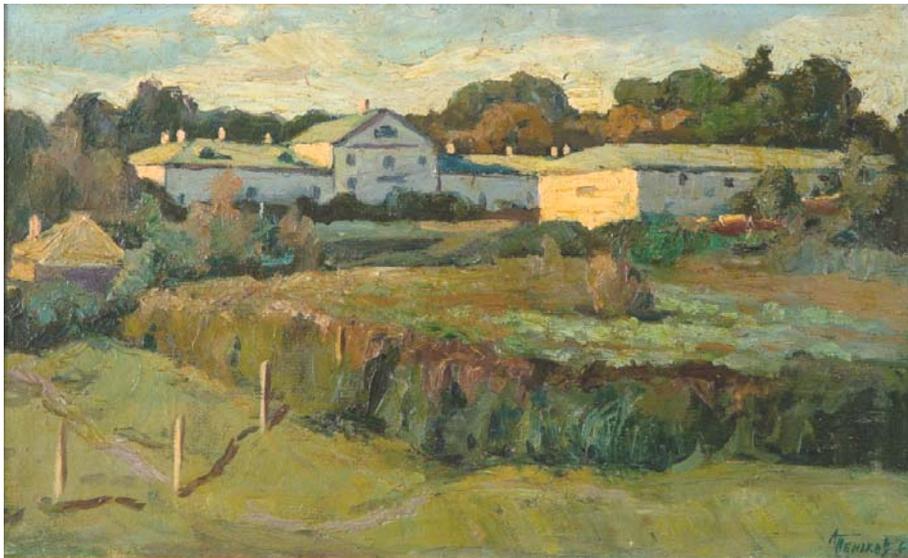
Дом Л. Н. Толстого. 1956 г. Картон, масло. 26×37

*Крылов П. Н. (1902—1990),
Народный художник СССР, Почетный гражданин города-героя Тулы*

**К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО
ПРИТЯЖЕНИЕ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ
Из собрания Тульского областного художественного музея**

Ширенков С. В. (род. 1937). Кочаковская церковь. 1997 г. Холст, масло. 50×70

*Пеньков А. И. (1905—1995), Заслуженный художник РСФСР
Ясная Поляна. 1967 г. Холст, масло. 65×71*